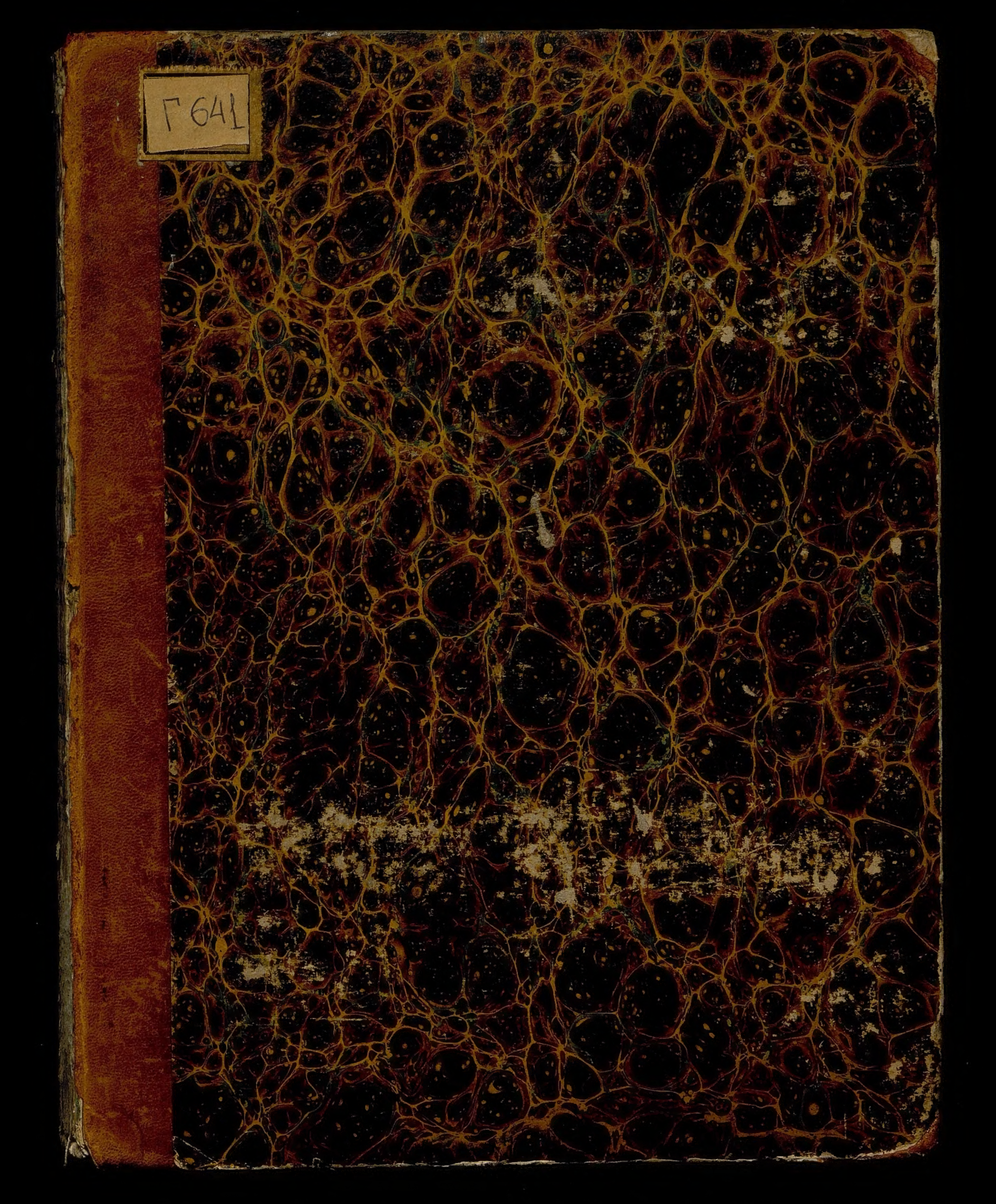
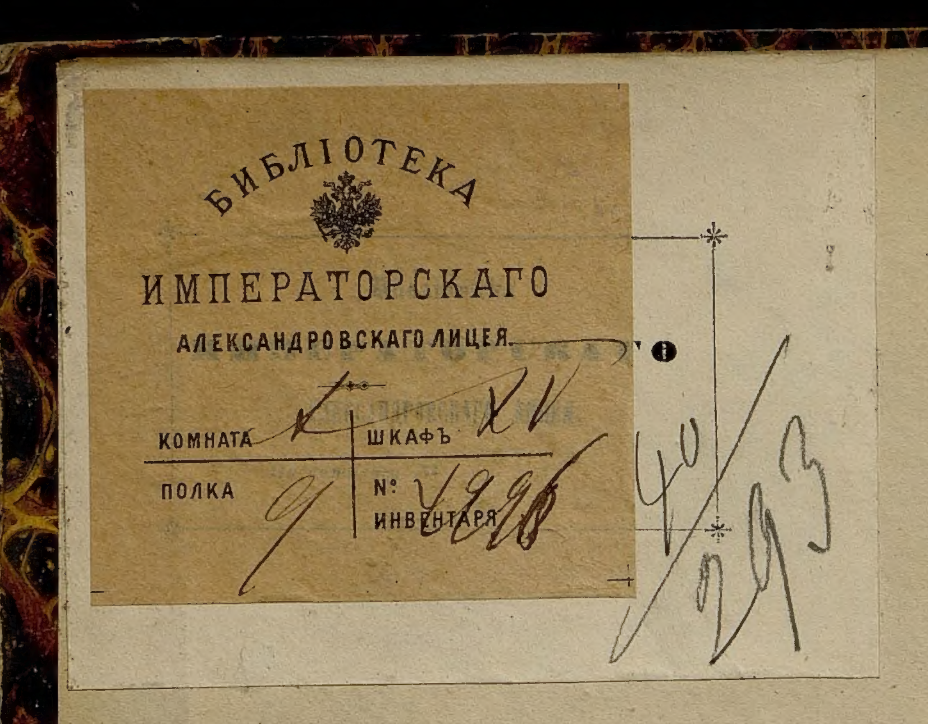


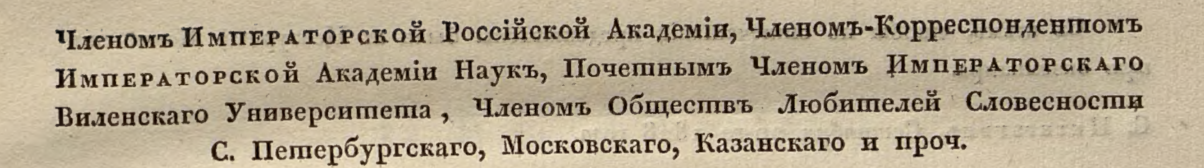

БИБЛІОТЕКА
ИМПЕРАТОРСКАГО
АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ.
КОМНАТА
ШКАФЪ
ПОЛКА
№ ИНВЕНТАРЯ

И Л І А Д А.

ИЛІАДА
ГОМЕРА,

ПЕРЕВЕДЕННАЯ

Н. ГНѢДИЧЕМЪ



Членомъ Императорской Россійской Академіи, Членомъ-Корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ, Почетнымъ Членомъ Императорскаго Виленскаго Университета, Членомъ Обществъ Любителей Словесности С. Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго и проч.

Ὅμηρος δὲ παντὶ παιδὶ καὶ ἀνδρὶ καὶ γέροντι, τοσοῦτον ἀφ' αὑτοῦ δίδωσ, ὅσον ἕκαστος δύναται λαβεῖν. Гомеръ каждому, и юношѣ и мужу и старцу, столько даетъ, сколько кто можетъ взять.

Δίων. Χρυσόστ. περὶ Λόγου ἀσκήσεως.

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатано въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.
1829.

88

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

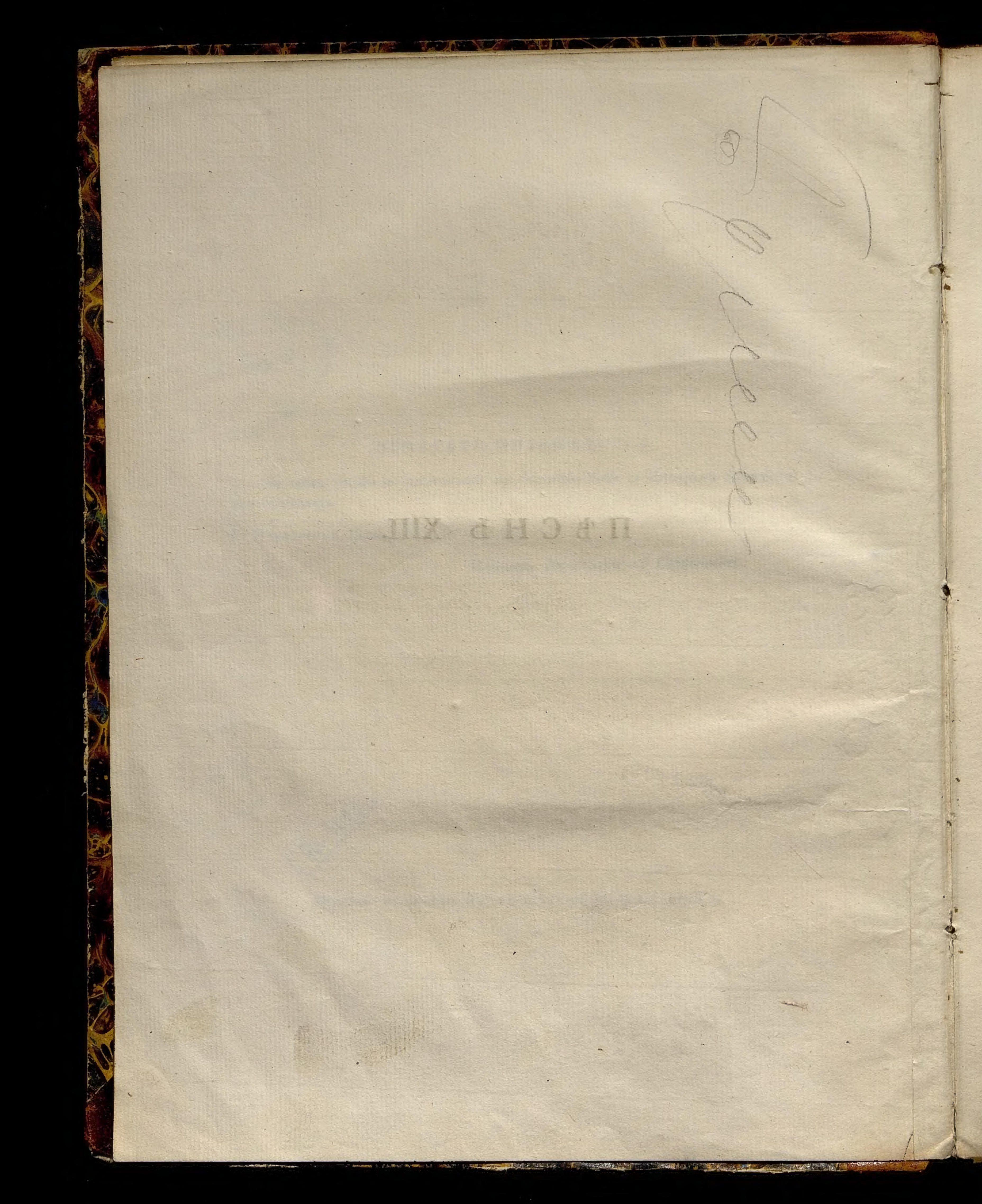
Съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра.

С. Петербургъ, Сентября 29-го 1828 года.

Цензоръ *Константинъ Сербиновичъ.*

Печатано иждивеніемъ Императорской Россійской Академіи.

ПѢСНЬ XIII.



СОДЕРЖАНІЕ.

Зевсъ, даровавъ торжество Троянамъ надъ Ахеянами, приведши ихъ въ самый станъ враговъ, отвращаетъ взоры свои отъ брани и отъ Трои, ст. 5 — 10. Посидонъ, сострадающій объ Ахеянахъ, симъ пользуется, возстаетъ, чтобы одушевить ихъ, и на коняхъ своихъ ѣдетъ къ Трои, 11 — 42; принявъ видъ Калхаса, онъ возбуждаетъ къ защитѣ кораблей сперва Аяксовъ, потомъ другихъ вождей и наполняетъ ихъ новою силою, 43 — 124. Ахеяне собираются около Аяксовъ, строятся фалангами, непоколебимо встрѣчаютъ нападающаго Гектора и отражаютъ его, 125 — 149. Гекторъ, убѣдивъ Троянъ, продолжаетъ сражаться; многіе герои убиты съ обѣихъ сторонъ, 150—205. Посидонъ, за убійство внука своего раздраженный, въ образѣ Ѳоаса, возбуждаетъ къ битвѣ Идоменея, 206—239. Идоменей, вооружася и взявъ съ собою Меріона, выходитъ на бой противу лѣвой стороны, гдѣ утѣснены Ахейцы, 240 — 329. Здѣсь возжигается жестокій бой: Зевсъ благопріятствуетъ Троянамъ, Посидонъ Ахеянамъ, между которыми Идоменей болѣе всѣхъ въ продолженіе битвы сей отличается доблестію и подвигами, 330—362. Онъ поражаетъ Оѳріонея, Азія, Алкаѳоя и угрожаетъ Деиѳобу; потомъ съ Меріономъ, Антилохомъ и Менелаемъ успѣшно сражается противу Энея, Деиѳоба, Гелена и Париса, 363 — 672. Между тѣмъ Гектора, который сражался тамъ гдѣ и прежде, Аяксы, соединяся оба, и другіе при нихъ воинства, одолѣваютъ до того, что Трояне готовы отступить, 673 — 724. Но Гекторъ, ободренный Полидамасомъ, собираетъ храбрѣйшихъ и жестоко нападаетъ на Ахеянъ, 725 — 807; Аяксъ великій сопротивляется, вызываетъ его, возбуждаетъ новый бой, и оба воинства одушевляютъ себя ужаснымъ взаимнымъ крикомъ, 808—836.

ПѢСНЬ XIII.

Зевсъ и Троянъ и Гектора къ стану Ахеянъ приблизивъ,
Ихъ предъ судами оставилъ, бѣды и труды боевые
Несть безпрерывно; а самъ отвратилъ свѣтозарныя очи
Вдаль, созерцающій землю Ѳракіянъ, наѣздниковъ конныхъ,
Мизянъ, бойцовъ рукопашныхъ, и дивныхъ мужей Гиппомолговъ,
Бѣдныхъ, питавшихся только млекомъ, справедливѣйшихъ смертныхъ.
Болѣе онъ къ Иліону очей не склонялъ свѣтозарныхъ;
Ибо не чаялъ уже, чтобы кто изъ боговъ Олимпійскихъ
Вышелъ еще поборать Иліонянамъ, или Данаямъ.

Но соглядалъ не напрасно и мощный Земли колебатель.
Самъ онъ сидѣлъ, созерцая войну и кровавую битву
Съ горныхъ вершинъ, съ высочайшей стремнины лѣсистаго Сама
Въ Ѳракіи горной: оттолѣ великая видѣлась Ида,
Видѣлась Троя Пріама и станъ корабельный Ахеянъ.
Тамъ онъ, изъ моря изшедшій, сидѣлъ, сострадалъ объ Ахейцахъ,
Силой Троянъ укрощенныхъ, и страшно роптalъ на Зевеса. —
Вдругъ, негодуя возсталъ, и съ утесной горы устремился,
Быстро ступая впередъ: задрожали дубравы и горы

Вкругъ подъ стопами священными въ гнѣвѣ идущаго бога. —
Трижды ступилъ Посидонъ, и въ четвертой достигнулъ предѣла,
Эги; тамъ Посидона въ заливѣ глубокомъ обитель,
Домъ золотой, лучезарно сіяющій, вѣчно нетлѣнный.
Тамъ онъ, притекшій, запрягъ въ колесницу коней мѣдноногихъ,
Бурно летающихъ, гривы волнующихъ вкругъ золотыя.
Золотомъ самъ онъ одѣялся, въ руку десную прекрасный
Бичъ захватилъ золотой, и на свѣтлую сталъ колесницу;
Коней погналъ по волнамъ; и взыграли страшилища бездны,
Вкругъ изъ пучинъ заскакали киты, узнавая владыку;
Радуясь море, подъ нимъ разстилалось; а гордые кони
Бурно летѣли, зыбей не касаяся мѣдною осью;
Къ стану Ахейскому мчалися быстроскакучіе кони.

Есть пещера обширная въ безднѣ пучинной залива,
Межъ Тенедоса и дикоутеснаго острова Имбра.
Тамъ коней удержалъ колебатель земли Посидаонъ;
Тамъ отрѣшивъ отъ ярма, амврозической бросилъ имъ пищи
Въ кормъ, и на бурныя ноги накинулъ имъ путы златыя,
Несокрушимыя цѣпи, да тамъ бы они неподвижно
Ждали владыку; а самъ устремился къ дружинамъ Ахейскимъ.

Рати Троянскія, всей ихъ громадой, какъ пламень, какъ буря,
Гектору въ слѣдъ, съ несмиримой горячностью къ бою летѣли
Съ шумомъ, съ крикомъ неистовымъ: взять корабли у Данаевъ
Гордо мечтали, и всѣхъ истребить передъ ними Данаевъ.
Но Посидонъ земледержецъ, могучій земли колебатель,
Духъ Аргивянъ возвышалъ, изъ глубокаго моря изшедшій.

Онъ, уподобяся Калхасу видомъ и голосомъ сильнымъ,
Первымъ вѣщалъ Аяксамъ, пылавшимъ и собственнымъ сердцемъ:
„Вы, воеводы Аяксы, одни вы спасете Ахеянъ,
„Мужество помня свое, и не мысля о бѣгствѣ бездушномъ.
„Въ мѣстѣ другомъ не страшился бы рукъ я Троянъ необорныхъ,
„Кои въ Ахейскую крѣпкую стѣну ворвались толпою:
„Ихъ остановятъ вездѣ мѣднолатныя рати Ахеянъ.
„Здѣсь лишь, безмѣрно страшусь, пострадать не избѣжно мы можемъ;
„Здѣсь разъяренный, какъ пламень стремительный, Гекторъ предводитъ,
„Гекторъ, себя величающій сыномъ всемощнаго Зевса!
„О, да и вамъ небожитель положитъ рѣшительность въ сердце,
„Крѣпко стоять и самимъ, и другихъ ободрить устрашенныхъ!
„Гектора, какъ онъ ни буренъ, отъ нашихъ судовъ мореходныхъ
„Вы отразите, хотя бъ устремлялъ его самъ Громовержецъ!

Рекъ, и жезломъ Земледержецъ, могучій земли колебатель,
Ихъ обоихъ прикоснулся, и страшною силой исполнилъ;
Члены ихъ легкими сдѣлалъ, и ноги и мощныя руки.
Самъ же, какъ ястребъ, ловецъ быстрокрылый, на ловъ улетаетъ,
Если съ утеса крутаго, высокаго, вдругъ онъ поднявшись,
Рынется полемъ преслѣдовать робкую птицу другую:
Такъ устремился отъ нихъ Посидаонъ, колеблющій землю.
Первый бога постигъ Оилеевъ Аяксъ быстроногій;
Первый онъ взговорилъ къ Теламонову сыну Аяксу:
„Храбрый Аяксъ! безъ сомнѣнія богъ, обитатель Олимпа,
„Образъ пророка принявъ, корабли защищать повелѣлъ намъ.
„Нѣтъ, то не Калхасъ, вѣщатель оракуловъ, птицегадатель;

„Нѣтъ, по слѣдамъ и по голенямъ мощнымъ сзади позналъ я
„Вспять отходящаго бога: легко познаваемы боги.
„Нынѣ, я чую, въ груди у меня ободренное сердце
„Пламеннѣй прежняго рвется на брань и кровавую битву;
„Въ битву горятъ у меня и могучія руки и ноги.

Быстро ему отвѣчалъ Теламонидъ, мужества полный:
„Такъ, Оилидъ! и мои на копьѣ несмиримыя руки
„Въ битву горятъ, возвышается духъ, и стопы подо мною,
„Чувствую, движутся сами; одинъ я, одинъ я пылаю
„Съ Гекторомъ, сыномъ Пріама, неистовымъ въ битвахъ, сразиться.

Такъ межъ собой говорили владыки народовъ Аяксы,
Жаромъ веселые браннымъ, низпосланнымъ въ сердце ихъ богомъ.
Тою порой возбуждалъ Посидаонъ заднихъ Данаевъ,
Кои у черныхъ судовъ оживляли унылыя души;
Воины, коихъ и силы подъ тяжкимъ трудомъ изнурились,
И жестокая грусть налегла на сердца ихъ, при видѣ
Гордыхъ Троянъ, за высокую стѣну толпой перешедшихъ.
Смотря на ихъ торжествующихъ, слезы они проливали;
Смерти позорной избѣгнуть не чаяли. Но Посидаонъ,
Вдругъ посредѣ ихъ явившися, сильныя поднялъ фаланги:
Первому Тевкру и Леиту онъ предсталъ убѣждая,
Тамъ Пенелею царю, Деипиру, Ѳоасу герою,
Здѣсь Меріону и съ нимъ Антилоху, искусникамъ браннымъ;
Сихъ возбуждалъ Земледержецъ, крылатыя рѣчи вѣщая:
„Стыдъ, Аргивяне, цвѣтущіе младостью! вамъ, полагалъ я,
„Храбрости вашей спасти корабли мореходные наши!

„Еслижъ и вы отъ опасностей брани отступите робко,
„День насталъ роковый, и Троянская мощь сокрушитъ насъ!
„Боги! великое чудо моими очами я вижу,
„Чудо ужасное, коему, мнилъ, никогда не свершиться:
„Трои сыны предъ судами Ахейскими! тѣ, что бывало
„Ланямъ подобились трепетнымъ, кои по темному лѣсу
„Праздно бродящія, слабыя, и нерожденныя къ бою,
„Пардовъ, волковъ и чакаловъ вседневною пищей бываютъ:
„Такъ и Трояне сіи, трепетали бывало Ахеянъ,
„Противу мужества ихъ ни на мигъ стоять не дерзали.
„Нынѣжъ, далеко отъ стѣнъ, корабли уже наши воюютъ!
„И отъ чего? отъ проступка вождя и отъ слабости воевъ,
„Кои, враждуя вождю, не хотятъ, окруженныхъ врагами,
„Спасть кораблей, и предъ ними себя отдаютъ на убійство!
„Но устыдитеся; если и подлинно сильно виновенъ
„Нашъ предводитель, пространно-властительный царь Агамемнонъ,
„Если и подлинно онъ оскорбилъ Ахиллеса героя;
„Намъ никому ни на мигъ уклоняться не должно отъ брани!
„Но изцѣлимъ мы себя; изцѣлимы сердца благородныхъ.
„Стыдъ, о Ахеяне! вы забываете бранную доблесть,
„Вы, ратоборцы храбрѣйшіе въ воинствѣ! Самъ я не сталъ бы
„Гнѣва на ратника тратить, которой бросаетъ сраженье
„Будучи подлъ! но на васъ справедливо душа негодуетъ!
„Слабые, скоро на всѣхъ навлечете вы большее горе
„Слабостью вашей! Опомнитесь, други; представьте себѣ вы
„Стыдъ и укоры людей! Рѣшительный бой наступаетъ!
„Гекторъ, воинственный Гекторъ уже на суда нападаетъ;

„Мощный, уже разгромилъ и врата и запоръ ихъ огромный.

Такъ возбуждалъ Колебатель земли, и воздвигнулъ Данаевъ.
Окрестъ Аяксовъ героевъ столпилися, стали фаланги
Страшной стѣной. Ни Арей, ни Паллада, стремящая рати,
Ихъ не могли бы, не радуясь, видѣть: храбрѣйшіе мужи
Войско составивъ,—Троянъ и великаго Гектора ждали,
Стиснувши дротъ возлѣ дрота, и щитъ у щита непрерывно:
Щитъ со щитомъ, шишакъ съ шишакомъ, человѣкъ съ человѣкомъ
Тѣсно смыкался; касалися свѣтлыми бляхами шлемы,
Зыблясь на воинахъ: такъ Аргивяне сгустяся стояли;
Копья змѣилися, грозно колеблемы храбрыхъ руками;
Прямо они на Троянъ устремлялись, пылали сразиться.
Но, упредивъ ихъ, Трояне ударили; Гекторъ предъ ними
Бурный летѣлъ, какъ въ полетѣ крушительный камень съ утеса,
Если съ вершины громаду осенніе воды обрушатъ,
Ливнемъ дождемъ разорвавши утеса жестокаго связи:
Прядая къ верху, летитъ онъ; трещитъ на лету имъ крушимый
Лѣсъ; безпрепонно и прямо летитъ онъ, пока на долину
Рухнетъ, и больше не катится, сколь ни стремительный прежде:
Гекторъ таковъ! при началѣ грозился, до самаго моря
Быстро пройти, межъ судовъ и межъ кущей, по трупамъ Данаевъ;
Но едва набѣжалъ на сомкнувшіясь крѣпко фаланги,
Сталъ, какъ ни близко награнувшій: дружно его Аргивяне,
Встрѣтивъ и острыхъ мечей и пикъ двуконечныхъ ударомъ,
Прочь отразили; и онъ отступилъ, поколебанный силой,
Голосомъ, слухъ поражающимъ, къ ратямъ Троянъ вопіющій:
„Трои сыны и Ликійцы, и вы, рукопашцы Дарданцы!

„Стойте, друзья! не на долго меня остановятъ Ахейцы,
„Если свои ополченья и грозною башней построятъ;
„Скоро отъ пики разсыплются, если меня несомнѣнно
„Богъ всемогущій предводитъ, супругъ громовержущій Геры!

Такъ восклицая, возвысилъ и душу и мужество въ каждомъ.
Вдругъ Деифобъ изъ рядовъ ихъ высоко-мечтающій вышелъ,
Сынъже Пріамовъ: предъ грудью уставя онъ щитъ круговидный,
Легкой стопой выступалъ и впередъ подъ щитомъ устремлялся.
Но Меріонъ на Троянца намѣтивъ сверкающей пикой,
Бросилъ, и вѣрно вонзилася въ выпуклый щитъ волокожный
Бурная пика; но кожъ не проникла: вонзилась, и древкомъ
Около трубки огромная хряснула. Быстро Троянецъ
Щитъ отъ себя отдалилъ волокожный, въ душѣ устрашася
Бурнаго въ летѣ копья Меріонова; тотъже могучій
Къ сонму друзей отступилъ, негодуя жестоко на трату
Вѣрной побѣды и вмѣстѣ копья, преломленнаго тщетно;
Быстро пустился идти къ кораблямъ и кущамъ Ахейскимъ,
Крѣпкое вынесть копье, у него сохранявшееся въ кущѣ.

Но другіе сражалися; вопль раздавался ужасный.
Тевкръ Теламоніевъ первый отважнаго свергъ бранноносца
Имбріа, Ментора сына, конями богатаго мужа.
Онъ въ Педаосѣ жилъ, до нашествія рати Ахейской,
Медезикасты супругъ, побочной Пріамовой дщери.
Но когда Аргивяне пришли въ корабляхъ многовеслыхъ,
Онъ прилетѣлъ въ Иліонъ, и въ боляхъ межъ Троянъ отличался;
Жилъ у Пріама и былъ какъ сынъ почитаемъ отъ старца.

Мужа сего Теламонидъ огромною пикой подъ ухо
Грянулъ, и пику исторгъ; и на мѣстѣ палъ онъ, какъ ясень
Пышный, который на холмѣ, далеко путнику видномъ,
Ссѣченный мѣдью, зеленыя вѣтви къ землѣ преклоняетъ:
Такъ онъ упалъ, и кругомъ его грянулъ доспѣхъ распещренный.
Тевкръ полетѣлъ на упавшаго, збрую похитить пылая.
Гекторъ на Тевкра летящаго дротикъ блистающій рынулъ;
Тотъ, издалече узря, отъ копья, налетавшаго бурно,
Чуть избѣжалъ; но Амфимаха Гекторъ, Ктеатова сына,
Въ битву идущаго, въ грудь поразилъ сокрушительнымъ дротомъ;
Съ шумомъ на землю онъ палъ, загремѣли на падшемъ доспѣхи.
Бросился Гекторъ, пылая шеломъ на скраніяхъ плотный,
Мѣдный сорвать съ головы у Ктеатова храбраго сына.
Но Аяксъ на летящаго острую пику уставилъ;
Къ тѣлу она не проникнула Гектора: мѣдью кругомъ онъ
Страшною былъ огражденъ; но въ средину щита поразивши,
Силой его отразилъ Теламонидъ; и вспять отступилъ онъ
Прочь отъ обоихъ убитыхъ; тѣла увлекли Аргивяне:
Сына Ктеатова Стихій герой съ Менесѳеемъ почтеннымъ,
Оба Аѳинянъ вожди, понесли къ ополченьямъ Ахейскимъ.
Имбрія жъ оба Аяксы, кипящіе храбростью бурной,
Словно какъ серну могучіе львы, у псовъ острозубыхъ
Вырвавши, гордые мчатъ черезъ густопоростій кустарникъ,
И добычу высоко въ челюстяхъ держатъ кровавыхъ:
Такъ Менторида высоко держа бранноносцы Аяксы,
Съ персей срывали доспѣхъ; и повисшую голову съ выи
Ссѣкъ Оилидъ, и за гибель Амфимаха местью пылая,
Бросилъ ее съ размаху, какъ шаръ, на толпу Иліонянъ:

Въ прахъ голова, передъ Гектора ноги, крутящаясь пала.

Гнѣвомъ сугубымъ въ душѣ Посидонъ воспылалъ за убійство
Внука его Ктеатида, сраженнаго въ битвѣ свирѣпой.
Гнѣвный подвигнулся онъ, къ кораблямъ устремляясь и къ кущамъ,
Всѣхъ Аргивянъ возбуждая, и горе готовя Троянамъ.
Идоменей, Девкаліонъ воинственный, встрѣтился богу,
Шедшій отъ друга, который къ нему не за долго изъ боя
Былъ приведенъ, подъ колѣно суровою раненный мѣдью.
Юношу вынесли други; его онъ врачамъ приказавши,
Самъ изъ шатра возвращался: еще онъ участвовать въ битвѣ
Храбрый пылалъ; и къ нему провѣщалъ Посидаонъ владыка:
(Гласъ громозвучный принявъ Андремонова сына Ѳоаса,
Мужа, которой въ Плевронѣ, во всемъ Калидонѣ гористомъ
Всѣми Этольцами властвовалъ, чтимый какъ богъ отъ народа:)
„Гдѣ же, о Критянъ совѣтникъ, куда же дѣвались угрозы,
„Коими Трои сынамъ угрожали Ахейскія чада?

И ему вопреки отвѣчалъ Девкалидъ знаменитый:
„Сынъ Андремоновъ! никто изъ Ахеянъ теперь не виновенъ,
„Сколько я знаю: умѣемъ мы всѣ и готовы сражаться:
„Страхъ никого не оковывалъ низкій; никто, уступая
„Праздности, битвы не бросилъ, Ахеямъ жестокой; но вѣрно,
„Кронову сыну всесильному, видѣть Зевесу угодно,
„Здѣсь далеко отъ Геллады Ахеянъ безславно погибшихъ!
„Сынъ Андремоновъ, всегда отличавшійся мужествомъ духа,
„Ты, ободрявшій всегда и другихъ забывающихъ доблесть,
„Нынѣ, Ѳоасъ, не оставь, и омужестви каждаго душу!

Быстро ему отвѣчалъ Посидаонъ колеблющій землю:
„Критянъ воинственный царь! да во вѣкъ отъ Троянскаго брега
„Въ домъ не придетъ, но игралищемъ псовъ да прострется подъ Троей
„Воинъ, который въ сей день добровольно оставитъ сраженье!
„Шествуй и, взявши оружіе, стань ты со мной: совокупно
„Дѣйствовать должно; быть можетъ успѣемъ помочь мы и двое.
„Сила и слабыхъ мужей не ничтожна, когда совокупна;
„Мы же съ тобой и противу сильнѣйшихъ умѣли сражаться.

Рекъ, и вновь обратился безсмертный къ борьбѣ человѣковъ.
Идоменей же поспѣшно пришедъ къ благосозданной кущѣ,
Пышнымъ доспѣхомъ покрылся, и взявши два крѣпкіе дрота,
Онъ устремился, перуну подобный, которой Кроніонъ
Махомъ всесильной руки съ лучезарнаго мечетъ Олимпа,
Въ знаменье смертнымъ; горитъ онъ летя ослѣпительнымъ блескомъ:
Такъ у него, у бѣгущаго мѣдь вкругъ персей блистала.
Въ стрѣчу ему предсталъ Меріонъ, знаменитый служитель
Близко отъ кущи, куда онъ спѣшилъ, вооружиться желая
Новымъ копьемъ; и къ нему провѣщала владычняя сила:
„Сердцу любезнѣйшій другъ, Молидъ Меріонъ быстроногій,
„Что приходилъ ты, оставивши брань и жестокую сѣчу?
„Раненъ ли ты, и не страждешь ли мѣдной стрѣлой удрученный?
„Или не съ вѣстію ль бранной ко мнѣ предстаешь ты? Но видишь,
„Самъ я иду не подъ сѣнью покоиться, ратовать жажду!

Крита царю отвѣчалъ Меріонъ, служитель разумный:
„Идоменей, предводитель Критскихъ мужей мѣднобронныхъ,
„Въ станъ я пришелъ, у тебя копія не осталось ли въ кущѣ?

„Взявши его, возвращуся; а то, что имѣлъ, сокрушилъ я,
„Въ щитъ поразивъ Деифоба, безмѣрно могучаго мужа.

Критскихъ мужей повелитель отвѣтствовалъ вновь Меріону:
„Ежели копья нужны, и одно обрѣтешь ты, и двадцать,
„Въ кущѣ моей у стѣны блестящей стоящія рядомъ,
„Копья Троянскія; всѣ я ихъ взялъ у сраженныхъ на битвахъ.
„Смѣю сказать, не вдали я стоя, съ врагами сражаюсь.
„Вотъ отъ чего у меня изобильно щитовъ мѣднобляшныхъ,
„Копій, шеломовъ и броней, сіяющихъ весело въ кущѣ.

Снова ему отвѣчалъ Меріонъ, служитель разумный:
„Царь, и подъ сѣнью моей, и въ моемъ кораблѣ изобильно
„Свѣтлыхъ Троянскихъ добычъ; но не близко идти мнѣ за ними.
„Самъ похвалюсь, не привыкъ забывать я воинскую доблесть:
„Между переднихъ всегда, на бояхъ прославляющихъ мужа,
„Самъ я стою, лишь подымется споръ истребительной брани.
„Можетъ быть, въ рати другимъ мѣдноброннымъ Ахейскимъ героямъ
„Я неизвѣстенъ сражаюсь; тебѣ я извѣстенъ, надѣюсь.

Критскихъ мужей предводитель отвѣтствовалъ вновь Меріону:
„Вѣдаю доблесть твою, и объ ней говоришь ты напрасно.
„Если бы насъ, въ ополченьи храбрѣйшихъ, избрать на засаду:
„(Ибо въ засадахъ опасныхъ мужей открывается доблесть;
„Тутъ человѣкъ боязливый и смѣлый легко познается:
„Цвѣтомъ смѣняется цвѣтъ на лицѣ боязливаго мужа;
„Твердо держаться ему не даютъ малодушныя чувства;
„То припадетъ на одно, то на оба колѣна садится;

„Сердце въ груди у него безпокойное жестоко бьется;
„Смерти единой онъ ждетъ, и зубами стучитъ, содрогаясь.
„Храбраго цвѣтъ не мѣняется, сердце не сильно въ немъ бьется;
„Разъ, и рѣшительно онъ, на засаду засѣвши съ мужами,
„Только и молитъ, чтобъ въ битву съ врагами скорѣе схватиться:)
„Тамъ и твоя, Меріонъ, не хулы заслужила бы храбрость!
„Еслибъ и ты подвизался, былъ пораженъ иль устрѣленъ,
„Вѣрно не въ выю тебѣ, не въ хребетъ бы оружіе пало;
„Грудью бъ ты встрѣтилъ копье, иль утробой пернатую принялъ,
„Прямо впередъ устремившійся, въ первыхъ рядахъ ратоборцевъ.
„Но перестанемъ съ тобой разговаривать, словно какъ дѣти,
„Праздно стоя, да кто либо нагло на насъ не возропщетъ.
„Въ кущу войди, и немедленно съ крѣпкимъ копьемъ возвратися.

Рекъ; и Молйдъ повинулся, бурному равный Арею,
Быстро изъ кущи выноситъ копье, повершенное мѣдью,
И за вождемъ устремляется, жаждою битвы пылая.
Словно Арей, устремляется въ бой, человѣковъ губитель,
Съ Ужасомъ сыномъ, равно какъ и самъ онъ, могучимъ, безстрашнымъ,
Богомъ, который въ бояхъ ужасаетъ и храбраго душу;
Оба изъ Ѳракіи горной они на Эфировъ находятъ,
Или на бранныхъ Флегіянъ; и грозные боги, не внемлютъ
Общимъ народовъ мольбамъ, но единому славу даруютъ:
Столько ужасны Молйдъ и герой Девкалйдъ, ратоводцы
Шли на кровавую брань, лучезарной покрытые мѣдью.

Шествуя, слово къ царю обратилъ Меріонъ быстроногій:
„Гдѣ, Девкалйдъ, помышляешь вступить въ толпу боевую?

„Въ правомъ концѣ, въ срединѣ ль великаго нашего войска,
„Или на лѣвомъ? Тамъ, какъ я думаю, болѣ чѣмъ индѣ,
„Въ битвѣ помощной нуждается рать кудреглавыхъ Данаевъ.

Молову сыну отвѣтствовалъ Критскихъ мужей предводитель:
„Нѣтъ, для средины судовъ защитители есть и другіе:
„Оба Аяксы и Тевкръ Теламонидъ, въ народѣ Ахейскомъ
„Первый стрѣлецъ, и въ бою пѣшеборномъ не менѣе храбрый;
„Тамъ довольно и ихъ, чтобъ насытить несытаго боемъ
„Гектора, сына Пріама, хоть былъ бы еще онъ сильнѣе!
„Будетъ ему не легко, и со всѣмъ его бѣшенствомъ въ битвахъ,
„Мужество ихъ одолѣвъ и могущество рукъ необорныхъ,
„Судно зажечь хоть единое, развѣ что Зевсъ громовержецъ
„Свѣточь горящую самъ на суда мореходныя броситъ.
„Нѣтъ, Теламонидъ Аяксъ не уступитъ въ сраженіи мужу,
„Если онъ смертнымъ рожденъ и плодами Деметры воскормленъ,
„Если язвимъ разсѣкающей мѣдью и крѣпостью камней.
„Даже Пелиду, рушителю строевъ, Аяксъ не уступитъ
„Въ битвѣ ручной; быстротою лишь ногъ не оспоритъ Пелида.
„Въ лѣвую сторону рати пойдемъ; да скорѣе увидимъ,
„Мы ли прославимъ кого, или сами славу стяжаемъ!

Рекъ; и Молидъ устремившися, бурному равный Арею,
Шелъ впереди, пока не достигнулъ указанной рати.
Идоменея увидѣвъ, несущагось полемъ, какъ пламень,
Съ храбрымъ клевретомъ его, въ изукрашенныхъ дивно доспѣхахъ,
Крикнули разомъ Трояне, и всѣ на него устремились.
Общій, неистовый споръ возсталъ при кормахъ корабельныхъ.

Словно какъ съ вѣтромъ свистящимъ свирѣпствуетъ вихоръ могучій
Въ знойные дни, когда прахомъ глубокимъ покрыты дороги;
Бурные, вмѣстѣ вздымаютъ огромное облако праха:
Такъ засвирѣпствовалъ общій ихъ бой: ратоборцы пылали
Каждый другъ съ другомъ схватиться, и рѣзаться острою мѣдью.
Грозно кругомъ зачернѣлося ратное поле отъ копій,
Длинныхъ, убійственныхъ, частыхъ какъ лѣсъ; ослѣплялися очи
Мѣднымъ сіяньемъ отъ выпуклыхъ шлемовъ, безмѣрно сверкавшихъ,
Панцырей, вновь уясненныхъ, и круглыхъ щитовъ лучезарныхъ,
Воиновъ къ бою сходящихся.—Подлинно былъ бы безстрашенъ,
Кто веселился бъ на бой сей смотря, и душой не содрогся!

Боги, помощные разнымъ, сыны многомощные Крона
Двумъ племенамъ браниноснымъ такія бѣды устрояли.
Зевсъ Троянамъ желалъ и Пріамову сыну побѣды,
Славой вѣнчая Пелида царя; но не вовсе Кроніонъ
Храбрыхъ Данаевъ желалъ истребить подъ высокою Троей;
Только Өетиду и сына ея прославлялъ онъ героя.
Богъ Посидонъ укрѣплялъ Данаевъ, присутствуя въ брани,
Выплывшій тайно изъ моря сѣдаго: объ нихъ сострадалъ онъ,
Силой Троянъ усмиренныхъ, и гордо роптал на Зевеса.
Оба они и единая кровь и единое племя;
Зевсъ лишь Кроніонъ и прежде родился и болѣе вѣдалъ.
Зевса страшился, и явно не смѣлъ поборать Посидаонъ;
Тайно, подъ образомъ смертнаго, онъ возбуждалъ ратоборцевъ.
Боги сіи, и свирѣпой вражды и погибельной брани
Вервь, на взаимную прю, напрягли надъ народами оба,
Крѣпкую вервь, неразрывную, многимъ сломившую ноги.

Тутъ, Аргивянъ ободряющій, воинъ уже посѣдѣлый,
Идоменей на Пергамлянъ ударилъ и въ бѣгъ обратилъ ихъ:
Оѳріонея сразилъ Кабезійца, недавнаго въ градѣ,
Въ Трою недавно еще привлеченнаго бранною славой.
Онъ у Пріама Кассандры, прекраснѣйшей дочери старца
Гордый, просилъ безъ даровъ; но самъ совершить обѣщалъ онъ
Подвигъ великій: изъ Трои изгнать мѣднолатныхъ Данаевъ.
Старецъ ему обѣщалъ, и уже за него согласился
Выдать Кассандру; и ратовалъ онъ, на обѣтъ положася.
Идоменей на него мѣдножальную пику направилъ,
И поразилъ выступавшаго гордо: ни мѣдная броня,
Коей блисталъ, не спасла: углубилась во внутренность пика;
Съ шумомъ онъ грянулся въ прахъ; и гордяся вскричалъ побѣдитель:
„Оѳріоней! человѣкомъ тебя я почту величайшимъ,
„Ежели все то исполнишь, что ты исполнить обрекся
„Сыну Дарданову: дочерь тебѣ обѣщалъ онъ супругой.
„Тоже и мы для тебя обѣщаемъ, и вѣрно исполнимъ:
„Выдадимъ лучшую всѣхъ изъ семейства Атридова дочерь;
„Къ браку невѣсту изъ Аргоса вывеземъ, если ты съ нами
„Трою разрушишь Пріамову, градъ устроеніемъ пышный.
„Слѣдуй за мной: при судахъ мореходныхъ съ тобой мы докончимъ
„Брачный сговоръ; не скупые и мы на приданое сваты.

Рекъ, и за ногу тѣло повлекъ сквозь кипящую сѣчу
Критскій герой. Но за мертваго мстителемъ Азій явился,
Пѣшій идя предъ конями; коней, за плечами храпящихъ,
Правилъ клевретъ у него; и пылающій онъ устремился
Идоменея пронзить; но герой упредилъ: сопостата

Пикой ударилъ въ гортань подъ брадой, и на сквозь ее выгналъ;
Палъ онъ, какъ падаетъ дубъ, или тополь серебренолистный,
Или огромная сосна, которую съ горъ древосѣки
Острыми вкругъ топорами ссѣкутъ, корабельное древо:
Азій таковъ предъ своей колесницей лежалъ распростряся,
Съ скрыпомъ зубовъ раздирая руками кровавую землю.
Но возница его цѣпенѣлъ, растерявшійся въ мысляхъ;
Блѣдный стоялъ и не смѣлъ, чтобъ отъ рукъ враждебныхъ избѣгнуть,
Коней назадъ обратить: и его Антилохъ бранолюбецъ
Пикой ударилъ въ животъ; и отъ смерти ни мѣдная броня,
Коей блисталъ, не спасла: углубилась во внутренность пика;
Онъ застоналъ, и съ прекрасно-составленной палъ колесницы.
Коней младый Антилохъ, благодушнаго Нестора отрасль,
Быстро отъ воинствъ Троянскихъ угналъ къ мѣднобронымъ Ахейцамъ.

Тутъ Деифобъ на властителя Критянъ, объ Азіѣ скорбный,
Близко одинъ наступилъ; и ударилъ сверкающей пикой.
Но усмотрѣлъ, и отъ мѣди убійственной во время спасся
Критянъ владыка; укрылся подъ выпуклый щитъ свой огромный,
Щитъ, изъ воловьихъ кожъ и блистательной мѣди скругленный,
И двумя поперегъ укрѣпленный скобами; подъ щитъ сей
Весь онъ собрался; надъ нимъ пролетѣла блестящая пика;
Щитъ, на полетѣ задѣтый, ужасно завылъ подъ ударомъ;
Но не тщетно оружіе послано сильной рукою:
Храброму сыну Гиппаса, владыкѣ мужей Гипсенору,
Въ перси вонзилось оно, и на мѣстѣ сломило колѣна.
Громко вскричалъ Деифобъ, величаясь надменно побѣдой:
„Нѣтъ, не безъ мщенія Азій лежитъ; и теперь, уповаю,

„Вшедшій въ широкія двери Аидова мрачнаго дома,
„Сердцемъ онъ будетъ возрадованъ: спутника далъ я герою!

. . . .

Такъ восклицалъ; Аргивянъ оскорбили надменнаго рѣчи,
Болѣе жъ всѣхъ Антилоху воинственный духъ взволновали.
Онъ, не взирая на скорбь, не оставилъ сраженнаго друга;
Быстро примчась заступилъ, и щитомъ заградилъ свѣтлоблящнымъ.
Тою порой наклоняся подъ тѣло почтенные други,
Эхіевъ сынъ Мекистей и младый благородный Аласторъ,
Къ черным судамъ понесли Гиппасида, печально стеная.

. . . .

Идоменей воевалъ не слабѣя; пылалъ безпрестанно
Или еще Фригіянина ночью покрыть гробовою,
Или упасть самому, но бѣду отразить отъ Ахеянъ.
Тутъ благородную отрасль, питомца боговъ Эзіета,
Славу Троянъ Алкаѳоя, драгаго Анхизова зятя:
(Дщери его Гипподаміи былъ онъ супругомъ счастливымъ,
Дщери, которую въ домѣ отецъ и почтенная матерь
Страстно любили: она красотой и умомъ и дѣлами
Въ сонмѣ подругъ между всѣми блистала; за то и супругой
Избралъ ее гражданинъ благороднѣйшій въ Трои пространной:)
Мужа сего Девкалида рукой укротилъ Посидаонъ,
Ясныя очи затмивъ и сковавъ ему быстрыя ноги:
Онъ ни назадъ убѣжать, ни укрыться не могъ отъ героя;
Скованный страхомъ, какъ столбъ, иль высоковершинное древо,
Онъ неподвижный стоялъ; и его Девкалидъ копьеборецъ
Въ перси ударилъ копьемъ, и разбилъ испещренную броню,
Мѣдную, въ битвахъ не разъ отъ него отражавшую гибель:

Глухо броня зазвенѣла, подъ мощнымъ ударомъ разсѣвшись;
Съ громомъ упалъ онъ, копье упадавшему въ сердце воткнулось;
Сердце его трепеща, потрясло и копейное древко;
Но могучесть въ немъ скоро Арей укротилъ смертоносный.
Идоменей, величаясь побѣдою, громко воскликнулъ:
„Какъ, Деифобъ, полагаешь, достойно ли я расплатился?
„Три сражены за единаго? Ты жъ величаешься только,
„Дивный герой! Но приближься и самъ, и меня ты изведай:
„Узришь, каковъ я подъ Трою пришелъ, Громовержцевъ потомокъ!
„Онъ, Громовержецъ Миноса родилъ, охранителя Крита;
„Мудрый Миносъ породилъ Девкаліона, славнаго сына;
„Онъ Девкаліонъ меня, повелителя многимъ народамъ
„Въ Критѣ пространномъ; и волны меня принесли къ Иліону,
„Гибель тебѣ и отцу твоему и всѣмъ Иліонцамъ!

Такъ говорилъ; Деифобъ въ нерѣшимости думъ волновался:
Вспять ли идти, и съ Троянцемъ какимъ либо храбрымъ сложася,
Выдти вдвоемъ; иль одинъ на одинъ испытать Девкалида?
Такъ Деифобъ размышлялъ, и ему показалося лучше
Вызвать Энея. Нашелъ онъ героя въ дружинахъ послѣднихъ
Праздно стоящаго: гнѣвъ онъ всегдашній питалъ на Пріама:
Ибо храбрѣйшему старецъ ему не оказывалъ чести.
Ставъ передъ нимъ Деифобъ, устремляетъ крылатыя рѣчи:
„Храбрый Эней, Троянъ повелитель, если о ближнихъ
„Ты сострадаешь, тебѣ заступиться за ближняго должно.
„Слѣдуй за мной; защитимъ Алкаѳоя; тебя онъ почтенный,
„Будучи зятемъ, воспитывалъ юнаго въ собственномъ домѣ.
„Идоменей, знаменитый копейщикъ сразилъ Алкаѳоя.

Такъ произнесъ онъ, и душу въ груди взволновалъ у Энея.
Онъ полетѣлъ къ Девкалиду, воинственнымъ жаромъ пылая.
Но Девкалидъ не позорному бѣгству, какъ отрокъ, предался:
Ждалъ неподвижный, какъ вепрь между горъ, на могучесть надежный,
Шумнаго вкругъ нападенія многихъ ловцовъ ожидаетъ,
Стоя въ мѣстѣ пустынномъ и грозно хребетъ ощетиня;
Окрестъ очами, какъ пламенемъ, свѣтитъ; а долгіе зубы
Ярый острить онъ, и псовъ и ловцовъ опрокинуть готовый:
Такъ нажидалъ, ни на шагъ не сходя, Девкалидъ Анхизида,
Противъ летящаго воина бурнаго; только сратныхъ
Крикомъ сзывалъ, Аскалафа вождя, Афарея, Дейпира,
Молова сына и съ нимъ Антилоха, испытанныхъ бранью;
Ихъ призывалъ Девкалидъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Други, ко мнѣ! защитите меня одинокаго! Страшенъ
„Бурный Эней нападающій; онъ на меня нападаетъ;
„Страшно могущественъ онъ на убійство мужей въ ратоборствѣ;
„Блещетъ и цвѣтомъ онъ юности, первою силою жизни.
„Еслибъ мы были равны и годами съ Энеемъ, какъ духомъ;
„Скоро иль онъ бы, иль я похвалился побѣдою славной!

Такъ говорилъ онъ; и всѣ, устремившися съ духомъ единымъ,
Стали кругомъ Девкалида, щиты къ раменамъ преклонивши.
Но Эней и своихъ возбуждалъ сподвижниковъ храбрыхъ:
Звалъ Деифоба, Париса, почтеннаго звалъ Агенора,
Съ нимъ предводившихъ Троянскіе рати; за нимъ совокупно
Всѣ устремилися: такъ за овномъ устремляются овцы,
Съ паствы бѣжа къ водопою; и пастырь душой веселится:
Такъ Анхизидъ благородный, Эней веселился душею,

Видя толпами за нимъ устремлявшихся гражданъ Троянскихъ.
Вкругъ Алкаѳоя они рукопашную подняли битву,
Копьями бились огромными; мѣдь на груди ратоборцевъ
Страшно гремѣла, отъ частыхъ ударовъ сшибавшихся толпищъ.
Два между тѣмъ браноносца, отличные мужествомъ оба,
Идоменей и Эней, подобные оба Арею,
Вышли, пылая другъ друга пронзить смертоносною мѣдью.
Первый Эней, размахнувшися, ринулъ копье въ Девкалида;
Тотъ же, завидѣвъ ударъ, уклонился отъ мѣди летящей,
И копье Анхизида, сотрясшися, въ землю вбѣжало,
Бывъ безполезно геройской, могучею послано дланью.
Идоменей же копьемъ Эномаоса ранилъ въ утробу:
Лату брони просадила и внутренность мѣдь изъ утробы
Вылила: въ прахѣ простершись, руками хватаетъ онъ землю.
Идоменей длинноптѣнную пику изъ мертваго тѣла
Вырвалъ; но мѣдныхъ, другихъ побѣжденнаго пышныхъ доспѣховъ
Съ персей совлечь не успѣлъ: осыпали Троянскія стрѣлы;
Не были болѣе гибки и ноги его, чтобы быстро
Прянуть ему за своимъ копіемъ, иль чужаго избѣгнуть.
Стойкою битвой, упорною пагубный день отражалъ онъ;
Ноги не скоро несли, чтобъ ему убѣжать изъ сраженья;
Медленно онъ уходилъ. Деифобъ въ уходившаго дротикъ
Снова послалъ: на него онъ пылалъ непрестанною злобой;
И прокинулъ онъ снова; но мѣдь Аскалафа постигла,
Сына Арея: плечо совершенно убійственный дротикъ
Прорвалъ: и въ прахъ онъ упавши, хватаетъ ладонями землю.
Долго не вѣдалъ еще громозвучный Арей истребитель,
Что воинственный сынъ его палъ на сраженіи бурномъ;

Онъ на Олимпа главѣ, подъ златыми сидѣлъ облаками,
Зевса всемощнаго волей обузданный, гдѣ и другіе
Боги сидѣли безсмертные, имъ удаленные съ брани.

Воины вкругъ Аскалафа бросалися въ бой рукопашный.
Тутъ Деифобъ съ головы Аскалафовой шлемъ свѣтозарный
Сорвалъ; но вдругъ Меріонъ, налетѣвши, подобный Арею,
Хищника въ руку копьемъ поразилъ; изъ руки Деифоба
Шлемъ дыроокій исторгся и объ землю звукнулъ упавшій.
Снова герой Меріонъ на врага налетѣвши, какъ ястребъ,
Вырвалъ изъ мышцы копье, у него растерзавшее тѣло,
И къ сподвизавшимся вновь отступилъ; а Политъ Деифоба,
Братъ уязвленнаго брата, подъ грудью руками обнявши,
Вывелъ изъ шумнаго боя, до самыхъ коней провожая:
Быстрые кони его, позади ратоборства и сѣчи
Ждали, съ возницею вѣрнымъ и съ пышной стоя колесницей:
Къ граду они понесли Деифоба; жестоко стеналъ онъ
Болью терзаемый; кровью струилася свѣжая рана.

Но другіе сражалися; вопль раздавался ужасный.
Бурный Эней налетѣвъ, Афарея, Калетора сына,
Дротомъ въ гортань, на него нападавшаго, острымъ ударилъ:
На бокъ глава преклонилася; падшаго сверху накинулъ
Щитъ и шеломъ; и надъ нимъ душеснѣдная смерть распростерлась.
Несторовъ сынъ обращеннаго тыломъ Ѳоона примѣтивъ,
Прянулъ, и ранилъ убійственно: жилу разсѣкъ совершенно,
Съ праваго бока хребта непрерывно идущую къ выи,
Всю совершенно разсѣкъ: затрепавшися, навзничь на землю

Палъ онъ, дрожащія руки къ любезнымъ друзьямъ простирая.
Несторовъ сынъ наскочилъ, и срывалъ доспѣхи съ Троянца,
Вкругъ озираясь; его же Трояне кругомъ обступивши,
Въ щитъ легкометный, широкій кололи кругомъ, по напрасно;
Мѣдью жестокой ниже не коснулися къ бѣлому тѣлу
Славнаго внука Нелеева: богъ Посидаонъ могущій
Самъ охранялъ Несторида, вездѣ и подъ тучею копій:
Ибо вдали отъ враговъ не стоялъ онъ; межъ ними носился;
Въ длани его не покоился дротъ; трепеталъ безпрестанно,
Къ бою колеблемый; онъ безпрестанно намѣчивалъ острымъ,
Или на дальнаго ринуть, или на близкаго грянуть.
Скоро его Адамасъ, намѣчавшагось дротомъ, примѣтилъ,
Азіевъ сынъ, и къ нему устремившися, острою мѣдью
Грянулъ въ средину щита; но ея остріе обезсилилъ,
Въ жизни героя врагу отказавъ Посидонъ черновласый:
И копья половина, какъ колъ обожженный, осталась
Въ кругѣ щита, половина тупая упала на землю.
Бросился къ сонму друзей Адамасъ, избѣгая отъ смерти;
Быстро его Меріонъ и настигъ, и сверкающимъ дротомъ
Между стыдомъ и пупомъ ударилъ бѣгущаго, въ мѣсто,
Гдѣ наиболѣе рана мучительна смертнымъ несчастнымъ:
Тамъ онъ его поразилъ; и на дротъ онъ упавши, вкругъ мѣди
Бился, какъ волъ несмиренный, котораго пастыри мужи,
Какъ ни упоренъ онъ, силой связавши арканомъ уводятъ:
Такъ онъ, проколотый, бился въ крови; но не долго: не медля
Храбрый къ нему Меріонъ приступилъ, копіе роковое
Вырвалъ изъ тѣла; и смертный мракъ осѣнилъ ему очи.
Тутъ Геленъ Деипира ѳракійскою саблей огромной

Рѣзко въ високъ поразилъ, и шеломъ съ него сбилъ коневласый:
Сбитый, на землю онъ палъ; и какой-то его Аргивянинъ,
Между толпою бойцовъ подъ ногами крутящійся, поднялъ;
Очи вождя Деипи́ра глубокая ночь осѣнила.
Жалость взяла Менелая, отважнаго въ битвахъ Атрида;
Выступилъ онъ, угрожая ударомъ Гелену герою,
Острымъ копьемъ потрясая; Геленъ же изладился лукомъ.
Оба они соступились: одинъ занесенную пику
Бросить пылая, другой съ тетивы наведенную стрѣлу:
И Геленъ Менелая по персямъ умѣтилъ пернатой
Въ лату брони, и отпрянула быстро пернатая злая.
Такъ какъ съ широкаго вѣяла, сыпясь по гладкому току,
Черные скачутъ бобы, иль зеленыя зерны гороха,
Если на вѣтеръ свистящій могучій ихъ вѣятель вскинетъ:
Такъ отъ блистательныхъ латъ Менелая высокаго славой
Сильно отпрянувъ стрѣла, на побоищѣ пала далеко.
Сынъ же Атреевъ, герой Менелай копіемъ Пріамида
Въ длань поразилъ, вооруженную лукомъ блестящимъ; и къ луку
Длань, проколовши насквозь, пригвоздило копейное жало.
Къ сонму друзей, убѣгая отъ смерти, Геленъ обратился,
Руку повѣсивъ; и ясенный дротъ волочился за нею.
Но его изъ руки извлекъ благодушный Аге́норъ;
Руку жъ ему повязалъ искуственно свитою во́лной,
Мягкой повязкой, клевретомъ всегда при владыкѣ носимой.
Сильный Пиза́ндръ между тѣмъ сопротивъ Менелая героя
Выступилъ: злая судьбина его увлекала къ предѣлу,
Да тобой, Менелай, укротится онъ въ пламенной битвѣ.
Чуть соступилися оба, идущіе другъ противъ друга,

Рынулъ Атридъ и не вѣрно: копье его въ бокъ улетѣло.
Рынулъ Пизандръ, и копьемъ у Атрида высокаго славой
Щитъ поразилъ, но насквозь не успѣлъ онъ оружія выгнать:
Мѣдяный щитъ удержалъ: копье сокрушилось у трубки;
Радость объяла Пизандрово сердце: онъ чаялъ побѣды.
Но Менелай, изъ поженъ исторгнувши мечъ среброгвоздный,
Прянулъ герой на Пизандра; а сей изъ-подъ круга щитнаго
Выхватилъ мѣдный, красивый топоръ, съ топорищемъ оливнымъ,
Длиннымъ, блистательно гладкимъ; и оба сразилися разомъ:
Сей поражаетъ по выпукѣ шлема, косматаго гривой,
Около самаго гребня; а тотъ наступавшаго по лбу,
Въ верхъ переносицы: хряснула кость, и глаза у Пизандра
Выскочивъ, подлѣ него на кровавую землю упали;
Самъ опрокинулся онъ; и пятой наступивши на перси,
Броню срывалъ и гордясь восклицалъ Менелай побѣдитель:
„Такъ вамъ оставить и всѣмъ корабли быстроконныхъ Данаевъ,
„Вамъ, вѣроломцы Трояне, несытые пагубной бранью!
„Большей обиды и срама искать вамъ не нужно, какими,
„Лютые псы, вы меня осрамили! Ни грознаго гнѣва
„Вы не страшились гремящаго Зевса; но гостепріимства
„Онъ покровитель, и нѣкогда градъ вашъ разсыплетъ высокій!
„Вы у меня и младую жену и сокровища дома
„Нагло похитивъ, ушли, угощенные дружески въ домѣ!
„Нынѣ жъ пылаете вы на суда мореходныя наши
„Гибельный бросить огонь, и избить героевъ Ахейскихъ!
„Но укротятъ наконецъ васъ, сколько ни алчныхъ къ убійствамъ!
„Зевсъ Олимпійскій! премудростью ты, говорятъ, превышаешь
„Всѣхъ и безсмертныхъ и смертныхъ; все изъ тебя истекаетъ.

„Что же, о Зевсъ, благосклонствуешь ты племенамъ нечестивымъ,
„Симъ Фригіянамъ, насильствами дышущимъ, вѣкъ не могущимъ
„Лютымъ убійствомъ насытиться въ брани, для всѣхъ ненавистной!
„Всѣмъ человѣкъ насыщается: сномъ и счастливой любовью,
„Пѣніемъ сладостнымъ, и восхитительной пляской невинной,
„Болѣ пріятными, болѣ желанными каждаго сердцу,
„Нежели брань; но Трояне не могутъ насытиться бранью!

. . . .

Рекъ; и оружія съ тѣла, дымящіясь кровью, сорвавши,
Отдалъ клевретамъ своимъ Менелай, предводитель народовъ;
Самъ же назадъ обратяся, съ передними сталъ на сраженье.
Тамъ на него налетѣлъ Гарпаліонъ, царя Пилемена
Доблестный сынъ: за отцемъ онъ любезнымъ послѣдовалъ къ брани,
Въ Трою Пріама; но въ отческій домъ не пришелъ несчастливецъ!
Онъ Менелаю царю по срединѣ щита, налетѣвши,
Пику вонзилъ, но насквозь не успѣлъ оружія выгнать;
И обратно къ друзьямъ, чтобъ отъ смерти спастись, побѣжалъ онъ,
Вкругъ озираясь, да тѣла враждебная мѣдь не постигнетъ.
Но Меріонъ на бѣгущаго мѣдной стрѣлою ударилъ;
Въ правую сторону зада вонзилась стрѣла, и далеко
Острая, въ самый пузырь, подъ лобковою костью проникла.
Тамъ же онъ скорчась присѣлъ, и въ объятіяхъ друговъ любезныхъ
Духъ испуская упалъ и, какъ червь, по землѣ протянулся;
Черная кровь выливалась, и землю подъ нимъ увлажала.
Окрестъ его Пафлагоняне вѣрные засуетились;
Тѣло, поднявъ въ колесницу, они въ Иліонъ провожали
Грустные: шелъ между нихъ и отецъ, проливающій слезы;
Ибо не могъ онъ врагамъ отомстить за убитаго сына.

Но Парисъ за него справедливою местію вспыхнулъ:
Гостемъ онъ былъ у него, посѣтивши народъ Пафлагонскій;
Онъ за него отомщая, послалъ мѣдножальную стрѣлу.
Былъ Евхеноръ межъ Ахейцами, сынъ Полійда пророка,
Мужъ знаменитый, богатый, Коринѳа цвѣтущаго житель;
Участь свою онъ несчастную зналъ, и отплылъ къ Иліону.
Часто ему говорилъ Полійдъ добродушный: что долженъ
Онъ иль отъ немощи тяжкой въ отеческомъ домѣ скончаться,
Или въ бою, предъ судами Ахейскими, пасть отъ Пергамлянъ:
Но избѣгалъ Эвхеноръ какъ отъ пени постыдной Ахейцамъ,
Такъ и отъ немощи тяжкой, безплодно страдать не желая.—
Храбраго въ челюсть, подъ ухо Парисъ поразилъ, и мгновенно
Жизнь отлетѣла, и страшная тьма Эвхенора объяла.

Такъ ополченья сражались, огнямъ подобно свирѣпымъ.
Гекторъ же, Зевса любимецъ, вдали не слыхалъ и не вѣдалъ,
Какъ предъ судами, на лѣвомъ концѣ, поражаемо было
Войско его отъ Ахеянъ: и скоро бы слава Ахеянъ
Полной была надъ Троянами: такъ ободрялъ Посидаонъ
Души Ахеянъ, и силою собственной самъ поборалъ имъ.—
Гекторъ воинствовалъ, гдѣ не за долго въ ворота влетѣлъ онъ,
Самъ разорвавши густые ряды Аргивянъ щитоносцевъ;
Тамъ гдѣ суда и Аякса и Протезилая стояли,
Моря сѣдаго на брегъ извлеченныя; гдѣ Аргивяне
Самую низкую вывели стѣну, и гдѣ превосходныхъ,
Пламенныхъ коней и воевъ ряды на сраженіе стали.
Тамъ Беотіянъ отважныхъ, Іоновъ длиннохитонныхъ,
Фтіянъ и Локровъ и славныхъ Эпеянъ сложившіясь рати

Всѣ на суда нападавшаго съ нуждой держали, но вовсе
Силъ не имѣли отбить Пріамида, подобнаго бурѣ.
Вои Аѳинскіе были отборные; ихъ ополченье
Велъ Петеидъ Менесѳей, и за нимъ устремляли дружины
Фидасъ и Стихій и Біасъ герой. Знаменитыхъ Эпеянъ
Велъ Амфіонъ, и Мегесъ Филидъ, и воинственный Дракій.
Фтійцамъ предшествовалъ Медонъ и дышущій боемъ Подаркесъ:
(Медонъ, сынъ незаконный владыки мужей Оилея,
Былъ Оилида Аякса юнѣйшій братъ, но въ Филакѣ
Жилъ, далеко отъ отечества, брося его какъ убійца,
Мачихи брата убивъ, Оилея жены Эріопы;
Храбрый Подаркесъ Ификловъ былъ сынъ, Филакидовъ потомокъ:)
Оба они, впереди предъ дружинами юношей Фтійскихъ,
Бились, суда броня, съ Беотійцами вмѣстѣ сражаясь.
Быстрый Аяксъ пылалъ не отстать отъ могучаго брата;
Близъ Теламонида онъ, ни на шагъ не отступный, держался.
Такъ плуговые волы по глубокому пару степному
Черные, крѣпостью равные, плугъ многосложный волочатъ;
Потъ при корняхъ ихъ роговъ пробивается крупный; но дружно,
Оба единымъ блестящимъ ярмомъ едва раздѣляясь,
Дружно идутъ полосой и земли глубину раздираютъ:
Такъ и Аяксы сложася, держались одинъ близъ другаго.
Въ слѣдъ Теламонова сына стремилися многіе мужи,
Храбрые, ратные други; они его щитъ принимали,
Если усталость и потъ изнуряли колѣна герою.
Но за вождемъ Оилидомъ никто не стремился изъ Локровъ:
Духъ не выдерживалъ ихъ рукопашнаго, стойкаго боя;
Воинство ихъ не имѣло ни мѣдяныхъ съ гривою конской

Шлемовъ, ни круглыхъ щитовъ, ни возвышенныхъ ясенныхъ копій;
Только на вѣрные луки и волну, скрученную въ пращи,
Локры надѣясь, пришли къ Иліону; и ими на битвахъ
Быстро и мѣтко стрѣляя, Троянъ разрывали фаланги.
Тутъ, какъ одни впереди блестящимъ оружіемъ разнымъ
Бились съ дружинами Трои и съ Гекторомъ мѣднодоспѣшнымъ:
Локры стрѣляли, держась позади; и уже забывали
Бранную храбрость Трояне: смущали ихъ стрѣлы густыя.
Худобъ имъ было, съ стыдомъ отъ судовъ и отъ кущей Ахейскихъ
Трои сыны отступилибъ подъ шумную вѣтрами Трою;
Еслибъ отважнаго Гектора Полидамасъ не подвигнулъ:
„Гекторъ, жестокій ты мужъ, чтобъ другихъ убѣжденія слушать.
„Богъ передъ всѣми тебя одарилъ на военное дѣло;
„Ты жъ и совѣтовъ мудростью всѣхъ перевысить желаешь!
„Нѣтъ, совокупно всего не стяжать одному человѣку:
„Богъ одного одаряетъ способностью къ брани, другому
„Зевсъ, промыслитель превыспренній, въ перси разумъ влагаетъ
„Свѣтлый: плодами его племена благоденствуютъ смертныхъ;
„Онымъ и грады стоятъ; но стяжавшій сугубо имъ счастливъ.
„Гекторъ! склонися къ совѣту, который мнѣ кажется лучшимъ.
„Битва вездѣ предъ тобою, какъ огненный кругъ, пламенѣетъ;
„Мужи Троянскіе, послѣ того какъ ворвалися въ стѣну,
„Съ боя одни удалились съ оружіемъ; прочіе спорятъ
„Въ слабыхъ толпахъ противъ множества, вдоль кораблей растянувшись.
„Съ боя сойди, и сюда призови ратоводцевъ храбрѣйшихъ;
„Здѣсь мы важнѣйшее дѣло рѣшимъ совѣщаніемъ общимъ:
„Разомъ ли намъ на суда многомѣстныя ратью ударить,
„Если бы богъ даровалъ одолѣніе; или, не медля

„Вспять отъ судовъ обратиться, пока не разбиты! скажу ли?
„Я трепещу, да вчерашняго намъ не отплатятъ Ахейцы
„Долга кроваваго: мужъ при судахъ, ненасытимый бранью,
„Ждетъ насъ, который едва ли удержится вовсе отъ боя.

Такъ говорилъ онъ; и Гекторъ одобрилъ совѣтъ справедливый;
Быстро съ своей колесницы съ оружіемъ прянулъ на землю,
И ему отвѣчалъ, устремляя крылатыя рѣчи:
Полидамасъ, удержи ты здѣсь предводителей храбрыхъ;
„Дальше пойду я и противустану пылающей битвѣ.
„Я возвращуся не медля, вождямъ повелѣнія давши.

Рекъ, и понесся великій, горѣ подъ снѣгами подобный;
Съ крикомъ призывнымъ толпы облеталъ онъ Троянъ и союзныхъ.
Всѣ къ Панѳойду, любителю мужества Полидамасу
Бросились быстро Дарданцы, услышавши Гектора голосъ.
Онъ же Гелена царя, благороднаго брата Дейфоба,
Азія, вѣтвь Адамаса, и Азія, отрасль Гиртака,
Хотя по сонмамъ переднимъ, искалъ, не найдетъ ли героевъ.
Ихъ онъ нашелъ, но не всѣхъ невредимыхъ, не всѣхъ средь живущихъ:
Въ прахѣ изъ оныхъ одни, у судовъ мореходныхъ Данайскихъ,
Блѣдны лежали, подъ силой Данаевъ предавшіе души;
А другіе страдали подъ язвами стрѣлъ, или копій.
Только Париса брата, супруга Елены прекрасной
Скоро нашелъ онъ на лѣвомъ концѣ истребительной брани,
Духъ ополченій своихъ ободрявшаго къ крѣпкому бою;
Ставъ передъ нимъ, укоризненнымъ голосомъ Гекторъ воскликнулъ:
„Видомъ лишь гордый, несчастный Парисъ, женолюбецъ, прельститель!

„Гдѣ у тебя Деифобъ, и Геленъ, повелитель народа?
„Оѳріоней знаменитый, Гиртàкидъ воинственный, Азій,
„Гдѣ Адамàсъ? Погибаетъ сегодня, съ высотъ упадаетъ
„Троя святая! Сегодня твоя неизбѣжна погибель!

Быстро ему возразилъ Пріамидъ Александръ боговидный:
„Нынѣ угодно тебѣ обвинять и безвиннаго, Гекторъ!
„Прежде я болѣе могъ нерадивымъ во брани казаться,
„Прежде, не нынѣ: меня не безъ доблести матерь родила.
„Съ часу, какъ ты предъ судами кровавую битву воздвигнулъ,
„Съ онаго часу и мы съ Аргивянами здѣсь безпрерывно
„Сходимся въ бой; но друзей потеряли, которыхъ ты назвалъ.
„Только герой Деифобъ и Геленъ, повелитель народа,
„Съ боя сошли, отъ могучихъ враговъ пораженные оба
„Копьями длинными въ руки; но Зевсъ ихъ избавилъ отъ смерти.
„Гекторъ, веди насъ, куда ни влекомъ ты безтрепетнымъ сердцемъ.
„Всѣ мы горимъ за тобою послѣдовать; въ храбрости нашей,
„Льщусь, не найдешь недостатка, покуда намъ силы достанетъ;
„Выше же силы, хотябъ и пылалъ кто, не можетъ сражаться!

Такъ говоря, укротилъ онъ великаго Гектора душу.
Ринулись оба, гдѣ болѣе битва и сѣча кипѣла
Вкругъ Кебріона вождя, непорочнаго Полидамàса,
Фалка, Орѳея, подобнаго богу вождя Полифита,
Пальма, Аскàнія, Мòриса, отраслей Гиппотіона,
Двухъ воеводъ, изъ Асканіи прежнимъ пришедшихъ на смѣну
Только вчера; устремилъ ихъ на брань всемогущій Кроніонъ.
Шли на сраженье Трояне, какъ вѣтровъ неистовыхъ буря,

Если подъ громомъ Кронидовымъ грозная степью несется,
И, съ ужаснѣйшимъ воемъ обрушась на понтъ, воздымаетъ
Горы клокочущихъ волнъ по немолчношумящей пучинѣ,
Грозно нависнувшихъ, пѣнныхъ, однѣ, а за ними другія:
Такъ Иліонцы, сомкнувшись, одни, а за ними другіе,
Мѣдью блеща и гремя, за своими вождями летѣли.
Гекторъ предшествовалъ всѣмъ, смертоносному равный Арею;
Щитъ передъ грудью его обращался, кругъ необъятный,
Кожами крѣпкій, и сверху обложенный множествомъ мѣди;
Окрестъ главы у него колебался шеломъ лучезарный.
Всѣмъ онъ фалангамъ вездѣ угрожалъ, подъ щитомъ наступая;
Всѣ онъ испытывалъ ихъ, не разстроитъ ли наступомъ грознымъ.
Но ничѣмъ не смущалъ онъ безстрашнаго духа Данаевъ.
Сынъ Теламоновъ его вызывалъ, широко выступая:
„Ближе, герой, подойди! и за чѣмъ издали ты пугаешь
„Воиновъ Аргоса? Въ бранномъ искуствѣ и мы не невѣжды;
„Мы лишь Кронидовымъ тяжкимъ бичемъ смирены Аргивяне.
„Вѣрно ты въ сердцѣ надеждой горишь уничтожить сегодня
„Наши суда? Но цѣлы и у насъ на защиту ихъ руки!
„И вѣрнѣе, что прежде съ высокими башнями градъ вашъ
„Нашими будетъ руками и взятъ, и во прахъ низпроверженъ!
„День не далекъ, объявляю тебѣ, какъ и самъ ты бѣгущій,
„Пламенно станешь молить и Зевеса и всѣхъ Олимпійскихъ,
„Ястребовъ шибче да будутъ твои долгогривые кони,
„Коихъ погонишь ты въ градъ, подымая лишь пыль по долинѣ.

Онъ говорилъ, и незапно надъ нимъ заширялася вправѣ
Птица, орелъ небопарный: вскричали Ахейскія рати,

*

Всѣ ободренныя чудомъ. Но Гекторъ безстрашно отвѣтилъ:
„Праздные звуки, Аяксъ! велерѣчишь, огромностью гордый!
„Если бы столько же вѣрно я сынъ громовержца Зевеса
„Былъ, безконечно живущій, отъ Геры богини рожденный,
„Славимый всѣми, какъ славится Фебъ и Аѳина Паллада:
„Сколько то вѣрно, что день сей погибель несетъ Аргивянамъ
„Всѣмъ совершенно! погибнешь и ты, коль отважишься нынѣ
„Встрѣтить мой дротъ сокрушительный: онъ у тебя растерзаетъ
„Нѣжное тѣло; и птицъ ты пустынныхъ и псовъ Иліонскихъ
„Тукомъ насытишь своимъ, предъ судами Ахейскими павшій!

Такъ произнесъ, и пошелъ онъ впередъ; устремились Трояне
Съ крикомъ ужаснымъ; крикнули съ ними и заднія рати;
Крикнули вмѣстѣ и рати Данаевъ: они не теряли
Мужества, и нажидали удара героевъ Троянскихъ;
Крикъ ихъ взаимный дошелъ до эѳира и свѣтовъ Зевеса.*

---

* У Гомера *Διὸς αὐγάς*, *свѣтовъ Зевеса*, есть тоже выраженіе, что въ Новомъ Завѣтѣ: *ἀπὸ τοῦ πατρὸς τῶν φώτων*, *отъ Отца свѣтовъ*, какъ употреблено въ Славянскомъ и Рускомъ переводѣ.

ПѢСНЬ XIV.

СОДЕРЖАНІЕ.

Несторъ, устрашенный необыкновеннымъ ратнымъ крикомъ, выходитъ изъ своей кущи, гдѣ освѣжался питьемъ съ уязвленнымъ Махаономъ, и спѣшитъ узнать причину, ст: 1—26. Въ встрѣчу ему попадаются вожди, еще страдающіе отъ ранъ, Агамемнонъ, Діомедъ и Одиссей, по той же причинѣ вышедшіе въ поле. Агамемнонъ, узнавъ отъ Нестора, что стѣна пробита, совѣтуетъ приготовить корабли къ бѣгству, 27—81. Одиссей порицаетъ совѣтъ его; а Діомедъ убѣждаетъ ихъ идти къ битвѣ, не взирая на раны, чтобы покрайней мѣрѣ своимъ присутствіемъ ободрить воинство, 82—134. Посидонъ, явясь идущему Агамемнону, въ видѣ старца, ободряетъ его, а потомъ одушевляетъ воинство Ахейское, 135 — 152. — Между тѣмъ Гера, чтобы оказать еще болѣе помощи Ахейцамъ, намѣревается идти къ Зевсу на Иду, и плѣнить его женскими прелестями; для этого украшается одеждами и благовоніями; выпрашиваетъ у Киприды поясъ ея, 153 — 230; въ Лемнѣ убѣждаетъ Сонъ слѣдовать съ нею и вспомоществовать ей; предстаетъ Зевсу на Идѣ, воспламеняетъ сю любовію и въ своихъ объятіяхъ усыпляетъ, 231 — 351. Тогда Посидонъ, Герою вспомоществуемый, успѣхъ битвы преклоняетъ рѣшительно на сторону Ахеянъ, 352—401. Гекторъ, отъ Аякса великаго пораженный камнемъ, лишается чувствъ и друзьями выносится изъ боя, 402—439. Ахейцы, одушевленные новымъ мужествомъ, отражаютъ Троянъ отъ кораблей, и болѣе всѣхъ отличается Аяксъ младшій въ преслѣдованіи бѣгущихъ, 440—522.

ПѢСНЬ XIV.

Крикъ не спокойно услышалъ и Несторъ, подъ сѣнію пьющій;
Быстро къ Асклѐпія сыну крылатую рѣчь устремилъ онъ:
„Что, благородный Махаонъ, изъ дѣлъ сихъ нерадостныхъ будетъ?
„Крикъ при судахъ возрастаетъ воинственныхъ юношей нашихъ!
„Другъ, сиди у меня и багрянымъ виномъ укрѣпляйся:
„Теплую ванну тебѣ Гекамѐда кудрявая въ кущѣ
„Скоро нагрѣетъ, и прахъ кровавый на тѣлѣ омоетъ.
„Я подымусь лишь на холмъ, и немедленно все распознаю.

Рекъ, и художно сработанный щитъ захватилъ онъ сыновній,
Мѣдью блестящій, который герой Ѳразимѐдъ коноборецъ
Въ сѣни оставилъ, а самъ со щитомъ подвизался отцовскимъ;
Крѣпкое взялъ копіе, повершенное острою мѣдью;
Вышелъ, предъ кущею сталъ, и мгновенно позорное дѣло
Видитъ: Ахейцы бѣгутъ, а бѣгущихъ преслѣдуютъ съ тыла
Гордые воины Трои; разбита твердыня Ахеянъ!
Словно какъ море великое зыбью нѣмою чернѣетъ,
Предзнаменуя нашествіе быстрое шумнаго вѣтра,
Только чернѣетъ, еще ни сюда ни туда не колышась,

Вѣтеръ доколѣ рѣшительный, посланный Зевсомъ, не снидетъ:
Такъ нерѣшительно Несторъ душой колебался, волнуясь
Думой двоякой: къ рядамъ ли идти Аргивянъ быстроконныхъ,
Или къ владыкѣ мужей, властелину народовъ Атриду?
Въ сихъ волновавшемусь думахъ, сдалося полезнѣе старцу
Къ сыну Атрея идти.—Между тѣмъ истребляли другъ друга
Воины въ битвѣ: звучала ужасно вкругъ тѣлъ ихъ могучихъ
Мѣдь, подъ ударомъ мечей и пикъ обоюдуконечныхъ.

Съ Несторомъ встрѣтились скоро цари, питомцы Зевеса,
Шедшіе отъ кораблей, уязвленные прежде на битвѣ,
Храбрый Тидидъ, Одиссей и державный Атридъ Агамѐмнонъ.
Ихъ корабли отъ равнины, гдѣ бились, далеко стояли
Берегомъ моря сѣдаго; они извлекли ихъ на сушу
Первые; стѣну жъ при нихъ совокупно съ другими воздвигли.
Берегъ, какъ ни былъ обширенъ, не могъ обоюдувесельныхъ
Всѣхъ кораблей ихъ принять; стѣснены ополченія были:
Лѣствицей ихъ извлекли на песокъ, и наполнили цѣлый
Берегъ залива широкаго, все между мысовъ пространство.
Три воеводы, пылая увидѣть смятенную битву,
Рядомъ шли, подпираяся копьями; полно печали
Было ихъ сердце. Съ ними встрѣтился конникъ Геренскій,
Несторъ, и болѣе духъ поразилъ у Ахейскихъ героевъ.
Быстро воскликнулъ ему повелитель мужей Агамѐмнонъ:
„Несторъ, божественный старецъ, великая слава Данаевъ!
„Что приходилъ ты сюда, смертоносную битву оставивъ?
„О, трепещу я, да слова не выполнитъ Гекторъ ужасный:
„Нѣкогда онъ, среди сонма Троянскаго, гордый грозился,

„Въ градъ отъ судовъ возвратится не прежде, доколѣ Ахейскихъ
„Всѣхъ кораблей не сожжетъ и Ахеянъ самихъ не изгубитъ.
„Такъ онъ на сонмѣ грозился; и все совершается нынѣ!
„Боги! такъ всѣ ополченія мѣдноружныхъ Данаевъ
„Ненависть въ сердцѣ ко мнѣ, какъ Пелидъ быстроногій, питаютъ,
„Если сражаться они не хотятъ при кормахъ корабельныхъ!

Быстро Атриду отвѣтствовалъ Несторъ, конникъ Геренскій:
„Такъ Агамемнонъ, свершается все! и уже не возмогъ бы
„Самъ Громовержецъ того, что свершилось, устроить иначе!
„Пала твердыня Ахеянъ, которая, мы уповали,
„Намъ отъ враговъ и судамъ нерушимой защитою будетъ.
„Но враги при судахъ безпрестанной, упорною битвой
„Вкругъ насъ тѣснятъ; и уже не узнаешь, внимательно смотря,
„Гдѣ Аргивяне тѣснимые въ большемъ разстройствѣ мятутся.
„Всюду смятенье, убійство, и вопль раздается до неба!
„Други, помыслимъ, какое изъ дѣлъ сихъ послѣдствіе будетъ?
„Можетъ быть, разумъ поможетъ. Но въ битву вступать, воеводы,
„Я не совѣтую намъ; уязвленнымъ не должно сражаться.

Нестору вновь говорилъ повелитель мужей Агамемнонъ:
„Несторъ, если ужь бой при кормахъ корабельныхъ пылаетъ;
„Если не въ помощь ни валъ намъ высокій, ни ровъ, для которыхъ
„Столько трудовъ мы терпѣли, которые, мы уповали,
„Намъ отъ враговъ и судамъ нерушимой защитою будутъ:
„Нѣтъ сомнѣнія,—Зевсу всесильному видѣть угодно
„Здѣсь, отъ Геллады далеко, Ахеянъ безславно погибшихъ!
„Было то время, какъ ревностно онъ защищалъ и Ахеянъ;

„Нынѣ я вижу, онъ Трои сыновъ, какъ безсмертныхъ блаженныхъ
„Славой вѣнчаетъ, Ахейцамъ же силы и руки сковалъ онъ!
„Слушайтежъ, други, одинъ мой совѣтъ, и его мы исполнимъ:
„Первыя наши суда, находящіясь близко пучины,
„Двинемъ немедля, и спустимъ ихъ всѣ на священное море;
„Станемъ высоко держаться на котвахъ, пока не наступитъ
„Ночь безлюдная; можетъ быть, въ ночь прекратятъ нападенье
„Трои сыны; и тогда мы суда и послѣднія спустимъ.
„Нѣтъ стыда, избѣгать отъ бѣды и подъ мраками ночи;
„Лучше бѣжа избѣжать отъ бѣды, чѣмъ вдаваться въ погибель!

Косо взглянувъ на него, возгласилъ Одиссей многоумный:
„Слово какое, властитель, изъ устъ у тебя излетѣло?
„Пагубный! лучше другимъ бы какимъ либо воинствомъ робкимъ
„Ты предводилъ, а не нами владѣлъ, не мужами, которымъ,
„Съ юности нѣжной до старости, Зевсъ подвизаться назначилъ
„Въ браняхъ жестокихъ, пока не погибнетъ съ оружіемъ каждый!
„Или ты хочешь Троянскій сей градъ многолюдный оставить,
„Градъ, вкругъ котораго столько ужасныхъ мы бѣдъ претерпѣли?
„Смолкни, чтобъ кто либо здѣсь не услышалъ еще изъ Ахеянъ,
„Рѣчи, какой никогда и въ устахъ имѣть не захочетъ,
„Кто говоритъ разумѣетъ согласное съ разумомъ здравымъ,
„Кто скиптродержецъ, кому повинуются столько народовъ,
„Сколько тебѣ, неисчетныхъ Аргивскихъ племенъ Повелитель!
„Замыселъ твой порицаю я вовсе; и что ты вѣщаешь!
„Ты предлагаешь теперь, въ продолженіе боя и смуты,
„Въ море спускать корабли, да желанное сердцу Троянамъ,
„Въ брани и такъ торжествующимъ, сбудется все? а надъ нами

„Грозная гибель надъ всѣми обрушится! ибо Ахейцы
„Боя не выдержатъ, если суда повлекутся на волны:
„Вспять озираться начнутъ и оставятъ воинскую доблесть,
„И твои насъ совѣты погубятъ, Правитель народа!

Быстро воскликнулъ тогда повелитель мужей Агамѐмнонъ:
„О Лаертидъ! поразилъ ты глубоко упрекомъ жестокимъ
„Душу мою; но Ахеянамъ я не даю повелѣній
„Влечь, вопреки ихъ желаньямъ, судовъ многомѣстныхъ на волны.—
„Мужъ да предстанетъ, и лучшій совѣтъ моего да предложитъ;
„Юноша онъ или старецъ, равно мнѣ пріятенъ онъ будетъ.

И межъ нимъ взговорилъ Діомедъ, воеватель безстрашный:
„Мужъ сей предъ вами! не долго искать его, если угоденъ
„Добрый совѣтъ; но меня да не презритъ никто, оскорбляясь
„Тѣмъ, что начну говорить между вами героями младшій.
„Самъ справедливо горжусь я отца знаменитаго родомъ,
„Кровью Тидея, котораго въ Ѳивахъ сокрыла могила.
„Три непорочные сына на свѣтъ рождены отъ Парѳея;
„Жили въ Плевронѣ и въ тучной землѣ, Калидонѣ гористомъ,
„Агрій и Мѐласъ; а третій изъ нихъ былъ Иней конеборецъ,
„Дѣдъ мой, Тидеевъ отецъ, знаменитѣйшій доблестью всѣхъ ихъ.
„Тамъ же и онъ обиталъ; но родитель мой въ Аргосъ укрылся,
„Долго скитавшійся: Зевсъ и безсмертные такъ восхотѣли.
„Дочерь Адраста избравши супругою, дому владыка,
„Благами жизни богатый, довольно имѣлъ онъ обширныхъ
„Нивъ хлѣбородныхъ, множество разныхъ садовъ плодоносныхъ,
„Множество стадъ онъ имѣлъ, и Ахейскихъ мужей копьеборствомъ

„Всѣхъ превышалъ; но сіе вы, какъ истину, слышали сами.
„Знаяжъ, цари, что и я не презрѣннаго племени отрасль,
„Вы не презрите совѣтомъ, которой скажу я свободно:
„Въ битву пойдемъ, не взирая на раны: зоветъ неизбѣжность!
„Тамъ мы покажемся ратямъ; но боя удержимся, ставши
„Одаль отъ стрѣлъ, чтобы кто либо раны на рану не принялъ;
„Только другихъ поощримъ на сраженіе: множество ратныхъ,
„Слабымъ сердцамъ угождая, стоятъ вдалекѣ не сражаясь.

Такъ говорилъ; и внимательно слушавъ, цари покорились;
Къ битвѣ пошли, и предшествовалъ имъ Агамѐмнонъ державный.
Тою порой не вотще соглядалъ Посидонъ земледержецъ:
Онъ воеводамъ явился подъ образомъ древняго мужа;
Взялъ за десную царя, устроителя ратей Атрида,
И къ нему возгласилъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Царь Агамѐмнонъ! теперь Ахиллесово мрачное сердце
„Съ радости въ персяхъ трепещетъ, какъ гибель и бѣгство Данаевъ
„Онъ созерцаетъ! и нѣтъ у него ни малѣйшаго чувства!
„Пусть же онъ такъ и погибнетъ; и богъ постыдитъ горделивца!
„Ты жъ, Агамѐмнонъ не вовсе блаженнымъ богамъ ненавистенъ;
„Можетъ быть, скоро Троянскихъ племенъ и вожди и владыки
„Прахъ по широкому полю подымутъ; можетъ быть, скоро
„Ты ихъ увидишь бѣгущихъ отъ нашихъ судовъ и отъ кущей.

Рекъ онъ, и съ крикомъ ужаснымъ понесся стремительно полемъ.
Словно какъ девять, иль десять бы тысячь воскликнули разомъ
Сильныхъ мужей на войнѣ, зачинающихъ ярую битву:
Гласомъ изъ персей такимъ колебатель земли Посидаонъ

Грянулъ межъ воинствъ, и каждому въ сердце Ахейцу вдохнулъ онъ
Бурную силу, безъ устали вновь воевать и сражаться.

Гера, владычица златопрестольная, ставъ на Олимпѣ,
Взоры свои съ высоты устремила, и скоро узнала
Быстро уже пролетавшаго поприще славнаго боя,
Брата и деверя мощнаго; радость проникла ей душу.
Зевса жъ, на высяхъ сѣдящаго Иды, потоками шумной,
Гера узрѣла, и былъ ненавистенъ онъ сердцу богини.
Начала думы вращать волоокая Зевса супруга,
Какъ обольстить ей божественный разумъ царя Эгіоха?
Лучшею сердцу богини сія показалася дума:
Зевсу на Идѣ явиться, убранствомъ себя изукрасивъ.
Можетъ быть, онъ возжелаетъ почить и любви насладиться,
Видя прелесть ея; а она и глубокій и сладкій,
Можетъ быть, сонъ проліетъ на зѣницы его и на разумъ.
Гера вошла въ почивальню, которую сынъ ей любезный
Создалъ Гефестъ: къ вереямъ примыкались въ ней плотныя двери
Тайнымъ запоромъ, никѣмъ отъ безсмертныхъ еще неотверзстымъ:
Въ оную Гера вступивъ, затворила блестящія створы.
Тамъ—амврозической влагой она до малѣйшаго праха
Съ тѣла прелестнаго смывъ, умастилася масломъ чистѣйшимъ,
Сладкимъ, небеснымъ, изящнѣйшимъ всѣхъ у нее благовоній:
Чуть сотрясали его въ мѣдностѣнномъ Кроніона домѣ,
Вдругъ до земли и до неба божественный духъ разливался.
Имъ умастивши прекрасное тѣло, власы расчесала,
Хитро сплела и сложила, и волны блистательныхъ кудрей,
Пышныхъ, небеснодушистыхъ съ безсмертной главы низпустила.

Тою душистой одѣлася ризой, какую Аѳина
Ей соткавъ, изукрасила множествомъ дивныхъ узоровъ;
Ризу златыми застежками выше грудей застегнула.
Станъ опоясала поясомъ, тьмою бахромъ окруженнымъ.
Въ уши прекрасныя серги, съ тройными подвѣсями, вдѣла,
Ярко игравшія: прелесть кругомъ отъ богини блистала.
Легкимъ покровомъ главу осѣнила державная Гера,
Пышнымъ, новымъ, который какъ солнце сіялъ бѣлизною.
Къ свѣтлымъ ногамъ привязала красы велелѣпной плесницы.
Такъ, для очей восхитительнымъ, тѣло украсивъ убранствомъ,
Вышла изъ ложницы Гера, и Зевсову дочь Афродиту
Вдаль отъ безсмертныхъ другихъ отозвала и ей говорила:
„Что я скажу, пожелаешь ли, милая дочь, мнѣ исполнить?
„Или отвергнешь, Киприда, въ душѣ на меня сокрывая
„Гнѣвъ, что я за Данаевъ, а ты благосклонна Троянамъ?

Ей отвѣчала немедленно Зевсова дочь Афродита:
„Гера, богиня старѣйшая, отрасль великаго Крона!
„Молви, чего ты желаешь; исполнить сердце велитъ мнѣ,
„Если исполнить могу я, и если оно исполнимо.

Ей, коварствуя сердцемъ, вѣщала державная Гера:
„Дай мнѣ любви, Афродита, дай мнѣ тѣхъ сладкихъ желаній,
„Коими ты покоряешь сердца и безсмертныхъ и смертныхъ.
„Я отхожу далеко, къ предѣламъ земли многодарной,
„Видѣть безсмертныхъ отца Океана и матерь Теѳису,
„Кои питали меня и лелѣяли въ собственномъ домѣ,
„Юную взявши отъ Реи, какъ Зевсъ безпредѣльно гремящій

„Крона подъ землю низвергъ и подъ волны безплоднаго моря.
„Ихъ я иду посѣтить, чтобъ раздоры жестокіе кончить.
„Долго, любезныя сердцу, объятій и брачнаго ложа
„Долго чуждаются боги: вражда имъ вселилася въ души.
„Если родителей я примирю моими словами,
„Если на одръ возведу, чтобы вновь сочетались любовью;
„Вѣчно останусь я и любезной для нихъ и почтенной.

Ей, улыбаясь плѣнительно, вновь отвѣчала Киприда:
„Мнѣ не возможно, не должно твоихъ отвергать убѣжденій;
„Ты почиваешь въ объятіяхъ бога всемощнаго Зевса.

Такъ говоря, разрѣшила на персяхъ, иглой изпещренный,
Поясъ узорчатый: всѣ обаянія въ немъ заключались;
Въ немъ и любовь и желанія, въ немъ и знакомства и прозьбы,
Льстивыя рѣчи, не разъ уловлявшія умъ и разумныхъ.
Герѣ его подала и такія слова говорила:
„Вотъ мой поясъ узорный, на лонѣ сокрой его, Гера!
„Въ немъ заключается все; и въ чертоги Олимпа, надѣюсь,
„Ты не прійдешь, не исполнивши пламенныхъ сердца желаній.

Такъ изрекла; улыбнулась лилейнораменная Гера,
И съ улыбкой сокрыла блистательный поясъ на лонѣ.
Къ сонму боговъ возвратилася Зевсова дочь Афродита.
Гера же, вдругъ устремившись, оставила выси Олимпа,
Вдругъ пролетѣла Піэріи холмы, Эмаѳіи долы,
Быстро промчалась по снѣжнымъ горамъ Ѳракіянъ быстроконныхъ,
Выше утесовъ паря и стопами земли не касаясь;

Съ гордой Аѳоса вершины сошла на волнистое море;
Тамъ низпустилася въ Лемнѣ, Ѳоасовомъ градѣ священномъ;
Тамъ со Сномъ повстрѣчалася, братомъ возлюбленнымъ Смерти;
За руку бога взяла, называла и такъ говорила:
„Сонъ, повелитель всѣхъ небожителей, всѣхъ земнородныхъ!
„Если когда либо слово мое исполнялъ ты охотно,
„Нынѣ исполни еще: благодарность моя безпредѣльна.
„Сонъ, усыпи для меня Громодержцевы ясныя очи
„Въ самый тотъ мигъ, какъ на ложѣ приму я въ объятія бога.
„Въ даръ отъ меня ты получишь тронъ велелѣпный, нетлѣнный,
„Златомъ сіяющій: сынъ мой, художникъ, Гефестъ хромоногій,
„Самъ для тебя сотворитъ и подножіемъ пышнымъ украситъ,
„Нѣжныя ноги тебѣ на пиршествахъ сладкихъ покоить.

Герѣ державной не медля отвѣтствовалъ Сонъ усладитель:
„Гера, богиня старѣйшая, отрасль великаго Крона!
„Каждаго я изъ боговъ, населяющихъ небо и землю,
„Сномъ одолѣю легко; усыплю я и самыя волны
„Древней рѣки Океана, отъ коего все родилося. *
„Къ Кронову жъ сыну царю и приблизиться я не посмѣю,
„Въ сонъ не склоню Громодержца, доколѣ не самъ повелитъ онъ.
„Помню, меня онъ и прежде своей образумилъ грозою,
„Въ день, какъ возвышенный духомъ Гераклъ, порожденный Зевесомъ,
„Плылъ отъ бреговъ Иліона, Троянскаго града рушитель:
„Въ оный я день обаялъ Эгіоха всесильнаго разумъ,
„Сладко разлившися; ты жъ устроила напасти Гераклу;
„Ты неистовыхъ вѣтровъ воздвигнула бурю на море;

* Система философовъ, полагающихъ, что вода есть начало вещей.

„Сына его далеко отъ друзей, далеко отъ отчизны,
„Бросила къ брегу Коѳса. Воспрянулъ Кронидъ, и грозою
„Всѣхъ по чертогу разсыпалъ безсмертныхъ; меня наипаче
„Гнѣвный искалъ, и на гибель съ неба забросилъ бы въ море,
„Если бы Ночь не спасла, и безсмертныхъ и смертныхъ царица.
„Къ ней я, спасаясь, прибѣгъ. Укротился, какъ ни былъ разгнѣванъ,
„Зевсъ молнелюбецъ: священную Ночь оскорбить онъ страшился.
„Ты же велишь мнѣ опять посягнуть на опасное дѣло!

Вновь говорила ему волоокая Гера богиня:
„Сонъ усладитель, почто безпокойныя мысли питаешь?
„Или ты думаешь, будетъ Троянъ защищать Громовержецъ
„Такъ же, какъ въ гнѣвѣ своемъ защищалъ онъ любезнаго сына?
„Шествуй; тебѣ въ благодарность юнѣйшую дамъ я Хариту;
„Ты обоймешь наконецъ, назовешь ты своею супругой
„Ту Пазиѳею, по коей давно всѣ дни воздыхаешь.

Такъ изрекла, и отвѣтствовалъ Сонъ, восхищенный обѣтомъ:
„Гера, клянись нерушимою клятвою, Стикса водою;
„Руки простри и коснися, одною земли многодарной,
„Свѣтлаго моря другою, да будутъ свидѣтели клятвы
„Всѣ преисподніе боги, присущіе древнему Крону:
„Ими клянися, что мнѣ ты супругой Хариту младую
„Дашь Пазиѳею, по коей давно я всѣ дни воздыхаю.

Рекъ, и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Руки простерши клялась, и какъ онъ повелѣлъ, призывала
Всѣхъ боговъ преисподнихъ, Титанами въ мірѣ зовомыхъ.

*

Ими клялася, и страшную клятву едва совершила,
Оба взвились и оставили Имбра и Лемна предѣлы;
Оба, одѣтые облакомъ, быстро по воздуху мчались.
Скоро увидѣли Иду, звѣрей многоводную матерь;
Около Лекта оставивши понтъ, божества надъ землею
Быстро текли, и отъ стопъ ихъ дубравъ потрясались вершины.
Тамъ разлучилися: Сонъ, отъ Кронидовыхъ взоровъ таяся,
Сѣлъ на огромнѣйшей ели, какая въ то время на Идѣ
Высшая, гордой главою сквозь воздухъ въ эѳиръ уходила:
Тамъ онъ сидѣлъ, укрываясь подъ мрачными вѣтвями ели,
Птицѣ подобяся звонкоголосой, виталицѣ горной,
Въ сонмѣ безсмертныхъ слывущей Халкидой, у смертныхъ Киминдой.

Гера владычица быстро всходила на Гаргаръ высокій,
Иды горы на вершину: увидѣлъ ее Громовержецъ,
Только увидѣлъ, и страсть обхватила могучую душу
Тѣмъ же огнемъ, съ какимъ насладился онъ первой любовью,
Первымъ супружескимъ ложемъ, отъ милыхъ родителей тайнымъ.
Въ встрѣчу супругѣ возсталъ Громовержецъ и быстро воскликнулъ:
„Гера супруга! почто же ты шествуешь такъ отъ Олимпа?
„Я ни коней при тебѣ, ни златой колесницы не вижу.

Зевсу, коварствуя сердцемъ, вѣщала державная Гера:
„Я отхожу, о супругъ мой, къ предѣламъ земли даровитой,
„Видѣть безсмертныхъ отца Океана и матерь Теѳису.
„Боги питали меня и лелѣяли въ собственномъ домѣ.
„Ихъ я иду посѣтить, чтобъ раздоры жестокіе кончить.
„Долго, любезные сердцу, объятій и брачнаго ложа

„Долго чуждаются боги; вражда имъ вселилася въ души.
„Кони при мнѣ, у подошвы обильной потоками Иды
„Ждутъ, и оттолѣ меня и по сушѣ помчатъ и по влагѣ.
„Но сюда я, Кронидъ, прихожу для тебя отъ Олимпа,
„Ты на меня, о супругъ, не разгнѣвался бъ, если безмолвно
„Въ домъ отойду Океана, глубокія льющаго воды.

Быстро отвѣтствовалъ ей воздымающій тучи Кроніонъ:
„Гера супруга, идти къ Океану и послѣ ты можешь.
„Нынѣ почіемъ съ тобой и взаимной любви насладимся.
„Гера, такая любовь никогда, ни къ богинѣ ни къ смертной,
„Въ грудь не вливалася мнѣ и душею моей не владѣла!
„Такъ не любилъ я, плѣнялся младой Иксіона супругой,
„Родшею мнѣ Пириѳоя, совѣтами равнаго богу;
„Ни Данаей прельстясь, бѣлоногой Акризія дщерью,
„Родшею сына Персѣя, славнѣйшаго въ сонмѣ героевъ;
„Ни владѣя младой, знаменитаго Фѣникса дщерью,
„Родшею Криту Миноса и славу мужей Радаманѳа;
„Ни прекраснѣйшей смертной плѣнялся, Алкменою въ Ѳивахъ,
„Сына родившей героя, великаго духомъ Геракла;
„Даже Семелой, родившею радость людей, Діониса;
„Такъ не любилъ я, плѣнясь лѣпокудрой царицей Деметрой,
„Самою Летою славной, ни даже тобою, о Гера!
„Нынѣ пылаю тобою, желанія сладкаго полный!

Зевсу, коварствуя сердцемъ, вѣщала державная Гера:
„Страшный Кроніонъ! какія ты рѣчи, могучій, вѣщаешь?
„Здѣсь ты желаешь почить и объятій любви насладиться,

„Здѣсь, на Идейской вершинѣ, гдѣ все открывается взорамъ?
„Чтожь? и случиться то можетъ, если какой изъ безсмертныхъ
„Насъ почившихъ увидитъ, и всѣмъ населяющимъ небо
„Злобный разскажетъ? Тогда не посмѣю, возставшая съ ложа,
„Я въ Олимпійскій твой домъ возвратиться; позорно мнѣ будетъ!
„Если желаешь, и если твоей душѣ то пріятно,
„Есть у тебя почивальня, которую сынъ твой любезный
„Создалъ Гефестъ, и плотныя двери съ запоромъ устроилъ.
„Въ оной почить удалимся, когда ты желаешь покоя.

Герѣ быстро отвѣтствовалъ тучь воздыматель Кроніонъ:
„Гера супруга, ни богъ, на меня положися, ни смертный
„Насъ не увидитъ: такой надъ тобою кругомъ распростру я
„Облакъ златый; сквозь него не проглянетъ ни самое солнце,
„Коего острое око все проницаетъ и видитъ.

Рекъ, и въ объятія сильныя Зевсъ заключаетъ супругу.
Быстро подъ ними земля возрастила цвѣтущія травы,
Лотосъ росистый, Сафранъ и цвѣты Гіакинѳы густые,
Гибкіе, кои боговъ отъ земли высоко подымали.
Тамъ опочили они; и одѣлъ почивающихъ облакъ
Пышный, златый, изъ котораго свѣтлая капала влага.

Такъ беззаботно, любовью и сномъ побѣжденный, Кроніонъ
Спалъ на вершинѣ Идейской, въ объятіяхъ Геры супруги.
Быстро къ судамъ Аргивянъ побѣдительный Сонъ обратился,
Радости вѣсть возвѣстить черновласому Энносигѐю;
Сталъ передъ нимъ и воззвалъ, устремляя крылатыя рѣчи:

„Ревностно, царь Посидаонъ, теперь поборай за Данаевъ!
„Даруй ты имъ хоть мгновенную славу, пока почиваетъ
„Зевсъ Громовержецъ: царя окружилъ я дремотою сладкой;
„Гера склонила его насладиться любовью и ложемъ.

Рекъ, и къ другимъ отлетѣлъ племенамъ человѣческимъ славнымъ,
Болѣ еще возбудивъ Посидона къ защитѣ Ахеянъ.
Онъ предъ ряды первоборные вышелъ впередъ восклицая:
„Мы ли, Ахейцы, опять Пріамиду побѣду уступимъ?
„Мы ли допустимъ, чтобъ взялъ корабли онъ и славой покрылся?
„Такъ похваляется онъ и грозитъ, отъ того что бездѣйственъ
„Близъ кораблей остается могучій Пелидъ прогнѣвленный.
„Но и въ Пелидѣ намъ нужды не будетъ, когда совокупно
„Всѣ устремимся, рѣшася стоять одному за другаго!
„Други, внимайте, совѣтъ предложу я, а вы повинуйтесь:
„Быстро щитами, которые въ воинствѣ лучше и больше,
„Перси одѣнемъ, шеломами крѣпкими чела покроемъ,
„И мѣдножалыя, длинныя копья въ рукахъ потрясая,
„Храбро пойдемъ, передъ вами я самъ; и не мню, чтобы Гекторъ
„Могъ противъ насъ устоять, и неистово бурный на битвахъ!
„Кто межъ бойцами могучъ, но щитомъ не великимъ владѣетъ,
„Слабому пусть передастъ онъ, а самъ да идетъ подъ великимъ.

Такъ онъ вѣщалъ; и съ усердіемъ пламеннымъ всѣ покорились.
Сами цари, забывая ихъ язвы, строили ратныхъ,
Царь Діомедъ, Одиссей и державный Атридъ Агамѣмнонъ;
Рать обходя, заставляли мѣнять боевые доспѣхи:
Крѣпкіе крѣпкій вздѣвалъ, отдавая слабѣйшіе слабымъ.

Такъ ополчившися пышносіяющей мѣдью Данаи,
Двинулись: ихъ предводилъ Посидаонъ, колеблющій землю,
Мечь долголезвенный, страшный неся во всемощной десницѣ,
Равный молніи пламенной: съ нимъ не возможно встрѣчаться
Въ сѣчѣ погибельной: смертнаго ужасомъ онъ поражаетъ.

Рати Троянскія въ встрѣчу построилъ блистательный Гекторъ.
Въ оное время ужаснѣйшій споръ ратоборный воздвигли
Богъ Посидонъ черновласый и шлемомъ сверкающій Гекторъ,
Сей Иліонянъ любезныхъ, а тотъ Аргивянъ защищая.
Море вскипѣло, и волны до самыхъ судовъ и до кущей
Съ ревомъ плескало; а рати сходилися съ воплемъ ужаснымъ.
Волны морскія не столько свирѣпыя воютъ у брега,
Быстро гонимыя съ моря дыханіемъ бурнымъ борея;
Огнь истребитель не столько шумитъ распыхавшись пожаромъ,
Если по дебри гористой разлившися, лѣсъ пожираетъ;
Вѣтеръ не столько гремитъ по дубамъ высоко-волосымъ,
Если со всею свирѣпостью онъ завываетъ бушуя:
Сколько гремѣлъ на побоищѣ голосъ Троянъ и Ахеянъ,
Кои съ неистовымъ воплемъ одни на другихъ устремлялись.

Первый въ Аякса копьемъ шлемоблещущій Гекторъ ударилъ,
Въ мигъ, какъ Аяксъ на него наступалъ, и намѣтилъ онъ вѣрно:
Тамъ, гдѣ на персяхъ два перевѣсныхъ ремня простирались,
Сей отъ щита, а другой отъ меча у Аякса героя,
Тамъ поразилъ; но ремни защитили. Разгнѣвался Гекторъ
Видя, что быстрая мѣдь безполезно изъ рукъ излетѣла;
Къ сонму друзей отступилъ Пріамидъ, избѣгающій смерти.

Но его отступавшаго вдругъ поразилъ Теламонидъ
Камнемъ, которые кучей, подпоры судовъ извлеченныхъ,
Тамъ у бойцовъ подъ ногами крутились: такой подхвативши,
Въ грудь, чрезъ поверхность щита, поразилъ Пріамида близь выи,
Махомъ пустивъ, какъ кубарь, и пронесся онъ шумно кружася.
Словно какъ дубъ подъ ударомъ крушительнымъ Зевса Кронида
Падаетъ съ корня; изъ древа разбитаго вьется зловонный
Сѣрный дымъ; и стоитъ, какъ бездушный, паденіе зрѣвшій,
Близкій прохожій; погибеленъ громъ всемогущаго Зевса:
Такъ низпровергнулся быстро на прахъ Пріамидова крѣпость.
Дротъ изъ руки полетѣлъ, на него навалился огромный
Щитъ и шеломъ; и взгремѣла на немъ распещренная броня.
Съ крикомъ ужаснымъ къ нему полетѣли Ахейцы младые,
Падшаго чая увлечь, и изъ рукъ на него устремили
Множество пикъ; но не могъ ни единый владыкѣ народовъ
Язвы нанесть, ни ударить; не медля его окружили
Вои храбрѣйшіе: Полидамасъ и Эней и Агеноръ,
Лпкіи царь Сарпедонъ, и воинственный Главкъ непорочный;
Не было мужа о немъ не радѣвшаго; каждый надъ падшимъ
Выпуклый щитъ въ оборону простеръ; а друзья Пріамида
На руки скоро поднявъ, изъ борьбы понесли, поспѣшая
Къ конямъ ретивымъ, которые сзади сраженья и смуты
Съ храбрымъ возницей и съ пышной его колесницей стояли:
Кони ко граду помчали стенящаго тяжко героя.

Но когда принеслися къ рѣкѣ прекрасно текущей,
Ксанѳу пучинному, богомъ рожденному, Зевсомъ безсмертнымъ;
Тамъ съ колесницы его положили на землю, и свѣжей

Влагой лице оросили. Вздохнулъ, проглянулъ онъ очами,
И, на колѣнахъ держащійся, кровью изъ устъ обливался;
Скоро опять опрокинулся въ прахъ, и опять ему очи
Мрачная ночь осѣнила: ударъ оглушалъ еще душу.

Рати Ахеянъ, увидѣвши Гектора шедшаго съ поля,
Бросились жарче на гордыхъ Троянъ, и возвысились духомъ.
Первый отъ всѣхъ Аргивянъ, Оилѐевъ Аяксъ быстроборный
Сатнія смертно проболъ, налетѣвъ съ изощренною пикой,
Сатнія, Э̀нопа сына, котораго нимфа Наяда
Э̀нопу, пастырю стадъ, родила на брегахъ Сатніона.
Сатнія славный копейщикъ Аяксъ Оилйдъ, налетѣвши,
Въ пахъ поразилъ: опрокинулся онъ; и за трупъ Энопйда
Трои сыны и Ахеяне подняли страшную сѣчу.
Полидамàсъ за него, потрясая огромною пикой,
Мстителемъ вышелъ, и бросивъ попалъ Проѳоѐнора въ рамо,
Вѣтвь Арейлика: рамо пронзаетъ могучая пика;
Въ прахъ онъ падетъ, и рукою хватаетъ кровавую землю.
Сынъ Панѳоя свирѣпо гордящійся, звучно воскликнулъ:
„Скажетъ ли кто и теперь, что у храбраго Полидамàса
„Тщетно изъ длани могучей огромная прянула пика!
„Острую принялъ какой-то Ахеецъ, и ею, надѣюсь,
„Онъ опираясь, пойдетъ въ преисподніе домы Аида!

Такъ восклицалъ: огорчили Ахеянъ надменнаго рѣчи;
Болѣе жъ всѣхъ у Аякса геройскую взорвали душу;
Подлѣ него пораженный противникомъ палъ Проѳоѐноръ.
Гнѣвный Аяксъ въ отступавшаго ринулъ сверкающій дротикъ:

Самъ Панѳоидъ едва отъ погибели черной избѣгнулъ,
Прянувши въ бокъ; но копье Архилохъ смертоносное принялъ,
Сынъ Антеноровъ: ему предназначили боги погибель;
Храбраго дротъ улучилъ въ сочетаніе выи съ главою,
Въ верхъ позвонка, и разсѣкъ у несчастнаго крѣпкія жилы:
Мощнымъ ударомъ сраженный, главой онъ, лицемъ и устами
Прежде ударился въ долъ, чѣмъ своими колѣнами, павшій.
Громко вскричалъ Теламонидъ къ Панѳоеву славному сыну:
„Взоръ обрати, Панѳоидъ, и повѣдай, Троянецъ, мнѣ правду:
„Пасть за вождя Пронооенора сей не достоинъ ли воинъ?
„Онъ не презрѣнный боецъ, не презрѣннаго, кажется, рода;
„Онъ Иліонянъ вождя, Антенора, смирителя коней,
„Сынъ или братъ; Антенора онъ племени сильно подобенъ.

Такъ говорилъ, несомнительно зная. Печаль поразила
Души Троянъ; и пронзилъ Акамасъ Беотійца Промаха
Мстящій за брата, котораго трупъ увлекалъ Беотіецъ.
Злобно надъ павшимъ гордился и такъ восклицалъ побѣдитель:
„Нѣтъ, Аргивяне стрѣльцы, угрозъ расточители праздныхъ!
„Нѣтъ, о друзья, не однимъ боевые труды и печали
„Намъ суждены: одинако погибель и васъ постигаетъ!
„Видите ль, воинъ и вашъ, низпроверженный пикой моею,
„Крѣпко уснулъ: не осталася месть за убитаго брата
„Долго безъ платы! Разуменъ, кто пекся, какъ братъ мой любезный,
„Брата въ дому по себѣ, отомстителя смерти оставить!

Такъ говорилъ; Аргивянъ оскорбили надмѣннаго рѣчи;
Болѣе жъ всѣхъ Пенелею воинственный духъ взволновали.

*

Бросился онъ на Троянца; но сильнаго встрѣтить удара
Тотъ не дерзнулъ; и герой Пенелѐй Иліòнея свергнулъ,
Отрасль Форбàса, стадами богатаго. Гермесомъ былъ онъ
Болѣе всѣхъ изъ Пергамцевъ любимъ и богатствомъ ущедренъ;
Но отъ супруги имѣлъ одного Иліòнея сына.
Пикой его Пенелѐй поразилъ въ основаніе ока,
Вышибъ зрачокъ; проколовшая пика и око и черепъ,
Вышла сквозь тылъ: и присѣлъ на побоищѣ, руки раскинувъ,
Юноша бѣдный; а тотъ, изъ влагалища вырвавши мечъ свой,
Въ выю съ розмаха ударилъ, и снесъ на кровавую землю
Голову съ мѣднымъ шеломомъ; еще смертоносная пика
Въ окѣ стояла; какъ макъ, онъ кровавую голову поднялъ,
Сонму Троянъ показалъ и гордящійся такъ говорилъ имъ:
„Трои сыны, извѣстите родителей славнаго сына,
„Мать и отца Иліòнея; пусть его въ домѣ оплачутъ!
„Ахъ! и младая жена Беотіянъ героя Промàха
„Встрѣтить супруга не къ радости выйдетъ, когда изъ-подъ Трои
„Мы въ корабляхъ возвратимся, младые Ахейскіе мужи!

Рекъ онъ; и лица Пергамлянъ покрылися ужасомъ блѣднымъ;
Каждый сталъ озираться на бѣгство отъ гибели грозной.

Нынѣ повѣдайте мнѣ, на Олимпѣ живущія Музы,
Кто межъ Ахейцами первый корысти кровавыя добылъ
Въ битвѣ, на сторону ихъ преклоненной царемъ Посидономъ?
Первый Аяксъ Теламонидъ отважнаго Иртія свергнулъ,
Гѝртова сына, вождя крѣпкодушныхъ, воинственныхъ Мизовъ;
Фалка сразилъ Антилохъ, и оружія съ Мѐрмера сорвалъ;

Вождь Меріонъ Гиппотіона съ Морисомъ храбрымъ низринулъ;
Тевкръ низложилъ Проѳоона, и мчавшагось въ бѣгъ Перифета;
Сильный Атридъ Гиперѐнора, пастыря сильныхъ народовъ,
Въ пахъ боковой закололъ; копіе, растерзавши утробу,
Внутренность вырвало вонъ; изъ зіяющей раны, тѣснимый
Духъ излетѣлъ, и тьма Гиперѐнору очи покрыла.
Болѣежъ всѣхъ поразилъ Оилѐевъ Аяксъ быстроногій:
Съ нимъ изъ вождей не равнялся никто быстротой на погонѣ
Воевъ бѣгущихъ, которыхъ ужасомъ Зевсъ поражаетъ.

ПѢСНЬ XV.

СОДЕРЖАНІЕ.

Зевсъ, возставъ отъ сна, видитъ бѣгство Троянъ, Посидона, пособляющаго Ахеянамъ, а Гектора безъ чувствъ лежащаго въ полѣ, ст. 1—12. Грозно уличаетъ онъ Геру въ козняхъ ея, и повелѣваетъ ей призвать отъ Олимпа Ирису и Аполлона, чтобы первую послать удалить Посидона изъ брани, а послѣдняго возстановить силы Гектора; при семъ Зевсъ предсказываетъ участь Патрокла, Гектора и судьбу всей брани Троянской, не могущей измѣниться, пока онъ не покараетъ Ахеянъ за оскорбленіе Ахиллеса и не прославитъ его, какъ обѣщалъ Ѳетидѣ, 13—77. Гера, пришедъ на Олимпъ, извѣщаетъ боговъ о грозныхъ предопредѣленіяхъ Зевса и смущаетъ весь сонмъ ихъ; отъ нее узнаетъ Арей объ убіеніи сына его Аскалафа и воспламеняется местію; неистовство его укрощаетъ Аѳина, 78 — 142. Аполлонъ съ Ирисою предстаютъ Зевсу; повелѣніе его, удалиться Посидону отъ брани, посланницей богу возвѣщенное, онъ принимаетъ съ негодованіемъ и гордыми угрозами, 143—219. Аполлонъ возстановляетъ силы Гектора, и онъ, возвратяся къ битвѣ, устрашаетъ Ахеянъ, 220 — 280. Они, по совѣту Ѳоаса, собравшися одни храбрые, еще противятся врагамъ и мужественно сражаются. Гекторъ напавъ и на нихъ, однихъ убиваетъ, а другихъ обращаетъ въ бѣгство, предводимый Аполлономъ, который потрясая Эгидомъ, отъ Зевса ему врученнымъ, ужасаетъ Ахеянъ и гонитъ, разрушаетъ ихъ стѣну, ею засыпаетъ ровъ и уравниваетъ путь къ кораблямъ; и Трояне уже предъ кораблями жестоко тѣснятъ Ахеянъ, 281 — 389. Патроклъ, увидѣвъ сію опасность, оставляетъ Эврипила и спѣшитъ къ Ахиллесу, чтобы убѣждать его помочь Ахеянамъ, 390—404. Между тѣмъ Ахеяне крѣпко защищаютъ корабли; многіе съ той и другой стороны убиты, 405—590. Наконецъ Гекторъ, устремляемый Зевсомъ, сильно нападаетъ на Ахеянъ, которые, хотя и жестоко тѣснимые, въ порядкѣ отступаютъ въ ряды кораблей, 591—674. Аяксъ Теламонидъ отличается доблестью: вооружася шестомъ и прядая съ корабля на корабль, одинъ отражаетъ Троянъ, съ огнемъ къ кораблямъ приступающихъ, одушевляетъ Ахеянъ, воздвигаетъ ужасную битву и геройски защищаетъ корабль Протезилая, которой зажечь приступилъ уже Гекторъ, 675—746.

ПѢСНЬ XV.

Въ бѣгствѣ, когда частоколъ и глубокій окопъ миновали,
И лишилися многихъ, руками Данаевъ попранныхъ;
Тамъ, у своихъ колесницъ удержалися, стали Трояне,
Блѣдны отъ страха и трепетны. Въ оное время воспрянулъ
Зевсъ на Идѣ горѣ, изъ объятій владычицы Геры.
Быстро воздвигшись онъ сталъ, и увидѣлъ Троянъ и Данаевъ,
Первыхъ въ разстройствѣ бѣгущихъ, а съ тыла жестоко гонящихъ,
Бодрыхъ Данаевъ, и между ихъ воинствъ царя Посидона;
Гектора жъ въ полѣ увидѣлъ простертаго; окрестъ героя
Други сидѣли: тягостно дышущій, чувства лишенный,
Кровь извергалъ онъ; его поразилъ не безсильный Данаецъ.
Видя его, милосердовалъ царь и безсмертныхъ и смертныхъ;
Быстро и грозно на Геру смотря, провѣщалъ Громодержецъ:
„Козни твои, о злотворная, вѣчно коварная Гера,
„Гектора мощнаго съ боя свели и Троянъ устрашили!
„Но еще я не знаю, не первая ль козней преступныхъ
„Вкусишь ты плодъ, какъ ударами молній тебя избичую!
„Или забыла, какъ съ неба висѣла? какъ двѣ навязалъ я
„На ноги наковальни, а на руки набросилъ златую

*

„Вервь неразрывную? Ты средь эѳира и облаковъ черныхъ
„Съ неба висѣла; скорбѣли безсмертные всѣ на Олимпѣ;
„Но свободить не могли приступая: кого ни постигъ я,
„Съ прага небеснаго махомъ свергалъ, и слеталъ онъ на землю
„Только что дышущій; симъ не смягчился бъ мой гнѣвъ непреклонный,
„Гнѣвъ, за страданія богоподобнаго сына Геракла,
„Коего ты, возбудивъ на него и Борея и бури,
„Злобно гнала по пустынному понту, бѣды устрояя;
„Къ краю чужому его, къ многолюдному бросила Косу.
„Я и оттолѣ избавилъ его, и въ отечество паки,
„Въ Аргосъ цвѣтущій привелъ, совершителя подвиговъ многихъ.
„То вспоминаю тебѣ, да оставишь ты козни и видишь,
„Въ помощь ли злобѣ твоей и любовь и объятія были,
„Коими ты, отъ боговъ удалялся, меня обольстила!

Онъ произнесъ; ужаснулась великая Гера богиня,
И воскликнула такъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Будьте свидѣтели мнѣ, о Земля, безпредѣльное Небо,
„Стикса подземныя воды, о вы, величайшая клятва,
„Клятва ужасная даже безсмертнымъ, я вами клянуся,
„Самой твоею священной главою, и собственнымъ нашимъ
„Ложемъ брачнымъ, которымъ во вѣкъ не клянуся я всуе!
„Нѣтъ, не съ совѣтовъ моихъ Посидаонъ, земли колебатель,
„Трои сынамъ и вождю ихъ вредитъ, а другихъ защищаетъ.
„Вѣрно къ тому преклоненъ и подвигнутъ онъ собственнымъ сердцемъ;
„Вѣрно Ахеянъ узрѣвъ, милосердовалъ онъ о стѣсненныхъ.
„Я жъ и ему бы скорѣе совѣтъ подала, да всегда онъ
„Ходитъ путемъ, по которому ты повелишь, Громовержецъ!

Такъ говорила; осклабился царь и безсмертныхъ и смертныхъ,
И отвѣтствовалъ ей, устремляя крылатыя рѣчи:
„Если впередъ, о супруга, лилейнораменная Гера!
„Будешь на сонмѣ божественномъ мыслить согласно со мною;
„Самъ Посидаонъ, хотя бы желалъ совершенно инаго,
„Мысль перемѣнитъ, согласно съ твоей и моею душею.—
„Нынѣ жъ, когда не притворно и истину ты говорила,
„Шествуй не медля къ семейству боговъ, повели да на Иду
„Вѣстница неба Ириса и Фебъ сребролукій предстанутъ.
„Вѣстница быстрая къ воинству мѣднодоспѣшныхъ Данаевъ
„Снидетъ и скажетъ мое повелѣнье царю Посидону,
„Да оставитъ онъ брань и въ обитель свою возвратится.
„Фебъ же великаго Гектора снова ко брани воздвигнетъ,
„Новую бодрость вдохнетъ, и его исцѣлитъ отъ страданій,
„Нынѣ терзающихъ душу героя; а рати Ахеянъ
„Вновь къ кораблямъ отразитъ, малодушное бѣгство пославши.
„Въ бѣгствѣ они упадутъ на суда Ахиллеса Пелида.
„Царь Ахиллесъ ополчитъ на сраженіе друга Патрокла,
„Коего въ битвѣ копьемъ поразитъ бронеблещущій Гекторъ
„Предъ Иліономъ, какъ тотъ уже многихъ юношей храбрыхъ
„Свергнетъ, и съ ними мою драгоцѣнную вѣтвь, Сарпедона.
„Гектора, мстящій за друга, сразитъ Ахиллесъ знаменитый.
„Съ онаго времени паки побѣгъ отъ судовъ и погоню
„Я сотворю, и уже невозвратно, доколѣ Ахейцы
„Трои святой не возмутъ, по совѣтамъ премудрой Аѳины.
„Такъ не свершившемусь, гнѣва ни самъ не смягчу, ни другому
„Богу безсмертному я Аргивянъ защищать не позволю
„Прежде, пока не исполнится все упованье Пелида:

„Такъ обѣщалъ я, и такъ утвердилъ я моею главою
„Въ день, какъ Өетида, объемля колѣна, меня умоляла
„Сына прославить ея, Ахиллеса, рушителя твердей.

Рекъ; и ему покорилась лилейнораменная Гера;
Бросилась съ Иды горы, устремляяся быстро къ Олимпу.
Такъ устремляется мысль человѣка, который, прошедши
Многія земли, про нихъ размышляетъ умомъ просвѣщеннымъ:
Тамъ проходилъ я, и тамъ; и про многое вдругъ вспоминаетъ:
Съ равной стремясь быстротой, пролетѣла по воздуху Гера;
Высей Олимпа достигнувъ, она обрѣла совокупныхъ
Всѣхъ небожителей въ домѣ Кронида. Богиню увидѣвъ,
Всѣ поднялися и каждый своею чествовалъ чашей.
Гера, всѣхъ обошедъ, у Өемисы румяноланитой
Приняла чашу: Өемиса бо первая Герѣ входящей
Бросилась въ встрѣчу, и рѣчи крылатыя къ ней устремила:
„Что ты, о Гера, приходишь, такимъ пораженная страхомъ?
„Вѣрно тебя устрашилъ громоносный супругъ твой, Кроніонъ?

Ей отвѣчала богиня, лилейнораменная Гера:
„Что вопрошаешь, Өемиса безсмертная; или не знаешь,
„Сколько метателя молній душа и горда и сурова.
„Но возсядь, и начни ты пиръ съ безсмертными общій;
„Вмѣстѣ со всѣми богами услышишь, Өемиса, какіе
„Ужасы намъ возвѣщаетъ Кроніонъ. Никто, уповаю,
„Радостенъ сердцемъ не будетъ, ни смертный, ни даже безсмертный,
„Какъ бы онъ ни былъ донынѣ средь пиршества мирнаго веселъ.

Такъ изрекла, и возсѣла владычица Гера; смутились
Боги въ Зевсовомъ домѣ; она жъ улыбалась устами,
Но чело у нее между черныхъ бровей не свѣтлѣло.
Вдругъ, ко всѣмъ обращаясь, воскликнула гнѣвная Гера:
„Боги безумные, мы безразсудно враждуемъ на Зевса!
„Мы безполезно пылаемъ его укротить, нападая
„Словомъ иль силою! Онъ, удаляся, объ насъ и не мыслитъ,
„Насъ презираетъ; считаетъ, что онъ межъ боговъ вѣковѣчныхъ
„Властью и силой своей превосходнѣе всѣхъ несравненно.
„Должно терпѣть вамъ, какое бы зло и кому бъ ни послалъ онъ;
„Имъ, какъ я мыслю, сегодня ударъ нанесенъ и Арею:
„Палъ на бою Аскалафъ, браноносецъ, любезнѣйшій богу,
„Смертный, котораго сыномъ могучій Арей называетъ.

Такъ изрекла; и ударилъ Арей по крутымъ себя бедрамъ
Длацями жилистыхъ рукъ, и рыдающій громко воскликнулъ:
„О! не вините меня, на Олимпѣ живущіе боги,
„Если за сына я мстить иду къ ополченьямъ Ахейскимъ,
„Мстить, хоть и сужено мнѣ, пораженному Зевса перуномъ,
„Съ трупами вмѣстѣ лежать, въ потокахъ кровавыхъ и прахѣ!

Рекъ, и тогда жъ повелѣлъ онъ и Страху и Ужасу коней
Впречь; а самъ покрывался оружіемъ пламеннозарнымъ.
Вѣрно бъ сильнѣйшій, стократно ужаснѣйшій, нежели прежній,
Гнѣвъ Громодержца и мщенье противу боговъ воспылали;
Но Аѳина богиня, за всѣхъ устрашася безсмертныхъ,
Бросилась въ двери, оставивши тронъ, на которомъ сидѣла;
Щитъ отъ раменъ и шеломъ отъ главы у Арея сорвала,

Пику поставила въ сторону, вырвавъ изъ длани дебелой,
И загремѣла, словами напавъ на суроваго бога:
„Буйный, безумный, ты потерялся! Напрасноль имѣешь
„Уши чтобъ слышать? Иль стыдъ у тебя и разсудокъ погибли?
„Или не слышишь ты, что говоритъ владычица Гера,
„Гера, теперь возвратившаяся къ намъ отъ владыки Зевеса?
„Или ты хочешь какъ самъ, претерпѣвъ неисчетныя бѣдства,
„Съ горькимъ стыдомъ, по неволѣ, на свѣтлый Олимпъ возвратиться,
„Такъ и на всѣхъ насъ безсмертныхъ навлечь неизбѣжное бѣдство?
„Скоро, сомнѣнія нѣтъ, племена и Троянъ и Данаевъ
„Бросилъ бы Зевсъ и пришелъ бы онъ насъ ужаснуть на Олимпѣ;
„И постигъ бы, карающій, всѣхъ и виновныхъ и правыхъ!
„Будь мнѣ послушенъ, и месть отложи за убитаго сына.
„Воинъ въ бою не одинъ, и храбрѣйшій его и сильнѣйшій,
„Палъ и еще низпадетъ, пораженный другимъ; не возможно
„Весь человѣческій родъ неисчетный отъ смерти избавить.

Такъ говоря, посадила на тронъ изступленнаго бога.
Гера жъ царя Аполлона изъ Зевсова вызвала дому
Вмѣстѣ съ Ирисою, вѣстницей быстрой боговъ Олимпійскихъ.
Къ нимъ возгласивши она, провѣщала крылатыя рѣчи:
„Зевсъ повелѣлъ, да на Иду не медля предстанете оба;
„Но лишь предстанете вы, и лице увидите бога,
„Дѣлайте, что повелитъ и чего Эгіохъ ни восхощетъ.

Такъ изрекла, и въ чертогъ возвратяся владычица Гера,
Сѣла на тронъ; а Ириса и Фебъ устремясь полетѣли;
Быстро спустились на Иду, звѣрей многоводную матерь.

Тамъ, на возвышенномъ Гаргарѣ Зевса нашли громодержца;
Онъ возсѣдѣлъ, и его благовонный увѣнчивалъ облакъ.
Боги, представъ предъ лице воздымателя облаковъ Зевса,
Стали; и къ нимъ устремилъ Олимпіецъ не гнѣвныя очи:
Скоро они покорились супруги его повелѣньямъ.
Къ первой Ирисѣ онъ рекъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Шествуй, Ириса быстрая, къ богу морей Посидону,
„Все, что реку, возвѣсти и неложною вѣстницей будь мнѣ.
„Пусть онъ брань оставитъ немедленно; пусть возвратится
„Или въ соборъ небожителей, или въ священное море.
„Если жъ глаголы мои не восхощетъ исполнить, но презритъ;
„Пусть онъ помыслитъ, и съ сердцемъ своимъ и съ умомъ совѣщаясь,
„Можетъ ли, какъ ни могущъ онъ, меня въ нападеніи встрѣтить.
„Думаю, что Посидаона я и могуществомъ высшій,
„Я и рожденьемъ старѣйшій; а онъ не страшится единый
„Равнымъ считаться со мной, предъ которымъ всѣ боги трепещутъ.

Рекъ; покорилась ему вѣтроногая вѣстница неба;
Быстро отъ Иды горы понеслась къ Иліону святому.
Словно какъ снѣгъ изъ тучи, иль градъ холодный обрушась,
Быстро летитъ, уносясь проясняющимъ воздухъ Бореемъ:
Такъ устремляяся быстрая, путь пролетѣла Ириса;
Стала и такъ провѣщала могущему Энносигѣю:
„Съ вѣстью тебѣ, Посидонъ, колебатель земли черновласый,
„Я низхожу отъ эгида носителя Зевса Кронида.
„Брань ты оставъ немедленно, такъ онъ велитъ; возвратися
„Или въ соборъ небожителей, или въ священное море.
„Если жъ глаголы его не восхощешь исполнить и презришь;

„Онъ угрожаетъ, что самъ и не медля, съ тобою сразиться
„Прійдетъ сюда; и совѣтуетъ онъ, чтобы ты уклонялся
„Рукъ громовержущихъ: вѣдаешь, онъ и могуществомъ высшій,
„Онъ и рожденьемъ старѣйшій; а ты Посидонъ не страшишься,
„Спорить о равенствѣ съ тѣмъ, предъ которымъ всѣ боги трепещутъ.

Ей, негодующій сердцемъ, отвѣтствовалъ царь Посидаонъ:
„Такъ, могущественъ онъ; но слишкомъ надменно вѣщаетъ,
„Ежели равнаго честью, меня укротить онъ грозится!
„Три насъ родилося брата отъ древняго Крона и Реи:
„Онъ Громодержецъ, и я, и Аидъ, преисподнихъ владыка;
„На трое все дѣлено, и досталося каждому царство:
„Жребіи бросившимъ намъ, въ обладаніе вѣчное пало
„Мнѣ волношумное море, Аиду подземные мраки,
„Зевсу досталось межъ тучъ и Эѳира пространное небо;
„Общею всѣмъ остается земля и Олимпъ многохолмный.
„Нѣтъ, не хожу по уставамъ я Зевсовымъ; какъ онъ ни мощенъ,
„Съ миромъ пусть остается на собственномъ третьемъ удѣлѣ;
„Силою рукъ онъ меня, какъ ничтожнаго, пусть не стращаетъ!
„Дщерей своихъ и сыновъ для Зевса приличнѣе будетъ
„Грознымъ глаголомъ обуздывать, коихъ на свѣтъ произвелъ онъ,
„Кои уставамъ его покоряться должны по неволѣ!

Вновь провѣщала ему вѣтроногая вѣстница Зевса:
„Сей ли отвѣтъ отъ тебя, Колебатель земли черновласый,
„Зевсу должна я повѣдать, отвѣтъ и суровый и страшный?
„Или, быть можетъ, смягчишь ты? Смягчимы сердца благородныхъ.
„Знаешь и то, что Эринніи вѣчно стоятъ за старѣйшихъ.

Ей отвѣтствовалъ вновь колебатель земли, Посидаонъ:
„Слово твое справедливо и мудро, Ириса богиня!
„Благо, когда возвѣститель исполненъ совѣтовъ разумныхъ.
„Но, признаюсь, огорченіе сильное душу объемлетъ,
„Если угрозами гордыми онъ оскорблять начинаетъ
„Равнаго съ нимъ и въ правахъ, и судьбой одареннаго равной!
„Нынѣ, хотя негодующій, волѣ его уступаю;
„Но объявляю, и въ сердцѣ моемъ сохраню я угрозу:
„Если Кроніонъ мнѣ вопреки и побѣдной Аѳинѣ,
„Гермесу богу, Гефесту царю и владычицѣ Герѣ,
„Будетъ щадить Иліонъ крѣпкостѣнный, когда не захочетъ
„Града разрушить и дать знаменитой побѣды Ахейцамъ;
„Пусть онъ знаетъ, межъ нами вражда безконечная будетъ!

Такъ произнесъ, и Ахейскую рать Посидаонъ оставилъ,
Въ понтъ погрузился; о немъ воздыхали Ахейцы герои.
И тогда къ Аполлону воззвалъ громовержецъ Кроніонъ:
„Нынѣ, возлюбленный Фебъ, къ мѣднобронному Гектору шествуй.
„Се, Обымающій землю, земли Колебатель могучій
„Въ море отходитъ священное; грознаго нашего гнѣва
„Онъ избѣгаетъ; услышали бъ грозную брань и другіе,
„Самые боги подземные, сущіе около Крона!
„Благо и мнѣ и ему, что и гнѣваясь, онъ уступаетъ
„Силамъ моимъ: не безъ пота бъ жестокаго дѣло свершилось!
„Но пріими, Аполлонъ, бахромистый эгидъ мой въ десницу,
„И потрясающій имъ, устраши ты героевъ Ахейскихъ.
„Самъ между тѣмъ попекись, Дальновержецъ, объ Гекторѣ славномъ;
„Храбрость его возвышай непрестанно, доколѣ Данаи

„Въ бѣгствѣ предъ нимъ, не придутъ къ кораблямъ и зыбямъ Гелеспонта.
„Съ онаго времени самъ я устрою и дѣло и слово,
„Да не медля почіютъ отъ бранныхъ трудовъ и Данаи.

Такъ произнесъ онъ; и не былъ Отцу Аполлонъ не покоренъ:
Съ Иды, шумной потоками, онъ устремился, какъ ястребъ,
Быстрый ловецъ голубей, между хищныхъ пернатыхъ быстрѣйшій.
Въ полѣ нашелъ Стрѣловержецъ Пріамова храбраго сына;
Гекторъ сидѣлъ, не лежалъ; и уже, обновившися въ силахъ,
Окрестъ стоящихъ друзей узнавалъ; прекратилась одышка,
Потъ перестал: возстанавливалъ Гектора промыслъ Кронида.
Близко представши къ нему, провѣщалъ Аполлонъ дальновержецъ:
„Гекторъ, Пріамова отрасль! почто отъ дружинъ удаленный,
„Духомъ унылый сидишь? Или горесть тебя удручила?

Дышущій томно, ему говорилъ шлемоблещущій Гекторъ:
„Кто ты, благій небожитель, ко мнѣ обращающій слово?
„Или еще не слыхалъ, что меня, предъ судами Ахеянъ
„Ихъ истреблявшаго рать, поразилъ Теламонидъ могучій
„Камнемъ въ грудь, и мою укротилъ кипящую храбрость?
„Я уже думалъ, что мертвыхъ и мрачное царство Аида
„Нынѣ увижу; уже испускалъ я дыханіе жизни.

Сыну Пріамову паки вѣщалъ Аполлонъ дальновержецъ:
„Гекторъ, дерзай! поборникъ могучій Зевсомъ Кронидомъ
„Съ Иды высокой тебѣ на покровъ и защиту низпосланъ,
„Я, Аполлонъ златомечный, безсмертный, который и прежде
„Сильной рукой защищалъ и тебя и высокую Трою.

„Шествуй къ полкамъ, и своимъ многочисленнымъ конникамъ храбрымъ
„Всѣмъ повели, къ кораблямъ устремить ихъ коней быстроногихъ.
„Я передъ ними пойду, и самъ для коней Иліонскихъ
„Путь уравняю, и въ бѣгъ обращу героевъ Ахейскихъ.

Рекъ, и ужасную силу вдохнулъ предводителю воинствъ:
Словно конь застоялый, ячменемъ раскормленный въ ясляхъ,
Привязь расторгнувъ летитъ, и копытами поле копаетъ;
Пламенный, плавать обыклый въ рѣкѣ быстрольющейся, пышетъ,
Голову, гордый, высоко несетъ; вкругъ раменъ его мощныхъ
Грива играетъ; гордится онъ самъ красотой благородной;
Быстро стопы его мчатъ къ кобылицамъ и паствамъ знакомымъ:
Гекторъ таковъ, съ быстротою такой оборачивалъ ноги,
Бога услышавши гласъ; возбуждалъ онъ на бой конеборцевъ.—
Словно рогатую лань, или дикую козу поднявши,
Гонятъ упорно горячіе псы и ловцы поселяне;
Но высокій утесъ и густая тѣнистая роща
Звѣря спасаютъ: его изловить имъ не сужено рокомъ;
Крикомъ межъ тѣмъ пробужденный, является левъ густобрадый
Имъ на пути, и толпу распыхавшуюсь въ бѣгъ обращаетъ:
Такъ Аргивяне, дотолѣ толпой неотступные гнали
Трои сыновъ, и мечами и копьями въ тылъ поражая;
Но, лишь увидѣли Гектора быстро идущаго къ рати,
Дрогнули всѣ, и у каждаго въ ноги отважность упала.

Ихъ Ѳоасъ ободрялъ, благородный сынъ Андремоновъ,
Мужъ Этолійскій знатнѣйшій, искусный въ бою стрѣлобойномъ,
Храбрый и въ стойкомъ; его и въ собраньяхъ мужей побѣждали

Рѣдкіе, если при немъ въ краснорѣчіи спорила юность.
Онъ, распаляемый ревностью, такъ говорилъ межъ Ахеянъ:
„Боги! ужасное чудо моимъ представляется взорамъ!
„Гекторъ воскресъ! отъ ужасной смерти избѣгнувши, паки
„Гекторъ предъ нами! А мы уповали, что гордый Троянецъ
„Душу предастъ подъ рукой Теламонова сына, Аякса.
„Вѣрно могущій безсмертный опять сохранилъ и возставилъ
„Мужа, которой ужъ многимъ колѣна сломилъ Аргивянамъ,
„Что и еще совершитъ, какъ предвижу я! Онъ не безъ воли
„Зевса гремящаго сталъ передъ воинствомъ, пышущій боемъ.
„Други, совѣтъ предложу я, и всѣ мы ему покоримся.
„Ратной народной толпѣ повелимъ къ кораблямъ удалиться;
„Мы же, сколько ни есть насъ, храбрѣйшими въ рати слывущихъ,
„Противустанемъ; быть можетъ, его остановимъ мы, въ встрѣчу
„Копья уставивши; онъ, я надѣюся, какъ ни неистовъ,
„Сердцемъ своимъ содрогнется ворваться въ дружину героевъ.

Такъ говорилъ, и внимательно слушая всѣ покорились.
Быстро Аяксы могучіе, царь Девкалидъ копьеносецъ,
Тевкръ, Меріонъ неустрашимый и Мегесъ, Арею подобный,
Строили битву, созвавъ благородныхъ героевъ Ахейскихъ
Противъ Троянъ и великаго Гектора; тою порою
Сзади народа толпа къ кораблямъ отступала.—Трояне
Прежде напали толпой; предводилъ, широко выступая,
Гекторъ герой; а предъ Гекторомъ шествовалъ Фебъ небожитель,
Перси одѣявшій тучей, несущій эгидъ велелѣпный,
Бурный, косматый, ужасный, которой художникъ безсмертный
Зевсу Крониду Гефестъ даровалъ, человѣкамъ на ужасъ.

Съ симъ онъ Эгидомъ въ десницѣ, предшествовалъ ратямъ Троянскимъ.

Ихъ нажидали Ахейцы сомкнувшися; разомъ раздался
Яростный крикъ отъ обѣихъ ратей; съ тетивъ заскакали
Быстрыя стрѣлы; и копья, изъ дерзостныхъ рукъ полетѣвши,
Многія въ тѣло вонзались воинственныхъ юношей красныхъ,
Многія, среди пути, не отвѣдавъ цвѣтущаго тѣла,
Въ землю вонзяся дрожали, алкая насытиться тѣломъ.

Долго, доколѣ Эгидъ Аполлонъ держалъ неподвижно,
Стрѣлы равно между воинствъ летали, и падали вои;
Но едва Аргивянамъ въ лице онъ воззрѣвши, эгидомъ
Бурнымъ потрясъ, и воскликнулъ и звучно и грозно: смутились
Души въ ихъ персяхъ, забыли Аргивцы кипящую храбрость.
Словно какъ стадо воловъ, иль овецъ великую кучу
Хищные звѣри въ глубокую мрачную ночь разсыпаютъ,
Если находятъ незапные, въ часъ какъ отсутствуетъ пастырь:
Такъ Аргивяне разсыпались, слабые; Фебъ на сердца ихъ
Ужасъ навелъ, посылая Троянамъ и Гектору славу.

Тутъ ратоборецъ сражалъ ратоборца въ разсѣянной битвѣ.
Гекторъ могучій и Стихія свергнулъ и Аркезилая:
Стихія, войскъ предводителя мѣднодоспѣшныхъ Беотянъ,
Аркезилая, вѣрнаго друга вождя Менесѳея.
Но Энея оружіемъ Іасъ поверженъ и Медонъ:
Медонъ, сынъ незаконный владыки мужей Оилея,
Былъ Оилида Аякса младшій братъ; но въ Филакѣ
Онъ обиталъ, удалясь изъ отчизны какъ мужа убійца,

Мачихи брата убивъ, Эріопы жены Оилея;
Іасъ же былъ предводитель воинственныхъ духомъ Аѳинянъ,
Сыномъ Сфела отъ всѣхъ называвшійся, Буколіона.
Полидамасъ поразилъ Мекистея, Политъ же Эхія
Въ первомъ ряду, а Клонія сразилъ благородный Агеноръ;
Деіоха тутъ же Парисъ, убѣгавшаго между переднихъ,
Съ тыла въ плечо поразилъ и на сквозь оружіе выгналъ.

Тою порой, какъ они обнажали убитыхъ, Данаи
Въ ровъ и на колья его опрокинувшись, въ страшномъ разстройствѣ
Полемъ бѣжали вездѣ и за валъ укрывались неволей.
Гекторъ же голосомъ звучнымъ приказывалъ ратямъ Троянскимъ,
Прямо напасть на суда, а корысти кровавыя бросить:
„Если жъ кого либо я отъ судовъ удаленнымъ замѣчу,
„Тамъ жъ ему уготовлю и смерть! и несчастнаго, вѣрно,
„Мертвое тѣло ни братья, ни сестры огня не сподобятъ;
„Но Троянскіе псы растерзаютъ его передъ градомъ!

Рекъ; и бичемъ по хребтамъ поражая коней, полетѣлъ онъ,
Звучно къ Троянамъ крича по рядамъ; и они испуская
Страшные вопли, за нимъ устремили коней колесничныхъ
Съ громомъ ужаснымъ; и Фебъ Аполлонъ впереди передъ ними,
Быстро окопа глубокаго берегъ стопами разсыпавъ,
Весь въ середину обрушилъ, и путь умостилъ онъ Троянамъ
Длинный и столько широкій, какъ брошенный дротъ пролетаетъ,
Если, могучесть свою человѣкъ испытующій, броситъ.
Тамъ устремились Пергамлянъ фаланги; и Фебъ передъ ними,
Дивнымъ эгидомъ сіяя; разсыпалъ онъ стѣну Данаевъ

Такъ же легко, какъ играющій отрокъ песокъ возлѣ моря,
Если когда изъ песку онъ дѣтскую сдѣлавъ забаву,
Снова ее и рукой и ногой разсыпаетъ рѣзвяся:
Такъ, Аполлонъ дальномечущій, ты и великій и тяжкій
Трудъ разсыпалъ Ахеянъ, и предалъ ихъ блѣдному бѣгству.

Возлѣ судовъ наконецъ удержались они, собираясь.
Тамъ, ободряя другъ друга и руки горѣ воздѣвая,
Каждый боговъ небожителей всѣхъ умолялъ громогласно.
Несторъ же старецъ особенно, стражъ Аргивянъ неусыпный,
Зевса молилъ, воздѣвающій длани ко звѣздному небу:
„Если когда либо кто средь цвѣтущей Геллады, Кроніонъ!
„Тучныя бедра тебѣ отъ тельца иль овна возжигая,
„Въ домъ возвратиться молился, и ты преклонился къ моленью;
„Вспомни о томъ, и погибели день отврати, Олимпіецъ!
„Гордымъ Троянамъ не дай совершенно осилить Ахеянъ!

Такъ онъ молился; и грянулъ съ небесъ промыслитель Кроніонъ,
Внявшій моленію Нестора, благочестиваго старца.
Но Трояне, въ ихъ пользу принявшіе знаменье Зевса,
Жарче на рати Ахейскія бросились, жадные боя.
Словно какъ валъ огромный широкоразливнаго моря
Выше боковъ корабля подымается, двинутый страшной
Силою бури, которая волны на волны вздымаетъ:
Такъ устремились Трояне съ неистовымъ воплемъ за стѣну;
Коней пригнали туда жъ, и у кормъ въ рукопашную битву
Съ копьями острыми стали; они съ высоты колесницъ ихъ,
Тѣ жъ съ высоты кораблей своихъ черныхъ, на оныхъ держася,

Бились шестами огромными, кои въ судахъ сохранялись
Къ бою морскому, сплоченные, съ верху набитые мѣдью.

Храбрый Патроклъ, доколѣ Ахейцы съ Троянскою силой
Бились еще предъ стѣною, вдали отъ судовъ мореходныхъ,
Въ кущѣ сидѣлъ, у высокаго духомъ вождя Эврипила;
Душу ему услаждалъ разговоромъ, и тяжкую рану
Вкругъ осыпалъ врачевствомъ, утоляющимъ черныя боли.
Но какъ скоро за стѣну увидѣлъ стремящихся бурно
Гордыхъ Троянъ, а Данаевъ услышалъ и крикъ и тревогу;
Громко воскликнулъ Патроклъ, и руками по бедрамъ могучимъ
Съ грусти ударилъ себя, и печальный вѣщалъ Эврипилу:
„Нѣтъ, Эврипилъ, не могу я съ тобою, хотябъ и желалъ ты,
„Долѣе здѣсь оставаться; ужасная битва возстала!
„Пусть благородный сподвижникъ тебя утѣшаетъ; а самъ я
„Къ другу Пелиду спѣшу, да его преклоню ополчиться.
„Можетъ быть, какъ предузнать? убѣдить Ахиллесово сердце
„Богъ мнѣ поможетъ; сильно всегда убѣжденіе друга.

Такъ говорящаго, ноги его уносили.—Ахейцы
Противъ Троянъ нападающихъ крѣпко стояли; но тщетно
Ихъ, и меньшихъ числомъ, отразить отъ судовъ напрягались.
Тщетно и Трои сыны напрягались Ахеянъ фаланги
Боемъ расторгнувъ, ворваться въ ряды кораблей ихъ и сѣней.
Словно правильный спуръ, корабельное древо ровняетъ
Зодчаго умнаго въ длани, который художества мудрость
Всю хорошо разумѣетъ, воспитанникъ мудрой Аѳины:
Такъ между ними борьба и сраженіе ровныя были.

Тѣ предъ одними, а тѣ предъ другими судами сражались.

Гекторъ герой на Аякса, высокаго славою, вышелъ.
Оба они за единый корабль подвизались, и тщетно
Сей защитителя сбить и корабль запалить домогался;
Тотъ отразить супостата, котораго демонъ приближилъ.
Тутъ Клитейда Калѣтора свергнулъ Аяксъ знаменитый,
Огнь на корабль заносящаго, пикою въ перси ударивъ;
Съ шумомъ онъ грянулся въ прахъ, изъ руки его выпала свѣточь.
Гекторъ, какъ скоро увидѣлъ роднаго ему Клитейда,
Замертво павшаго въ прахъ передъ черной кормой корабельной,
Звучно воскликнулъ, Троянъ и Ликіянъ на бой поощряя:
„Трои сыны и Ликійцы, и вы, рукоборцы Дарданцы!
„Стойте, страшитеся въ сей тѣснотѣ отступать изъ сраженья;
„Лучше отстойте вы Клитія сына, да врагъ не похититъ
„Славныхъ оружій съ убитаго въ самомъ стану корабельномъ.

Такъ произнесъ, и въ Аякса направилъ сіяющій дротикъ,
Но попалъ не въ него; а въ клеврета его Ликофрона,
Мастора вѣтвь, Киѳерейца, въ Аяксовомъ жившаго домѣ
Съ оной поры, какъ убійство свершилъ у Киѳерянъ священныхъ:
Гекторъ его близь Аякса стоящаго, въ черепъ надъ ухомъ
Дротомъ ударилъ убійственнымъ: въ прахъ онъ съ кормы корабельной
Рухнувшись, навзничь палъ, и его сокрушилася крѣпость.
Храбрый Аяксъ ужаснулся, и къ брату младому воскликнулъ:
„Тевкръ, потеряли мы, братъ мой, нашего вѣрнаго друга!
„Палъ Масторидъ, котораго мы, изъ Киѳеры пришельца,
„Въ нашемъ дому, какъ любезныхъ родителей, всѣ почитали.

*

„Палъ онъ отъ Гектора! Гдѣ же твои смертоносныя стрѣлы?
„Гдѣ твой лукъ сокрушительный, данный тебѣ Аполлономъ?

Рекъ онъ; и тотъ его понялъ, и прянувши, сталъ близъ героя
Съ лукомъ разрывчатымъ въ вѣрной рукѣ, и съ колчаномъ на рамѣ,
Полнымъ пернатыхъ; и быстро онъ ихъ на Троянъ посылая,
Клѝта стрѣлой поразилъ, Пизенѳрову славную отрасль,
Друга Панѳоева сына, почтеннаго Полидамàса:
Былъ онъ возница его, и тогда надъ конями трудился,
Правилъ туда, гдѣ въ сраженіи гуще клубились фаланги;
Гектору тѣмъ и Троянамъ желалъ угодить онъ; но быстро
Гибель пришла, и никто изъ друзей отъ нее не избавилъ:
Въ выю возатую съ тыла стрѣла смертоносная пала;
На землю грянулся онъ; и обратно ударились кони,
Праздной гремя колесницею. Скоро то свѣдалъ владыка
Полидамàсъ, и конямъ убѣгающимъ вышелъ на встрѣчу.
Ихъ Астинòю слугѣ, Протàона сыну, ввѣряя,
Крѣпко наказывалъ близко держать, на виду непрестанно;
Самъ устремившись обратно, съ передними сталъ на сраженье.

Тевкръ же другую стрѣлу противъ Гектора мужеубійцы
Вынулъ; и вѣрно принудилъ бы бой перервать предъ судами,
Вѣрно стрѣлой у героя побѣднаго душу исторгъ бы;
Но не укрылся отъ промысла Зевсова: Зевсъ Пріамида
Самъ охранялъ, и у Тевкра пылавшаго славу похитилъ:
Тевкръ наляцалъ, какъ на лукѣ его превосходномъ крутую
Богъ сокрушилъ тетиву, и у Тевкра умчалася мимо
Тяжкая мѣдью стрѣла, и лукъ изъ руки его выпалъ.

Тевкръ ужаснулся, и къ брату Аяксу не медля воскликнулъ:
„Горе! какой-то демонъ ратные замыслы наши
„Всѣ разрушаетъ; и лукъ у меня онъ исторгнулъ изъ длани
„И расторгъ тетиву мнѣ, которую свѣжую нынѣ
„Я на лукъ навязалъ, чтобы вынесла частыя стрѣлы.

Тевкру отвѣтствовалъ быстро Аяксъ Теламонидъ великій:
„Другъ, оставь ты въ покоѣ и лукъ и крылатыя стрѣлы,
„Если ихъ богъ разсыпаетъ, Ахеянамъ храбрымъ враждебный.
„Съ пикой огромной въ рукѣ, и съ щитомь на плечѣ, Теламонидъ,
„Ратуй Троянъ, и дружины свои возбуждай къ ратоборству.
„Пусть не легко, и побѣдой гордяся, возмутъ сопостаты
„Наши суда доброснастныя; вспомнимъ Ахейскую храбрость!

Такъ говорилъ онъ; и Тевкръ подъ кущею лукъ свой оставилъ;
Щитъ на плечо многоблятистый, четыреслойный набросилъ,
Шлемъ на главу удалую красивый надѣлъ, осѣненный
Гривою конскою; гребень ужасный надъ нимъ развѣвался.
Взявъ наконецъ копіе, повершенное острою мѣдью,
Вышелъ назадъ, и примчася стремительно, сталъ близъ Аякса.

Гекторъ едва усмотрѣлъ сокрушенными Тевкровы стрѣлы,
Звучно вскричалъ, и Троянъ и Ликіянъ еще возбуждая:
„Трои сыны и Ликійцы, и вы, рукоборцы Дарданцы!
„Будьте мужами, о други; воспомните рьяную храбрость
„Здѣсь, предъ судами Ахеянъ! Своими очами я видѣлъ,
„Славнаго воина стрѣлы и лукъ уничтожены богомъ!
„Видимо ясно сынамъ человѣковъ могущество бога,

„Если кого Олимпіецъ высокою славой возноситъ,
„Или кого унижаетъ, защиты своей не сподобивъ:
„Такъ какъ теперь унижаетъ Ахеянъ, а насъ возвышаетъ.
„Въ бой на суда! наступите всѣмъ воинствомъ! Кто между вами
„Раненъ мечемъ, иль стрѣлой, роковою постигнется смертью,
„Тотъ умирай! Не безславно ему, защищая отчизну,
„Здѣсь умереть; но останутся живы супруга и дѣти,
„Домъ и наслѣдіе цѣлы останутся, если Ахейцы
„Въ черныхъ судахъ унесутся къ любезнымъ отечества землямъ.

Такъ говоря, возбудилъ онъ и силу и мужество въ каждомъ.
Сынъ Теламоновъ съ другой стороны восклицалъ предъ дружиной:
„Стыдъ вамъ, Ахеяне!—Лучше рѣшитеся, или погибнуть,
„Или спастись, но бѣду отразить отъ судовъ мореходныхъ!
„Чаете ль вы, какъ возметъ корабли шлемоблещущій Гекторъ,
„Каждый на землю родную пѣшкомъ возвратиться изъ Трои?
„Слышите, съ крикомъ какимъ ополченія всѣ возбуждаетъ
„Гекторъ, который сожечь корабли разъяренный стремится?
„Вѣрно сіи онъ толпы не на пляску зоветъ, а на битву!
„Намъ не осталось ни думы другой, ни рѣшимости лучшей,
„Какъ смѣсить съ супостатами руки и мужество наше!
„Лучше мгновенной рѣшимостью выкупить жизнь, иль погибнуть;
„Нежели долгіе дни изнурять ся жестокою бранью,
„Такъ безполезно средь стана, стѣсняясь народомъ слабѣйшимъ!

Такъ говоря, возбудилъ онъ и силу и мужество ратныхъ.
Гекторъ же мощный Схедія сразилъ, Перимѐдова сына,
Воинствъ Фокейскихъ вождя; но Аяксъ Лаодàмаса свергнулъ,

Пѣшихъ бойцовъ предводителя, славную вѣтвь Антенора;
Полидамасъ же корысти добылъ съ Килленейскаго Ота,
Друга Филидова, воинствъ вождя крѣпкодушныхъ Эпеянъ.
Мегесъ Филидъ налетѣлъ на убійцу; но въ сторону прянулъ
Полидамасъ; не умѣтилъ въ него, не судилъ Дальновержецъ
Сыну Панѳоеву славному пасть межъ рядовъ первоборныхъ.
Крезма Филидъ угодилъ сокрушительной пикою въ перси;
Съ шумомъ онъ палъ, и съ раменъ совлекалъ побѣдитель доспѣхи.
Вдругъ на Филида нагрянулъ Долопсъ Лампетидъ, Иліонскій
Славный копейщикъ, котораго сынъ Лаомедона доблій,
Лампъ велемудрый родилъ, знаменитаго доблестью бранной.
Онъ у Филида, нагрянувшій близко, щита середину
Пикой пробилъ, но его защитилъ крѣпкосозданный панцырь,
Латами сомкнутый плотно: Филей въ давнобытное время
Вывезъ доспѣхъ сей изъ града Эфиры, отъ водъ Селленса,
Коимъ какъ друга его одарилъ тамъ Эвфетъ скиптродержецъ,
Въ битвахъ кровавыхъ носить отъ враждебныхъ мужей обороной;
Онъ-то и сына его защитилъ отъ погибели грозной.
Мегесъ же Лампова сына по мѣдному шлему подъ гребнемъ,
Въ самую выпуклость верхнюю, пикою острой ударилъ;
Гривистый гребень съ основы сорвалъ, и на землю онъ цѣлый
Палъ и простерся во прахѣ, блистающій пурпуромъ свѣжимъ.
Но между тѣмъ, какъ сражался онъ пламенно, чая побѣды,
Сильный поборникъ явился ему, Менелай благородный;
Съ пикой, невидимый, сталъ въ сторонѣ, поразилъ Лампетида
Съ тыла въ плечо; и сквозь перси пробилося бурное жало
Рѣя впередъ; и во прахъ Лампетидъ опрокинулся навзничь.
Прянули оба на павшаго, мѣдную, славную броню

Съ плечъ совлекать. Но Гекторъ вскричалъ на Долопсовыхъ ближнихъ,
Ихъ порицая, и болѣе всѣхъ Гикетаона сына
Онъ укорялъ Меланиппа, который прежде въ Перкотѣ
Пасъ крутророгихъ воловъ, до нашествія рати враждебной;
Но какъ скоро Ахейцы въ судахъ многовеслыхъ приплыли,
Онъ прилетѣлъ въ Иліонъ, и въ дружинахъ Троянъ отличался,
Жилъ у Пріама, и чествованъ былъ какъ и сынъ Дарданидомъ.
Гекторъ его укорялъ, и къ нему говорилъ негодуя:
„Сынъ Гекетаоновъ! такъ ли оставимъ? уже ли нисколько
„Сердце твое не болитъ за сраженнаго милаго брата?
„Или не видишь ты, какъ надъ доспѣхомъ Долопса трудятся?
„Слѣдуй за мною! не время съ Аргивцами издали биться;
„Должно намъ всѣхъ истребить ихъ, покуда они съ основаній
„Трои высокой не свергли, и гражданъ ея не избили!

Рекъ, и понесся впередъ; и мужъ съ нимъ богу подобный.
Аргоса воевъ Аяксъ возбуждалъ, Теламонидъ великій:
„Други, мужайтесь! Наполните сердце стыдомъ благороднымъ!
„Воина воинъ стыдися на поприщѣ подвиговъ ратныхъ!
„Воиновъ, знающихъ стыдъ, избавляется болѣ, чѣмъ гибнетъ;
„Но бѣглецы не находятъ ни славы себѣ, ни избавы!

Такъ возбуждалъ; но и сами они защищаться пылали;
Въ сердцѣ сложили героя слова, и суда оградили
Мѣдной стѣной; но Троянъ противъ нихъ устремлялъ Громодержецъ.
Храбрый Атридъ Менелай возбуждалъ Антилоха младаго:
„Нѣтъ, Антилохъ, никого ни моложе тебя изъ Ахеянъ,
„Ни быстрѣе для бѣга, ни силами крѣпче для боя.

„Если бы прянувъ впередъ, поразилъ ты какого Троянца!

Такъ произнесъ, и назадъ отступилъ, поощривъ Антилоха:
Вылетѣлъ онъ изъ переднихъ рядовъ, и кругомъ обозрѣвши,
Бросилъ блистательный дротъ; взволновались Трояне, увидя
Мощный ударъ; и оружіе онъ не напрасное ринулъ:
Вѣтвь Гикетаона, смѣлаго сердцемъ вождя Меланиппа,
Гордо идущаго въ битву, въ широкія перси умѣтилъ;
Съ шумомъ онъ грянулся въ прахъ, и взгремѣли на падшемъ доспѣхи.
Несторовъ сынъ на него устремился, какъ песъ, на еленя
Скачетъ пронзеннаго, коего ловчій, едва онъ изъ лога
Прянулъ, стрѣлой поразилъ, и подсѣкъ ему рѣзвыя ноги:
Такъ на тебя, Меланиппъ, наскочилъ Антилохъ бранолюбецъ,
Алча доспѣховъ твоихъ. Но отъ Гектора онъ не укрылся;
Гекторъ на встрѣчу предсталъ, пролетѣвъ сквозь кипящую сѣчу.
Несторовъ сынъ не остался, какъ ни былъ горячъ въ ратоборствѣ;
Съ поля сбѣжалъ онъ, звѣрю подобный, свершившему пакость,
Звѣрю, который пса, или пастыря стада сгубивши,
Въ лѣсъ убѣгаетъ, покуда селянъ не собралась громада:
Такъ убѣжалъ Несторидъ; на него и Трояне и Гекторъ
Страшные крики поднявъ, задождили свистящія стрѣлы.
Сталъ онъ лицемъ къ сопротивнымъ, достигнувши дружескихъ сонмовъ.

Тою порою Трояне, какъ львы, пожиратели крови,
Бурно къ судамъ устремлялись, и Зевса судьбы совершали:
Онъ непрестанно ихъ мужество высилъ, а воевъ Ахейскихъ
Духъ поражалъ и побѣды лишалъ ихъ, Троянъ поощряя;
Гектору сердце его даровать Пріамиду желало

Грозную славу, да онъ на суда пожирающій пламень
Бурный повергнетъ, и такъ роковое Θетиды моленье
Все совершится; единаго ждалъ промыслитель Кроніонъ:
Перваго судна горящаго зарево съ неба увидѣть.
Съ онаго времени Зевсъ отъ судовъ невозвратное бѣгство
Трои сынамъ присуждалъ, а Данаямъ побѣдную славу.
Такъ помышляющій, Гектора въ бой на суда устремлялъ онъ,
Страшно и собственнымъ влекшагось духомъ; свирѣпствовалъ Гекторъ,
Словно Арей сотрясатель копья, или огнь истребитель,
Если межъ горъ онъ свирѣпствуетъ, въ чащахъ глубокаго лѣса:
Пѣна клубилась изъ устъ, подъ бровями угрюмыми очи
Грознымъ свѣтились огнемъ; надъ главой, воздымался гребнемъ,
Страшно качался шеломъ у летавшаго бурей по битвѣ
Гектора! Самъ бо герою былъ покровителемъ съ неба
Зевсъ, и его одного возвышалъ надъ толпой человѣковъ
Честью и славою: ибо не долго жить оставалось
Сыну Пріама; уже на него Тритогена Паллада
День роковой устремляла съ побѣдною силой Пелида.
Гекторъ пылалъ разорвать у Данаевъ ряды, и пытался
Всюду, гдѣ видѣлъ и гуще толпы, и оружія лучше;
Но разорвать ихъ нигдѣ онъ не могъ, безпредѣльно пылавшій:
Въ встрѣчу Данаи, сомкнувшися башней, стояли, какъ камень
Страшно высокій, великій, который у пѣннаго моря
Гордо встрѣчаетъ и буйные вихрей свистящихъ набѣги,
И надменныя волны, которыя противу хлещутъ:
Такъ Аргивяне встрѣчали Троянъ неподвижно, безстрашно.
Онъ же, сіяющій окрестъ огнемъ, налетѣлъ на фалангу;
Грозенъ упалъ, какъ волна на бѣгущій корабль упадаетъ,

Мощная, бурей изъ тучъ возращенная; весь потрясенный
Пѣной корабль покрывается; шумное бури дыханье
Въ парусъ гремитъ, и трепещутъ сердца корабельщиковъ блѣдныхъ,
Страхомъ объятыхъ: они изъ-подъ смерти едва уплываютъ:
Такъ сердца трепетали въ груди благородныхъ Данаевъ.
Онъ же, какъ левъ истребитель, на юницъ рогатыхъ нашедшій,
Коихъ по влажному лугу при блатѣ обширномъ пасутся
Тысячи; пастырь при нихъ; но юный, еще не умѣетъ
Съ звѣремъ сразиться, дабы защитить круторогую краву:
Пастырь неопытный, около кравъ то переднихъ, то заднихъ
Мечется онъ безпрестанно; а хищникъ, въ средину ихъ бросясь,
Рѣжетъ быка, и всѣ разбѣгаются: такъ Аргивяне,
Свыше смятенные, въ бѣгъ передъ Гектора силой и Зевса
Всѣ обратилися; онъ поразилъ одного Перифѳта,
Храбраго сына Копрѣя, того, что служа Эврисѳѳю,
Вѣстникомъ часто ходилъ отъ тирана къ Гераклу герою:
Сей-то отецъ ничтожный родилъ знаменитаго сына,
Доблестей полнаго: легкостью въ бѣгѣ, искуствомъ въ сраженьяхъ,
Въ думахъ умомъ онъ блисталъ между всѣхъ благородныхъ Микенянъ;
Онъ Пріамиду герою высокую славу доставилъ:
Въ бѣгъ обращаяся, задомъ, незапно на щитъ онъ споткнулся,
Имъ же держимый, огромный, до ногъ оборона отъ копій;
Онъ, на щитъ свой споткнувшися, навзничъ упалъ, и ужасно
Грянулъ шеломъ вкругъ висковъ при паденіи сильнаго мужа.
Гекторъ увидѣвши то, прилетѣлъ и ставъ передъ падшимъ,
Въ перси копьемъ поразилъ, и предъ сонмомъ друзей Перифѳту
Душу исторгнулъ; они не могли, и печальные, другу
Помощи дать; ужасалися Гектора мужеубійцы.

*

Къ ближнимъ судамъ отступили; суда, извлеченныя прежде,
Ихъ оградили переднія; Гекторъ и тамъ утѣснялъ ихъ.
Нуждой Ахеянъ сыны отступить отъ судовъ и переднихъ,
Нуждой заставлены горькой; они передъ кущами стали,
Вмѣстѣ столпясь, разсѣваться не мысля: удерживалъ вмѣстѣ
Стыдъ ихъ и страхъ; непрестанно они ободряли другъ друга
Криками; Несторъ особенно, стражъ престарѣлый Ахеянъ,
Каждаго мужа молилъ, именами родныхъ заклиная:
„Будьте мужами, о други, почувствуйте стыдъ, Аргивяне,
„Стыдъ передъ всѣми народами! Вспомните сердцу любезныхъ
„Женъ и дѣтей, и стяжанья свои, и родителей милыхъ,
„Вспомните всѣ, у которыхъ родные живы и мертвы!
„Именемъ ихъ и отсутственныхъ, я васъ молю, Аргивяне,
„Стойте крѣпко противу враговъ, не бросайтеся въ бѣгство!

Такъ говорилъ, и возжегъ онъ и крѣпость и мужество въ каждомъ.
Облакъ у нихъ предъ очами Аѳина разсѣяла мрачный,
Свыше низпосланный: свѣтъ возсіялъ имъ, открылось пространство
Все, и отъ черныхъ судовъ и отъ поля погибельной битвы;
Гекторъ открылся ужасный, и всѣ Иліонянъ дружины,
Сколько за нимъ, позади, несражавшихся праздно стояло
И впереди, предъ судами, неистовымъ билося боемъ.

Сердцу Аякса великаго болѣе нелюбо стало
Быть въ тѣснотѣ, въ какой оставались другіе Ахейцы;
Онъ по помостамъ судовъ устремился, широко шагая,
Шестъ корабельный въ могучихъ рукахъ потрясая огромный,
Крѣпко въ составахъ сколоченный, двадцать два локтя длиною.

Словно какъ мужъ, ѣздокъ на коняхъ необычно искусный,
Лучшихъ изъ множества коней избравъ четырехъ и связавъ ихъ,
Правитъ, и съ поля далекаго къ граду великому гонитъ
Битой дорогой; толпою и мужи и робкія жены
Смотрятъ дивуясь; а онъ безпрестанно, и твердо и вѣрно
Скачетъ, садяся съ коня на коня, на бѣгу ихъ ужасномъ:
Такъ Теламонидъ Аяксъ съ корабля на корабль по помостамъ (*)
Прядалъ, широко шагая, и крикъ подымая до неба;
Крикомъ ужаснымъ герой возбуждалъ безпрерывно Данаевъ
Станъ и суда боронить. Но въ оное время и Гекторъ
Мощный, уже не въ толпѣ крѣпкобронныхъ Троянъ оставался.
Словно какъ бурный орелъ на стада ударяетъ пернатыхъ,
Птицъ перелетныхъ, пасущихся мирно по брегу рѣчному,
Дикихъ гусей, журавлей, иль стада лебедей долговыйныхъ:
Такъ Пріамидъ нападалъ на Данайскій корабль черноносый,
Буренъ кидаясь: его позади устремлялъ Громовержецъ
Мышцей высокой, и съ нимъ воеводою воинство двигалъ.

Снова у быстрыхъ судовъ запылала свирѣпая битва.
Можно бъ сказать, что еще неусталыя, свѣжія рати
Въ бой соступилися; такъ горячо ратоборцы сражались.
Духомъ такимъ управлялися воинства: мужи Ахейцы
Болѣ не мнили избыть отъ бѣды, и рѣшились погибнуть;
Каждый напротивъ Троянинъ, исполненный бодрости, чаялъ:

(*) Древніе корабли не могли имѣть палубъ, ибо по срединѣ ихъ садились гребцы; но только у кормы и у носа устроены были помосты, какъ въ нашихъ судахъ, называемыхъ *водовиками*.

Нынѣ сожжемъ корабли и побьемъ героевъ Ахейскихъ.
Духомъ такимъ наполнялсь, одни на другихъ напирали.

Гекторъ могучей рукой за корму корабля ухватился:
Легкій, прекрасный корабль сей отважнаго Протезилая
Въ Трою принесъ, но въ отечество вновь не повезъ ратоводца:
Окрестъ сего корабля, и Ахейцы смѣсясь и Трояне,
Въ свалкѣ ужасной сражалися въ рукопашъ; болѣ не ждали
Издали стрѣлъ поражающихъ, или метательныхъ копій;
Другъ противъ друга стоящіе, равнымъ горящіе духомъ,
Бились секирами тяжкими, взадъ и впередъ съ лезвіями,
Бились мечами и копьями, острыми съ верху и съ низу.
Множество пышныхъ ножей, съ рукоятками черными, наземь
Падало окрестъ, летя то изъ рукъ, то съ раменъ ратоборцевъ
Яростно бившихся; черною кровью земля залилася.
Гекторъ, корабль захвативъ, предъ кормою стоялъ неотступенъ;
Хвостъ кормовой (*) онъ руками держалъ и кричалъ къ ополченьямъ:
„Свѣточей, свѣточей дайте! и съ крикомъ сомкнувшися гряньте!
„День, награждающій все, даровалъ намъ Зевесъ! присудилъ намъ
„Взять корабли, что подъ Трою приплывъ противъ воли безсмертныхъ,
„Столько намъ бѣдъ сотворили, по робости старцевъ совѣтныхъ:
„Старцы, когда я хотѣлъ воевать корабли супостатовъ,
„Въ градѣ держали меня, и Троянскій народъ отвлекали.
„Но, если въ оные дни омрачалъ громовержецъ Кроніонъ

(*) *Αφλαστον*, загнутая въ верхъ, какъ бы рыбій хвостъ, высота кормы корабельной, родъ ея украшенія. Кормами были обращены къ Троѣ корабли Ахейскіе.

„Нашъ разсудокъ, то нынѣ онъ самъ и зоветъ и ведетъ насъ!

Рекъ; и они на Данаевъ ударили съ большимъ свирѣпствомъ.
Сынъ Теламоновъ не выстоялъ: стрѣлы его засыпали;
Тихо герой отступалъ, устрашась неизбѣжной тутъ смерти;
Вспять до скамьи (*) семистопной сошелъ съ кормоваго помоста:
Тамъ онъ стоялъ, озираясь, и длиннымъ копьемъ безпрерывно
Всѣхъ опрокидывалъ, кто наносилъ пожирающій пламень,
И безпрерывно ужасно кричалъ, убѣждая Данаевъ:
„Други, Данаи герои, безстрашные слуги Арея!
„Будьте мужами, о други, вспомните бранную доблесть!
„Можетъ быть мыслите вы, что поборники есть позади намъ?
„Или стѣна боевая, которая насъ оборонитъ?
„Нѣтъ никакого вблизи укрѣпленнаго башнями града,
„Гдѣ защитились бы мы, замѣненные свѣжею силой.
„Мы на Троянскихъ поляхъ, передъ войскомъ Троянъ твердобронныхъ,
„Къ морю прибиты стоимъ, далеко отъ отчизны любезной!
„Наше спасеніе въ нашихъ рукахъ, а не въ слабости духа!

Рекъ; и свирѣпый кругомъ нападалъ съ длиннотѣнною пикой.
Каждаго, кто изъ Троянъ къ корабельнымъ кормамъ ни бросался
Съ пламенемъ бурнымъ въ рукахъ, возбуждаемый Гектора крикомъ,
Каждаго онъ прободалъ, принимая огромною пикой:
Такъ ихъ двѣнадцать изъ собственныхъ рукъ закололь предъ судами.

(*) Эта скамья, или ступень, не лавка гребцовъ, которая у Гомера почти всегда называется Ζυγός; но она однако могла служить и скамьею для сидѣнья и ступенью для схода съ помоста корабельнаго, въ чемъ убѣждаетъ и самый видъ корабля. Смот: Piranesi etc, Vasi etc, in pl. 1763. Tom. II. plan. 105; и Le pittur. antich. d'Ercolan. etc. Tom. II. Tav. XIV.

ПѢСНЬ XVI.

СОДЕРЖАНІЕ.

Патроклъ возвращается къ Ахиллесу, и спрошенный, о чемъ проливаетъ слезы, извѣщаетъ его объ крайности, въ которой находится все воинство Ахейское; упрекаетъ героя въ жестокости и наконецъ умоляетъ, да позволитъ ему вооружиться своимъ оружіемъ и вывесть Мирмидонянъ на помощь Ахеянамъ, ст. 1 — 47. Ахиллесъ соглашается, но приказываетъ, чтобы Патроклъ, отразивъ Троянъ отъ кораблей, не подвергался большей опасности, и немедленно возвратился въ станъ; 48 — 100. Между тѣмъ Аяксъ, утомленный боемъ, не можетъ болѣе противиться нападенію враговъ, отступаетъ, и Трояне зажигаютъ корабль; 101—124. Ахиллесъ, увидѣвъ пламень, приказываетъ Патроклу скорѣе вооружиться, самъ строитъ свое воинство, воспламеняетъ его рѣчью, завѣтнымъ кубкомъ творитъ Зевсу возліяніе и моленіе за друга Патрокла, отпускаетъ его и смотритъ на отходъ воинства, 125 — 256. Трояне, устрашенные видомъ вождя Мирмидонскаго, волнуются; онъ отражаетъ ихъ отъ кораблей и прекращаетъ пожаръ, 257—302. Но Трояне вновь одушевляются и противуборствуютъ; возгарается жестокая битва; съ обѣихъ сторонъ поражены многіе герои; Трояне бѣгутъ, и Патроклъ прогнавъ ихъ за стѣну, въ открытое поле, тамъ совершенно разстроиваетъ и производитъ ужасное пораженіе, 303—418. Наконецъ выходитъ противу него Сарпедонъ, сынъ Зевса, котораго Гера убѣдила, да бой героевъ предоставитъ на произволъ судьбы; и Патроклъ умерщвляетъ его 419—490. Главкъ, избранный мстителемъ отъ умирающаго Сарпедона, соединяется съ Гекторомъ и другими вождями; Патроклъ съ Аяксами; кровавая, продолжительная битва возстаетъ за тѣло Сарпедона, вокругъ котораго падаютъ многіе герои; самъ Гекторъ наконецъ бѣжитъ, и Ахеяне обнажаютъ Сарпедона, 491—655. Тѣло героя, по повелѣнію Зевса, Аполлонъ похищаетъ изъ битвы, а Сонъ и Смерть переносятъ въ Ликію, 656—683. Патроклъ, гордый успѣхомъ, преслѣдуетъ враговъ до самаго города; нѣсколько разъ бросается на стѣну, мечтая овладѣть городомъ; но Аполлонъ устрашаетъ его, 684—711 Между тѣмъ Гектору, вновь напавшему на Ахеянъ, онъ храбро сопротивляется, и убиваетъ возницу его Кебріона, 712—782; упоенный новыми побѣдами, бросается въ средину воинства Троянскаго, поражаетъ многихъ; но противъ него наконецъ выходитъ Аполлонъ; обезсиливаетъ, и обезоруживаетъ героя, 783—805; Эвфорбъ ранитъ его, а Гекторъ, отступающаго къ своимъ, убиваетъ, и преслѣдуетъ возницу Автомедона, который на коняхъ Ахиллесовыхъ убѣгаетъ, 806—867.

---

*

ПѢСНЬ XVI.

Такъ непреклонно они за корабль крѣпкоснастный сражались.
Тою порою Патроклъ предсталъ Ахиллесу герою,
Слезы горячія льющій, какъ горный потокъ черноводный
Мрачныя воды свои проливаетъ съ утеса крутаго.—
Смотря на друга, исполнился жалости пастырь народа;
И къ нему возгласилъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Что ты расплакался, другъ Менетидъ? какъ дѣва-младенецъ,
„Если за матерью бѣгая, на руки просится съ плачемъ,
„Ловитъ одежду ея, уходящую за полу держитъ,
„Плачетъ и въ очи глядитъ, чтобы на руки подняла матерь:
„Ты, какъ она, Менетидъ, проливаешь обильныя слезы.
„Можетъ быть, что Мирмидонцамъ, иль мнѣ объявить ты имѣешь?
„Можетъ быть, вѣсть о домашнихъ изъ Фтіи одинъ ты прослышалъ?
„Здравствуетъ, сказуютъ, Акторовъ сынъ, отецъ твой Менетій;
„Здравствуетъ также и мой, Пелей Эакидъ въ Мирмидонахъ.
„О! плачевна была бъ намъ того иль другаго кончина!—
„Можетъ быть ты объ Ахеянахъ тужишь, что такъ злополучно
„Подлѣ своихъ кораблей за неправду свою погибаютъ?
„Молви, въ душѣ не скрывай ничего, чтобы оба мы знали.

Тяжко вздохнувши, отвѣтствовалъ ты, Менетидъ конеборецъ:
„О Пелеонъ, бранороссцъ храбрѣйшій Ахейскій, прости мнѣ
„Слезы мои! Величайшее горе постигло Ахеянъ!
„Всѣ между ими, которые въ рати храбрѣйшими слыли,
„Въ станѣ лежатъ, иль въ стрѣльбѣ, или въ битвѣ пронзенные мѣдью.
„Раненъ стрѣлой Тидидъ Діомедъ, воеватель могучій;
„Въ рукопашь раненъ копьемъ герой Одиссей, Агамемнонъ,
„Раненъ пернатой въ бедро и блистательный сынъ Эвемоновъ.
„Наши врачи, богатѣйшіе злаками, вкругъ ихъ трудятся,
„Раны врачуя. Но ты, Ахиллесъ, одинъ непреклоненъ!
„О, да не знаю я гнѣва, такого какъ ты сохраняешь,
„Храбрый на бѣдствіе! Кто же въ тебѣ обрѣтетъ заступленье,
„Если не хочешь Ахеянъ спасти отъ напасти позорной?
„Немилосердый! Родитель твой былъ не Пелей благодушный,
„Мать не Өетида; но синее море, угрюмыя скалы
„Міру тебя породили, суроваго сердцемъ, какъ сами!
„Если тебя устрашаетъ какой либо грозный оракулъ;
„Если тебѣ отъ Кронида повѣдала что либо матерь;
„Въ бой отпусти ты меня, и ввѣрь мнѣ своихъ Мирмидонянъ:
„Можетъ быть, съ помощью ихъ для Данаевъ свѣтомъ я буду.
„Дай рамена облачить мнѣ твоимъ оружіемъ славнымъ:
„Можетъ быть, въ брани меня за тебя принимая Трояне,
„Бой прекратятъ; а Данайскіе воины въ полѣ отдохнутъ,
„Боемъ уже изнуренные; отдыхъ въ сраженіяхъ кратокъ.
„Мы, ополченіе свѣжее, рать, истомленную боемъ,
„Къ граду легко отразимъ отъ судовъ и отъ сѣней Ахейскихъ.

Такъ онъ просилъ, неразумный! Увы, не предвидѣлъ, что будетъ

Самъ для себя онъ выпрашивать страшную смерть и погибель!
Мрачно вздохнувъ, провѣщаетъ къ нему Ахиллесъ быстроногій:
„Сынъ благородный Менетія, что мнѣ, Патроклъ, говоришь ты?
„Мало меня безпокоитъ оракулъ, который я слышалъ;
„Мнѣ ничего не внушала почтенная матерь отъ Зевса.
„Но жестокій мнѣ гнѣвъ наполняетъ и сердце и душу,
„Если я вижу, что равнаго равный хочетъ ограбить,
„Хочетъ награды лишить, потому лишь что властью онъ выше!
„Гнѣвъ мой жестокъ: послѣ бѣдствій, какія въ бояхъ претерпѣлъ я,
„Дѣву, которую мнѣ въ награжденье избрали Ахейцы,
„Ту, что копьемъ пріобрѣлъ я, разрушивши градъ крѣпкостѣнный,
„Дѣву ту снова изъ рукъ у меня самовластно исторгнулъ
„Царь Агамѐмнонъ, какъ будто бы былъ я скиталецъ безчестный!
„Но, что случилось, оставимъ! И было бы мнѣ не прилично
„Гнѣвъ безконечный въ сердцѣ питать; но давно объявилъ я:
„Гнѣвъ мой не прежде смягчу, какъ уже передъ собственнымъ станомъ,
„Здѣсь, предъ судами моими раздастся тревога и битва. —
„Ты, соглашаюсь, моимъ облекися оружіемъ славнымъ,
„Будь воеводой моихъ Мирмидонянъ, пылающихъ боемъ:
„Вижу, кругомъ уже черная туча Троянъ обложила
„Станъ корабельный, ужасная; вижу, прибитые къ морю
„Держатся только на брегѣ, на узкомъ, послѣднемъ пространствѣ
„Рати Ахеянъ; на нихъ же обрушилась цѣлая Троя,
„Дерзская: въ полѣ не видятъ чела Ахиллесова шлема
„Въ очи свѣтящаго! Скоро бъ они полевые овраги
„Въ бѣгствѣ наполнили трупами, если бъ ко мнѣ Агамѐмнонъ
„Былъ справедливъ; но теперь, дерзновенные, станъ осаждаютъ!
„Ибо уже не свирѣпствуетъ въ мощной рукѣ Діомеда

„Бурная пика его, чтобы смерть отражать отъ Данаевъ;
„Болѣ не слышится голосъ изъ устъ ненавистныхъ Атрида
„Въ ратяхъ Данайскихъ; но голосъ лишь Гектора людоубійцы
„Звучный гремитъ между воинствъ Троянскихъ! и крикомъ Трояне
„Всю наполняютъ долину, въ бою побѣждая Данаевъ!
„Такъ да не будетъ, Патроклъ! Отрази отъ судовъ истребленье;
„Храбро ударь, да огнемъ не сожгутъ у насъ супостаты
„Нашихъ судовъ, и желаннаго насъ не лишатъ возвращенья.
„Но повинуйся, тебѣ я завѣтъ полагаю на сердце,
„Чтобы меня ты и славой и честью великой возвысилъ
„Въ сонмѣ Данаевъ. И такъ, чтобъ Данаи прекрасную дѣву
„Отдали сами, и множество пышныхъ даровъ предложили,
„Брань отъ судовъ отрази, и назадъ, Менетидъ, возвратися!
„Даже когда бы и славы добыть даровалъ Громовержецъ;
„Ты безъ меня, Менетидъ, не дерзай поражать совершенно
„Храбрыхъ Троянъ, да и болѣе чести моей не унизишь.
„Радуясь мужествомъ духа и славой побѣднаго боя,
„Трои сыновъ истребляй, но полковъ не веди къ Иліону;
„Чтобъ отъ Олимпа противу тебя кто нибудь изъ безсмертныхъ
„Въ брань за Троянъ не предсталъ: Аполлонъ безпредѣльно ихъ любитъ.
„Вспять возвратися ко мнѣ, кораблямъ даровавши спасенье;
„Рати жъ Ахеянъ оставь на поляхъ боевыхъ истребляться.
„Еслибъ, о вѣчный Зевесъ, Аполлонъ, и Аѳина Паллада,
„Еслибъ и Трои сыны и Ахеяне, сколько ни есть ихъ,
„Всѣ истребили другъ друга; а мы лишь, избывшіе смерти,
„Мы бы одни разметали Троянскія гордыя башни! —

Такъ межъ собой говорили они. Между тѣмъ нападенья

Болѣ Аяксъ не выдержалъ: стрѣлы его удручали.
Зевсова мощь побѣждала героя и храбрость Дарданцевъ,
Быстро разившихъ; ужасный, кругомъ головы его свѣтлый,
Шлемъ поражаемый звонъ издавалъ; поражали всечасно
Въ шлемные выпуки мѣдные; шуйца Аякса замлѣла,
Крѣпко дотолѣ державшая щитъ переметный; но съ мѣста
Мощнаго сбить не могли, принуждавшіе тучею копій.
Часто и сильно дышалъ Теламоніонъ; потъ безпрерывный
Лился ручьями по всѣмъ его членамъ; не могъ ни на мигъ онъ
Вольно вздохнуть: отовсюду бѣда за бѣдой возставала.

Нынѣ повѣдайте, Музы, живущія въ сѣняхъ Олимпа,
Какъ на суда Аргивянъ упалъ истребительный пламень?
Гекторъ, нагрянувши, изблизи ясенный дротъ у Аякса
Тяжкимъ ударилъ мечемъ, и у мѣдяной трубки копейной
Ратовье махомъ разсѣкъ; безполезно Аяксъ Теламонидъ
Вознесъ, потрясая, обрубленный дротъ: далеко отъ Аякса
Острая мѣдь отлетѣла, и ѻ землю звукнула павши.
Сынъ Теламоновъ познаніъ, по невольному трепету сердца,
Дѣло боговъ, и познавъ, что его всѣ замыслы въ брани
Зевсъ громоносный ничтожитъ, даруя Троянамъ побѣду,
Онъ отступилъ; и Троянцы немедленно бросили шумный
Огнь на корабль: съ быстротой разлилося свирѣпое пламя.
Такъ запылала корма корабля. Ахиллесъ то увидѣлъ,
Въ гнѣвѣ по бедрамъ ударилъ себя, и вскричалъ къ Менетиду:
„О, поспѣши, Патроклъ, поспѣши конеборецъ мой храбрый!
„Зрю я, уже на судахъ истребительный пламень бушуетъ!
„Если возмутъ корабли, не останется намъ и ухода.

„Другъ, вооружайся быстрѣе, а я соберу ополченья!

Такъ произнесъ; и Патроклъ вооружался блистающей мѣдью.
И сперва положилъ онъ на быстрыя ноги поножи
Пышныя, кои серебреной плотно смыкались наглезной.
Послѣ поспѣшно броню надѣвалъ на широкія перси,
Звѣздчатый, вкругъ испещренный доспѣхъ Эакида героя;
Сверху, набросилъ на рамо ремень и мечъ среброгвоздный,
Съ мѣдянымъ клинкомъ; и щитъ перекинулъ огромный и крѣпкій.
Шлемъ на главу удалую сіяющій пышно надвинулъ,
Съ конскою гривою; гребень ужасный надъ нимъ развѣвался.
Взялъ два крѣпкіе дрота, какіе споручнѣе были.
Не взялъ копья одного Ахиллеса героя: тяжелъ былъ
Крѣпкій, огромный сей ясень; его никто изъ Ахеянъ
Двигать не могъ, и одинъ Ахиллесъ легко потрясалъ имъ,
Ясенемъ симъ Пеліонскимъ, который отцу его Хиронъ
Ссѣкъ съ высоты Пеліона, на гибель враждебнымъ героямъ.
Коней же быстро впрягать Автомѣдону далъ повелѣнье,
Чтимому имъ наиболѣе послѣ Пелида героя,
Вѣрному болѣе всѣхъ, чтобъ выдерживать бранныя грозы.
Сей Автомѣдонъ подвелъ подъ ярмо Ахиллесовыхъ коней,
Ксанѳа и Балія, быстрыхъ, летающихъ съ вѣтрами вмѣстѣ:
Гарпія оныхъ Подарга родила отъ Зефира вѣтра,
Имъ посѣщенная въ паствѣ, при бурныхъ струяхъ Океана.
Въ припряжъ завелъ онъ коня, знаменитаго бѣгомъ Педаса,
Коего добылъ Пелидъ, разгромивши градъ Гетіона:
Смертный съ конями безсмертными онъ быстротою равнялся.

Тою порой Ахиллесъ, обходя Мирмидоновъ по кущамъ,
Всѣхъ вооружалъ ихъ оружіемъ къ бою. Подобно какъ волки,
Хищные звѣри, у коихъ въ сердцахъ безпредѣльная дерзость,
Кои оленя рогатаго въ дебри нагорной повергнувъ,
Звѣрски терзаютъ; у всѣхъ обагровлены кровію пасти;
Послѣ, стаею цѣлой, къ источнику черному рыщутъ;
Тамъ языками ихъ гибкими мутную воду потока
Лочутъ, рыгая кровью убійства ихъ; гордо въ ихъ персяхъ
Сердце горячее бьется, и страшно раздуты утробы:
Въ брань таковы Мирмидонянъ вожди и строители ратей
Рѣяли окрестъ Патрокла, слуги Эакида героя,
Боемъ пылая; въ средѣ ихъ стоялъ Ахиллесъ бранолюбецъ,
Крикомъ кругомъ возбуждая коней и мужей щитоносцевъ.

Въ брань пятьдесятъ кораблей Эакидъ Ахиллесъ быстроногій,
Зевсовъ любимецъ, привелъ къ Иліону; на каждомъ изъ оныхъ
Ратныхъ мужей пятьдесятъ человѣкъ при уключинахъ было.
Пять воеводъ онъ надъ ними поставилъ, которымъ и ввѣрилъ
Въ войскахъ начальство; но самъ онъ господствовалъ съ властью державной.
Первымъ строемъ начальствовалъ пестродоспѣшный Менесѳій,
Сперхія сынъ, рѣки пресловутой, отъ Зевса низпадшей:
Тайно его Полидора прекрасная, дочерь Пелея
Съ Сперхіемъ бурнымъ родила, жена сочетавшаясь съ богомъ;
Но, по молвѣ, съ Періѐридомъ Бѡромъ, который и бракомъ
Съ нею сопрягся торжественно, выдавъ несмѣтное вѣно.
Строй вторый предводилъ ратоводецъ воинственный Эвдоръ,
Дѣвой рожденный; его Полимѣла, прелестная въ пляскахъ,
Филаса дочь родила: плѣнился веселою дѣвой

*

Гермесъ безсмертный, увидѣвшій въ хорѣ ее сладкогласномъ,
Пляшущей въ праздникъ Фебеи, богини ловитвъ златострѣлой;
Въ теремъ за нею взошелъ, и таинственно съ дѣвой сопрягся
Гермесъ незлобный; и дѣва родила отличнаго сына,
Эвдора, быстраго въ бѣгѣ и воина храбраго въ битвахъ.
Вскорѣ, едва Илиѳія, помощная мукамъ родящихъ,
Сына на свѣтъ извела, и узрѣлъ онъ сіяніе солнца;
Актора мощнаго сынъ, Эхеклесъ благородный, супругой
Въ домъ свой поялъ Полимѣлу, несмѣтное выдавши вѣно;
Эвдора жъ Филасъ въ чертогахъ своихъ, благодѣтельный старецъ,
Самъ воспиталъ и взростилъ, полюбивши сердечно, какъ сына.
Третьему строю предшествовалъ храбрый Пизандръ воевода,
Мемаловъ сынъ; ни одинъ Мирмидонецъ, какъ онъ, не искусенъ
Биться на копьяхъ, кромѣ Ахиллесова друга, Патрокла.
Строемъ четвертымъ начальствовалъ конникъ испытанный Фениксъ;
Пятымъ герой Алкимедонъ, Лаэркеевъ сынъ непорочный.
Всѣхъ ихъ, вмѣстѣ съ вождями, Пелидъ быстроногій поставя,
И красиво построя, вѣщалъ имъ владычнее слово:
„Каждый изъ васъ, Мирмидонцы, теперь да воспомнитъ угрозы,
„Коими въ станѣ, во дни моего справедливаго гнѣва,
„Вы угрожали врагамъ; и меня вы тогда оскорбляли:
„Лютый Пелидъ, говорили, отъ матери желчью ты вскормленъ!
„Безчеловѣчный, друзей предъ судами насильственно держишь!
„Лучше назадъ съ кораблями своими въ дома возвратимся,
„Ежели злоба тебѣ, злополучная, въ сердце запала!—
„Такъ вы мнѣ часто сходясь говорили. Теперь вамъ предстало
„Дѣло великое брани, которой вы столько жадали!
„Каждый теперь, въ комъ отважное сердце, сражайся съ врагами!

Рекъ, и разжегъ еще болѣе душу и мужество въ каждомъ;
Крѣпче ряды ихъ сгустилися, выслушавъ царскія рѣчи.
Словно какъ стѣну строитель изъ плотно слагаемыхъ камней
Въ строимомъ домѣ смыкаетъ, въ отпору насильственныхъ вѣтровъ:
Такъ шишаки и щиты мѣднобляшные сомкнуты были;
Щитъ со щитомъ, шишакъ съ шишакомъ, человѣкъ съ человѣкомъ
Плотно сходился; касалися свѣтлыми бляхами шлемы
Зыблясь на воинахъ: такъ Мирмидоняне густо сомкнулись.
Всѣхъ впереди, подъ оружіемъ, два браноносца стояли,
Храбрый Патроклъ и герой Автомѣдонъ, горящіе оба
Въ битву летѣть впереди Мирмидонянъ.—Пелидъ же могучій
Входитъ подъ кущу, и тамъ отпираетъ ковчегъ велелѣпный,
Даръ драгоцѣнный, которой герою въ корабль мореходный
Матерь Ѳетида на путь положила, наполнивъ хитоновъ,
Мягкихъ, косматыхъ ковровъ, и хленъ отражающихъ вѣтеръ.
Былъ въ немъ и кубокъ прекрасный: никто изъ мужей у Пелида
Чернаго не пилъ вина изъ него; никому изъ боговъ имъ
Онъ не творилъ возліяній, кромѣ молненоснаго Зевса.
Вынувъ сей кубокъ завѣтный, Пелидъ быстроногій сначала
Сѣрой очистилъ, потомъ омывалъ свѣтлоструйной водою;
Руки омылъ и себѣ, и виномъ наполнивши кубокъ,
Сталъ по срединѣ двора, и молился, вино возливая,
На небо смотря; и не былъ невидимъ Метателю грома:
„Зевсъ Пелазгійскій, Додонскій, далеко живущій владыко
„Хладной Додоны, гдѣ Селлы, пророки твои обитаютъ,
„Кои не моютъ ногъ и спятъ на землѣ обнаженной!
„Прежде уже ты, о Зевсъ, на мою преклонился молитву;
„Много почтивши меня, покаралъ ты ужасно Данаевъ.

„Нынѣ еще, Громодержецъ, сіе мнѣ исполни желанье!
„Я остаюся до времени въ станѣ моемъ корабельномъ;
„Друга жъ, любезнаго сердцу, и многихъ моихъ Мирмидонянъ
„Въ бой посылаю:-побѣду ему низпошли, о Провидецъ!
„Храброе сердце его укрѣпи, да узнаетъ и Гекторъ,
„Можетъ ли съ нимъ, и одинъ, подвизаться служитель нашъ храбрый;
„Или, его необорныя руки свирѣпствуютъ въ брани
„Только тогда, какъ и я выхожу на кровавые споры.
„Послѣ, когда отъ судовъ отразитъ онъ пожаръ и убійство,
„Дай, да изъ битвъ невредимый ко мнѣ на суда возвратится,
„Съ цѣлымъ оружіемъ нашимъ и храбрыми всѣми друзьями!

Такъ говорилъ онъ молясь; и внималъ промыслитель Кроніонъ.
Далъ Пелеіону одно, а другое владыка отринулъ:
Другу его отъ судовъ отразить и пожаръ и убійство
Далъ; но мольбу, да изъ битвъ невредимъ возвратится, отринулъ.
Онъ же, когда возліялъ и моленіе Зевсу окончилъ,
Въ кущу вошелъ, и въ ковчегъ положивши кубокъ завѣтный,
Вышелъ, и сталъ передъ кущею, движимый сердца желаньемъ,
Видѣть еще и Троянъ и Ахеянъ жестокую битву.

Тою порою, съ Патрокломъ героемъ, готовые къ битвѣ
Воины шли, чтобъ на рать Троянскую гордо ударить.
Быстро они высыпались впередъ, какъ свирѣпыя осы,
Подлѣ дороги живущія, коихъ сердить пріобыкли
Дѣти, вседневно тревожа въ жилищахъ ихъ придорожныхъ;
Юность безумная общее зло навлекаетъ на многихъ;
Ежели ихъ человѣкъ, путешественникъ, мимо идущій,

Тронетъ нечаянно; быстро крылатыя съ сердцемъ безстрашнымъ
Всѣ высыпаются вдругъ, на защиту дѣтей и домовъ ихъ:
Съ сердцемъ и духомъ такимъ отъ своихъ кораблей Мирмидонцы
Рѣяли въ поле; воинственный крикъ ихъ кругомъ раздавался.
Вождь ихъ еще ободряя, Патроклъ вопіялъ громозвучно:
„Нынѣ бойцы, Мирмидонцы, друзья Ахиллеса героя,
„Будьте мужами, любезные, вспомнимъ кипящую храбрость!
„Нынѣ прославимъ Пелида, который по доблести бранной
„Первый въ Ахейскихъ мужахъ, и храбрѣйшіе вы его слуги!
„Пусть и властитель могучій, Атридъ Агамѐмнонъ познаетъ,
„Сколь онъ преступенъ, Ахейца храбрѣйшаго такъ обезчестивъ!

Такъ говоря, возбудилъ онъ и болѣе мужество ратныхъ;
Ринулись разомъ противу Троянъ; и весь станъ корабельный
Съ громомъ ужаснымъ отгрянулъ воинственный кликъ Мирмидонянъ.
Трои сыны лишь узрѣли Менетія сильнаго сына,
Вмѣстѣ съ клевретомъ его, подъ сіяющимъ пышно доспѣхомъ,
Дрогнуло сердце у всѣхъ; всколебались густыя фаланги,
Мысля, что праздный дотолѣ герой Ахиллесъ быстроногій
Гнѣвъ отъ сердца отринулъ и вновь преклонился на дружбу;
Каждый сталъ озираться, чтобъ гибели грозной избѣгнуть.

Сынъ же Менетіевъ первый ударилъ сверкающей пикой
Прямо въ средину враждебныхъ, гдѣ гуще ряды ихъ толпились,
Ратуя вкругъ корабля благодушнаго Протезилàя;
Тамъ поразилъ онъ Пирѐхма, который отважныхъ Пеоновъ
Вывелъ изъ странъ Амидòна, гдѣ катится Аксій широкій:
Въ рамо его поразилъ; и Пирѐхмъ опрокинувшись, ѳземь

Грянулся, жалостно стонущій: окрестъ его побѣжали
Други Пеоняне: ужасомъ всѣхъ поразилъ Менетидъ ихъ,
Свергнувши войскъ предводителя, мужа храбрѣйшаго въ битвахъ.
Сихъ онъ прогнавъ отъ судовъ, угасилъ распыхавшійся пламень.
Брошенъ врагами корабль полсожженный; ударились въ бѣгство
Съ страшнымъ смятеньемъ Трояне; Данаи жъ разсыпались быстро
Между переднихъ судовъ: и кругомъ закипѣла тревога.
Словно когда отъ вершины горы огромно-высокой
Облакъ густой отодвинетъ перуновъ носитель Кроніонъ;
Все кругомъ открывается, холмы, высокія скалы,
Долы; небесный эѳиръ разверзается весь безпредѣльный:
Такъ, отразивъ отъ судовъ пожирающій огнь, отдыхали
Рати Ахеянъ; но бранная буря еще не стихала:
Ибо Трояне еще, передъ храброю ратью Ахеянъ
Вспять обратясь, не бѣжали отъ черныхъ судовъ мореходныхъ;
Бодро стояли еще, отъ судовъ отступивши по нуждѣ.
Тутъ человѣкъ поражалъ человѣка, въ разсыпанной битвѣ;
Каждый повергъ воеводу; и первый Патроклъ предводитель
Вдругъ обратившагось въ бѣгъ Арейлика пикою острой
Сзади въ бедро поразилъ, и насквозь смертоносную выгналъ;
Кость раздробило копье; и лицемъ Арейликъ на землю
Палъ. Менелай между тѣмъ ратоводца Ѳоаса ударивъ
Въ грудь обнаженную, мимо щита, сокрушилъ ему члены.
Мегесъ Амфикла, какъ тотъ на него устремлялся, примѣтя,
Вдругъ упредилъ, поразилъ въ бедро, гдѣ нога человѣка
Мышцей тучнѣйшей одѣта: копейное бурное жало
Жилы разсѣкло, и тьма пораженному очи покрыла.
Нестора старца сыны: Антилохъ улучилъ Атимнія

Пикою острой; во внутренность мѣдное жало погрузло;
Палъ онъ у стопъ побѣдителя. Марисъ, копьемъ потрясая,
Прянулъ на внука Нелеева, вспыхнувшій гнѣвомъ за брата;
Сталъ передъ тѣломъ; но быстро его Ѳразимѣдъ упреждаетъ:
Прежде чѣмъ онъ поразилъ, Ѳразимедъ устремляетъ и вѣрно
Ранитъ въ плечо: остріе копья у него оторвало
Руку отъ мышицъ, и самую кость совершенно разбило;
Съ громомъ онъ грянулся въ прахъ, и взоръ его мракомъ покрылся.
Такъ злополучные братья, отъ братьевъ сраженные, оба
Въ мрачный Эревъ низошли, Сарпедоновы храбрые други,
Дѣти стрѣльца Амизодара, мужа, который Химеру
Выкормилъ неукротимую, многимъ на пагубу смертнымъ.
Сынъ Оилеевъ Аяксъ налетѣвъ, Клеобула живаго,
Толпищемъ сбитаго съ ногъ, захватилъ и на мѣстѣ Троянца
Жизнь сокрушилъ, погрузя въ него мечъ съ рукояткой огромной;
Въ жаркой крови разогрѣлся весь мечъ; и упавшему тамъже
Очи смежила кровавая Смерть и суровая Участь.
Тутъ Пенелей и Ликонъ на сраженье сбѣжалися: копья
Имъ обоимъ измѣнили, напрасно послали ихъ оба;
Снова герои сошлись на мечахъ; и Ликонъ упреждаетъ,
Въ шлемъ коневласый у бляхи разитъ, и при черенѣ мѣдный
Мечъ сокрушась, полетѣлъ; но Ахеецъ ударилъ подъ ухомъ,
Въ выю весь мечъ погрузилъ, и оставшись на кожѣ единой,
На бокъ повисла глава, и разрушилась крѣпость Ликона.
Вождь Меріонъ Акамаса преслѣдуя, быстрый настигнулъ
И, въ колесницу входящаго, въ рамо десное ударилъ;
Онъ съ колесницы слетѣлъ, и въ очахъ его тма разлилася.
Идоменей Эримаса жестокою мѣдью умѣтилъ

Прямо въ уста; и въ противную сторону близко подъ мозгомъ
Вырвалась бурная мѣдь: просадила въ потылицѣ черепъ,
Вышибла зубы ему; и у падшаго, выпучась страшно,
Кровью глаза налились; изъ ноздрей и изъ устъ растворенныхъ
Кровь изрыгалъ онъ, пока не покрылся облакомъ смерти.
Такъ воеводы Ахейскіе гордыхъ враговъ низлагали.
Словно свирѣпые волки на козъ нападаютъ, иль агнцовъ,
Ихъ вырывая изъ стадъ, которымъ неопытный пастырь
Далъ по горамъ разсѣяться; волки сдва ихъ завидятъ,
Быстро напавъ, раздираютъ безсильныхъ и трепетныхъ тварей:
Такъ на Троянъ нападали Ахейцы; но тѣ лишь о бѣгствѣ
Думали шумномъ, а доблесть кипящую вовсе забыли.

Но Теламонидъ великій пылалъ непрестанно умѣтить
Гектора мѣднооружнаго; тотъ же, испытанный въ битвахъ,
Турьимъ огромнымъ щитомъ закрывая широкія плечи,
Вкругъ наблюдалъ и свистаніе стрѣлъ и жужжаніе копій;
И хотя уже видѣлъ, что имъ измѣняетъ побѣда,
Но еще оставался, къ защитѣ сподвижниковъ вѣрныхъ.
Словно когда отъ Олимпа подъемлется на небо туча
Воздухомъ яснымъ, какъ бурную грозу Кроніонъ наводитъ:
Такъ отъ судовъ поднялось и смятенье и шумное бѣгство:
Вспять, не въ устройствѣ, чрезъ ровъ отступали. Но Гектора быстро
Вынесли кони съ оружіемъ; бросилъ Троянъ онъ, которыхъ
Сзади насильно задерживалъ ровъ предъ судами глубокій.
Многіе въ пагубномъ рвѣ колесничные быстрые кони,
Дышла сломивши, оставили въ немъ колесницы владыкъ ихъ.
Но Патроклъ настигалъ, горячо возбуждая Данаевъ,

Горе врагамъ замышляя; Трояне и воплемъ и бѣгствомъ
Всѣ наполняли пути; отъ разсѣянныхъ войскъ ихъ—до облакъ
Прахъ крушился столпомъ; расстилалися по полю кони,
Къ Троѣ обратно бѣжа отъ судовъ и отъ кущей Ахейскихъ.
Онъ же, герой, гдѣ смятенія болѣе видѣлъ бѣгущихъ,
Съ крикомъ туда налеталъ; упадали стремглавъ подъ колеса
Мужи съ своихъ колесницъ, и валясь колесницы гремѣли.
Прямо межъ тѣмъ черезъ ровъ перепрянули бурные кони,
Кони безсмертные, даръ знаменитый безсмертныхъ Пелею,
Пламенно мчася впередъ: повелитель ихъ Гектора ищетъ,
Свергнуть его онъ пылаетъ; но Гектора кони умчали.

Словно земля, отягченная бурями, черная стонетъ
Въ мрачную осень, какъ быстрыя воды съ небесъ проливаетъ
Зевсъ раздраженный, когда на преступныхъ людей негодуетъ,
Кои на сонмахъ, насильственно, судъ совершаютъ неправый,
Правду гонятъ, и божіей кары отнюдь не страшатся:
Всѣ на землѣ сихъ людей наводняются быстрыя рѣки,
Многія нависи скалъ отторгаютъ разливныя воды,
Даже до моря пурпурнаго съ шумомъ ужаснымъ несутся,
Прядая съ горъ, и кругомъ разоряютъ дѣла человѣка:
Съ шумомъ и стономъ подобнымъ бѣжали Троянскіе кони.
Сынъ же Менетіевъ быстрый, отрѣзавъ фаланги переднихъ,
Снова обратно погналъ, и къ судамъ ихъ Данайскимъ притиснулъ;
Не далъ пылающимъ въ городъ войти; но въ поляхъ заключенныхъ
Между судами, рѣкой и стѣною Ахейской высокой,
Быстро гонялъ, убивалъ и взыскалъ возмездіе съ многихъ.
Перваго тутъ Пронооя копьемъ въ обнаженныя перси,

Мимо щита, поразилъ и кипящую силу разрушилъ;
Съ громомъ онъ палъ; побѣдитель на Ѳесшора, Энопа сына,
Тамъ же напалъ; въ колесницѣ блистательной Ѳесторъ несчастный
Сжавшись сидѣлъ: ововалъ его ужасъ, изъ трепетныхъ дланей
Вырвались возжи; ему, налетѣвшій онъ, мѣдную пику
Въ правую челюсть вонзилъ, и пробилъ Энопиду сквозь зубы;
Пикой его черезъ край колесничный повлекъ онъ, какъ рыбарь,
Сидя на камнѣ, нависнувшемъ въ море, великую рыбу
Быстро изъ волнъ извлекаетъ и нитью и мѣдью блестящей:
Такъ Энопида зіявшаго влекъ онъ сверкающей пикой;
Сбросилъ на землю лицемъ, и отъ падшаго жизнь отлетѣла.
Въ слѣдъ Эріала, противу летящаго, камнемъ съ розмаху
Грянулъ въ средину главы, и она по поламъ раскололась
Въ крѣпкомъ шеломѣ; объ землю челомъ Эріалъ пораженный
Палъ, и мгновенно надъ нимъ душегубная смерть распростерлась.
Тутъ же могучій Амфотера онъ, Эримаса, Эпальта,
Пира, Эхія, Дамастора сына, вождя Тлиполема,
Воя Эвиппа, Ифея и Аргея вѣтвь, Полимѣла,
Всѣхъ, одного за другимъ, положилъ на всеплодную землю.

Царь Сарпедонъ, лишь увидѣлъ своихъ безпояснодоспѣшныхъ
Многихъ друзей, Менетида Патрокла рукою попранныхъ;
Громко воззвалъ, укоряя возвышенныхъ духомъ Ликіянъ:
„Стыдъ, о Ликійцы! бѣжите? теперь вы отважными будьте!
„Съ симъ браноносцемъ хочу я сойтися, хочу я увидѣть
„Кто сей могучій? уже онъ бѣды намъ многія сдѣлалъ,
„Многимъ и храбрымъ Троянамъ сломилъ уже крѣпкія ноги!

Рекъ, и съ своей колесницы съ оружіемъ прянулъ на землю.
Противъ него и Патроклъ, лишь узрѣлъ, полетѣлъ съ колесницы.
Словно два коршуна, съ клёвомъ покляпымъ, съ кривыми когтями,
Въ бой, на утесѣ высокомъ, слетаются съ крикомъ ужаснымъ:
Съ крикомъ подобнымъ они устремилися другъ противъ друга.

Видящій ихъ, возболѣзновалъ сынъ хитроумнаго Крона,
И провѣщалъ, обращаяся къ Герѣ, сестрѣ и супругѣ:
„Горе! Я зрю, Сарпедону, дражайшему мнѣ между смертныхъ,
„Днесь суждено подъ рукою Патрокловой пасть побѣжденнымъ!
„Сердце мое между двухъ помышленій волнуется въ персяхъ;
„Я не рѣшился еще, живаго ль изъ брани плачевной
„Сына восхитивъ, поставлю въ землѣ плодоносной Ликійской,
„Или уже подъ рукою Патрокла смирю Сарпедона.

Быстро вѣщала въ отвѣтъ волоокая Гера богиня:
„Мрачный Кроніонъ! какія слова ты, могучій, вѣщаешь?
„Смертнаго мужа, издревле уже обреченнаго року,
„Ты свободить совершенно отъ смерти печальной желаешь?
„Волю твори, но не всѣ Олимпійцы ее мы одобримъ!
„Слово иное реку я, и въ сердцѣ его сохрани ты.
„Ежели самъ невредимаго въ домъ ты пошлешь Сарпедона;
„Помни, быть можетъ, безсмертный, какъ ты, и другой возжелаетъ
„Сына любезнаго въ домъ удалить отъ погибельной брани.
„Многіе ратуютъ здѣсь, предъ великимъ Пріамовымъ градомъ,
„Чада безсмертныхъ, которыхъ ты ропотъ жестокій возбудишь.
„Сколько ты сына ни любишь и въ сердцѣ его ни жалѣешь;
„Нынѣ ему попусти на побоищѣ брани великой

„Пасть подъ руками героя, вождя Мирмидонянъ Патрокла.
„Послѣ, когда Сарпедона оставитъ душа, повели ты
„Смерти и кроткому Сну бездыханное тѣло героя
„Съ чуждой земли перенесть въ плодоносную Ликіи землю.
„Тамъ и братья и други его погребутъ и воздвигнутъ
„Въ память могилу и столпъ, съ подобающей честью умершимъ.

Такъ говорила; и внялъ ей Отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ:
Росу кровавую съ неба послалъ на Троянскую землю,
Чествуя сына героя, котораго въ Троѣ холмистой
Долженъ Патроклъ умертвить, далеко отъ отчизны любезной.

Оба героя сошлись, наступая одинъ на другаго.
Первый ударилъ Патроклъ, и копьемъ поразилъ Ѳразимѣла,
Мужа, который отважнѣйшій былъ Сарпедоновъ служитель:
Въ нижнее чрево его поразилъ онъ, и крѣпость разрушилъ.
Царь Сарпедонъ нападаетъ второй; но сверкающій дротикъ
Мимо летитъ, и коня у Патрокла пронзаетъ Педаса
Въ правое рамо; конь захрипѣлъ, испуская дыханье;
Грянулся съ ревомъ во прахъ, и могучая жизнь отлетѣла:
Два остальныхъ разскочились, яремъ затрещалъ, и бразды ихъ
Спутались вмѣстѣ, когда пристяжной повалился на землю.
Горю сему Автомедонъ пособіе быстро находитъ:
Мечъ свой при тучномъ бедрѣ изъ ноженъ долголезвенный вырвавъ,
Бросился онъ и отсѣкъ припряжнаго, ни мало не медля;
Кони другіе спрямились, и стали подъ ровныя вожжи.

Снова герои вступили въ рѣшительный споръ смертоносный.

И опять Сарпедонъ промахнулся блистательной пикой;
Низко, надъ лѣвымъ плечомъ остріе пронеслось у Патрокла,
Но не коснулось его; и ударилъ оружіемъ мѣднымъ
Сильный Патроклъ, и не праздно копье изъ руки излетѣло;
Въ грудь угодилъ, гдѣ лежитъ оболочка вкругъ твердаго сердца.
Палъ воевода Ликійскій, какъ падаетъ дубъ, или тополь,
Или огромная сосна, которую съ горъ древосѣки
Острыми вкругъ топорами сѣкутъ, корабельное древо:
Такъ Сарпедонъ предъ своей колесницей лежалъ распростертый,
Съ скрыпомъ зубовъ раздирая перстами кровавую землю.
Словно поверженный львомъ, на стадо незапно нашедшимъ,
Пламенный быкъ, межъ воловъ тяжконогихъ величествомъ гордый,
Гибнетъ, свирѣпо ревя подъ зубами могучаго звѣря:
Такъ Менетидомъ воинственнымъ царь щитоносныхъ Ликіянъ
Попранный, гордо стеналъ, и вопилъ къ знаменитому другу:
„Главкъ любезный, могучій изъ воиновъ! Нынѣ ты долженъ
„Быть копьеборцомъ отважнымъ и воиномъ неустрашимымъ;
„Долженъ пылать лишь свирѣпою бранію, ежели храбръ ты!
„Другъ! поспѣши и мужей предводителей смѣлыхъ Ликіянъ
„Всѣхъ обойдя, возбуди за царя Сарпедона сражаться;
„Стань за меня ты и самъ, и съ Ахейцами мѣдью сражайся!
„Или тебѣ, Гипполохиду я поношеньемъ и срамомъ
„Буду всегда и предъ позднымъ потомствомъ, когда Аргивяне
„Латы похитятъ съ меня, пораженнаго предъ кораблями!
„Дѣйствуй сильно, и всѣ возбуди ополченія наши!

Такъ произнесшему, смерти рука Сарпедону сомкнула
Очи и ноздри; Патроклъ, наступивши пятою на перси,

Вырвалъ копье, и за нимъ повлеклась оболочка отъ сердца:
Вмѣстѣ и жизнь и копье изъ него побѣдитель исторгнулъ.
Тамъ же Ахейцы и коней его изловили храпящихъ,
Прянувшихъ въ бѣгъ, какъ осталася праздной царей колесница.

Главка, при голосѣ друга, объяла жестокая горесть;
Сердце терзалось его, что помочь онъ нисколько не можетъ;
Стиснулъ рукою онъ лѣвую мышцу: ее удручала
Свѣжая рана, какую нанесъ воеводѣ стрѣлою
Тевкръ со стѣны корабельной, бѣду отъ друзей отражая.
Въ скорби взмолился герой, обращаясь къ царю Аполлону:
„Царь сребролукій, услышь! въ плодоносномъ ли царствѣ Ликійскомъ,
„Или въ Троадѣ присутствуешь, можешь вездѣ ты услышать
„Скорбнаго мужа, который, какъ я, удручается скорбью!
„Стражду я раной жестокой: рука у меня повсемѣстно
„Болью ужасной пронзается; кровь изъ нее безпрерывно
„Хлещетъ, не могши уняться; рука до плеча цѣпенѣетъ!
„Твердо въ бою не могу я ни дрота держать, ни сражаться
„Противуставши враждебнымъ; а воинъ храбрѣйшій погибнулъ,
„Зевсовъ сынъ, Сарпедонъ! не помогъ Громовержецъ и сыну!
„Ты жъ, помоги мнѣ, о царь! уврачуй жестокую рану;
„Боль утоли, и могущество даруй, да силою слова
„Храбрыхъ Ликійскихъ мужей возбужу я на крѣпкую битву,
„И за друга сраженнаго самъ достойно сражуся!

Такъ онъ молился; услышалъ его Аполлонъ дальновержецъ;
Быстро жестокую боль утолилъ, изъ мучительной раны
Черную кровь удержалъ, и мужествомъ душу наполнилъ.

Сердцемъ почувствовалъ Главкъ и восхитился духомъ, что скоро
Къ гласу его моленія богъ преклонился великій.
Бросился вдаль, и въ началѣ мужей ратоводцевъ Ликійскихъ
Всѣхъ обходя, возбуждалъ за царя Сарпедона сражаться;
Послѣ къ дружинамъ Троянъ устремился, широко шагая.
Тамъ воеводѣ Агенору, Полидамасу являлся;
Къ сыну Анхиза и къ мѣднодоспѣшному сыну Пріама,
Къ Гектору онъ представалъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Гекторъ, оставилъ ты вовсе Троянскихъ союзниковъ славныхъ!
„Храбрые ради тебя, далеко отъ друзей, отъ отчизны,
„Души въ бою полагаютъ; а ты защищать ихъ не хочешь!
„Палъ Сарпедонъ, щитоносныхъ Ликійскихъ мужей предводитель,
„Строившій землю Ликійскую правдой и доблестью духа.
„Мѣдный Арей Сарпедона смирилъ копіемъ Менетида.
„Станьте, о храбрые други! наполнимся пламенной мести,
„И не позволимъ оружій совлечь и надъ мертвымъ ругаться
„Симъ Мирмидонцамъ, на насъ разъяреннымъ за гибель Данаевъ,
„Коихъ у черныхъ судовъ истребили мы копьями многихъ!

Рекъ; и Троянъ до единаго тяжкая грусть поразила,
Грусть безотрадная: Трои оплотомъ, хотя иноземецъ,
Былъ Сарпедонъ; многочисленныхъ онъ на помогу Троянамъ
Воиновъ вывелъ, и самъ между нихъ отличался геройствомъ.
Яростно Трои сыны на Данаевъ ударили; велъ ихъ
Гекторъ, за смерть Сарпедонову гнѣвный; но духъ у Данаевъ
Воспламеняло Патроклово мужества полное сердце;
Первыхъ бодрилъ онъ Аяксовъ, пылавшихъ и собственнымъ духомъ:
„Вамъ, о Аяксы, встрѣтить враговъ сихъ да будетъ пріятно!

„Будьте героями прежними, или храбрѣе и прежнихъ!
„Палъ браноносецъ, изъ первыхъ взлетѣвшій на стѣну Данаевъ,
„Палъ Сарпедонъ! О когда бъ намъ увлечь и надъ нимъ поругаться,
„Съ персей доспѣхи сорвать, и какого нибудь изъ клевретовъ,
„Тѣло его защищающихъ, свергнуть убійственною мѣдью!

Такъ возбуждалъ; но Аяксы и сами сразиться пылали;
И когда лишь фаланги съ обѣихъ сторонъ укрѣпили,
Трои сыны и Ликійцы, Ахеяне и Мирмидонцы,
Всѣ соступившися, около мертваго съ яростнымъ воплемъ
Подняли бой; и кругомъ зазвучали оружія ратныхъ.
Зевсъ ужасную ночь распростеръ надъ долиной убійства,
Брань за любезнаго сына сугубо ужасна да будетъ.

Первые Трои сыны быстроокихъ Данаевъ отбили;
Палъ пораженный отъ нихъ не ничтожный въ мужахъ Мирмидонскихъ
Сынъ Агаклея почтеннаго, вождь Эпигей благородный.
Нѣкогда властвовалъ онъ въ многолюдномъ Будеонѣ градѣ;
Но знаменитаго сродника жизни лишивши убійствомъ,
Странникъ, прибѣгнулъ къ покрову Пелея царя и Ѳетиды;
Ими онъ вмѣстѣ съ Пелидомъ, фалангъ разрывателемъ, посланъ
Въ Трою, конями богатую, ратовать царство Пріама.
Онъ было тѣло схватилъ, и его шлемоблещущій Гекторъ
Грянулъ въ голову камнемъ; она пополамъ раскололась
Въ крѣпкомъ шеломѣ; лицемъ Эпигей на бездушное тѣло
Палъ, и мгновенно надъ нимъ душегубная смерть распростерлась.
Гнѣвъ Менетида объялъ за убійство храбраго друга;
Онъ сквозь ряды передніе бросился прямо, какъ ястребъ

Быстрый, который преслѣдуетъ робкихъ скворцовъ, или галокъ:
Такъ на Троянъ и Ликіянъ ты, о Патроклъ конеборецъ!
Прямо ударилъ, пылающій гнѣвомъ за гибель клеврета.
Тамъ Сѳенелая сразилъ, Иѳеменова храбраго сына,
Камнемъ ударивши въ выю, и жилы расторгнувши обѣ.
Вспять отступили переднихъ ряды и блистательный Гекторъ
Такъ далеко, какъ поверженный дротикъ большой пролетаетъ,
Если его человѣкъ, испытующій силу на играхъ,
Или въ сраженіи, броситъ на гордыхъ враговъ душегубцевъ:
Такъ далеко отступили Трояне; отбили Данаи.
Главкъ между тѣмъ, воевода Ликіянъ воинственныхъ, первый
Вспять обратися, убилъ Ваѳиклея высокаго духомъ,
Сына Халконова: домомъ живущій въ цвѣтущей Гелладѣ,
Счастіемъ онъ и богатствомъ блисталъ средь мужей Мирмидонскихъ;
Дротомъ его среди персей, неждавшаго, Главкъ поражаетъ
Вдругъ обратясь, какъ его самого настигалъ онъ гоняся.
Съ шумомъ онъ палъ; и печаль поразила Данаевъ, узрѣвшихъ
Сильнаго мужа паденье; Пергамлянъ же радость объяла;
Падшаго тѣло они оступили толпой; но Данаи
Доблести не забывали, впередъ на враговъ устремлялись.
Тутъ Меріонъ поразилъ Лаогона, доспѣшнаго мужа,
Сына Онѣтора, мужа, который жрецомъ въ Иліонѣ
Зевса Идейскаго былъ, и какъ богъ почитался народомъ:
Свергнулъ его, поразивши подъ челюсть и ухо; мгновенно
Кости оставила жизнь и ужасная тьма окружила.
Сильный Эней на убійцу послалъ мѣдножальную пику,
Чая умѣтить его, подъ щитомъ выступавшаго круглымъ;
Тотъ издалека увидѣвъ, отъ мѣди убійственной спасся,

*

Быстро впередъ наклонясь; за хребтомъ длиннотѣнная пика
Въ твердую землю вонзилась, и верхнимъ концемъ трепетала
Долго, пока не смирилася ярость стремительной мѣди.
Такъ Анхизидова мѣдноогромная пика сотрясшись,
Въ землю вошла, излетѣвъ безполезно изъ длани могучей.
Гордый Эней негодуя душею, вскричалъ къ Меріону:
„Скоро бъ тебя, Меріонъ, не смотря, что плясатель ты быстрый,
„Скоро бъ мой дротъ укротилъ совершенно, когда бъ я умѣтилъ!

Быстро ему возразилъ Меріонъ, знаменитый копейщикъ:
„Трудно тебѣ, Анхизидъ, и отлично могучему въ битвахъ,
„Духъ укротить воевателя каждаго, кто бы ни вышелъ
„Силу измѣрить съ тобою; и ты, какъ и прочіе, смертенъ.
„Еслибъ и я угодилъ тебя въ грудь изощренною мѣдью,
„Скоро бъ и ты, не смотря что могучъ и на руки надеженъ,
„Славу мнѣ даровалъ, а властителю Тартара душу!

Такъ говорилъ; но его порицалъ Менетидъ благородный:
„Что Меріонъ, воинственный мужъ, расточаешь ты рѣчи?
„Вѣрь, отъ рѣчей оскорбительныхъ гордые воины Трои
„Тѣла не бросятъ, покуда кого либо прахъ не покроетъ.
„Руки рѣшатъ кровавыя битвы, а рѣчи совѣты.
„Нынѣ Ахеянамъ должно не рѣчи плодить, а сражаться!

Рекъ, и впередъ полетѣлъ; и за нимъ Меріонъ копьеборецъ.
Словно толпа древосѣковъ сѣкирами стукъ подымаетъ
Въ горныхъ лѣсахъ; на пространство далекое онъ раздается:
Стукъ между воинствъ такой по землѣ раздавался пространной

Мѣди гремучей и кожъ неразрывныхъ щитовъ волокожныхъ,
Часто разимыхъ мечами и копьями яростныхъ воевъ.
Тутъ ни усерднѣйшій другъ Сарпедона, подобнаго богу,
Болѣ не могъ бы узнать: и стрѣлами, и кровью, и прахомъ
Весь отъ главы и до ногъ совершенно былъ онъ заметанъ.
Битва при немъ безпрестанно кипѣла. Подобно какъ мухи
Роемъ подъ кровлей жужжа, вкругъ подойниковъ полныхъ толпятся,
Вешней порой, какъ млеко изобильно струится въ сосуды:
Такъ ратоборцы вкругъ тѣла толпилися. Зевсъ Громодержецъ
Съ поля пылающей битвы очей не сводилъ свѣтозарныхъ;
Онъ непрестанно взиралъ на мужей, и въ душѣ Промыслитель
Много о смерти Патрокловой мыслилъ, волнуясь сомнѣньемъ:
Или уже и его въ настоящемъ убійственномъ спорѣ,
Тутъ, на костяхъ Сарпедона великаго Гекторъ могучій
Мѣдью смиритъ, и оружія славныя съ персей похититъ?
Или еще да продлитъ онъ подвигъ погибельный многимъ?
Въ сихъ волновавшемусь мысляхъ, угоднѣе Зевсу явилась
Дума, да храбрый служитель Пелеева славнаго сына
Воинство Трои и мѣднодоспѣшнаго ихъ воеводу,
Гектора къ граду погонитъ, и души у многихъ исторгнетъ.
Гектору первому Зевсъ послалъ малодушіе въ перси;
Онъ въ колесницу вскочивъ, побѣжалъ, повелѣвъ и Троянамъ
Къ граду бѣжать: уступилъ онъ священнымъ вѣсамъ Олимпійца.
Тутъ ни Ликійцы въ бою не осталися храбрые: въ бѣгство
Всѣ обратились, увидѣвъ царя ихъ пронзеннаго въ сердце,
Грудою тѣлъ окруженнаго; много ихъ вкругъ Сарпедона
Пало съ тѣхъ поръ, какъ бой сей ужасный воздвигъ Олимпіецъ.
Быстро съ раменъ Сарпедона Данаи сорвали доспѣхи

Мѣдные, пышно блестящіе, кои къ судамъ Мирмидонскимъ
Другамъ нести повелѣлъ Патроклъ конеборецъ могучій.

Въ оное время воззвалъ къ Аполлону Кронидъ тучеводецъ:
„Нынѣ гряди, Аполлонъ, и восхитивъ отъ стрѣлъ Сарпедона,
„Тѣло отъ черной крови, отъ браннаго праха очисти;
„Вдаль перенесши къ потоку, водою омой свѣтлоструйной,
„Мvромъ его умасти, и одѣнь одеждой безсмертной.
„Такъ совершивъ, повели ты посламъ и безмолвнымъ и быстрымъ,
„Смерти и Сну близнецамъ, да поспѣшно они Сарпедона
„Въ край отнесутъ плодоносный, въ пространное Ликіи царство.
„Тамо, братія, други его погребутъ и воздвигнутъ
„Въ память могилу и столпъ, съ подобающей честью усопшимъ.

Рекъ Громовержецъ; и не былъ отцу Аполлонъ непокоренъ:
Быстро съ Идейскихъ вершинъ низлетѣлъ на ратное поле.
Тамъ изъ-подъ стрѣлъ Сарпедона, подобнаго богу, похитилъ;
Вдаль перенесши къ потоку, водою омылъ свѣтлоструйной;
Мvромъ его умастилъ, одѣялъ одеждой безсмертной,
И нести повелѣлъ онъ посламъ и безмолвнымъ и быстрымъ,
Смерти и Сну близнецамъ; и они Сарпедона мгновенно
Въ край пренесли плодоносный, въ пространное Ликіи царство.

Тою порою Патроклъ, возбуждая возницу и коней,
Гналъ и Троянъ и Ликіянъ, и къ собственной гибели мчался,
Мужъ неразумный! Когда бъ соблюдалъ Ахиллесово слово,
То избѣжалъ бы отъ участи горестной черныя смерти.
Но Кронида совѣтъ человѣческихъ крѣпче совѣтовъ:

Онъ устрашаетъ и храбраго, онъ и побѣду отъ мужа
Вспять похищаетъ, котораго самъ же подвигнетъ ко брани;
Онъ и Патрокловы перси неистовымъ духомъ наполнилъ.
  Кто же былъ первый и кто былъ послѣдній, которыхъ сразилъ ты,
Храбрый Патроклъ, какъ тебя уже боги на смерть призывали?
Перваго свергнулъ Адраста, за нимъ Автöноя, Эхèкла,
Въ слѣдъ Меланиппа, Эпистора, Мèгаса отрасль, Перима,
Э̀лаза, Му̀лія, въ рукопашъ всѣхъ, и героя Пиларта:
Сихъ онъ сразилъ; а другіе спасенія въ бѣгствѣ искали.
Взяли бъ въ сей день Аргивяне высокую башнями Трою
Съ сыномъ Менетія: такъ впереди онъ свирѣпствовалъ пикой;
Если бы Фебъ Аполлонъ не стоялъ на возвышенной башнѣ,
Гибель ему замышляя, и Трои сынамъ поборая.
Трижды Менетіевъ сынъ взбѣгалъ на высокую стѣну
Дерзко-отважный, и трижды его отражалъ Стрѣловержецъ,
Дланью своею безсмертной въ блистательный щитъ ударяя;
Но когда онъ, какъ демонъ, въ четвертый разъ устремился;
Голосомъ грознопретительнымъ Фебъ стрѣловержецъ воскликнулъ:
  „Храбрый Патроклъ, отступи! Не тебѣ предназначено свыше
„Градъ крѣпкодушныхъ Троянъ копіемъ разорить; ни Пелиду,
„Сыну Богини, который тебя несравненно сильнѣйшій!

  Рекъ; и далеко назадъ Менетидъ отступилъ, избѣгая
Гнѣва могущаго бога, стрѣлами разящаго Феба.
  Гекторъ же въ Скейскихъ воротахъ удерживалъ пышущихъ коней:
Думалъ, сражаться ль ему, устремившися къ воинствамъ снова;
Или своимъ ратоборцамъ въ стѣнахъ повелѣть собираться?
Въ сихъ колебавшемусь думахъ, предсталъ Аполлонъ Пріамиду,

Образъ цвѣтущій пріявши младаго, могучаго мужа,
Храбраго Азія, Гектора, коней смирителя, дяди,
Брата роднаго Гекубы, отважнаго сына Димаса,
Жившаго въ тучной Фригійской землѣ, при водахъ Сангарія:
Образъ пріявши его, провѣщалъ Аполлонъ дальновержецъ:
„Битву оставилъ ты, Гекторъ? поступокъ тебя не достоинъ!
„Если бъ, сколь слабъ предъ тобою, столько могущественъ былъ я,
„Скоро бъ раскаялся ты, что кровавую битву оставилъ!
„Вспять обратись, напусти на Патрокла коней быстролетныхъ;
„Можетъ быть, славу побѣды тебѣ Аполлонъ уготовалъ!

Рекъ, и вновь обратился безсмертный къ борьбѣ человѣковъ.
И немедленно Гекторъ велѣлъ Кебріону возницѣ
Коней бичемъ на сраженіе гнать. Аполлонъ же отшедшій
Въ множествѣ ратныхъ сокрылся; и тамъ межъ Ахеянъ воздвигнулъ
Страшную смуту, Троянамъ и Гектору славу даруя.
Гекторъ Ахеянъ другихъ оставлялъ, никого не сражалъ;
Онъ на Патрокла летѣлъ, устремляя коней звуконогихъ.
Въ встрѣчу ему и Патроклъ соскочилъ съ колесницы на землю;
Шуйцей держалъ онъ копье, а десницею камень подхитилъ,
Марморъ лоснистый, зубристый, всю мощную руку занявшій;
Бросилъ его упершись, и летѣлъ онъ не долго до мужа;
Посланъ не тщетно изъ рукъ: поразилъ Кебріона возницу,
Сына Пріама побочнаго, дерзко гонящаго бурныхъ
Гектора коней: въ чело поразилъ его камень жестокій;
Брови сорвала громада; ни крѣпкій не снесъ ее черепъ,
Кость раздробила; кровавыя очи на пыльную землю
Пали къ его же ногамъ; и стремглавъ, водолазу подобно,

Самъ онъ упалъ съ колесницы, и жизнь оставила кости.

Горько надъ нимъ издѣваясь, воскликнулъ Патроклъ конеборецъ:
„Какъ человѣкъ сей легокъ! удивительно быстро ныряетъ!
„Если бы онъ находился и на морѣ, рыбой обильномъ,
„Многихъ бы могъ удовольствовать, устрицъ ища, для которыхъ
„Прядалъ бы онъ съ корабля, не смотря, что и море сердито.
„Какъ онъ, будучи на полѣ, быстро нырнулъ съ колесницы!
„Есть, какъ я вижу теперь, и межъ храбрыхъ Троянъ водолазы!

Такъ издѣваясь, на тѣло напалъ Кебріона героя,
Буренъ, какъ левъ разъяренный, который, загонъ истребляя,
Въ грудь прободенъ, и безстрашіемъ собственнымъ самъ себя губитъ:
Такъ на убитаго ты, Мирмидонянинъ, пламенный прянулъ.
Гекторъ на встрѣчу ему соскочилъ съ колесницы на землю;
Оба они за возницу, какъ сильные львы, состязались,
Кои на горномъ хребтѣ, за единую мертвую серну,
Оба, гладомъ яримые, съ гордымъ сражаются гнѣвомъ;
Такъ за трупъ Кебріона искусные два бранoносца,
Храбрый Патроклъ Менетидъ и блистательный Гекторъ сражаясь,
Жаждутъ единый другаго пронзить безпощадною мѣдью.
Гекторъ схвативъ за главу, изъ рукъ не пускалъ, безотбойный;
Сынъ же Менетіевъ за ногу влекъ; и кругомъ ихъ другіе,
Трои сыны и Данаи смѣсилися въ страшную сѣчу.

Словно два вѣтра, восточный и южный, свирѣпые спорятъ,
Въ горной долинѣ сшибаясь, и борютъ густую дубраву;
Крѣпкіе буки, высокіе ясени, деренъ користый

Зыблются, древо объ древо широкими вѣтвями бьются
Съ шумомъ ужаснымъ; кругомъ отъ крушащихся трескъ раздается:
Такъ Аргивяне, Трояне, свирѣпо другъ съ другомъ сшибаясь,
Падали въ битвѣ; никто о презрительномъ бѣгствѣ не думалъ.
Множество вкругъ Кебріона метаемыхъ копій великихъ,
Множество стрѣлъ окрыленныхъ, слетавшихъ съ тетивъ, водружалось;
Множество камней огромныхъ щиты разбивали у воевъ
Окрестъ его; но величественъ онъ, на пространствѣ великомъ
Въ вихрѣ праха лежалъ, позабывшій искуство возницы.

Долго, доколѣ свѣтило средину небесъ протекало,
Стрѣлы летали съ обѣихъ сторонъ, и народъ поражали.
Но лишь солнце склонилось къ порѣ, какъ воловъ распрягаютъ;
Храбрость Ахеянъ, судьбѣ вопреки, одолѣла противныхъ:
Трупъ Кебріона они увлекли изъ-подъ стрѣлъ, изъ-подъ криковъ
Ярыхъ Троянъ, и оружія пышныя сорвали съ персей.

Но Патроклъ на Троянъ, умышляющій грозное, грянулъ.
Трижды влеталъ онъ въ средину ихъ, бурному равный Арею,
Съ крикомъ ужаснымъ; и трижды сражалъ девяти браноносцевъ.
Но когда онъ, какъ демонъ, въ четвертый разъ устремился;
Тутъ, о Патроклъ, бытія твоего наступила кончина:
Противъ тебя Аполлонъ по побоищу шествовалъ быстро
Страшенъ грозой. Не позналъ онъ бога идущаго въ сонмахъ;
Мракомъ великимъ одѣянный шествовалъ въ встрѣчу безсмертный.
Сталъ позади, и въ хребетъ и широкія плечи ударилъ
Мощной рукой, и стемнѣвъ закружилися очи Патрокла.
Шлемъ съ головы Менетидовой сбилъ Аполлонъ дальновержецъ;

Быстро по праху катясь, зазвучалъ подъ копытами коней
Мѣдяный шлемъ; осквернилися волосы пышнаго гребня
Черною кровью и прахомъ. Прежде не сужено было
Шлему сему знаменитому прахомъ земнымъ оскверняться:
Онъ на прекрасномъ челѣ, на главѣ богомужней героя,
Онъ на Пелидѣ сіялъ; но Кронидъ соизволилъ, да Гекторъ
Онымъ украситъ главу: приближалась бо къ Гектору гибель.
Вся у Патрокла въ рукахъ раздробилась огромная пика,
Тяжкая, крѣпкая, мѣдью набитая; съ плечъ у героя
Щитъ, до пятъ достигавшій, съ ремнемъ повалился на землю;
Мѣдныя латы на немъ разрѣшилъ Аполлонъ небожитель.
Смута на душу нашла и на члены могучіе томность;
Сталъ онъ, какъ бы обаянный. Приближился съ острою пикой
Съ тыла его, и межъ плечъ поразилъ воеватель Дарданскій,
Славный Эвфорбъ Панѳоидъ, который блисталъ между сверстныхъ
Ногъ быстротой и метаньемъ копья и искусствомъ возницы;
Онъ уже въ юности двадцать бойцовъ сразилъ съ колесницъ ихъ,
Впервые выѣхавъ самъ на коняхъ, изучаться сраженьямъ.
Онъ, о Патроклъ, на тебя устремилъ оружіе первый,
Но не сразилъ; а исторгнувъ изъ язвы огромную пику,
Вспять побѣжалъ и укрылся въ толпѣ; не отважился явно
Противъ Патрокла, уже безоружнаго, стать на сраженье.
Онъ же, и бога ударомъ и мужа копьемъ укрощенный,
Вспять къ Мирмидонцамъ друзьямъ отступалъ, избѣгающій смерти.

Гекторъ, едва усмотрѣлъ Менетида высокаго духомъ,
Съ боя идущаго вспять, пораженнаго острою мѣдью,
Прянулъ къ нему сквозь ряды, и копьемъ, упредивши, ударилъ

Въ пахъ подъ животъ; глубоко во внутренность мѣдь погрузилась;
Палъ Менетидъ, и въ уныніе страшное ввергнулъ Данаевъ.
Словно какъ вепря могучаго пламенный левъ побѣждаетъ,
Если на горной вершинѣ сражаются, гордые оба,
Возлѣ ручья маловоднаго, жадные оба напиться;
Вепря, уже задыхавшагось, силою левъ побѣждаетъ:
Такъ Менетида героя, уже погубившаго многихъ,
Гекторъ великій копьемъ низложилъ и душу исторгнулъ.
Гордый побѣдой надъ нимъ, произнесъ онъ крылатыя рѣчи
„Вѣрно, Патроклъ, уповалъ ты, что Трою нашу разрушишь,
„Нашихъ супругъ заплѣнишь, и лишивъ ихъ священной свободы,
„Всѣхъ повлечешь на судахъ въ отдаленную землю родную!
„Нѣтъ, безразсудный! за нихъ-то могучіе Гектора кони
„Къ битвамъ летя, разстилаются по полю; самъ копіемъ я
„Между героевъ Троянскихъ блистаю; и я-то надѣюсь
„Рабство отъ нихъ отразить! Но тебя растерзаютъ здѣсь враны!
„Бѣдный! тебя Ахиллесъ, не смотря что могучъ, не избавилъ.
„Вѣрно тебѣ онъ идущему въ битву приказывалъ крѣпко:
„Прежде не мысли ты мнѣ, конеборецъ Патроклъ, возвращаться
„Въ станъ Мирмидонскій, доколѣ у Гектора мужеубійцы
„Брони, дымящейся кровію, самъ на груди не расторгнешь!
„Вѣрно онъ такъ говорилъ, и прельстилъ безразсуднаго душу

Дышущій томно, ему отвѣчалъ ты, Патроклъ благородный:
„Славься теперь, величайся, о Гекторъ! Побѣду стяжалъ ты
„Зевса и Феба пособіемъ: боги меня побѣдили;
„Имъ то легко; отъ меня и доспѣхи похитили боги.
„Но тебѣ подобные, еслибъ мнѣ двадцать предстали,

„Всѣ бы они полегли, сокрушенные пикой моею!
„Пагубный рокъ, Аполлонъ, и отъ смертныхъ Эвфорбъ Дарданіецъ
„Въ брани меня поразили, а ты уже третій сражаешь.
„Слово послѣднее молвлю, на сердцѣ его сохраняй ты:
„Жизнь и тебѣ на землѣ остается не долгая: близко,
„Близко стоитъ предъ тобою и Смерть и суровая Участь,
„Пасть подъ рукой Ахиллеса, Эакова мощнаго внука.

Такъ говорящаго, смертный конецъ осѣняетъ Патрокла.
Тихо душа, излетѣвши изъ тѣла, низходитъ къ Аиду,
Плачась на жребій печальный, бросая и крѣпость и юность.

Но къ Патроклу и къ мертвому Гекторъ великій воскликнулъ:
„Что, Мирмидонянинъ, ты предвѣщаешь мнѣ грозную гибель?
„Знаетъ ли кто, не Пелидъ ли, сынъ среброногой Ѳетиды,
„Прежде, моимъ копіемъ пораженный, разстанется съ жизнью?

Такъ произнесъ онъ, и мѣдную пику изъ мертваго тѣла
Вырвалъ, пятою нажавъ, и его опрокинулъ онъ навзничъ.
Послѣ не медля противъ Автомѣдона съ пикой понесся;
Мужа могучаго онъ, Ахиллесовыхъ коней возницу
Свергнуть пылалъ; но возницу умчали быстрые кони,
Кони безсмертные, даръ знаменитый безсмертныхъ Пелею.

ПѢСНЬ XVII.

СОДЕРЖАНІЕ.

Менелай защищаетъ тѣло Патроклово, и Эвфорба, покушающагося похитить съ него доспѣхи, убиваетъ, ст. 1—70. Между тѣмъ Гекторъ, по убѣжденію Аполлона, возвратясь отъ преслѣдованія Автомедона, обнажаетъ Патрокла; Менелай призываетъ Аякса на защиту тѣла, которое Гекторъ увлекъ бы обезображенное, еслибъ не явился Аяксъ и не сталъ противу него съ Менелаемъ, 71—139. Гекторъ, гордясь похищеннымъ оружіемъ, уходитъ отъ Аякса; Главкъ жестоко порицаетъ его; возбужденный упреками его Гекторъ, одѣвается оружіемъ Ахиллесовымъ, съ Патрокла совлеченнымъ, 140 — 197; Зевсъ предвѣщаетъ близкую смерть его; онъ же вновь устремляется, чтобы увлечь тѣло, и на сей бой призываетъ храбрѣйшихъ вождей Троянскихъ, 198—236. Противъ нихъ сходятся, призванные Аяксомъ и Менелаемъ, герои Ахейскіе, 237—261. Такимъ образомъ на одномъ мѣстѣ возгараeтся ужасная битва, въ которой Менелай, Аяксъ и Гекторъ, предводительствуя своими дружинами, сражаются съ перемѣннымъ успѣхомъ, одни, чтобы защитить Патроклово тѣло, другіе, чтобы увлечь его на поруганіе. Но во все это время Ахиллесъ еще не знаетъ о смерти друга, 262—425.—Ахиллесовыхъ коней, унылыхъ и проливающихъ слезы о Патроклѣ, Зевсъ одушевляетъ новою бодростію, и Автомедонъ снова летитъ въ бой, взявъ сподвижникомъ Алкимедона, 426—483. Увидѣвъ его, немедленно устремляется Гекторъ, Эней и другіе, чтобы овладѣть знаменитыми конями. Противъ ихъ нападенія крѣпко стоятъ Ахеяне, призвавъ на помощь Менелая и Аякса, которые, отразивъ враговъ, снова обращаются къ защитѣ Патроклова тѣла, и снова подымаютъ за него страшную битву: Аѳина одушевляетъ Менелая, Аполлонъ возбуждаетъ Гектора, 484—592; онъ жестоко нападаетъ на Ахеянъ, и Зевсъ громомъ знаменуетъ побѣду Троянамъ. Тогда перемѣняется рѣшительно успѣхъ битвы: храбрѣйшіе Ахеяне бѣгутъ; самъ Аяксъ Теламонидъ устрашается; ища Антилоха, чтобы послать къ Ахиллесу, и ничего не видя сквозь ужасный мракъ, покрывающій битвенное поле, онъ въ ропотѣ храбраго сердца вопіетъ къ Зевсу, 593—651. По его же совѣту Менелай отыскиваетъ Антилоха и посылаетъ къ Ахиллесу съ вѣстію о смерти Патрокла, 652—701; потомъ съ Меріономъ подымаетъ тѣло и несетъ къ кораблямъ, подъ защитою Аяксовъ, которые слѣдуя по стопамъ ихъ, мужественно отражаютъ нападающихъ; но Трояне жестоко преслѣдуютъ, и бѣгство Ахеянъ дѣлается общимъ, 702—761.

ПѢСНЬ XVII.

Онъ не укрылся отъ сильнаго въ браняхъ царя Менелая,
Храбрый Патроклъ, пораженный Троянами въ пламенной битвѣ.
Бросясь впередъ Менелай, ополченный сверкающей мѣдью,
Около тѣла ходилъ, какъ вкругъ юницы нѣжная матерь,
Первую родшая, прежде не знавшая муки рожденій:
Такъ вкругъ Патрокла ходилъ герой Менелай свѣтлокудрый,
Грозно предъ нимъ и копье уставляя и щитъ мѣднобляшный,
Каждаго, ктобъ ни приближился, душу исторгнуть готовый.
Но не могъ пренебречь и Эвфорбъ, знаменитый копейщикъ,
Падшаго въ брани Патрокла героя; приближился къ тѣлу,
Сталъ, и воскликнулъ къ могучему въ битвахъ царю Менелаю:
„Зевсовъ питомецъ, Атридъ, повелитель мужей, удалися,
„Тѣло оставь, отступись отъ моей ты корысти кровавой!
„Прежде меня ни одинъ изъ Троянъ и союзниковъ славныхъ
„Въ пламенной битвѣ копьемъ не коснулся Патроклова тѣла:
„Мнѣ ты оставь межъ Троянами свѣтлою славой гордиться;
„Или страшися, лишу и тебя я сладостной жизни!

Вспыхнувши гнѣвомъ, воскликнулъ Атридъ, Менелай свѣтлокудрый:
„Зевсомъ клянусь, не позволено такъ безпредѣльно кичиться!

*

„Столько и левъ не гордится могучій, ни тигръ несмиримый,
„Ни погибельный вепрь, который и большею, дикій,
„Яростью въ персяхъ свирѣпствуя, грозною силою пышетъ:
„Сколько Панѳоевы дѣти, метатели копій, гордятся!
„Но, не спасла Гиппере̂нора, конника, гордаго силой,
„Младость его, какъ противу меня онъ съ ругательствомъ вышелъ:
„Онъ вопіялъ, что презрѣннѣйшій я межъ Данаями воинъ;
„Но изъ битвы, я мню, не своими ногами пошелъ онъ
„Въ домѣ возрадовать кровныхъ своихъ и супругу младую.
„Такъ и твою сокрушу я надменность, когда ты посмѣешь
„Ближе ко мнѣ подойти! Но прими мой совѣтъ, и скорѣе
„Скройся въ толпу; предо мною не стой ты, пока надъ тобою
„Горе еще не сбылося! Событіе зритъ и безумный!

Такъ онъ вѣщалъ; но Эвфорбъ непреклонный отвѣтствовалъ снова:
„Нѣтъ, Менелай, расплатися теперь же со мной за убійство!
„Братъ мой тобою убитъ; и гордишься еще ты, что сдѣлалъ
„Горькой вдовою супругу его въ новобрачномъ чертогѣ,
„И почтенныхъ родителей въ плачъ неутѣшный повергнулъ?
„О! безъ сомнѣнія плачущимъ я утѣшеніемъ буду,
„Если сорвавши съ тебя и главу и кровавыя латы,
„Въ руки отдамъ ихъ Панѳою и матери нашей Фронтисѣ.
„Но почто остается досель неиспытаннымъ подвигъ,
„И не рѣшеными, битвой межъ нами, и храбрость и робость!

Такъ произнесъ, и ударилъ противника въ щитъ мѣднобляшный;
Но не проникшее мѣди, согнулось копейное жало
Въ твердомъ щитѣ. И тогда устремился съ убійственною мѣдью

Царь Менелай, умоляющій пламенно Зевса владыку:
Вспять отскочившему онъ въ основаніе горла Эвфорбу
Пику вонзилъ и налегъ, на могучую руку надежный:
Быстро жестокая мѣдь пробѣжала сквозь нѣжную выю;
Грянулся оземь Эвфорбъ, и на немъ загремѣли доспѣхи;
Кровью власы оросилися, сродные дѣвамъ Харитамъ,
Кудри, держимые пышно златой и серебряной связью.
Словно какъ маслина древо, которое мужъ возлелѣялъ
Въ уединеніи, гдѣ искипаетъ ручей многоводный,
Пышно кругомъ разрастается; зыблютъ ее прохлаждая
Всѣ тиховѣйные вѣтры, покрытую цвѣтомъ сребристымъ;
Но незапная буря, нашедшая съ вихремъ могучимъ,
Съ корнемъ изъ ямины рветъ, и по черной землѣ простираетъ:
Сына такого Панѳоева, гордаго сердцемъ Эвфорба,
Царь Менелай низложилъ и его обнажалъ отъ оружій.
Словно какъ левъ, на горахъ возросшій, могучестью гордый,
Если изъ стада пасомаго лучшую краву похититъ,
Выю онъ вмигъ ей крушитъ, захвативши въ крѣпкіе зубы;
Послѣ и кровь и горячую внутренность всю поглощаетъ,
Жадно терзая; кругомъ на ужаснаго псы и селяне,
Стоя вдали, подымаютъ крикъ безпрерывный, но выйти
Противъ него не дерзаютъ; блѣдный ихъ страхъ обымаетъ:
Такъ изъ Троянскихъ мужей никого не отважило сердце
Противъ царя Менелая, высокаго славою, выйти.
Скоро бъ къ дружинѣ понесъ велелѣпный доспѣхъ Панѳоида
Сильный Атридъ; но ему позавидовалъ Фебъ дальновержецъ:
Онъ на Атрида подвигнулъ подобнаго богу Арею,
Гектора; въ образѣ Мента, Киконскихъ мужей воеводы,

Къ Гектору Фебъ провѣщалъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Гекторъ! безплодно ты рыщешь, преслѣдуя неуловимыхъ
„Коней Пелида героя; Пелидовы кони жестоки!
„Ихъ укротить и управить для каждаго смертнаго мужа
„Трудно, кромѣ Ахиллеса, безсмертной матери сына!
„Тою порой у тебя Атреїонъ, Менелай браноносный,
„Трупъ защищая Патрокловъ, храбрѣйшаго воина свергнулъ,
„Бурную мощь обуздалъ онъ Панѳоева сына Эвфорба.

Рекъ, и вновь обратился безсмертный къ борьбѣ человѣковъ.
Гектору горесть жестокая мрачное сердце стѣснила;
Окрестъ себя обозрѣлъ онъ ряды, и мгновенно увидѣлъ
Мужа, похитить спѣшащаго свѣтлый доспѣхъ, и другаго
Въ прахѣ простертаго: кровь изливалась изъ раны широкой.
Бросился Гекторъ впередъ, ополченный сверкающей мѣдью,
Звучно кричащій, и быстрый, какъ бурный пламень Гефестовъ.
И не укрылся отъ сына Атреева крикъ его звучный;
Думенъ, Атридъ совѣщался съ своею душой благородной:
„Горе! когда я оставлю доспѣхъ сей прекрасный, и брошу
„Тѣло Патрокла, за честь мою положившаго душу;
„Каждый меня Аргивянинъ осудитъ, который увидитъ!
„Еслижъ на Гектора я и Троянъ одинокъ ополчуся,
„Бѣгства стыдяся; одинъ окруженъ я множествомъ буду:
„Всѣхъ Троянцевъ сюда ведетъ шлемоблещущій Гекторъ.
„Но почто у меня волнуется сердце въ сихъ думахъ?
„Кто, вопреки божеству, осмѣлится съ мужемъ сражаться,
„Богомъ хранимымъ, бѣда надъ главой того быстрая грянетъ.
„Нѣтъ, Аргивяне меня не осудятъ, когда уступлю я

„Гектору сильному въ брани: отъ бога воинствуетъ Гекторъ.
„Еслижъ Аякса я гдѣ либо, духомъ безстрашнаго, встрѣчу;
„Съ нимъ устремимся мы вновь, и помыслимъ о пламенной битвѣ,
„Даже и противу бога; только бы тѣло Патрокла
„Намъ возвратить Ахиллесу; изъ золъ бы то меньшее было.

Тою порою, какъ думы сіи въ умѣ обращалъ онъ,
Близко Троянъ подступили ряды, и предъ оными Гекторъ.
Вспять Менелай отступилъ, и оставилъ Патроклово тѣло,
Часто назадъ озираясь, подобно какъ левъ густобрадый,
Коего псы и народъ отъ загона воловъ отгоняютъ
Копьями, криками; гордаго звѣря могучее сердце
Страхомъ стѣсняется; нехотя онъ отъ загона уходитъ:
Такъ отошелъ отъ Патрокла герой Менелай свѣтлокудрый;
Сталъ, и назадъ обратился, приближася къ сонму Данаевъ.
Тамъ онъ Аякса искалъ, Теламонова мощнаго сына;
Скоро увидѣлъ героя на лѣвомъ крылѣ ратоборства,
Гдѣ онъ дружины свои ободрялъ, поощряя на битву;
Свыше низпосланнымъ ужасомъ ихъ поразилъ Дальновержецъ.
Онъ устремился къ Аяксу, и такъ восклицалъ приближаясь:
„Другъ Теламонидъ, сюда! за Патрокла сраженнаго въ битву!
„Можетъ быть, сыну Пелееву мы возвратимъ хоть нагое
„Тѣло его; а доспѣхи похитилъ убійственный Гекторъ.

Такъ говорилъ, и воинственный духъ взволновалъ у Аякса.
Онъ устремился впередъ, и при немъ Менелай свѣтлокудрый.
Гекторъ межъ тѣмъ, обнаживши отъ славныхъ доспѣховъ Патрокла,
Влекъ, чтобы голову съ плечъ отрубить изощренною мѣдью,

Трупъ же его изувѣченный псамъ на терзаніе броситъ.
Вдругъ Теламонидъ, съ щитомъ передъ персями, башни подобнымъ,
Грозный явился; и Гекторъ назадъ отступивши къ дружинамъ,
Прянулъ въ свою колесницу; доспѣхи же отдалъ Троянамъ
Несть въ Иліонъ, да хранятся ему на великую славу.
Но Теламонидъ огромнымъ щитомъ Менетида покрывши,
Грозенъ стоялъ, какъ становится левъ предъ своими дѣтями,
Если ему, малосильныхъ ведущему, въ дикой дубравѣ
Встрѣтятся ловчіе: онъ раздражаясь, очами сверкаетъ,
Хмуритъ чело до бровей, покрывая и самыя очи:
Сынъ Теламоновъ таковъ обходилъ Менетидово тѣло.
Подлѣ его же, съ другой стороны, Менелай браноносный
Мраченъ стоялъ, величайшую горесть въ сердцѣ питая.
Главкъ между тѣмъ Гипполохидъ, Ликійскихъ мужей воевода,
Грозно взирая на Гектора, горькой язвилъ укоризной:
„Гекторъ, герой по наружности! какъ ты далекъ отъ геройства!
„Суетно добрая слава идетъ о тебѣ, малодушный!
„Думай о способахъ, какъ отъ враждебныхъ и градъ свой и замокъ
„Можешь избавить одинъ ты, съ мужами, рожденными въ Троѣ.
„Что до Ликіянъ, впередъ ни одинъ не пойдетъ на Данаевъ
„Биться за градъ; никакой благодарности здѣсь не находитъ
„Кто ежеденно, и ревностно съ вашими бьется врагами.
„Какъ же простаго ты ратника въ войскѣ народномъ заступишь,
„Мужъ злополучный, когда Сарпедона, и гостя и друга,
„Предалъ, безъ всякой защиты, Ахеянамъ въ плѣнъ и добычу?
„Мужа, толико услугъ оказавшаго въ жизни какъ граду,
„Такъ и тебѣ? но и псовъ отъ него отогнать не дерзнулъ ты!
„Если еще хоть одинъ отъ Ликійскихъ мужей мнѣ послушенъ....

„Мы возвратимся въ дома: приближается пагуба Трои! —
„Еслибъ имѣли Трояне отважность и духъ дерзновенный,
„Духъ, мужей обымающій, кои за землю родную
„Противъ враговъ и труды и жестокія битвы подъемлютъ;
„Скоро бы мы увлекли въ Иліонскія стѣны Патрокла.
„Если жъ бы славный мертвецъ сей въ обитель владыки Пріама,
„Въ градъ Иліонъ перешелъ, среди боя захваченный нами;
„Скоро бъ Ахейцы намъ выдали пышный доспѣхъ Сарпедона;
„Мы и его самаго принесли бъ въ Иліонскія стѣны:
„Ибо поверженъ служитель героя, который славнѣе
„Всѣхъ Аргивянъ при судахъ, и клевретовъ предводитъ храбрѣйшихъ.
„Ты жъ не дерзнулъ Теламонову сыну, Аяксу герою
„Противустать, и безтрепетно смотря противнику въ очи,
„Прямо сразиться не смѣлъ: несравненно тебя онъ храбрѣе!

„Гнѣвно на Главка взглянувъ, отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ:
„Главкъ, и таковъ ты будучи, такъ говоришь напыщенно!
„Мыслилъ, о другъ, я донынѣ, что разумомъ ты превосходишь
„Всѣхъ, населяющихъ землю пространной державы Ликійской;
„Нынѣ жъ твой умъ совершенно порочу; и что ты вѣщаешь?
„Ты вопіешь, что не смѣлъ я Аякса огромнаго встрѣтить?
„Нѣтъ, ни сраженья, ни топота конскаго я не страшился!
„Но Кронида совѣтъ человѣческихъ крѣпче совѣтовъ:
„Онъ устрашаетъ и храбраго, онъ и отъ мужа побѣду
„Вспять похищаетъ, котораго самъ же подвигнетъ ко брани.
„Шествуй со мною, и стой близъ меня, и разсматривай дѣло:
„Цѣлый ли день я останусь, какъ ты проповѣдуешь, робкимъ;
„Или какого нибудь, и кипящаго боемъ Данайца,

„Мужество я укрощу при защитѣ Патроклова тѣла!

Такъ произнесъ, и Троянъ возбуждающій, звучно воскликнулъ:
„Трои сыны, и Ликійцы, и вы, рукоборцы Дардане!
„Будьте мужами, друзья, и воспомните бурную доблесть;
„Яжъ Ахиллеса героя одѣнуся браннымъ доспѣхомъ,
„Славнымъ, которой добылъ я Патроклову мощь одолѣвши.

Такъ восклицающій, вышелъ изъ битвы пылающей Гекторъ
Шлемомъ сіяя; пустился бѣжать и настигнулъ клевретовъ
Скоро, еще не далекихъ, стремительно ихъ догоняя
Несшихъ въ святой Иліонъ Ахилессовъ доспѣхъ знаменитый.
Ставъ отъ боя вдали, Пріамидъ обмѣнялся доспѣхомъ:
Свой разрѣшилъ и отдалъ, да несутъ въ Иліонскія стѣны
Вѣрные други; а самъ облекался доспѣхомъ безсмертнымъ
Славнаго мужа Пелида, которой небесные боги
Дали Пелею герою; Пелей подарилъ его сыну,
Старецъ; но сынъ подъ доспѣхомъ отца не успѣлъ состарѣться.

Зевсъ, Олимпійскій блистатель, узрѣвъ, какъ отъ битвъ удаленный
Гекторъ доспѣхомъ Пелида, подобнаго богу, облекся;
Мудрой главой покивалъ, и въ душѣ своей проглаголалъ:
„Ахъ, злополучный, душа у тебя и не чувствуетъ смерти,
„Близкой къ тебѣ! Облекаешься ты безсмертнымъ доспѣхомъ
„Сильнаго мужа, котораго всѣ браноносцы трепещутъ!
„Ты умертвилъ у него кроткодушнаго, храбраго друга,
„И доспѣхи героя съ главы и съ раменъ недостойно
„Сорвалъ! Но дамъ я тебѣ одолѣніе крѣпкое въ брани

„Мздою того, что изъ рукъ отъ тебя, возвратившагось съ боя,
„Славныхъ оружій Пелида твоя Андромаха не приметъ!

Рекъ, и маніемъ черныхъ бровей утвердилъ то Кроніонъ.
Гектора тѣло доспѣхъ обольнулъ, и вступилъ ему въ сердце
Бурный, воинственный духъ; преисполнились всѣ его члены
Силой и крѣпостью. Онъ къ знаменитымъ друзьямъ Иліона
Шествовалъ съ крикомъ могучимъ, и взорамъ всѣхъ представлялся,
Въ блескѣ доспѣховъ безсмертныхъ, самимъ Ахиллесомъ великимъ.
Такъ обходящій ряды, ободрялъ воеводъ онъ рѣчами:
Мѐсола, Ѳерсѝлоха, Мѐдона, вѣтвь Гипполохову Главка,
Гиппоѳоòя, Дезѝнора, Астеропѐя героя,
Хрòмія, Фòрка, и славнаго въ птицегаданьи Эннòма;
Сихъ возбуждалъ онъ вождей, устремляя крылатыя рѣчи:
„Слушайте, сонмы несметные нашихъ друзей и сосѣдей!
„Я не искалъ многолюдства, и нужду не въ ономъ имѣя,
„Васъ изъ далекихъ градовъ собиралъ я въ священную Трою.
„Нѣтъ, но чтобъ вы и супругъ и дѣтей неповинныхъ Троянскихъ
„Ревностно мнѣ защищали отъ бранолюбивыхъ Данаевъ.
„Съ мыслію сею и данями я и припасами корма
„Свой истощаю народъ, чтобы мужество ваше возвысить.
„Станьте жъ въ лице сопротивныхъ; и каждый изъ васъ или гибни,
„Или спасай свой животъ! таково состояніе ратныхъ!
„Кто между вами Патрокла, хотя и убитаго, нынѣ
„Къ сонму Троянъ привлечетъ, и предъ кѣмъ Теламонидъ отступитъ;
„Тотъ половину корыстей возметъ; половина другая
„Будетъ моею; но славою онъ, какъ и я, да гордится.

*

Гекторъ сказалъ; и они на Данаевъ обрушились прямо,
Копья поднявши; надеждою гордой ласкалось ихъ сердце,
Тѣло Патрокла отбить у Аякса, твердыни Данаевъ:
Мужи безумные! многимъ при тѣлѣ исторгнулъ онъ душу.
Ихъ усмотрѣвши Аяксъ, возгласилъ къ Менелаю герою:
„Другъ Менелай, питомецъ Зевеса! едва мы, какъ мыслю,
„Сами успѣемъ съ тобой возвратиться живые изъ битвы!
„Я безпокоюсь не столько о тѣлѣ Менетія сына:
„Скоро несчастный насытитъ и псовъ и пернатыхъ Троянскихъ:
„Сколько страшусь о главѣ и своей и твоей, чтобы горе
„Ихъ не постигнуло; тучею брани здѣсь все покрываетъ
„Гекторъ; и намъ очевидно грозитъ неизбѣжная гибель!
„Кличь, о любезный, Данайскихъ героевъ, быть можетъ услышатъ.

Такъ говорилъ; и послушалъ его Менелай свѣтловласый;
Голосомъ громкимъ вскричалъ, призывая на помощь Данаевъ:
„Други, вожди и правители мудрые храбрыхъ Данаевъ,
„Вы, которые въ пиршествахъ — съ нами, сынами Атрея,
„Вмѣстѣ народное* пьете, и каждый народомъ подвластнымъ
„Правите: власть бо и славу пріемлете свыше отъ Зевса!
„Каждаго нынѣ изъ васъ разпознать предводителя воинствъ
„Мнѣ не возможно: сраженія пламень кругомъ насъ пылаетъ!
„Сами спѣшите сюда, и наполняся гордаго гнѣва,
„Быть Патроклу не дайте игралищемъ псовъ Иліонскихъ!

Такъ восклицалъ онъ; и ясно услышалъ Аяксъ Оилеевъ;
Первый предсталъ къ Менелаю, побоищемъ быстро пробѣгшій;

* Вино, какъ подразумѣвается и въ подлинникѣ.

Слѣдомъ за нимъ Девкалидъ, и сопутникъ царя Девкалида,
Мужъ Меріонъ, Эніалею равный, губителю смертныхъ.
Прочихъ мужей имена, кто могъ бы на память повѣдать,
Послѣ пришедшихъ и быстро возставившихъ битву Данаевъ?

Прежде Трояне напали громадой; предшествовалъ Гекторъ.
Словно какъ въ устьяхъ рѣки, отъ великаго Зевса низпадшей,
Валъ, при истокѣ, огромный шумитъ; и высокіе окрестъ
Воютъ брега, отъ валовъ изрыгаемыхъ моремъ на сушу:
Столько былъ шуменъ подъятый Троянами кликъ: но Данаи
Вкругъ Менетида стояли, единымъ кипящіе духомъ,
Крѣпко сомкнувшись щитами ихъ мѣдными. Свыше надъ ними,
Окрестъ ихъ шлемовъ сіяющихъ, страшный разлилъ Громодержецъ
Мракъ; никогда Менетидъ ненавистенъ Владыкѣ безсмертныхъ
Не былъ, доколѣ дышалъ и служилъ Эакиду герою;
Не было богу угодно, чтобъ снѣдію псовъ Иліонскихъ
Сталъ Менетидъ; и воздвигъ онъ друзей на защиту героя.

Первые сбили Трояне Ахейскихъ сыновъ быстрооккихъ.
Тѣло оставя, побѣгли они; но ни воя межъ ними
Трои сыны не сразили, надменные, какъ ни пылали;
Тѣло жъ они увлекли; но вдали отъ него и Данаи
Были не долго: ихъ всѣхъ обратилъ съ быстротою чудесной
Сынъ Теламона, и видомъ своимъ и своими дѣлами
Всѣхъ Аргивянъ превышающій, послѣ Пелида героя.
Рынулся онъ сквозь переднихъ, могучестью вепрю подобный,
Горному вепрю, который и псовъ и младыхъ звѣроловцевъ
Всѣхъ, обращаяся быстро, легко разсыпаетъ по дебри:

Такъ Теламона почтеннаго сынъ, Аяксъ благородный,
Бросясь, разсыпалъ легко сопротивныхъ густыя фаланги,
Кои уже окружили Патрокла и сердцемъ пылали,
Въ стѣны градкія увлечь и великою славой покрыться.
Тѣло ужь Гиппоѳоой, Пелазгійскаго Леѳа рожденье,
За ногу торопко влекъ по кровавому поприщу боя,
Около глезны, у жилъ, обвязавши ремнемъ перевѣснымъ;
Гектору симъ и Троянамъ хотѣлъ угодить онъ; но быстро
Гибель пришла, и не спасъ ни одинъ изъ друзей пламенѣвшихъ.
Грозный Аяксъ на него, сквозь разорванныхъ толпищъ обрушась,
Пикою въ рукопашъ грянулъ по мѣдноланитному шлему;
И разсѣлся шеломъ густогривый подъ мѣдянымъ жаломъ,
Бывъ пораженъ и огромнымъ копьемъ и рукою могучей;
Мозгъ по Аякса копью побѣжалъ изъ главы раздробленной,
Смѣшанный съ кровью: исчезла могучесть; изъ трепетныхъ дланей
Ногу Патрокла героя на землю пустилъ, и на мѣстѣ
Самъ онъ, лицемъ повалившися, палъ подлѣ мертваго мертвый,
Палъ далекò отъ Лариссы родной; ни родителямъ бѣднымъ
Онъ не воздалъ за труды воспитанія; вѣкъ его краткокъ
Былъ на землѣ, Теламонова сына копьемъ пресѣченный.
Гекторъ межъ тѣмъ на Аякса направилъ сіяющій дротикъ.
Тотъ, хоть и въ пору завидѣлъ, отъ быстронесущейся мѣди
Чуть уклонился; но Гекторъ Схедія, Ифитова сына,
Храбраго мужа Фокеянъ, который въ славномъ Панопѣ
Домомъ богатымъ владѣлъ и властвовалъ многимъ народамъ,
Мужа сего поразилъ подъ ключемъ: совершенно сквозь выю
Бурное жало копья и сквозь рамо въ верьху пробѣжало;
Съ шумомъ упалъ онъ на долъ, и взгремѣли на падшемъ доспѣхи.

Мощный Аяксъ браннодушнаго Фόрка, Фенόпсова сына,
Трупъ защищавшаго Гипоѳоя, ударилъ въ утробу:
Лату брони просадила, и внутренность мѣдь сквозь утробу
Вылила; въ прахъ повалившись, хватаетъ рукою онъ землю.
Вспять отступили переднихъ ряды и сіяющій Гекторъ.
Крикнули громко Данаи, и Гипоѳоя и Форка
Разомъ тѣла увлекли, и съ раменъ ихъ сорвали доспѣхи.

Скоро опять бы Трояне отъ бранолюбивыхъ Данаевъ
Скрылися въ градъ, побѣжденные собственной слабостью духа;
Славу жъ стяжали бъ Данаи, противу судебъ Громόдержца,
Силой своею и доблестью; но Аполлонъ на Данаевъ,
Гнѣвный, Энея воздвигнулъ, образъ пріявъ Перифа̂са,
Сына Эпи̂това: онъ при отцѣ престарѣломъ Энея
Вѣстникомъ бывъ состарѣлся, исполненный кроткихъ совѣтовъ:
Образъ пріявши его, Аполлонъ провѣщалъ ко Энею:
„Какъ же могли бъ вы, Эней, защитить, вопреки и безсмертнымъ,
„Градъ Иліонъ, какъ я нѣкогда видѣлъ другихъ человѣковъ,
„Крѣпко надежныхъ на силу, на твердость сердецъ и на храбрость,
„Съ меньшей дружиной своею, превысшею всякаго страха!
„Намъ же и самый Кронидъ благосклоннѣе, чѣмъ Аргивянамъ,
„Хощетъ побѣды; но вы лишь трепещете, стоя безъ битвы!

Такъ провѣщалъ; и Эней предъ собою позналъ Аполлона,
Въ очи воззрѣвшій, и крикнулъ онъ къ Гектору голосомъ звучнымъ:
„Гекторъ, и вы, воеводы Троянъ и союзныхъ народовъ!
„Стыдъ намъ, когда мы вторично отъ бранолюбивыхъ Данаевъ
„Скроемся въ градъ, побѣжденные собственной слабостью духа!

„Нѣтъ, божество говоритъ: предо мною оно предстояло:
„Зевсъ, промыслитель верховный, намъ благосклонствуетъ въ брани!
„Прямо пойдемъ на Данаевъ! пускай супостаты спокойно
„Къ чернымъ своимъ кораблямъ не приближатся съ тѣломъ Патрокла!

Рекъ, и изъ ряду передняго вылетѣвъ, сталъ передъ войскомъ.
Трои сыны обратились, и стали въ лице Аргивянамъ.
Тутъ благородный Эней, ополченный копьемъ, Леокрита,
Сына Аризбанта, свергъ, Ликомѣдова храбраго друга.
Въ жалость о падшемъ пришелъ Ликомѣдъ, благодушный воитель;
Къ тѣлу приблизился, сталъ и сіяющій ринувши дротикъ,
Онъ Апизаона, сына Гиппасова, силъ воеводу,
Въ печень подъ сердцемъ пронзилъ, и сломилъ ему крѣпкія ноги,
Мужу, который пришелъ отъ цвѣтущихъ полей Пеонійскихъ,
И на битвахъ блисталъ, какъ храбрѣйшій по Астеропеѣ.
Въ жалость пришелъ о поверженномъ Астеропей браннодушный;
Прямо и онъ на Данаевъ ударилъ, пылая сразиться:
Тщетная доблесть! кругомъ какъ стѣной ограждались щитами,
Окрестъ Патрокла стоящіе, острыя копья уставивъ.
Ихъ непрестанно Аяксъ обходилъ, убѣждающій сильно:
Шагу назадъ отступать, не приказывалъ сынъ Теламоновъ;
Съ мѣста впередъ не итти, чтобъ вдали отъ дружины сражаться;
Крѣпко у тѣла стоять, и при немъ съ нападающимъ биться.
Такъ убѣждалъ ихъ великій Аяксъ. Между тѣмъ заливалась
Кровью багряной земля, упадали одни на другіе
Трупы, какъ храбрыхъ Троянъ и союзниковъ ихъ знаменитыхъ,
Такъ и Данайскихъ мужей; и они не безъ крови сражались;
Меньше лишь гибнуло ихъ; помышляли они безпрестанно,

Какъ имъ другъ друга въ толпѣ защищать отъ опасности грозной.

Битва пылала, какъ огнь пожирающій; каждый сказалъ бы,
Вѣрно на тверди небесной не цѣло ни солнце, ни мѣсяцъ:
Мракомъ такимъ на побоищѣ были покрыты герои,
Кои кругомъ Менетида, его защищая, стояли.
Прочія жъ рати Троянъ и красивопоножныхъ Данаевъ
Вольно сражались, подъ воздухомъ яснымъ; вездѣ разливался
Пламенный солнечный свѣтъ; надъ равниною всей, надъ горами
Не было облака; съ отдыхомъ частымъ сражалися войски;
Стороны обѣ свободно отъ стрѣлъ уклонялися горькихъ,
Ратуясь издали. Здѣсь же, въ срединѣ, во мракѣ и сѣчѣ
Горе терпѣли; нещадно жестокая мѣдь поражала
Воевъ храбрѣйшихъ.—Но къ двумъ браноносцамъ еще не достигла,
Къ славнымъ мужамъ, Ѳразимѣду и брату его Антилоху,
Вѣсть, что не стало Патрокла; еще они мнили, что храбрый
Живъ, и предъ первой фалангою ратуетъ гордыхъ Пергамлянъ.
Оба они, отъ друзей отвращая убійство и бѣгство,
Въ полѣ отдѣльно сражалися; такъ заповѣдывалъ Несторъ,
Въ бой могучихъ сыновъ отъ Ахейскихъ судовъ посылая.

Тѣжъ съ одинакимъ неистовствомъ спорили въ страшномъ убійствѣ
Цѣлый сей день; отъ труда непрерывнаго потомъ и прахомъ
Были колѣна и ноги и голени каждаго воя,
Были и руки и очи покрыты на битвѣ, пылавшей,
Вкругъ знаменитаго друга Пелеева быстраго сына.
Словно, когда человѣкъ вола огромнаго кожу
Юношамъ сильнымъ даетъ растянуть, напоенную тукомъ;

Тѣ, захвативши ее, и кругомъ разступившися, тянутъ
Въ разныя стороны; влага выходитъ, а тукъ исчезаетъ,
И, отъ многихъ влекущихъ, кругомъ расширяется кожа:
Такъ и сюда и туда Менетида, на узкомъ пространствѣ,
Тѣ и другіе влекли: несомнѣнной надеждой пылали
Трои сыны къ Иліону увлечь, а Данайскіе мужи
Къ быстрымъ судамъ; и кругомъ его тѣла кипѣлъ ратоборный
Бурный мятежъ; ни Арей, возжигатель мужей, ни Аѳина,
Видя его, не хулу бъ изрекла, и горящая гнѣвомъ.

Подвигъ такой за Патрокла, и воямъ и конямъ жестокій,
Въ день сей устроилъ Зевесъ. Но дотолѣ о смерти Патрокла
Вовсе не вѣдалъ герой Ахиллесъ, безсмертнымъ подобный;
Рати далеко уже отъ Ахейскихъ судовъ воевали,
Близко Троянской стѣны; не имѣлъ онъ и думъ, что сподвижникъ
Палъ; уповалъ онъ, что живъ, и приближась къ вратамъ Иліона,
Вспять возвратится; онъ вѣдалъ и то, что Пріамова града,
Трои Патроклъ безъ него не разрушитъ, ни съ нимъ совокупно:
Часто о томъ онъ слышалъ отъ матери; въ тайныхъ бесѣдахъ
Сыну она возвѣщала совѣтъ великаго Зевса;
Но бѣды жесточайшей, грозившей ему, не открыла
Нѣжная матерь: погибели друга, дражайшаго сердцу.

Тѣжъ неотступно у тѣла, уставивши острыя копья
Безпрерывно сшибались, одинъ поражая другаго.
Такъ восклицали иные отъ мѣднодоспѣшныхъ Данаевъ:
„Други Данаи! безславно для насъ возвратиться отсюда
„Къ нашему стану! на этомъ пусть мѣстѣ утроба земная,

„Мрачная, всѣхъ насъ поглотитъ! и то намъ отраднѣе будетъ;
„Нежели тѣло сіе попустить конеборцамъ Троянамъ,
„Съ поля увлечь въ Иліонъ и сіяющей славой покрыться!
Такъ же иной говорилъ и въ дружинѣ Троянъ крѣпкодушныхъ:
„Други, хотя бы намъ должно у трупа сего и погибнуть
„Всѣмъ до послѣдняго; съ поля сего не сходи ни единый!

Такъ восклицали Трояне, и духъ у друзей распаляли.
Яростно бились воины; громъ раздаваясь желѣзный,
Къ мѣдному небу всходилъ по пустыннымъ пространствамъ эѳира.

Кони Пелеева сына, вдали отъ пылающей битвы,
Плакали стоя, съ тѣхъ поръ какъ почуяли, что ихъ владыка
Палъ низложенный во прахъ, подъ убійственной Гектора дланью.
Сынъ Діорѐсвъ на нихъ, Автомѐдонъ, возатай искусный,
Сильно и съ быстрымъ бичемъ налегалъ, понуждающій къ бѣгу,
Много и ласкъ проговаривалъ, много и окриковъ дѣлалъ;
Но, ни назадъ, къ Геллеспонту широкому, въ станъ Мирмидонскій,
Кони бѣжать не хотѣли, ни въ битву къ дружинамъ Ахейскимъ.
Словно какъ столпъ неподвиженъ, который стоитъ на курганѣ
Мужа усопшаго памятникъ, или жены именитой:
Такъ неподвижны они въ колесницѣ прекрасной стояли,
Долу понуривши головы; слезы у нихъ, у печальныхъ,
Слезы горючія съ вѣждей на черную капали землю,
Съ грусти по храбромъ правителѣ; въ стороны пышныя гривы
Выпавъ изъ круга ярма, у копытъ осквернялися прахомъ.—
Коней печальныхъ узрѣвъ, милосердовалъ Зевсъ промыслитель,
И главой покивавъ, въ глубинѣ проглаголалъ душевной:

„Ахъ, злополучные! васъ мы почто даровали Пелею,
„Смертному сыну земли, нестарѣющихъ васъ и безсмертныхъ?
„Развѣ, чтобъ вы съ человѣками бѣдными скорби познали?
„Ибо изъ тварей, которыя дышутъ и ползаютъ въ прахѣ,
„Истинно въ цѣлой вселенной несчастнѣе нѣтъ человѣка.
„Но не печальтеся; вами отнюдь въ колесницѣ блестящей
„Гекторъ не будетъ везомъ торжествующій: не попущу я!
„Иль недовольно, что онъ Ахиллеса доспѣхомъ гордится?
„Вамъ же я новую крѣпость вложу и въ колѣна и въ сердце;
„Вы Автомѐдона здравымъ изъ пламенной брани спасите
„Къ чернымъ судамъ; а Троянамъ еще я славу дарую,
„Рать побивать, доколѣ судовъ мореходныхъ достигнутъ,
„И закатится солнце и мраки священные снидутъ.

Такъ произнесъ онъ; и конямъ вдохнулъ благородную силу.
Кони, отъ гривъ пресмыкавшихся, прахъ отряхнувши на землю,
Вдругъ съ колесницею быстрой межъ двухъ ополченій влетѣли.
Ими напалъ Автомѐдонъ, хотя и печальный по другѣ;
Онъ на коняхъ налеталъ, какъ на стаю гусиную коршунъ:
Быстро и вспять убѣгалъ отъ свирѣпости толпищъ Троянскихъ;
Быстро скакалъ и впередъ, обращающій толпища въ бѣгство.
Но въ погоню бросаяся, онъ не сражалъ сопротивныхъ;
Не было средства ему, одному въ колесницѣ священной,
Вдругъ и копье устремлять, и коней укрощать быстролетныхъ.
Скоро увидѣлъ его Мирмидòнянинъ, сердцу любезный,
Искренній другъ Алкимѐдонъ, Лаѐркея сынъ Эмонида;
Сзади приближился онъ, и вѣщалъ къ Автомѐдону громко:
„Другъ Автомѐдонъ, какой изъ безсмертныхъ совѣтъ безполезный

„Въ сердце тебѣ положилъ и сужденіе здравое отнялъ?
„Что ты противу Троянъ, впереди, одинокій воюешь?
„Другъ у тебя умерщвленъ, а доспѣхомъ, съ него совлеченнымъ,
„Перси покрывъ величается Гекторъ, доспѣхомъ Пелида!

Быстро ему съ колесницы вѣщалъ Діоридъ Автомедонъ:
„Кто, Алкимедонъ могучій, какъ ты изъ Ахеянъ искусенъ
„Коней безсмертныхъ держать въ рукахъ и покорность и ярость?
„Былъ Менетидъ, искуствомъ ристателя, въ дни своей жизни,
„Равный богамъ; но великаго смерть и судьба одолѣла!
„Шествуй, любезный; и бичь и блестящія конскія возжи
„Въ руки прими ты; а я съ колесницы сойду, чтобъ сражаться.

Такъ произнесъ; Алкимедонъ на бранную сталъ колесницу;
Разомъ и бичь и бразды захватилъ въ могучія руки;
Но Діоридъ соскочилъ; и узрѣлъ ихъ сіяющій Гекторъ,
И къ Энею герою, стоящему близко, воскликнулъ:
„Храбрый Эней, мѣднолатныхъ Дарданцевъ совѣтникъ верховный!
„Я примѣчаю коней быстроногаго мужа Пелида,
„Въ битвѣ явившихся вновь, но съ возницами робкими духомъ.
„Я уповалъ бы добыть ихъ, когда и твое совокупно
„Сердце готово; увѣренъ, когда нападемъ мы съ тобою,
„Противустать не посмѣютъ они, чтобы съ нами сразиться.

Рекъ; и послушался Гектора сынъ знаменитый Анхизовъ:
Бросились прямо, уставивъ предъ персями тельчія кожи,
Крѣпкія кожи сухія, покрытыя множествомъ мѣди.
Съ ними и Хромій герой, и Аретъ, красотой небожитель,

Бросились оба; надеждою вѣрной ласкалось ихъ сердце,
И возницъ поразить и угнать ихъ коней крутовыйныхъ;
Мужи безумцы! они не безъ крови должны возвратиться
Вспять отъ возницъ. Автомедонъ, едва помолился Крониду,
Силою въ немъ и отвагой наполнилось мрачное сердце.
Быстро воззвалъ Діоридъ къ Алкимѣдону, вѣрному другу:
„Другъ Алкимѣдонъ! держись отъ меня не далече съ конями;
„Пусть за хребтомъ я слышу ихъ пышущихъ; ибо увѣренъ,
„Гекторъ, на насъ устремленный, едваль обуздаетъ свирѣпство
„Прежде, пока не взойдетъ на коней Ахиллесовыхъ бурныхъ,
„Насъ обоихъ умертвивъ, и покуда рядовъ не погонитъ
„Воинствъ Ахейскихъ, иль самъ предъ рядами не ляжетъ сраженный!

Такъ произнесши, къ Аяксамъ воззвалъ и къ царю Менелаю:
„Царь Менелай, и Аргивскихъ мужей воеводы Аяксы!
„Храбрымъ другимъ Аргивянамъ повѣрьте заботу о мертвомъ;
„Пусть окружаютъ его и враждебныхъ ряды отражаютъ;
„Вы же отъ насъ, отъ живыхъ, отразите грозящую гибель!
„Здѣсь нападаютъ на насъ, окруженныхъ плачевнымъ убійствомъ,
„Гекторъ герой и Эней, храбрѣйшіе воины Трои!
„Впрочемъ, еще то лежитъ у безсмертныхъ боговъ на колѣнахъ:
„Мчись и мое копіе; а Кроніонъ рѣшитъ остальное!

Рекъ онъ, и мощно сотрясши, повергъ длиннотѣнную пику,
И ударилъ Арета въ блистательный щитъ круговидный;
Щитъ копія не сдержалъ: сквозь него совершенно проникло,
И сквозь запонъ блистательный въ нижнее чрево погрузло.
Такъ если юноша сильный, съ размаху сѣкирою острой

Въ голову, между рогами, степнаго тельца поразивши,
Жилу совсѣмъ разсѣчетъ; подскочивши телецъ упадаетъ:
Такъ подскочилъ онъ, и навзничь упалъ; изощренная—сильно
Мѣдь у Арета въ утробѣ сотрясшись, разрушила крѣпость.
Гекторъ пустилъ въ Автомедона пикой своею блестящей;
Тотъ же, примѣтивъ ее, избѣжалъ угрожающей мѣди,
Быстро впередъ наклонясь; за хребтомъ длиннотѣнная пика
Въ черную землю вонзилась, и верхнимъ концемъ трепетала
Долго, пока не смирилася ярость убійственной мѣди.
И они бъ на мечахъ, рукопашно сразиться, сошлися;
Но Аяксы могучіе пламенныхъ ихъ разлучили,
Оба пришедши сквозь сѣчу на дружескій голосъ призывный.
Ихъ устрашася могучихъ, стремительно вспять отступили,
Гекторъ герой, и Эней Анхизидъ, и божественный Хромій;
Друга Арета оставили тамъ, прободеннаго въ сердце,
Въ прахѣ лежащаго; сынъ Діореевъ, Арею подобный,
Съ тѣла оружія сорвалъ, и такъ торжествуя воскликнулъ:
„Ахъ! наконецъ хоть нѣсколько я о Патрокловой смерти
„Горесть отъ сердца отвелъ, хотя и слабѣйшаго свергнувъ!

Рекъ; и поднявъ, въ колесницу корысти кровавыя бросилъ;
Быстро поднялся и самъ, по рукамъ и ногамъ отовсюду
Кровью облитый, какъ левъ истребительный, тура пожравшій.

Окрестъ Патрокла съ свирѣпостью новою брань загаралась,
Тяжкая, многимъ плачевная; бой распаляла Аѳина,
Съ неба низшедши: ее ниспослалъ промыслитель Кроніонъ,
Духъ Аргивянъ возбудить; обратилося къ нимъ его сердце.

Словно багряную радугу Зевсъ простираетъ по небу,
Смертнымъ являющій знаменье, или погибельной брани,
Или годины холодной, которая пахарей нудитъ
Въ полѣ труды прерывать, на стада же унылость наводитъ:
Дочь такова Громодержца, въ багряный одѣтая облакъ,
Къ сонму Данаевъ сошла, и у каждаго духъ распаляла.
Къ первому сыну Атрея богиня, помощная въ браняхъ,
Бывшему ближе другихъ, Менелаю герою воззвала,
Феникса старца пріявшая образъ и голосъ могучій:
„Стыдъ и позоръ, Менелай, на тебя упадетъ вѣковѣчный,
„Если Пелида великаго—вѣрнаго друга Патрокла
„Здѣсь, подъ стѣною Троянскою быстрые псы растерзаютъ!
„Дѣйствуй сильно, и всѣ возбуди ополченья Данаевъ!

Быстро отвѣтствовалъ ей Менелай, знаменитый воитель:
„Фениксъ, отецъ, давнородшійся старецъ! да дастъ Тритогена
„Крѣпость десницѣ моей и спасетъ отъ убійственныхъ копій!
„Въ сѣчу готовъ я летѣть, готовъ отстаивать тѣло
„Друга Патрокла: глубоко мнѣ смерть его тронула душу!
„Но свирѣпствуетъ Гекторъ, какъ бурный огонь; непрестанно
„Все истребляетъ кругомъ: Громовержецъ его прославляетъ!

Рекъ; и наполнилась радостью дочь свѣтлоокая Зевса:
Ибо ее отъ безсмертныхъ молящійся первую призвалъ.
Крѣпость ему въ рамена и въ колѣна богиня послала;
Сердце жъ наполнила смѣлостью мухи, которая мужемъ
Сколько бы кратъ ни была, дерзновенная, согнана съ тѣла;
Мечется вновь уязвить, человѣческой жадная крови:

Смѣлость такая Атриду наполнила мрачное сердце.
Бросился онъ къ Менетйду, и ринулъ блестящую пику.
Былъ межъ Троянами воинъ Подѐсъ, Гетіо̀нова отрасль,
Мужъ и богатый и славный, отлично межъ гражданъ Троянскихъ
Гекторомъ чтимый, какъ другъ и въ пирахъ собесѣдникъ любезный:
Мужа сего, обратившагось въ бѣгство, Атридъ свѣтловласый
Въ запонъ копьемъ поразилъ, и насквозь его мѣдь просадила;
Съ шумомъ онъ грянулся въ прахъ; и Атридъ Менелай дерзновенно
Мертваго къ сонму друзей отъ Троянъ повлекъ одинокій.
Гектора тою порой возбуждалъ Стрѣловержецъ явяся,
Фѣнопса образъ пріявши, который Пріамову сыну
Другомъ любезнѣйшимъ былъ, Абидо̀са приморскаго житель;
Образъ пріявши его, провѣщалъ Аполлонъ стрѣловержецъ:
„Кто жъ еще болѣе, Гекторъ, тебя устрашитъ изъ Данаевъ,
„Ежели ты Менелая трепещешь? Былъ онъ донынѣ
„Воинъ въ сраженіяхъ слабый, а нынѣ одинъ отъ Пергамлянъ
„Тѣло влечетъ! У тебя умертвилъ онъ любезнаго друга,
„Храбраго, въ первомъ ряду, Гетіо̀нова сына, Подѐса!

Рекъ; и покрыло Гектора облако мрачное скорби;
Онъ устремился впередъ, потрясая сверкающей мѣдью.
Въ опое время Кроніонъ пріялъ свой Эгидъ бахромистый,
Пламенозарный, и тучами черными Иду покрывши,
Страшно блеснулъ, возгремѣлъ, и потрясъ Громовержецъ Эгидомъ,
Вновь посылая побѣду Троянамъ, и бѣгство Данаямъ.

Бѣгство ужасное началъ вождь Пенелей Беотіецъ:
Онъ, безпрестанно впередъ устремляяся, въ рамо былъ раненъ,

Сверху скользнувшимъ копьемъ; но разсѣкло тѣло до кости
Полидамаса оружіе: онъ его вѣрукопашъ ранилъ.
Гекторъ ударомъ копья Алектріона сыну, Лейту,
Руку близъ кисти пронзилъ, и унялъ его рьяную храбрость;
Онъ побѣжалъ озираяся; болѣе въ сердцѣ не чаялъ,
Острою пикой владѣть, и сражаться съ народомъ Троянскимъ.
Гектора жъ Идоменей, на Лейта летѣвшаго, прямо
Въ грудь, у сосца, по блестящему панцырю пикой ударилъ:
Пика сломилась у трубки, огромная: крикнула громко
Сила Троянская. Гекторъ направилъ копье въ Девкалида,
(Онъ въ колесницѣ стоялъ) и не много въ него не умѣтилъ;
Керана онъ поразилъ, Меріонова друга-возницу,
Мужа, который за нимъ изъ цвѣтущаго слѣдовалъ Ликта:
(Пѣшимъ сперва Девкалидъ, отъ судовъ мореходныхъ явился
Въ битву, и вѣрнобъ Троянамъ великую славу доставилъ;
Если бы Керанъ скорѣе коней не пригналъ быстроногихъ:
Свѣтомъ царю онъ явился, годину отвелъ роковую,
Самъ же—духъ свой предалъ подъ убійственной Гектора дланью).
Гекторъ его копіемъ улучаетъ подъ челюсть: и зубы
Вышибла острая мѣдь, и языкъ по срединѣ разсѣкла;
Онъ съ колесницы падетъ, и бразды разливаетъ по праху.
Ихъ Меріонъ, наклонился поспѣшно, своими руками
Съ праха земнаго подъялъ, и воскликнулъ къ царю Девкалиду:
„Быстро гони, Девкаліонъ, пока до судовъ не домчишься!
Нынѣ ты видишь и самъ, что побѣда уже не Ахеянъ!

Рекъ; и бичемъ Девкаліонъ хлеснулъ по конямъ лѣпогривымъ,
Правя къ судамъ; боязнь Девкаліону пала на сердце.

Въ оное жъ время постигъ и Аяксъ и Атридъ свѣтловласый
Волю Кронида, что Трои сынамъ даровалъ онъ побѣду.
Слово предъ воинствомъ началъ Аяксъ Теламонидъ великій:
„Горе, о други! теперь ужь и тотъ, кто совсѣмъ малосмысленъ,
„Ясно постигнетъ, что славу Кроніонъ Троянамъ даруетъ!
„Стрѣлы Троянскія, ктобъ ни послалъ ихъ, и слабый и сильный,
„Всѣ поражаютъ; Кронидъ безъ различія всѣ направляетъ:
„Стрѣлы же наши у всѣхъ безполезно валятся на землю!
„Но рѣшимся, Данаи, и сами помыслимъ о средствѣ,
„Какъ Менетідово тѣло увлечь отъ враждебныхъ, и вмѣстѣ
„Какъ и самимъ возвратятся, друзей намъ возрадовать милыхъ,
„Кои взирая на насъ, сокрушаются; болѣе, мыслятъ,
„Гектора мужеубійцы ни силы, ни рукъ необорныхъ
„Мы не снесемъ, но въ суда мореходныя бросимся къ бѣгству.
„О, еслибъ встрѣтился другъ, къ объявленію вѣсти способный
„Сыну Пелееву; онъ, какъ я думаю, вовсе не слышалъ
„Вѣсти жестокой, не знаетъ, что другъ его милый погибнулъ.
„Но, никого я такого не вижу въ дружинѣ Ахейской.
„Мракомъ покрыты глубокимъ и ратные мужи и кони!
„Зевсъ всемогущій, избавь отъ ужаснаго мрака Данаевъ!
„Дню возврати его ясность, дай намъ видѣть очами!
„И при свѣтѣ губи насъ, когда погубить ты желаешь!

Такъ говорилъ; и слезами героя Отецъ умилился:
Быстро и облакъ отвелъ, и мракъ ненавистный разсѣялъ;
Солнце съ небесъ засіяло, и битва кругомъ освѣтилась.
И Аяксъ Теламонидъ воззвалъ къ Менелаю Атриду:
„Нынѣ смотри, Менелай благородный, и если живаго

*

„Можешь обрѣсть Антилоха, почтеннаго Нестора сына,
„Самъ убѣди, да скорѣе идетъ, Ахиллесу герою
„Вѣсть объявитъ, что любезнѣйшій другъ его въ брани погибнулъ.

Такъ говорилъ, и послушалъ его Менелай свѣтловласый;
Но уходилъ отъ побоища, словно какъ левъ отъ загона,
Гдѣ наконецъ истомился, и псовъ и мужей раздражая.
Звѣрю они не дающіе тука отъ стадъ ихъ похитить,
Цѣлую ночь стерегутъ; а онъ, алкающій мяса,
Мечется прямо, но тщетно ярится: изъ рукъ дерзновенныхъ
Съ шумомъ летятъ, устремленному въ срѣтенье, частыя копья,
Главни горящія; ихъ устрашается онъ и свирѣпый,
И со свѣтомъ зари удаляется, сердцемъ печаленъ:
Такъ отъ Патрокла герой отошелъ, Менелай свѣтловласый,
Съ сильнымъ въ душѣ нехотѣніемъ: онъ трепеталъ, да Ахейцы,
Въ пагубномъ страхѣ, Патрокла врагамъ не оставятъ въ добычу;
Сильно еще убѣждалъ Меріона и храбрыхъ Аяксовъ:
„Други Аяксы, и ты Меріонъ, Аргивянъ воеводы!
„Вспомните кротость душевную бѣднаго друга Патрокла;
„Вспомните всѣ вы; доколѣ дышалъ, привѣтенъ со всѣми
„Быть онъ умѣлъ; но теперь онъ постигнутъ судьбою и смертью!

Такъ говорящій друзьямъ, уходилъ Менелай свѣтловласый,
Смотря кругомъ, какъ орелъ быстропарный, который, вѣщаютъ,
Видитъ очами острѣе всѣхъ поднебесныхъ пернатыхъ;
Какъ ни высоко паритъ, отъ него не скрывается заяцъ,
Легкій, подъ темнымъ кустомъ притаившійся; онъ на добычу
Падаетъ, быстро уноситъ, и слабую жизнь исторгаетъ:

Такъ у тебя, Менелай благородный, свѣтлыя очи
Быстро вращались кругомъ, по великому сонму Ахеянъ,
Жадныя встрѣтить живаго еще, Антилоха младаго.
Скоро его онъ увидѣлъ на лѣвомъ краю ратоборства,
Гдѣ ободрялъ онъ друзей, возбуждая на крѣпкую битву.
Близко къ нему подходя, возгласилъ Менелай свѣтловласый:
„Шествуй сюда, Антилохъ, услышишь ты, Зевсовъ питомецъ,
„Горькую вѣсть, какой никогда не должно бы свершаться!
„Ты, я увѣренъ, и собственнымъ взоромъ уже наблюдая,
„Видишь, какое бѣдствіе богъ на Данаевъ обрушилъ!
„Видишь, побѣда Троянъ! пораженъ Аргивянинъ храбрѣйшій;
„Палъ нашъ Патроклъ: безпредѣльная горесть Данаевъ постигла!
„Другъ, къ кораблямъ Ѳессалійскимъ не медля бѣги, Ахиллесу
„Вѣсть объявить; не успѣетъ ли онъ спасти хоть нагое
„Тѣло Патрокла: доспѣхи совлекъ торжествующій Гекторъ!

Такъ говорилъ; Антилохъ ужаснулся, услышавши рѣчи;
Долго стоялъ онъ отъ ужаса нѣмъ; но у юноши очи
Быстро наполнились слезъ, и поднявшійся голосъ прервался.
Но, не презрѣлъ онъ и такъ повелѣній царя Менелая;
Бросился, ратный доспѣхъ Лаодоку любезному ввѣривъ,
Другу, державшему подлѣ коней его твердокопытыхъ:
Быстро, ліющаго слезы, несли его ноги изъ боя,
Чтобы сыну Пелея ужасное слово повѣдать.

Сердцу Атридъ твоему не угодно, божественный, было
Тѣхъ утѣсненныхъ друзей защищать, которыхъ оставилъ
Несторовъ сынъ: въ сокрушеніи горькомъ остались Пилосцы;

Къ нимъ Менелай послалъ Ѳразимѣда, подобнаго богу;
Самъ же опять полетѣлъ на защиту Патрокла героя;
Вмѣстѣ съ Аяксами сталъ, и вѣщалъ къ нимъ крылатое слово:
„Я Антилоха послалъ къ Мирмидонскимъ судамъ мореходнымъ,
„Съ вѣстію сыну Пелееву быстрому; но, я увѣренъ,
„Онъ не придетъ, хоть и страшно на Гектора мощнаго гнѣвенъ.
„Какъ онъ, лишенный оружія, въ битву съ Троянами вступитъ?
„Сами собою, Данаи, придумаемъ способъ надежный,
„Какъ и сраженнаго друга спасемъ отъ враждебныхъ, и сами
„Какъ подъ грозою Троянъ отъ судьбы и отъ смерти избѣгнемъ.

И Атриду отвѣтствовалъ сынъ Теламона великій:
„Все справедливо, что ты ни вѣщалъ, Менелай знаменитый.
„Бросьтеся жъ, ты и Молидъ Меріонъ; наклонится быстро
„Тѣло поднять, и несите изъ боя; а мы позади васъ
„Будемъ сражаться съ народомъ Трояпскимъ и Гекторомъ мощнымъ,
„Мы, равносильные, мы, соименные, кои и прежде
„Бурныя грозы Арея, другъ съ другомъ сложась, выносили.

Рекъ; и они отъ земли подхвативши, подняли тѣло
Въ верхъ и высоко и мощно; ужасно завопили сзади
Трои сыны, лишь узрѣли Данаевъ подъемлющихъ тѣло;
Бросились прямо, подобно какъ псы на пустыннаго вепря,
Если онъ раненъ, летятъ впереди молодыхъ звѣроловцевъ;
Быстро сначала бѣгутъ, растерзать нетерпѣньемъ пылая;
Но едва онъ на нихъ оборотится, силою гордый,
Мечутся вспять, и кругомъ разсыпаются другъ передъ другомъ:
Такъ и Трояне, сначала толпой неотступно неслися,

Въ тылъ Аргивянамъ колебля мечи и двуострыя копья;
Но едва лишь Аяксы, на нихъ обратясь, становились:
Лица блѣднѣли Троянъ, и отъ нихъ не дерзалъ ни единый
Выдти впередъ, чтобъ съ оружіемъ въ длани за тѣло сразиться.

Такъ усердно они уносили Патрокла изъ боя,
Къ стану судовъ мореходныхъ; но бой возрасталъ по слѣдамъ ихъ,
Бурный, подобно какъ огнь, устремленный на градъ человѣковъ;
Вспыхнувши вдругъ, пожираетъ онъ все; разсыпаются зданья
Въ страшномъ пожарѣ, который шумитъ раздуваемый вѣтромъ:
Такъ и коней колесничныхъ и воиновъ мѣднодоспѣшныхъ
Бранный, неистовый шумъ по слѣдамъ удалявшихся несся.
Тѣжъ, какъ яремные мески, одѣтые крѣпкою силой,
Тянутъ съ высокой горы, по дорогѣ жестокобугристой,
Брусъ корабельный, иль мачту огромную; рьяные вмѣстѣ
Страждутъ они отъ труда и отъ пота, впередъ поспѣшая:
Съ рвеньемъ такимъ Аргивяне Патрокла несли. Позади ихъ
Бой отражали Аяксы, какъ холмъ—разъяренныя воды,
Лѣсомъ поросшій, чрезъ цѣлое поле протяжно лежащій;
Онъ и могучія рѣки съ свирѣпостью волнъ ихъ встрѣчая,
Держитъ, и весь ихъ напоръ отражая, въ долины другія
Гонитъ; его же не въ силахъ могучія рѣки расторгнуть:
Такъ непрестанно Аяксы, держась позади, отражали
Битву Троянъ; но враги наступали, и два наипаче,
Мощный Эней Анхизидъ и шлемомъ сверкающій Гекторъ.
И какъ туча скворцовъ, или галокъ испуганныхъ мчится
Съ криками ужаса, если увидятъ сходящаго съ верху
Ястреба, страшную смерть наносящаго мелкимъ пернатымъ:

Такъ предъ Энеемъ и Гекторомъ юноши рати Ахейской
Съ воплемъ ужаснымъ бѣжали, забывши воинскую доблесть.
Множество пышныхъ оружій усѣяли ровъ и окрестность
Въ пагубномъ бѣгствѣ Данаевъ; и бранная буря не молкла.

ПѢСНЬ XVIII.

СОДЕРЖАНІЕ.

Между тѣмъ какъ Ахиллесъ, видя большое смятеніе въ воинствѣ Ахеянъ, размышляетъ о причинахъ его, Антилохъ приноситъ ему вѣсть о смерти Патрокла, ст. 1—21; онъ предается изступленной горести и плачу, 22—35. Ѳетида, услышавъ плачъ его, выходитъ изъ моря съ сонмомъ Нереидъ, чтобы утѣшить сына; но видя, что онъ пылаетъ немедленно мстить Гектору, не взирая на то, что и самъ скоро послѣ Гектора умереть долженъ—мать отклоняетъ нетерпѣніе его до слѣдующаго дня, въ которой обѣщаетъ ему принесть отъ Гефеста оружія, 36—137. Отпустивъ Нереидъ въ домъ, Ѳетида спѣшитъ на Олимпъ; между тѣмъ бой возобновляется при тѣлѣ Патрокла; и, не смотря на храбрую защиту Аяксовъ, Гекторъ овладѣлъ бы онымъ, если бъ Ахиллесъ, по убѣжденію Ирисы, посланной къ нему отъ Геры, не вышелъ на высоту рва, безъ оружія. Грознымъ видомъ своимъ и голосомъ онъ устрашаетъ Троянъ, которые въ смятеніи предаются бѣгству, 138—231.— Между тѣмъ Ахейцы, исторгнувъ тѣло Патрокла, приносятъ его въ сѣнь Ахиллеса, при наступленіи ночи, приближеніе которой ускоряетъ Гера, повелѣвъ Солнцу преждевременно закатиться, 232—242. Трояне въ тревогѣ составляютъ совѣтъ; Полидамасъ совѣтуетъ имъ, не оставаться ночью при корабляхъ, но войти въ городъ, чтобы избѣжать неминуемаго пораженія, если Ахиллесъ рано нападетъ на нихъ. Благоразумный совѣтъ его отвергнутъ Гекторомъ; онъ напротивъ намѣревается на другой день приступить къ кораблямъ и сразиться съ самимъ Ахиллесомъ, 243—314. Трояне проводятъ ночь въ полѣ; Ахеяне же, вмѣстѣ съ Ахиллесомъ, оплакиваютъ Патрокла; омываютъ тѣло его, умащаютъ благовоніями и полагаютъ на одръ погребальный, 315—355. На Олимпѣ Зевсъ укоряетъ супругу, что она вновь возбудила ко брани Ахиллеса; между тѣмъ Ѳетида приходитъ въ домъ Гефеста и почтительно принимается, 356—427. Гефестъ, на просьбу ея изъявивъ благосклонную готовность, дѣлаетъ для Ахиллеса щитъ, великолѣпно украшенный, и другія оружія, 428—616.

*

ПѢСНЬ XVIII.

Такъ ратоборцы сражались, огнямъ подобно свирѣпымъ.
Но Антилохъ къ Ахиллесу стремительно съ вѣстью приходитъ;
Видитъ его одного: при судахъ островерхихъ сидѣлъ онъ,
Въ сердцѣ о томъ размышляющій, что передъ нимъ совершалось.
Тихо вздохнувъ, говорилъ онъ съ своею душею великой:
„Горе! что думать? почто кудревласыя чада Геллады
„Снова, назадъ къ кораблямъ, въ безпорядкѣ бѣгутъ по долинѣ?
„О, не свершили ли боги несчастій ужаснѣйшихъ сердцу,
„Кои мнѣ матерь давно предвѣщала; она говорила:
„Въ Троѣ, прежде меня, Мирмидонянинъ, въ брани храбрѣйшій,
„Долженъ подъ длапью Троянской разстаться съ солнечнымъ свѣтомъ.
„Боги безсмертные, умеръ Менетіевъ сынъ благородный!
„Ахъ, злополучный! а я умолялъ, чтобъ огонь отразивши,
„Онъ возвратился, и съ Гекторомъ въ битву вступать не дерзалъ бы!

Тою порою, какъ думы сіи въ умѣ обращалъ онъ,
Несторовъ сынъ знаменитый къ нему приближается грустный,
Слезы горячія льющій, и страшную вѣсть произноситъ:
„Горе мнѣ, храбрый, любезный Пелидъ! отъ меня ты услышишь
„Горькую вѣсть, какой никогда не должно бы свершиться!

„Палъ нашъ Патроклъ! и уже загорѣлася битва за тѣло;
„Онъ уже нагъ; совлекъ всеоружіе Гекторъ могучій!

Рекъ; и Пелида покрыло мрачное облако скорби.
Быстро въ обѣ онъ руки схвативши нечистаго пепла,
Голову всю имъ осыпалъ, и ликъ осквернилъ свой прекрасный;
Риза его благовонная вся почернѣла подъ пепломъ.
Самъ онъ великій, пространство покрывши великое, въ прахѣ
Молча простерся, и волосы рвалъ, безобразно терзая.
Жены младыя, которыхъ и онъ и Патроклъ полонили,
Въ грусти глубокой завопили громко, и быстро изъ сѣни
Всѣ къ Ахиллесу великому выбѣжавъ, руки ломали,
Бились въ перси, доколѣ у всѣхъ подломилися ноги.
Подлѣ младой Антилохъ тосковалъ, обливаясь слезами,
И Ахиллеса, стенящаго горестно, руку держалъ онъ,
Въ страхѣ, да выи желѣзомъ себѣ не пронзитъ изступленный.
Страшно онъ плача вопилъ; и услышала вопль его матерь
Въ безднахъ глубокаго моря, въ чертогахъ родителя старца;
Горько сама возопила; и къ ней собирались богини,
Всѣ изъ моря глубокаго сестры ея, Нереиды:
Вдругъ Кимодо̀ка явилась, и Ѳалія Нимфа, и Гла̀вка,
Спѐя, Несѐя, и Ѳо̀я, и Га̀лія, свѣтлая взоромъ;
Въ слѣдъ Кимоѳо̀я спѣшила, и съ ней Лимнорія, Актѐя,
Нимфа Мелѝта, Іѐра, Ага̀ва, за ней Амфиво̀я,
До̀та, Про̀та, Феру̀за, Орѝзія, и Амфино̀ма;
Калліанѝра пришла, Дексамѐна съ младой Динамѐной;
Нимфа Дорѝса, Пано̀па, краса Нереидъ Галатѐя,
Нимфа Нимѐрта, Апсѐвда, и нѣжная Калліана̀сса;

Тамъ и Климѐна была, Іанира съ младой Іанассой,
Мѐра, и съ ней Амаѳѣя, роскошноволосая Нимфа;
Всѣ изъ моря глубокаго сестры ея, Нереиды.
Ими вертепъ серебристый наполнился; всѣ онѣ вмѣстѣ
Билися въ перси; и громко межъ нихъ возопила Ѳетида:
„Сестры мои, Нереиды, внемлите вы всѣ мнѣ богини!
„Всѣ вы узнайте, какія печали терзаютъ мнѣ душу!
„Горе мнѣ бѣдной, горе несчастной, героя родившей!
„Такъ, родила я душей благороднаго, храбраго сына,
„Перваго между героевъ! Возросъ онъ, какъ пышная отрасль;
„Я воспитала его, какъ прекраснѣйшій цвѣтъ въ вертоградѣ;
„Юнаго въ быстрыхъ судахъ отпустила на брань къ Иліону,
„Ратовать храбрыхъ Троянъ; и его никогда не увижу
„Въ домѣ отеческомъ, въ свѣтлыхъ чертогахъ супруга Пелея!
„Но пока и живетъ онъ, и солнца сіяніе видитъ,
„Долженъ страдать; и ему я помочь не могу и пришедши!
„Но иду я, чтобъ милаго сына увидѣть, услышать,
„Горесть какая постигла его, непричастнаго брани!

Такъ произнесши, вертепъ оставляетъ; за нею и сестры
Плача выходятъ; и вкругъ Нереидъ разступаются съ шумомъ
Волны морскія. Онѣ плодоносной достигнувши Трои,
Тихо одна за другою выходятъ на берегъ, гдѣ рядомъ
Всѣ корабли Мирмидонянъ стояли кругомъ Ахиллеса.
Нѣжная матерь къ нему, стенящему горько, предстала;
Съ горестнымъ воплемъ главу обхватила у милаго сына,
И рыдая сама, говорила крылатыя рѣчи:
„Что ты, о сынъ мой, рыдаешь? какая печаль посѣтила

„Душу твою? Не скрывайся, скажи! Громовержецъ исполнилъ
„Все, о чемъ ты его умолялъ съ воздѣяніемъ дланей:
„Всѣ до кормъ корабельныхъ Данайскія прогнаны рати;
„Жаждутъ тебя одного, и позорныя бѣдствія терпятъ.

Ей, тяжело воздохнувъ, отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
„Знаю, о матерь, Зевесъ Громовержущій все мнѣ исполнилъ.
„Но какая въ томъ радость, когда потерялъ я Патрокла,
„Милаго друга! Его изъ друзей всѣхъ больше любилъ я;
„Имъ какъ моею главой дорожилъ; и его потерялъ я!
„Гекторъ убійца похитилъ съ него и доспѣхъ тотъ огромный,
„Дивный, богами дарованный, даръ драгоцѣнный Пелею,
„Въ день, какъ богиню тебя на смертнаго ложе повергли.
„О, почто не осталась ты Нимфой безсмертною моря!
„О, почто и Пелей не избралъ себѣ смертной супруги!
„Должно теперь и тебѣ безконечную горесть извѣдать,
„Горесть о сынѣ погибшемъ, котораго ты не увидишь
„Въ домѣ отеческомъ! ибо и сердце мое не велитъ мнѣ
„Жить, и въ обществѣ быть человѣческомъ, ежели Гекторъ,
„Первый, моимъ копіемъ пораженный, души не извергнетъ,
„И, за грабежъ надъ Патрокломъ любезнѣйшимъ, мнѣ не заплатитъ!

Матерь, слезы ліющія, снова ему говорила:
„Скоро умрешь ты, о сынъ мой, судя потому, что вѣщаешь!
„Скоро за сыномъ Пріама конецъ и тебѣ уготованъ!

Ей, тяжело воздохнувъ, отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
„О, да умру я теперь же, когда не дано мнѣ и друга

„Спасть отъ убійцы! Далёко, далёко отъ родины милой
„Палъ онъ; и вѣрно меня призывалъ, да избавлю отъ смерти!
„Что же мнѣ въ жизни? Я ни отчизны драгой не увижу,
„Я ни Патрокла отъ смерти не спасъ, ни другимъ благороднымъ
„Не былъ защитой друзьямъ, отъ могучаго Гектора падшимъ:
„Праздный, сижу предъ судами, земли безполезное бремя,
„Будучи мужъ, среди всѣхъ мѣднолатныхъ героевъ Ахейскихъ
„Первый во брани, хотя на совѣтахъ и лучше другіе!
„О, да погибнетъ вражда отъ боговъ и отъ смертныхъ, и съ нею
„Гнѣвъ ненавистный, который и мудрыхъ въ неистовство вводитъ:
„Онъ въ зарожденіи сладостнѣй тихо струящагось меда,
„Скоро въ груди человѣка, какъ пламенный дымъ, возрастаетъ!
„Гнѣвомъ такимъ преисполнилъ меня властелинъ Агамемнонъ.
„Но забываемъ мы все преждебывшее, какъ ни прискорбно;
„Гнѣвъ оскорбленнаго сердца въ груди укрощаемъ, по нуждѣ.
„Я выхожу, да главы мнѣ любезной губителя встрѣчу,
„Гектора! Смерть же принять готовъ я, когда ни разсудятъ
„Здѣсь мнѣ назначить ее всемогущій Кроніонъ и боги!
„Смерти не могъ избѣжать ни Гераклъ, изъ мужей величайшій,
„Какъ ни любезенъ онъ былъ громоносному Зевсу Крониду;
„Мощнаго рокъ одолѣлъ и вражда непреклонная Геры.
„Такъ же и я, коль назначена доля мнѣ равная, лягу,
„Гдѣ суждено; но сіяющей славы я прежде добуду!
„Прежде еще не одну между женъ полногрудыхъ Троянскихъ
„Вздохами тяжкими грудь раздирать я заставлю, и въ горѣ
„Съ нѣжныхъ ланитъ отирать руками обѣими слезы!
„Скоро узнаютъ, что долгіе дни отдыхалъ я отъ брани!
„Въ бой выхожу; не удерживай, матерь, ничѣмъ не преклонишь!

Вновь отвѣчала ему среброногая матерь Ѳетида:
„Ты говоришь справедливо, любезнѣйшій сынъ: благородно
„Быть для друзей угнѣтенныхъ отъ бѣдъ и отъ смерти защитой.
„Но доспѣхъ твой прекрасный. . . во власти Трояпъ напыщенныхъ;
„Мѣдянымъ, свѣтлосіяющимъ имъ шлемоблещущій Гекторъ
„Перси покрывъ величается! Но, уповаю, не долго
„Въ немъ величаться Троянцу; погибель его не далеко!
„Но и ты, мой сынъ, не вступай въ боевую тревогу,
„Снова пока не приду я, и самъ ты меня не увидишь:
„Завтра я рано сюда съ восходящимъ солнцемъ явлюся,
„И прекрасный доспѣхъ для тебя принесу отъ Гефеста.

Такъ говоря, отвратилась богиня отъ скорбнаго сына,
И обратяся къ сестрамъ, Нереидамъ морскимъ, говорила:
„Сестры мои, погрузитеся въ лоно пространнаго моря;
„Въ домъ возвратитесь отца, и увидѣвши старца морскаго,
„Все вы ему возвѣстите; а я на Олимпъ многохолмный,
„Прямо къ Гефесту иду; не захочетъ ли славный художникъ
„Дать моему Ахиллесу блистательныхъ славныхъ оружій.

Такъ изрекла; и онѣ погрузилися въ волны морскія.
Прямо на свѣтлый Олимпъ устремилась богиня Ѳетида,
Быстро идя, чтобъ принесть оружія милому сыну;
Быстро къ Олимпу ее возносили стопы. Но Ахейцы
Съ крикомъ ужаснымъ тогда передъ Гекторомъ людоубійцей
Въ страхѣ бѣжа, къ кораблямъ и зыблмъ Геллеспонта примчались.
Тщетно Ахеяне мѣднопоножные рвались Патрокла
Спасть изъ-подъ вражескихъ стрѣлъ, Ахиллесова мертваго друга.

Снова Патрокла настигли толпы и народа и коней,
Съ коими Гекторъ во слѣдъ его гнался, какъ бурное пламя.
За ноги трижды хваталъ шлемоблещущій Гекторъ Патрокла,
Вырвать пылая, и страшно кричалъ онъ, Троянъ призывая;
Трижды Аяксы его отражали отъ тѣла—своею
Бурною силой; но Гекторъ упорно, на силу надежный,
То нападалъ на столпившихся, то становился, и громкимъ
Крикомъ своихъ призывалъ; но назадъ отступить онъ не думалъ.
Словно какъ пылкаго льва отпугнуть отъ кроваваго трупа
Пастыри въ полѣ ночные, яримаго гладомъ, не могутъ:
Такъ не могли совокупные, храбрые оба Аяксы,
Гектора, Трои вождя, отогнать отъ Патроклова тѣла.
Онъ овладѣлъ бы, покрылся бы онъ безпредѣльною славой,
Еслибъ герою Пелиду, подобная вихрямъ Ириса,
Съ вѣстью, да къ брани воздвигнется, быстро съ небесъ не явилась,
Тайно отъ Зевса и прочихъ боговъ устремленная Герой.
Вѣстница стала предъ нимъ и крылатыя рѣчи вѣщала:
„Къ брани воздвигнись, ужаснѣйшій мужъ, Пелеіонъ быстроногій!
„Тѣло Патрокла спаси; за него предъ судами возстала
„Бурная сѣча: неистово въ ней убиваютъ другъ друга;
„Мужи Ахейскіе, чтобъ отстоять бездыханное тѣло,
„Мужи Троянскіе, чтобъ овладѣть и умчать къ Иліону,
„Пламенно рвутся; но пламеннѣй всѣхъ бронеблещущій Гекторъ
„Жаждетъ увлечь, и Патроклову голову онъ замышляетъ
„Съ бѣлой выи срубить, и на колъ вонзить въ поруганье.
„Шествуй, не медли болѣе; ужасъ ты въ сердцѣ почувствуй,
„Если Патроклъ твой будетъ игралищемъ псовъ Иліонскихъ!
„Срамъ на тебѣ, если тѣло его искаженное придетъ!

*

Къ ней, воздохнувъ, говорилъ быстроногій Пелидъ знаменитый:
„Кѣмъ ты, безсмертная, вѣстницей мнѣ послана отъ безсмертныхъ?

Вновь отвѣчала ему подобная вѣтрамъ Ириса:
„Гера меня ниспослала, священная Зевса супруга,
„Тайно; не знаетъ сего ни высокопрестольный Кроніонъ,
„Ни другой изъ безсмертныхъ, на снѣжномъ Олимпѣ живущихъ.

Ей отвѣтствовалъ вновь быстроногій Пелидъ знаменитый:
„Какъ мнѣ въ сраженіе выдти? доспѣхъ мой у нихъ, у враждебныхъ!
„Матерь же милая мнѣ возбранила на бой ополчаться
„Прежде, поколѣ ее возвратившуюсь здѣсь не увижу,
„Мнѣ обѣщая принесть отъ Гефеста доспѣхъ велелѣпный.
„Здѣсь же не вѣдаю, чьимъ мнѣ облечься оружіемъ крѣпкимъ?
„Щитъ мнѣ порученъ одинъ, Теламонова сына Аякса;
„Но и самъ онъ, я мню, подвизается между переднихъ,
„Пикой враговъ истребляя вокругъ Менетіидова тѣла.

Вновь отвѣчала герою подобная вѣтрамъ Ириса:
„Знаемъ мы все, что твоимъ овладѣли оружіемъ славнымъ.
„Но, безъ оружій приблизься ко рву, покажися Троянамъ:
„Ликъ твой узрѣвъ, ужаснутся Трояне, и можетъ быть, бросятъ
„Пламенный бой; а Данайскіе храбрые мужи отдохнутъ,
„Боемъ уже истомленные; кратокъ въ сраженіяхъ отдыхъ.

Такъ говоря, отлетѣла подобная вѣтрамъ Ириса.
И возсталъ Ахиллесъ, Громовержцу любезный; Паллада
Мощныя плечи его облачила Эгидомъ кистистымъ;

Облакъ ему вкругъ главы обвила золотой Тритогена,
И зажгла отъ облака окрестъ сіяющій пламень.
Словно какъ дымъ, подымаясь отъ града, восходитъ до неба,
Съ острова дальнаго, грозныхъ враговъ окруженнаго ратью,
Гдѣ, отъ утра до вечера, споря въ ужасномъ убійствѣ,
Граждане бьются со стѣнъ; но едва сокрывается солнце,
Всюду огни зажигаютъ маячные; свѣтъ ихъ высоко
Всходитъ и свѣтитъ кругомъ, да живущіе окрестъ увидятъ,
И въ корабляхъ, отразители брани, скорѣе примчатся:
Такъ отъ главы Ахиллесовой блескъ подымался до неба.
Вышелъ за валъ онъ и сталъ надо рвомъ; но съ народомъ Ахейскимъ
Матери мудрой завѣтъ соблюдая, герой не мѣшался;
Тамъ онъ крикнулъ съ раската; могучая вмѣстѣ Паллада
Крикъ издала; и Троянъ обуялъ неописанный ужасъ.
Сколь поразителенъ звукъ, какъ труба загремитъ, возвѣщая
Городу приступъ враговъ душегубцевъ его окружившихъ:
Столь поразителенъ былъ воинственный крикъ Эакида.
Трои сыны лишь услышали мѣдяный гласъ Эакидовъ,
Дрогнуло сердце у всѣхъ; долгогривые кони ихъ сами
Вспять съ колесницами бросились; гибель зачуяло сердце.
Въ ужасъ впали возницы, увидѣвъ огонь неугасный,
Окрестъ главы благородной подобнаго богу Пелида
Страшно пылавшій; его возжигала Паллада богиня.
Трижды съ раската ужасно вскричалъ Ахиллесъ быстроногій;
Трижды смѣшалися войски Троянъ и союзниковъ славныхъ.
Тутъ средь смятенья отъ собственныхъ коней и копій двѣнадцать
Сильныхъ погибло Троянскихъ мужей. Между тѣмъ Аргивяне
Весело, къ радости всѣхъ, изъ-подъ копій умчавши Патрокла,

Тѣло на одръ положили; его окружили рыдая
Грустные други; за ними пошелъ Ахиллесъ благородный;
Теплыя слезы онъ пролилъ, увидѣвши вѣрнаго друга,
Мѣдью пронзеннаго острой, на смертномъ простертаго ложѣ,
Друга, котораго самъ съ колесницей своей и съ конями
Въ битву послалъ, но живаго, пришедшаго съ битвы, не встрѣтилъ.

Тою порою Солнцу, въ пути неистомному, Гера,
Противу воли его, въ Океанъ низойти повелѣла:
Солнце сокрылося въ волны; и рать благородныхъ Данаевъ
Вся отъ тревоги и общегубительной брани почила.

Трои сыны на другой сторонѣ съ ратоборнаго поля
Быстро сошли, отъ ярмъ отрѣшили коней долгогривыхъ,
И, не мысля о вечерѣ, вдругъ на совѣтъ собирались.
Стоя Троянскіе мужи держали совѣтъ; ни единый
Сѣсть не дерзалъ; ужасались они, что Пелидъ быстроногій
Вновь показался, давно уклонявшійся грознаго боя.
Полидамасъ Панѳидъ имъ началъ совѣтовать мудрый:
Онъ бо одинъ и минувшее зналъ и грядущее видѣлъ,
Другомъ Гектора былъ, и въ единую ночь съ нимъ родился;
Но, какъ рѣчами былъ онъ, такъ Гекторъ оружіемъ славенъ;
Мужъ благомысленный такъ онъ Троянамъ совѣтовать началъ:
„Тщательно, други, размыслите; я вамъ совѣтую, нынѣ жъ
„Въ градъ съ ополченьемъ войти; а не ждать Авроры священной
„Въ полѣ, близъ самыхъ судовъ; далеко мы стоимъ отъ твердыни.
„Въ дни, какъ сей мужъ враждовалъ на Атрида, владыку народовъ,
„Въ битвахъ не столько намъ тягостны были Данайскія рати.

„Я веселился и самъ, при судахъ мореходныхъ ночуя;
„Чаялъ, что скоро возмемъ мы суда мѣднолатныхъ Данаевъ.
„Нынѣ жъ, какъ вы, я страшуся Пелеева быстраго сына;
„Знаю я душу Пелидову бурную: онъ не захочетъ
„Медлить на этихъ поляхъ, гдѣ Трояне съ сынами Ахеянъ
„Въ битвы сходяся, равно раздѣляли свирѣпство Арея:
„Града и нашихъ супругъ добывать онъ битвою будетъ.
„Въ градъ возвратимся не медля; повѣрьте мнѣ, такъ совершится!
„Нынѣ отъ битвъ удержала Пелеева бурнаго сына;
„Ночь благовонная; если и завтра насъ здѣсь онъ застанетъ,
„Завтра нагрянувъ съ оружіемъ: О! не одинъ Ахиллеса
„Скоро узнаетъ; войдетъ не безъ радости въ Трою святую,
„Кто избѣжитъ отъ могучаго: многихъ Троянъ растерзаютъ
„Враны и псы; но не дайте мнѣ, боги, подобное слышать!
„Если вы мнѣ покоритесь, хотя и прискорбно то сердцу,
„Ночь проведемъ мы на площади съ силой; а городу стѣны,
„Башни, ворота высокія, оныхъ огромные створы,
„Длинные, гладкіе, крѣпко сплоченные будутъ защитой.
„Утромъ же мы на зарѣ, ополчася оружіемъ мѣднымъ,
„Станемъ на башняхъ; и горе надменному, если захочетъ
„Онъ, отъ судовъ устремившися, съ нами вкругъ града сражаться!
„Вспять къ судамъ возвратится, когда онъ коней крутовыйныхъ
„Въ долгихъ бѣгахъ истомитъ, передъ градомъ ихъ праздно гоняя;
„Въ стѣны ворваться ни гордое сердце ему не позволитъ;
„Ихъ не разрушитъ онъ; быстрые псы его прежде изгложутъ!

Грозно взглянувъ на него, отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ:
„Все для меня непріятное, Полидамасъ, ты вѣщаешь,

„Ты, убѣждающій, вспять отступить и въ Троѣ скрываться!
„Или въ стѣнахъ заключенными быть вамъ—еще не постыло?
„Прежде Пріамовъ сей градъ племена ясновѣщія смертныхъ
„Всѣ нарицали счастливымъ, богатымъ и златомъ и мѣдью:
„Скрылося все, что въ домахъ драгоцѣннаго, пышнаго было!
„Сколько во Фригію, или въ Меонію, славную землю,
„Продано нашихъ сокровищъ, съ тѣхъ поръ, какъ прогнѣванъ Кроніонъ!
„Нынѣ жъ, когда благодѣющій мнѣ даровалъ Громовержецъ
„Славу стяжать при судахъ, отразивъ къ Геллеспонту Ахеянъ;
„Мысли такія, безумецъ, стыдись открывать предъ народомъ!
„Ихъ ни одинъ изъ Троянъ не послушаетъ; я не позволю!
„Слушайте, други, вы слово мое, и ему повинуйтесь:
„Нынѣ вы всѣ вечеряйте по стану, отрядъ близъ отряда;
„Помните стражу ночную, и бодрствуйте каждый на стражѣ.
„Кто жъ изъ Троянъ о богатствахъ домашнихъ безмѣрно крушится;
„Пусть соберетъ и отдастъ на народъ, да народъ ихъ истратитъ:
„Пусть кто-нибудь изъ своихъ наслаждается; но не Ахейцы!
„Завтра жъ, еще на зарѣ, ополчася оружіемъ ратнымъ,
„Мы на суда многовеслыя боемъ рѣшительнымъ грянемъ.
„Ежели истинно къ брани возсталъ Ахиллесъ быстроногій,
„Худо ему, какъ желаетъ онъ, будетъ! Не стану я больше
„Въ битвѣ ужасной его избѣгать; но могучаго смѣло
„Встрѣчу; съ побѣдною славою онъ, или я возвращуся:
„Общій у смертныхъ Арей; и разящаго онъ поражаетъ!

Гекторъ вѣщалъ, а Трояне шумно кругомъ восклицали:
Мужи безумные! разумъ у нихъ помрачила Паллада.
Съ Гекторомъ всѣ согласились, народу бѣды совѣщавшимъ;

Съ Полидамасомъ никто, совѣтъ предлагавшимъ полезный.
Въ полѣ они вечеряли всѣмъ воинствомъ. Но Мирмидонцы
Цѣлую ночь провели надъ Патрокломъ стеня и рыдая.
Царь Ахиллесъ среди сонма ихъ плачъ свой горестный началъ;
Грозныя руки на грудь положивъ бездыханнаго друга,
Часто и тяжко стеналъ онъ: подобно какъ левъ густобрадый,
Ежели скимновъ его изъ глубокаго лѣса похититъ
Ланей ловецъ; возвратяся онъ поздно, по дѣтяхъ тоскуетъ;
Бродитъ изъ дебри въ дебрь, и слѣдовъ похитителя ищетъ,
Жалобно стонущій; горесть и ярость его обымаетъ:
Такъ стеная Пелидъ, говорилъ посредѣ Мармидонянъ:
„Боги, боги! безплодное слово изъ устъ изронилъ я
„Въ день, какъ старался утѣшить героя Менетія въ домѣ!
„Я говорилъ, что въ Опунтъ приведу ему славнаго сына
„Трои рушителемъ крѣпкой, участникомъ пышной добычи.
„Нѣтъ, не всѣ помышленія Зевсъ человѣкамъ свершаетъ!
„Намъ обоимъ предназначено землю одну окровавить
„Здѣсь, на Троянскомъ брегу! И меня, возвратившагось съ боя,
„Въ домѣ отцевъ никогда ни Пелей престарѣлый не встрѣтитъ,
„Ни любезная матерь; но здѣсь покроетъ могила!
„Если же послѣ тебя, о Патроклъ мой, въ могилу сойти мнѣ;
„Съ честью тебя погребу; но не прежде, какъ здѣсь я повергну
„Броню и голову Гектора, гордаго смертью твоею!
„Окрестъ костра твоего обезглавлю двѣнадцать плѣненныхъ
„Трои краснѣйшихъ сыновъ, за убійство тебя отомщая!
„Ты жъ до того, Менетидъ, у меня предъ судами покойся!
„Окрестъ тебя полногрудыя жены Троянъ и Дарданцевъ,
„Коихъ съ тобой мы добыли копьемъ и могучестью нашей,

„Грады руша цвѣтущіе бранолюбивыхъ народовъ,
„Пусть рыдаютъ, и ночи и дни обливаясь слезами.

Такъ говорилъ, и друзьямъ повелѣлъ Ахиллесъ благородный,
Мѣдный, великій треножникъ поставить на огнь, и скорѣе
Тѣло Патрокла омыть отъ запекшейся крови и праха.
Мужи сосудъ омовеній поставивъ на свѣтлое пламя,
Налили полный водою, и дровъ на огонь подложили;
Дно у тренога огонь обхватилъ, согрѣвалася влага.
И когда закипѣвшая въ звонкой мѣди зашумѣла:
Тѣло омыли водой, умастили свѣтлымъ елеемъ,
Язвы наполнили мастью драгой, девятигодовою;
Послѣ на одръ положивъ, полотномъ его тонкимъ покрыли
Съ ногъ до главы, и сверху одѣли покровомъ блестящимъ.
Цѣлую ночь потомъ вкругъ Пелида царя Мирмидонцы
Стоя толпой, о Патроклѣ крушились, стеня и рыдая.

Зевсъ на Олимпѣ воззвалъ къ златотронной сестрѣ и супругѣ:
„Сдѣлала ты, что могла, волоокая, гордая Гера!
„Въ брань подняла быстроногаго сына Пелеева. Вѣрно
„Родоначальница ты кудреглавыхъ народовъ Геллады.

Быстро воззвала къ нему волоокая Гера царица:
„Мрачный Кроніонъ! какія слова ты, могучій, вѣщаешь?
„Какъ? человѣкъ человѣку свободно злодѣйствовать можетъ,
„Тотъ, который и смертенъ, и столько совѣтами скуденъ.
„Я жъ, которая здѣсь почитаюсь богиней верховной,
„Славой сугубой горжусь, что меня и сестрой и супругой

„Ты нарицаешь, ты надъ безсмертными всѣми царящій,
„Я не должна, на Троянъ раздраженная, бѣдъ устроять имъ?

Такъ божества Олимпійскія между собою вѣщали.
Тою порою Ѳетида достигла Гефестова дома,
Звѣздныхъ, нетлѣнныхъ чертоговъ, прекраснѣйшихъ среди Олимпа,
Кои изъ мѣди блистательной создалъ себѣ Хромоногій.
Бога, покрытаго потомъ, находитъ въ трудахъ, предъ мѣхами
Быстро вращавшагось: двадцать треножниковъ вдругъ онъ работалъ,
Въ утварь поставить къ стѣнѣ своего благолѣпнаго дома.
Онъ подъ подножіемъ ихъ золотыя колеса устроилъ,
Сами бъ собою они приближалися къ сонму безсмертныхъ,
Сами бъ собою и въ домъ возвращалися, взорамъ на диво.
Въ семъ они видѣ окончены были; однихъ не придѣлалъ
Хитро-измышленныхъ ручекъ: готовилъ, и гвозди ковалъ къ нимъ.
Тою порою, какъ ихъ онъ по замысламъ творческимъ дѣлалъ;
Въ домъ его тихо вошла среброногая мать Ахиллеса.
Вышла, увидѣвъ ее, подъ покровомъ блестящимъ Харита,
Прелестей полная, бога хромаго супруга младая;
За руку съ лаской взяла, говорила и такъ вопрошала:
„Что ты, Ѳетида покровомъ закрытая, въ домъ нашъ приходишь,
„Милая намъ и почтенная? рѣдко ты насъ посѣщаешь?
„Но войди ты въ чертогъ, да тебя угощу я, богиню.

Такъ произнесши, Харита во внутренность вводитъ Ѳетиду.
Тамъ сажаетъ богиню на тронѣ серебряногвоздномъ,
Пышномъ, изящно украшенномъ, съ легкой подножной скамьею.
Послѣ голосомъ громкимъ Гефеста художника кличетъ:

„Выйди, Гефестъ, до тебя у Өетиды Нереевой просьба.

Ей не медля отвѣтствовалъ славный Гефестъ хромоногій:
„Мощная въ домѣ моемъ и почтенная вѣчно богиня!
„Ею мнѣ жизнь спасена, какъ страдалъ я, заброшенный съ неба
„Волею матери Геры: безстыдная скрыть захотѣла
„Сына хромаго. Тогда потерпѣлъ бы я горе на сердцѣ,
„Еслибъ Өетида меня съ Эвриномой не приняли въ нѣдра,
„Дщери младыя катящагось вкругъ Океана сѣдаго.
„Тамъ украшенія разныя девять годовъ я ковалъ имъ,
„Кольцы витыя, застежки, уборы волосъ, ожерелья,
„Въ мрачной глубокой пещерѣ; кругомъ Океанъ предо мною
„Пѣнный, ревущій бѣжалъ, неизмѣримый: тамъ ни единый
„Житель меня Олимпійскій, ни мужъ земнородный не вѣдалъ;
„Только Өетида съ сестрой Эвриномою, спасшія жизнь мнѣ.
„Нынѣ мой домъ посѣтила безсмертная; долженъ отдать я
„Долгъ за спасеніе жизни прекрасновласой Өетидѣ.
„Чествуй, супруга моя, угощеніемъ пышнымъ Өетиду;
„Я не замедлю, мѣха соберу и другіе снаряды. —

Рекъ, и отъ наковальни великанъ закоптѣлый поднялся,
И, хромоногій, медлительно голени слабыя двигалъ:
Снялъ отъ горна мѣха, и снаряды, какими работалъ,
Собралъ всѣ, и вложилъ ихъ въ красивый ларецъ среброковный;
Губкою влажною вытеръ лице, и могучія руки,
Выю дебелую, жилистый тылъ, и косматыя перси;
Ризой одѣлся, и толстымъ жезломъ подпираяся, въ двери
Вышелъ хромая; прислужницы, подъ руки взявши владыку,

Шли золотыя, живымъ подобныя дѣвамъ прекраснымъ,
Кои исполнены разумомъ, силу имѣютъ и голосъ,
И которыхъ безсмертные знанію дѣлъ изучили.
Съ боку владыки онѣ поспѣшали; а онъ, колыхаясь,
Къ мѣсту прибрелъ, гдѣ Ѳетида сидѣла на тронѣ блестящемъ;
За руку взялся рукой, называлъ и такъ говорилъ ей:
„Что ты, Ѳетида покровомъ закрытая, въ домъ нашъ приходишь,
„Милая намъ и почтенная? рѣдко ты насъ посѣщаешь?
„Молви, чего ты желаешь? исполнить же сердце велитъ мнѣ,
„Если исполнить могу я, и если оно исполнимо.

И Гефесту Ѳетида, залившись слезами, вѣщала:
„Есть ли, Гефестъ, хоть одна изъ богинь на пространномъ Олимпѣ,
„Столько на сердцѣ своемъ перенесшая горестей тяжкихъ,
„Сколько мнѣ злополучной послалъ сокрушеній Кроніонъ!
„Нимфу морскую меня покорилъ человѣку земному,
„Сыну Эака; и я испытала объятія мужа,
„Какъ ни противилось сердце: уже тяжелая старость
„Въ домѣ его изнуряетъ. Но скорбь у меня и другая!
„Зевсъ даровалъ мнѣ родить и взлелѣять единаго сына,
„Перваго между героевъ! возросъ онъ, какъ пышная отрасль;
„Я воспитала его, какъ прекраснѣйшій цвѣтъ въ вертоградѣ;
„Юнаго въ быстрыхъ судахъ отпустила на брань къ Иліону,
„Ратовать храбрыхъ Троянъ; и его никогда я не встрѣчу
„Въ домѣ отеческомъ, въ свѣтлыхъ чертогахъ супруга Пелея!
„Нынѣ, хотя и живетъ онъ, и солнца сіяніе видитъ,
„Долженъ страдать; и ему я помочь не могу и пришедши!
„Дѣву, которую сыну избрали въ награду Ахейцы,

„Снова изъ рукъ у него исторгъ властелинъ Агамемнонъ.
„Грустный по ней, сокрушалъ онъ печалію сердце; Ахеянъ
„Сила Троянъ до судовъ отразила, и въ станъ заключеннымъ
„Имъ выходить не давала. Старѣйшины воинствъ Ахейскихъ
„Сына молили и множество славныхъ даровъ предлагали.
„Самъ онъ, правда, отъ воинствъ бѣду отразить отказался;
„Но героя Патрокла своимъ онъ доспѣхомъ одѣялъ;
„Друга на битву послалъ и великое воинство ввѣрилъ.
„Билися цѣлый день передъ крѣпкою башнею Скейской.
„Былъ бы въ тотъ день Иліонъ завоеванъ, когда бы могучій
„Фебъ разносившаго гибель Менетія храбраго сына
„Въ первыхъ рядахъ не повергнулъ и славы Гектору не далъ.
„Вотъ для чего прихожу, и къ колѣнамъ твоимъ припадаю;
„Можетъ быть сжалишься ты надъ моимъ краткожизненнымъ сыномъ;
„Можетъ быть дашь ты Пелиду и щитъ и шеломъ и поножи,
„Также и латы: свои потерялъ онъ, какъ другъ его вѣрный
„Палъ отъ Троянъ; и теперь—по землѣ онъ простертый тоскуетъ!

Ей не медля отвѣтствовалъ Амфигіей знаменитый:
„Будь спокойна, и болѣе сердцемъ о томъ не крушися.
„О! да могу Ахиллеса отъ смерти ужасной далеко
„Столь же легко я укрыть, когда рокъ его мощный постигнетъ,
„Сколь мнѣ легко для него изготовить доспѣхи, которымъ
„Каждый отъ смертныхъ безчисленныхъ будетъ дивиться, узрѣвшій!

Такъ произнесши, оставилъ ее, и къ мѣхамъ приступилъ онъ;
Всѣ на огонь обратилъ ихъ, и дѣйствовать далъ повелѣнье.
Разомъ въ отверзтья горнильныя двадцать мѣховъ задыхали,

Разнымъ изъ дулъ ихъ дыша, раздувающимъ пламень, дыханьемъ,
Или порывнымъ, служа поспѣшавшему, или спокойнымъ,
Смотря на волю творца и на нужду творимаго дѣла.
Самъ онъ въ огонь распыхавшійся мѣдь некрушимую ввергнулъ,
Олово бросилъ, сребро, драгоцѣнное злато; и послѣ
Тяжкую наковальню насадилъ на столпъ, а въ десницу
Молотъ огромнѣйшій взялъ, и клещи захватилъ онъ другою.

И въ началѣ работалъ онъ щитъ и огромный и крѣпкій,
Весь украшая изящно; кругомъ его вывелъ онъ ободъ
Бѣлый, блестящій, тройный; и придѣлалъ ремень серебристый.
Щитъ изъ пяти составилъ листовъ, и на кругѣ обширномъ
Множество дивнаго богъ по замысламъ творческимъ сдѣлалъ.
Тамъ представилъ онъ землю, представилъ и небо, и море,
Солнце, въ пути неистомное, полный серебряный мѣсяцъ,
Всѣ прекрасныя звѣзды, какими вѣнчается небо:
Видны въ ихъ сонмѣ Пліады, Гіады, и мощь Оріона,
Арктосъ, сынами земными еще колесницей зовомый;
Тамъ онъ всегда обращается, вѣчно блюдетъ Оріона,
И единый чуждается мыться въ волнахъ Океана.

Тамъ же два града представилъ онъ яснорѣчивыхъ народовъ:
Въ первомъ, прекрасно устроенномъ, браки и пиршества зрѣлись.
Тамъ невѣстъ изъ чертоговъ, свѣтильниковъ яркихъ при блескѣ,
Брачныхъ пѣсней при кликахъ, по стогнамъ градскимъ провожаютъ.
Юноши хорами въ пляскахъ кружатся; межъ нихъ раздаются
Лиръ и свирѣлей веселые звуки; почтенныя жены
Смотрятъ на нихъ и дивуются, стоя на крыльцахъ воротныхъ.

Далѣе много народа толпится на торжищѣ: шумный
Споръ тамъ поднялся; спорили два человѣка о пенѣ,
Мздѣ за убійство; и клялся одинъ, объявляя народу,
Будто онъ все заплатилъ; а другой отрекался въ пріемѣ.
Оба рѣшились, представивъ свидѣтелей, тяжбу ихъ кончить.
Граждане вкругъ ихъ кричатъ, своему доброхотствуя каждый;
Вѣстники шумный ихъ крикъ укрощаютъ; а старцы градскіе,
Молча, на тесанныхъ камняхъ сидятъ средь священнаго круга;
Скипетры въ руки пріемлютъ отъ вѣстниковъ звонкоголосыхъ;
Съ ними встаютъ, и одинъ за другимъ свой судъ произносятъ.
Въ кругѣ, предъ ними, лежатъ два таланта чистаго злата,
Мзда для того, кто изъ нихъ справедливѣе право докажетъ.

Городъ другой облежали двѣ сильныя рати народовъ,
Страшно сверкая оружіемъ. Рати двояко грозили:
Или разрушить, иль граждане съ ними должны раздѣлиться
Всѣми богатствами, сколько цвѣтущій ихъ градъ заключаетъ.
Тѣ не склонялись еще, и готовились къ тайной засадѣ.
Стѣну стеречь по забраламъ супругъ поставивъ любезныхъ,
Юныхъ сыновъ и мужей, которыхъ постигнула старость,
Сами выходятъ; вождями ихъ идутъ Арей и Паллада,
Оба златые, одѣтые оба златою одеждой;
Видъ ихъ прекрасенъ, въ доспѣхахъ величественъ, сущіе боги!
Всѣмъ отличны они; человѣки далеко ихъ ниже.
Къ мѣсту пришедшіе, гдѣ имъ казалась удобной засада,
Къ брегу рѣчному, гдѣ былъ водопой табуновъ разнородныхъ;
Тамъ засѣдаютъ они, прикрываясь блестящею мѣдью.
Два соглядатая ихъ, отдѣлясь, впереди засѣдаютъ.

Смотрятъ кругомъ, не узрятъ ли овецъ и воловъ подходящихъ.
Скоро стада показалися; два пастуха за стадами,
Тѣшась цѣвницею звонкой, идутъ, не предвидя коварства.
Быстро, увидѣвши ихъ, нападаютъ засѣвшіе мужи;
Грабятъ и гонятъ рогатыхъ воловъ и овецъ среброрунныхъ:
Цѣлое стадо угнали, и пастырей стада убили.
Въ станѣ, какъ скоро услышали крикъ и тревогу при стадѣ,
Вои, на площади стражей стоящіе, быстро на коней
Бурныхъ вскочили, на крикъ поскакали и въ мигъ принеслися.
Строемъ становятся, битвою бьются по брегу рѣчному;
Колютъ другъ друга, мешая стремительно мѣдныя копья.
Рыщутъ и Злоба и Смута и страшная Смерть между ними:
Держитъ она то пронзеннаго, то не пронзеннаго ловитъ,
Или убитаго за̀ ногу тѣло волочитъ по сѣчѣ;
Риза на персяхъ ея обагровлена кровью людскою.
Въ битвѣ, какъ люди живые, они нападаютъ и бьются,
И одинъ предъ другимъ увлекаютъ кровавые трупы.

Сдѣлалъ на немъ и широкое поле, тучную пашню,
Рыхлый, три раза распаханный паръ; на немъ землепашцы
Гонятъ яремныхъ воловъ, и назадъ и впередъ обращаясь;
И всегда, какъ обратно къ концу приближаются нивы,
Каждому въ руки имъ кубокъ вина, веселящаго сердце,
Мужъ подаетъ; и они, по своимъ полосамъ обращаясь,
Вновь поспѣшаютъ дойти до конца глубобразднаго пара.
Нива, хотя и златая, чернѣется сзади орющихъ,
Вспаханной нивѣ подобясь: такое онъ диво представилъ.

Далѣе выдѣлалъ поле съ высокими нивами; жатву
Жали наемники, острыми въ длаияхъ серпами блистая.
Здѣсь полосой безпрерывною падаютъ горсти густые;
Тамъ перевящики ихъ въ снопы перевязлами вяжутъ;
Три перевящика ходятъ за жнущими. Сзади ихъ дѣти
Горстая быстро колосья, одни за другими въ охапахъ
Вяжущимъ ихъ подаютъ. Властелинъ между ними, безмолвно,
Съ палицей въ длани, стоитъ на браздѣ, и душей веселится.
Вѣстники одаль, подъ тѣнію дуба, трапезу готовятъ;
Въ жертву заклавши вола, вкругъ него суетятся; а жены
Бѣлую сѣютъ муку для сладостной вечери жнущимъ.

Сдѣлалъ на немъ, отягченный гроздіемъ, садъ виноградный,
Весь золотый, лишь однѣ виноградныя кисти чернѣлись;
И стоялъ онъ на сребряныхъ, рядомъ вонзенныхъ подпорахъ.
Около саду и ровъ темносиній, и бѣлую стѣну
Вывелъ изъ олова; къ саду одна пролегала тропина,
Коей носильщики ходятъ, когда виноградъ собираютъ.
Тамъ и дѣвицы и юноши, съ дѣтской веселостью сердца,
Сладостный плодъ носили въ прекрасно плетеныхъ корзинахъ.
Въ кругѣ ихъ отрокъ прелестный по звонкорокочущей лирѣ
Сладко перстами брящалъ, припѣвая прекрасно подъ струны *
Голосомъ нѣжнымъ; они жъ вокругъ его—пляшучи стройно,
Съ пѣньемъ и съ крикомъ и съ топотомъ ногъ хороводомъ несутся.

Тамъ же и стадо представилъ воловъ воздымающихъ роги:

* Слѣдую мнѣнію ученаго Англичанина Нейта: Prolegom. ad. Hom. pag. 40. §. 48.

Ихъ онъ изъ злата однихъ, а другихъ изъ олова сдѣлалъ.
Съ ревомъ волы изъ оградъ вырываяся, мчатся на паству,
Къ шумной рѣкѣ, къ камышу густому по влажному брегу.
Слѣдомъ за стадомъ и пастыри идутъ, четыре, златые,
И за ними слѣдуютъ девять псовъ быстроногихъ.
Два густогривые льва на переднихъ воловъ нападаютъ;
Тяжко мычащаго ловятъ быка; и ужасно ревѣтъ онъ,
Львами влекомый; и псы на защиту и юноши мчатся;
Львы повалили его и сорвавши огромную кожу,
Черную кровь и утробу глотаютъ; напрасно трудятся
Пастыри львовъ испугать, быстроногихъ псовъ подстрекая.
Псы ихъ не слушаютъ; львовъ трепеща, не берутъ ихъ зубами:
Близко подступятъ, залаютъ на нихъ, и назадъ убѣгаютъ.

Далѣе—сдѣлалъ роскошную паству Гефестъ знаменитый,
Въ тихой долинѣ прелестной, несчетныхъ овецъ среброрунныхъ,
Стойла, подъ кровлей клѣва и смиренныя пастырей кущи.

Тамъ же Гефестъ знаменитый извилъ хороводъ разновидный,
Оному равный, какъ древле въ широкоустроенномъ Кноссѣ
Выдѣлалъ хитрый Дедалъ Аріаднѣ прекрасноволосой.
Юноши тутъ и цвѣтущія дѣвы, желанныя многимъ,
Пляшутъ, въ хоръ круговидный любезно сплетяся руками.
Дѣвы въ одежды льняныя и легкія, отроки въ ризы
Свѣтло одѣты, и ихъ чистотою какъ масломъ блистаютъ;
Тѣхъ вѣнки изъ цвѣтовъ, прелестные, всѣхъ украшаютъ;
Сихъ золотые ножи, на ремняхъ чрезъ плечо серебристыхъ.
Пляшутъ они, и ногами искусными то закружатся,

Столь же легко, какъ въ стану колесо подъ рукою испытной,
Если скудельникъ его испытуетъ, легко ли кружится;
То разовьются и пляшутъ рядами, одни за другими.
Купа селянъ окружаетъ плѣнительный хоръ, и сердечно
Имъ восхищается; два среди круга ихъ головоходы,
Пѣніе въ ладъ начиная, чудесно вертятся въ срединѣ.

Тамъ и ужасную силу представилъ рѣки Океана;
Коимъ подъ верхнимъ онъ ободомъ щитъ окружилъ велелѣпный.

Такъ изукрашено выдѣлавъ щитъ и огромный и крѣпкій,
Сдѣлалъ Гефестъ и брόню, яснѣе чѣмъ огненный пламень;
Сдѣлалъ и тяжкій шеломъ, Пелеи̑она главѣ соразмѣрный,
Пышный, кругомъ изукрашенный, гребнемъ златымъ повершенный;
Послѣ изъ олова гибкаго сдѣлалъ ему и поножи. —
И когда всѣ доспѣхи сковалъ Олимпійскій художникъ;
Взявъ, предъ Пелидовой матерью ихъ положилъ онъ на землю.
И какъ ястребъ она съ осребреннаго снѣгомъ Олимпа
Бросилась, мча отъ Гефеста блестящіе сыну доспѣхи.

ПѢСНЬ XIX.

СОДЕРЖАНІЕ.

Съ разсвѣтомъ дня Ѳетида приноситъ отъ Гефеста оружія Ахиллесу. Онъ, видомъ ихъ воспламененный, жаждетъ боя, ст. 1—27; и между тѣмъ, какъ Ѳетида облаговониваетъ тѣло Патрокла, дабы до погребенія осталося невредимымъ, Ахиллесъ сзываетъ Ахеянъ въ собраніе, 28—41. Сходятся всѣ, и самъ Агамемнонъ. Ахиллесъ объявляетъ, что онъ оставляетъ гнѣвъ, и требуетъ битвы безъ отлагательства, 42—73. Народъ радуется примиренію вождей. Агамемнонъ немедленно сознаетъ проступокъ свой, но вину его возлагаетъ на богиню Обиду, и предлагаетъ выдать дары примиренія, обѣщанные прежде чрезъ Одиссея; Ахиллесъ, равнодушный къ нимъ, но жаждущій отмстить Гектору, настоитъ, чтобы немедленно вступить въ сраженіе, 74—153; наконецъ уступаетъ убѣжденіямъ Одиссея, который совѣтуетъ повременить, пока рать подкрѣпится пищею, и пока самъ Ахиллесъ, въ знакъ торжественнаго примиренія, не приметъ, предъ лицемъ всего народа, какъ даровъ, такъ и Вризеиды, причины раздора, 154—237. Посланные Нестора сыны приносятъ дары, приводятъ Вризеиду; и Агамемнонъ произноситъ клятву, что дѣву онъ возвращаетъ неприкосновенною, 238—275. Дары относятъ въ кущу Ахиллеса; тамъ Вризеида увидѣвъ мертваго Патрокла, оплакиваетъ его, 276—300. Самъ Ахиллесъ, не внимая просьбамъ старѣйшинъ, и отказываясь совершенно отъ пищи, предается горести и плачу о Патроклѣ, 301—339. Аѳина, посланная Зевсомъ, дабы Ахиллесъ отъ голода не потерялъ силъ, укрѣпляетъ его Нектаромъ и Амврозіею. Между тѣмъ Ахеяне выступаютъ къ сраженію, 340—364. Ахиллесъ вооружается новымъ доспѣхомъ; всходитъ на колесницу; уговариваетъ коней, 365—403; слышитъ одного изъ нихъ предсказывающаго ему скорую смерть и, не щадящій жизни, устремляется въ битву, 404—424.

ПѢСНЬ XIX.

Въ ризѣ багрянозлатистой изъ волнъ Океана Денница
Вышла, несущая свѣтъ и безсмертнымъ и смертнымъ: Ѳетида
Къ сѣнямъ пришла Мирмидонскимъ съ блистательнымъ даромъ отъ бога.
Тамъ она сына нашла: надъ Патрокломъ своимъ распростертый,
Громко рыдалъ онъ; и многіе окрестъ друзья Мирмидонцы
Плакали. Ставъ между нихъ среброногая матерь богиня,
За руку сына взяла, называла и такъ говорила:
„Сынъ мой! оставимъ мертваго, какъ ни прискорбно то сердцу,
„Съ миромъ лежать: всемогущихъ боговъ онъ волей поверженъ.
„Встань и прими, Пелеїонъ, отъ Гефеста доспѣхъ велелѣпный,
„Дивный, какой никогда не сіялъ вкругъ раменъ человѣка.

Такъ произнести Ѳетида, на землю доспѣхъ положила
Предъ Ахиллесомъ; и весь зазвучалъ онъ, украшенный дивно.
Вздрогнули всѣ Мирмидонцы; не могъ ни одинъ на доспѣхи
Прямо взглянуть, отвратились они; Ахиллесъ же могучій
Только взглянулъ, и сильнѣйшимъ наполнился гнѣвомъ; ужасно
Очи его изъ-подъ вѣждей, какъ огненный пылъ, засверкали.
Съ радостью взявъ, любовался онъ даромъ сіяющимъ бога;
И когда свое сердце нарадовалъ, смотря на чудо;

Къ матери серебропогой крылатую рѣчь устремилъ онъ:
„Матерь! доспѣхъ сей безсмертнаго даръ; несомнительно долженъ
„Быть онъ твореніемъ бога, не смертнаго мужа онъ дѣло.
„Нынѣ жъ я вооружаюся.—Но, объ одномъ безпокойно
„Сердце мое, что бы тою порою въ Патрокловомъ тѣлѣ
„Мухи, проникши въ глубокія, мѣдью пробитыя раны,
„Алчныхъ червей не родили; они исказятъ его образъ:
„(Жизнь отъ него отлетѣла!) и тлѣніе тѣло обыметъ!

Вновь говорила ему сребропогая матерь Ѳетида:
„Сынъ мой! заботой о семъ не тревожь ты болѣе сердца.
„Я попекусь отгонять отъ него кровожадные сонмы
„Мухъ, которыя тѣло убитыхъ мужей пожираютъ;
„И хотя бы лежалъ онъ въ теченіе круглаго года,
„Тѣло его невредимо, и даже прекраснѣе, будетъ.
„Ты же, мой сынъ, на собранье созвавши героевъ Ахейскихъ,
„Гнѣвъ прекрати на Атреева сына, владыку народовъ;
„Быстро на бой ополчись, и могучестью вновь облекися.

Такъ говорила, и духъ дерзновеннѣйшій сыну вдохнула.
Другу жъ его и амврозію въ ноздри и нектаръ багряный
Тихо влілла, да тѣло его невредимо пребудетъ.

Быстро по берегу моря пошелъ Ахиллесъ быстроногій,
Голосомъ страшнымъ крича; и всѣхъ взволновалъ онъ Ахеянъ.
Мужи, которые прежде всегда при судахъ оставались,
Всѣ корабельщики, кои судовъ управляли кормиломъ,
Даже зажитники ратныхъ дружинъ, раздаватели хлѣба,

Всѣ поспѣшали въ собранье, когда Ахиллесъ благородный
Вновь показался, столь долго чуждавшійся брани кровавой.
Двое, хромаючи шли, знаменитые слуги Арея,
Царь Одиссей и Тидидъ Діомедъ, воеватель могучій,
Шли опираясь на копья, нося еще тяжкія раны.
Оба пришедши они, на мѣстахъ переднихъ возсѣли;
Въ слѣдъ ихъ притекъ и Атридъ, повелитель мужей Агамѐмнонъ,
Раной недужный: зане и его среди бурнаго боя
Ранилъ Коонъ Антеноридъ огромною пикою мѣдной.
И когда уже всѣ на собранье сошлися Ахейцы;
Всталъ между ними, и такъ говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
„Царь Агамѐмнонъ! полезнѣе было бы, если бы прежде
„Такъ поступили мы оба, когда, въ огорченіи нашемъ,
„Гложущей душу враждой воспылали за плѣнную дѣву!
„О! почто Артемида сей дѣвы стрѣлой не пронзила
„Въ день, какъ ее между плѣнницъ избралъ я, Лирнессъ разоривши:
„Столько Ахейскихъ героевъ земли не глодало бъ зубами,
„Павъ подъ руками враждебныхъ, когда я упорствовалъ въ гнѣвѣ!
„Гекторъ и Трои сыны веселятся о томъ; а Данаи
„Долго, я думаю, будутъ раздоръ нашъ погибельный помнить.
„Но, совершившееся прежде, оставимъ, въ прискорбіи нашемъ;
„Гордое сердце въ груди укротимъ, какъ велитъ неизбѣжность.
„Нынѣ я гнѣвъ оставляю рѣшительно; я не намѣренъ
„Сердца крушить враждой безконечною. Царь Агамѐмнонъ,
„Въ битву подвигни скорѣе мѣдянодоспѣшныхъ Данаевъ;
„Дай мнѣ скорѣе идти на Троянъ, и еще испытать ихъ,
„Иль и теперь ночевать предъ судами намѣрены? Нѣтъ, уповаю,
„Радостно каждый изъ нихъ утомленныя склонитъ колѣна,

*

„Каждый, на пламенной битвѣ отъ нашихъ оружій избывшій!

Такъ говорилъ; и наполнились радостью всѣ Аргивяне,
Слыша, что гнѣвъ навсегда оставляетъ Пелидъ благородный.
Началъ тогда говорить повелитель мужей Агамемнонъ,
Съ мѣста возставъ, гдѣ сидѣлъ, но стоять на средину не вышелъ:
„Други, Данаи герои, безстрашные слуги Арея!
„Вставшаго надобно слушать; начавшаго слово не должно
„Перерывать: затруднится и самой искусный витія.
„Въ шумномъ народномъ говорѣ можно ли что либо слышать,
„Или сказать? заглушится витія, какъ ни былъ бы громокъ.
„Съ сыномъ Пелеевымъ я объясняюся; вы же, Ахейцы,
„Слушайте всѣ со вниманьемъ, и рѣчи мои вразумите. —
„Часто о дѣлѣ мнѣ семъ говорили Ахейскіе мужи;
„Часто винили меня; но не я, о Ахейцы, виновенъ;
„Зевсъ Эгіохъ, и Судьба, и бродящая въ мракахъ Эриннисъ:
„Боги мой умъ на совѣтѣ наполнили мрачною смутой,
„Въ день злополучный, какъ я у Пелида похитилъ награду.
„Что жъ бы я сдѣлалъ? Богиня могучая все совершила,
„Дщерь Громовержца, Обида, которая всѣхъ ослѣпляетъ,
„Страшная; нѣжны стопы у нее: не касается ими
„Праха земнаго; она по главамъ человѣческимъ ходитъ,
„Смертныхъ язвя; а инаго и въ сѣти легко уловляетъ.
„Древле она ослѣпила и Зевса, который превыше
„Всѣхъ земнородныхъ и всѣхъ небожителей: даже и Зевса
„Гера, хотя и жена, по коварствомъ своимъ обманула,
„Въ день, какъ готова была счастливая матерь Алкмена
„Силу Геракла родить въ опоясанныхъ башнями Ѳивахъ.

„Зевсъ, величаясь уже, говорилъ предъ соборомъ безсмертныхъ:
„Слушайте слово мое, и боги небесъ и богини;
„Я вамъ повѣдать желаю, что въ персяхъ мнѣ сердце внушаетъ:
„Нынѣ родящихъ помощница, въ свѣтъ изведетъ Илиѳія
„Мужа, который надъ всѣми окрестными царствовать будетъ,
„Вѣтвь человѣковъ великихъ, отъ крови моей исходящихъ.

„Зевсу, коварное мысля, вѣщала владычица Гера:
„Ложь, Эгіохъ! никогда своего не исполнишь ты слова.
„Или дерзни, поклянись, Олимпіецъ, великою клятвой,
„Что надъ всѣми окрестными истинно царствовать будетъ
„Смертный, который въ сей день упадетъ на колѣна родившей,
„Вѣтвь человѣковъ великихъ, отъ крови твоей исходящихъ.

„Такъ говорила; но Зевсъ не почувствовалъ козней супруги:
„Клятвой поклялся святой, и раскаялся, горько прельщённый.—
„Гера стремительно бросясь, оставила холмы Олимпа;
„Быстро достигла Ахейскаго Аргоса, гдѣ уже прежде
„Знала богиня супругу Царя Персейда Сѳенѐла.
„Сына царица седьмой уже мѣсяцъ въ утробѣ носила:
„Гера его до срока на свѣтъ извѐла; но Алкмѐны
„Въ срокъ удержала роды, удаливши помощныхъ Илиѳій;
„Съ вѣстью о томъ передъ Зевса предстала сама, и вѣщала:
„Зевсъ сребромолненый! слово тебѣ полагаю на сердце:
„Смертный рожденъ знаменитый, что царствовать въ Аргосѣ долженъ,
„Мужъ Эврисѳей, Персейда Сѳенѐла геройская отрасль,
„Племя твое; не будетъ онъ Аргосу царь недостойный.

„Такъ изрекла; и жестокая горесть ударила въ сердце
„Зевса. Схватилъ онъ Обиду за пышноблестящіе кудри,
„Страшнымъ пылающій гнѣвомъ, и клялся великою клятвой,
„Что на холмистый Олимпъ и звѣздами вѣнчанное небо
„Ввѣкъ не взыдетъ Обида, которая всѣхъ ослѣпляетъ.

„Такъ произнесъ онъ; и махомъ десницы отъ звѣзднаго неба
„Ринулъ ее; и упала она на дѣла человѣка.
„Зевсъ отъ нее же стеналъ, какъ любезнаго сына онъ видѣлъ,
„Низкое иго носящаго, въ подвигахъ для Эврисѳея. —
„Такъ-то и я, какъ великій, шеломомъ сверкающій Гекторъ
„Рати Ахейскихъ сыновъ истреблялъ при кормахъ корабельныхъ,
„Самъ не могъ позабыть я Обиды, меня ослѣпившей.
„Но, какъ уже погрѣшилъ я, и Зевсъ мой разумъ похитилъ;
„Самъ то загладить хочу, и воздать многоцѣнною мздою.
„Храбрый, воздвигнись на бой, возбуди и другія дружины.
„Что до даровъ, я всѣ ихъ представлю, какія посланникъ
„Въ сѣни вчера предъ тобой изчислялъ Одиссей благородный.
„Если же хочешь, помедли ты, сколько ни жаждущій боя;
„Слуги мои тѣ дары въ кораблѣ собравши представятъ,
„И увидишь ты, что я тебѣ угождая дарую.

Сыну Атрея отвѣтствовалъ царь Ахиллесъ благородный:
„Славою свѣтлый Атридъ, повелитель мужей Агамѐмнонъ!
„Хочешь ли мнѣ дары примиренья, какъ должно, доставить,
„Иль удержать ихъ, ты властенъ; теперь же о битвѣ помыслимъ
„Безъ отлагательствъ: и что въ разсужденіяхъ время намъ тратить?
„Что намъ здѣсь медлить? еще не свершилось великое дѣло!

„Пусть, кто желаетъ, опять впереди Ахиллеса увидитъ,
„Мѣдною пикой фаланги крушащаго ратей Троянскихъ,
„И подобно ему, да пылаетъ съ врагами сражаться!

Но Пелиду царю возразилъ Одиссей многоумный:
„Нѣтъ; сколь ни мужественъ ты, Ахиллесъ, безсмертнымъ подобный,
„Воинствъ Ахейскихъ, голодныхъ еще, не веди къ Иліону
„Биться съ Троянами храбрыми! Нѣтъ, не на краткое время
„Битва завяжется, если Троянъ и Ахеянъ фаланги
„Въ сѣчу сойдутся, и богъ имъ вдохнетъ одинакую храбрость.
„Прежде Ахейскимъ сынамъ повели ты насытиться въ станѣ
„Хлѣбомъ, виномъ: оно человѣку и бодрость и крѣпость.
„Мужъ ни одинъ во весь день, отъ восхода до запада солнца,
„Пищею не подкрѣпленный, не въ силахъ выдерживать боя.
„Сердцемъ въ груди неистомнымъ хотя бъ и пылалъ онъ сражаться:
„Члены у тощаго всѣ тяжелѣютъ; его безпокоитъ
„Жажда и гладъ; у него на пути запинаются ноги.
„Но человѣкъ, укрѣпяся виномъ и насытяся пищей,
„Можетъ весь день подъ оружіемъ съ силой враждебныхъ сражаться.
„Духъ въ его перстяхъ и крѣпокъ и бодръ, и усталости члены
„Прежде не слышатъ, доколѣ съ побоища всѣ не соступятъ.
„Такъ, Ахиллесъ! распусти Аргивянъ, и вели имъ готовить
„Завтракъ. Дары для тебя повелитель мужей Агамемнонъ
„Пусть предъ собранье народа представитъ; да всѣ ихъ Данаи
„Узрятъ очами, и самъ ты свое да возрадуешь сердце.
„Пусть поклянется тебѣ, предъ народомъ возставъ, что донынѣ
„Къ дѣвѣ на одръ не всходилъ, не сближался съ младой Бризеидой,
„Такъ какъ мужамъ и женамъ свойственно межъ человѣковъ.

„Ты же и самъ укропися душею и будь благосклоненъ.
„Пусть напослѣдокъ тебя угоститъ онъ торжественнымъ пиромъ
„Въ кущахъ своихъ, чтобы должное ты получилъ безъ урона.
„Ты, Агамѐмнонъ могучій, впередъ и къ другому Ахейцу
„Самъ справедливѣе будь: униженія нѣтъ властелину,
„Съ мужемъ искать примиренья, котораго самъ оскорбилъ онъ.

Сыну Лаерта немедля отвѣтствовалъ царь Агамѐмнонъ:
„Радуясь рѣчи твои, Лаертидъ благородный, я слушалъ;
„Истину ты говорилъ, и о всемъ разсуждалъ справедливо.
„Клятву готовъ произнесть я, какъ самое сердце велитъ мнѣ,
„И, передъ богомъ, клятву не ложную! Сынъ же Пелеевъ
„Здѣсь между тѣмъ да останется, сколько ни жаждущій боя;
„Здѣсь и другіе останьтесь Ахейцы, пока изъ-подъ сѣней
„Придутъ дары, и пока совершу я священныя клятвы.
„Дѣло сіе, Одиссей, на тебя самаго возлагаю:
„Ты благороднѣйшихъ юношей въ станѣ Ахейскомъ избравши,
„Всѣ тѣ дары, что вчера обѣщали мы дать Ахиллесу,
„Самъ принеси съ корабля моего, и женъ приведи намъ.
„Ты жъ мнѣ, Талѳибій, скорѣе въ Ахейскомъ станѣ обширномъ
„Вепря нашедъ, уготовь на закланіе Зевсу и Солнцу.

Сыну Атрея отвѣтствовалъ вновь Ахиллесъ быстроногій:
„Славою свѣтлый Атридъ, повелитель мужей Агамѐмнонъ!
„Послѣ, въ другое время, о томъ вамъ заботиться лучше,
„Въ часъ, какъ отдыхъ короткій отъ тягостной брани случится,
„И какъ гнѣвъ въ моемъ сердцѣ не столько свирѣпствовать будетъ.
„Нынѣ еще передъ нами лежатъ мертвецы тѣ, которыхъ

„Гекторъ свирѣпый убилъ, какъ Зевсъ даровалъ ему славу;
„Вы же народъ приглашаете къ пищѣ! Не такъ бы я думалъ;
„Я бы теперь же совѣтовалъ въ битву идти Аргивянамъ,
„Гладнымъ и тощимъ; и только вечерній, предъ западомъ солнца,
„Пиръ уготовить всеобщій, когда мы отмстимъ поруганье.
„Прежде сего никакое питье, никакая мнѣ пища
„Вѣрно въ уста не войдетъ, передъ другомъ моимъ бездыханнымъ!
„Онъ у меня среди кущи, истерзанный мѣдью жестокой,
„Къ двери ногами лежитъ распростертый: кругомъ его други
„Плачутъ печальные! Нѣтъ, у меня въ помышленьи не пища:
„Битва и кровь, и враговъ умирающихъ страшные стоны!

Вновь, обратяся къ нему, говорилъ Одиссей многоумный:
„О, Ахиллесъ Пелеіонъ, величайшій воитель Ахейскій!
„Ты знаменитѣй меня, а не меньше того и сильнѣе
„Въ битвѣ копьемъ; но тебя, о герой, превзойду я далеко
„Знаніемъ: прежде родился я, больше тебя я извѣдалъ.
„Пусть же душа у тебя укротится моимъ убѣжденьемъ:
„Скоро сердце людей пресыщается въ битвѣ убійствомъ,
„Гдѣ уже множество классовъ мѣдь по землѣ разостлала;
„Жатва становится скудной, какъ скоро вѣсы наклоняетъ
„Зевсъ Эгіохъ, межъ племенъ человѣческихъ браней рѣшитель.
„Нѣтъ, не утробою должно Ахейцамъ крушиться о мертвыхъ:
„Много Ахейскихъ сыновъ, ежедневно ряды надъ рядами,
„Падаютъ: кто жъ и когда бы успѣлъ отдохнуть отъ печали?
„Долгъ нашъ землѣ предавать испустившаго духъ человѣка,
„Твердость въ душѣ сохраняя, поплакавши день надъ умершимъ.
„Тѣмъ же, которые живы отъ гибельныхъ битвъ остаются,

„Должно питьемъ и ѣдой укрѣпляться, чтобъ съ ревностью новой
„Каждому противъ враговъ и всегда безъ усталости биться,
„Мѣдью покрывшися крѣпкою. Нѣтъ, да никто изъ народа
„Въ станѣ не медлитъ, приказа для войскъ ожидая другаго!
„Пагубенъ будетъ приказъ сей для каждаго, ктобъ ни остался
„Между судовъ укрывался! Нѣтъ, на Троянъ конеборныхъ
„Нынѣ мы всѣ пойдемъ, и воздвигнемъ жестокую битву!

Рекъ, и съ собою сыновъ знаменитаго Нестора взялъ онъ,
Мѐгеса, отрасль Филѐя, вождя Меріона, Ѳоа̀са,
И Меланиппа вождя съ Ликомѐдомъ Креѡновымъ сыномъ.
Вмѣстѣ они поспѣшили царя Агамемнона къ сѣни.
Скоро, какъ было сказано слово, исполнено дѣло:
Семь, Ахиллесу обѣщанныхъ, въ сѣни треножниковъ взяли;
Двадцать блестящихъ лаханей, двѣнадцать коней пышногривыхъ;
Вывели вмѣстѣ и женъ непорочныхъ, работницъ искусныхъ
Семь, и осьмую румяноланитую Бризову дочерь.
Съ златомъ же самъ Одиссей, отвѣсивши десять талантовъ,
Шелъ впереди; а юноши слѣдомъ съ другими дарами.
Ихъ предъ собраньемъ они положили. Атридъ Агамѐмнонъ
Всталъ; провозвѣстникъ Талѳибій, голосомъ богу подобный,
Вепря руками держа, предсталъ предъ владыку народа.
Царь Агамѐмнонъ стремительно ножъ обнаживши десною,
Острый, всегда у него при влагалищѣ мечномъ висящій,
Съ вепря щетины отсѣкъ для начатковъ, и руки воздѣвши
Зевсу владыкѣ молился. Ахеяне окрестъ сидѣли
Тихо, съ приличнымъ вниманіемъ слушая слово царево;
Онъ же, моляся вѣщалъ, на пространное небо взирая:

„Зевсъ да будетъ свидѣтелемъ, богъ высочайшій, сильнѣйшій!
„Солнце, Земля и Эринніи, тѣ, что въ жилищахъ подземныхъ
„Грозно караютъ смертныхъ, которые ложно клялися!
„Я здѣсь клянусь, что на Бризову дочь руки я не поднялъ,
„Къ ложу неволя ее, иль къ чему бы то ни было нудя;
„Нѣтъ, безмятежной она подъ моимъ оставалася кровомъ!
„Если жъ поклялся я ложно, да боги меня покараютъ
„Всѣми бѣдами, какими караютъ они вѣроломныхъ!

Рекъ, и гортань кабана отсѣкаетъ суровою мѣдью.
Жертву Талѳибій въ пучину глубокую моря сѣдаго
Рыбамъ на снѣдь, размахавши, повергъ. Ахиллесъ быстроногій
Думенъ возсталъ, и такъ говорилъ между сонма Данаевъ:
„Зевсъ! бѣды жестокія ты посылаешь на смертныхъ!
„Нѣтъ, никогда бъ у меня Агамѐмнонъ властительный въ персяхъ
„Сердца на гнѣвъ не подвигъ; никакимъ бы сей дѣвы коварствомъ
„Онъ противъ воли моей не похитилъ; но Зевсъ несомнѣнно,
„Зевсъ восхотѣлъ, толь многимъ Ахеянамъ смерть уготовить!
„Къ завтраку, други, спѣшите, и послѣ начнемъ нападенье!

Такъ произнесши, собраніе быстрое онъ распускаетъ.
Всѣ разсѣваются, къ кущѣ своей удаляется каждый.
Тою порой Мирмидонцы, принявши дары примиренья,
Съ ними пошли къ кораблю Ахиллеса, подобнаго богу;
Ихъ положили подъ кущей героя, а женъ посадили;
Коней погнали въ табунъ Ахиллесовы вѣрные слуги.

Бризова дочь, златой Афродитѣ подобная ликомъ,

Только узрѣла Патрокла, пронзеннаго мѣдью жестокой,
Вкругъ мертвеца обвилась, возрыдала и съ воплями стала
Перси терзать, и нѣжную выю, и ликъ свой прелестный.
Плача жена, какъ богиня прекрасная, такъ говорила:
„О мой Патроклъ! о другъ, для меня злополучной безцѣнный!
„Горе, живаго тебя я оставила, сѣнь покидая,
„Въ сѣнь возвратясь, обрѣтаю мертваго, пастырь народа!
„Такъ постигаютъ меня безпрерывныя бѣдство за бѣдствомъ!
„Мужа, съ которымъ меня сочетали родитель и матерь,
„Видѣла я передъ градомъ пронзеннаго мѣдью жестокой;
„Видѣла братьевъ троихъ: (родила насъ единая матерь:)
„Всѣхъ одинако мнѣ милыхъ, погибельнымъ днемъ поглощенныхъ.
„Ты же меня и въ слезахъ, когда Ахиллесъ градоборецъ
„Мужа сразилъ моего, и обитель Минѐса разрушилъ,
„Ты утѣшалъ; говорилъ, что меня Ахиллесу герою
„Сдѣлаешь юной супругой, что скоро во Фтійскую землю
„Самъ отвезешь, и нашъ бракъ съ Мирмидонцами праздновать будешь.
„Палъ ты! тебя мнѣ оплакивать вѣчно, юноша милый!

Такъ говорила рыдая; стенали и прочія жены,
Съ виду, казалось, о мертвомъ, но въ сердцѣ о собственномъ горѣ.
Тою порой къ Ахиллесу Ахейскіе старцы сходились,
Пищей прося укрѣпиться; но онъ отвергалъ ихъ стенящій:
„Други! молю васъ, когда еще есть мнѣ другъ здѣсь послушный;
„Нѣтъ, не просите меня, чтобъ питьемъ, чтобъ какой либо пищей
„Я насладился; жестокая горесть меня раздираетъ!
„Солнце пока не зайдетъ, не приму, не коснуся я пищи!

Такъ говоря, отпустилъ отъ себя властелиновъ Ахейскихъ.
Только Атриды остались, и сынъ многоумный Лаертовъ,
Несторъ, Идоменей и божественный Фениксъ; но тщетно
Вмѣстѣ они утѣшали печальнаго; сердцемъ онъ веселъ
Не былъ, покуда не бросился въ бездну брани кровавой.
Думалъ онъ лишь о Патроклѣ, объ немъ говорилъ, воздыхая:
„Прежде бывало мнѣ ты, злополучный, любезнѣйшій другъ мой,
„Самъ подъ кущей моею пріятную снѣдь предлагаешь,
„Скоро всегда и заботливо, если бывало Ахейцы
„Брань многослезную снова Троянамъ нанесть поспѣшаютъ.
„Нынѣ лежишь ты, пронзенный; и сердце мое отвергаетъ
„Здѣсь изобильную снѣдь и питье, по тебѣ лишь тоскуя!
„Нѣтъ, не могло бы меня поразить жесточайшее горе,
„Если бъ печальную вѣсть и о смерти отца я услышалъ,
„Старца, который, быть можетъ, льетъ горькія слезы во Фтіи,
„Помощи сына лишенный, какъ я на землѣ чужелюдной,
„Ради презрѣнной Елены, сражаюся съ чадами Трои;
„Даже, когда бъ я услышалъ о смерти и сына въ Скиросѣ,
„Милаго, если онъ живъ еще, Неоптолемъ мой прекрасный!
„Прежде меня утѣшала хранимая въ сердцѣ надежда,
„Что умру я одинъ, далеко отъ отчизны любезной,
„Въ чуждой Троянской землѣ; а ты возвратишься во Фтію;
„Ты, уповалъ я, мнѣ сына въ своемъ кораблѣ быстролетномъ
„Въ домъ привезешь изъ Скироса, и юношѣ все тамъ покажешь,
„Наше владѣнье, рабовъ, и высокія кровлей палаты.
„Ибо Пелей, говоритъ мое сердце, уже или умеръ;
„Или, быть можетъ, едва уже дышетъ, согбенный подъ игомъ
„Старости скорбной и грусти, и ждетъ обо мнѣ безпрестанно

„Вѣсти убійственной сердцу, когда о погибшемъ услышитъ!

Такъ говорилъ онъ и плакалъ; кругомъ воздыхали герои,
Каждый о томъ вспоминая, что милаго въ домѣ оставилъ.
Съ неба печальныхъ узрѣвъ, милосердовалъ Зевсъ промыслитель,
И къ Аѳинѣ Палладѣ крылатую рѣчь обратилъ онъ:
„Или ты вовсе, о дочь, отступилась отъ славнаго мужа!
„Или нисколько уже не заботишься ты о Пелидѣ?
„Се онъ, сидя одинъ, при своихъ корабляхъ прямокормныхъ,
„Горестный плачетъ по другѣ любезномъ! Всѣ Аргивяне
„Пищу вкушаютъ; а онъ остается и гладный и тощій.
„Шествуй, Аѳина; и нектаромъ свѣтлымъ съ амврозіей сладкой
„Грудь ороси Ахиллесу, да немощь его не обыметъ.

Рекъ, и подвигнулъ Аѳину, давно пламенѣвшую сердцемъ:
Быстро она, какъ орелъ звонкогласый, ширококрылатый,
Съ неба слетѣла по воздуху. Тою порою Ахейцы
Воинствомъ всѣмъ ополчались по стану. Пелееву сыну
Нектаромъ Зевсова дочь и амврозіей сладкой незримо
Грудь оросила, да немощь отъ глада его не обыметъ;
И сама на Олимпъ вознеслась къ мѣднозданному дому
Зевса. Ахейцы жъ лилися отъ черныхъ судовъ мореходныхъ.
Словно какъ снѣжные клоки летятъ отъ Зевеса густые,
Быстро гонимые хладнымъ, эѳиръ проясняющимъ вѣтромъ:
Такъ отъ Ахейскихъ судовъ неисчетные въ поле неслися
Шлемы игравшіе блескомъ, щиты воздымавшіе бляхи,
Крѣпко сплоченныя брони, и ясеня твердаго копья.
Блескъ восходилъ до небесъ; подъ пышнымъ сіяніемъ мѣди

Окресть смѣялась земля; и весь берегъ гремѣлъ подъ стопами
Ратныхъ мужей. Посредѣ ихъ Пелидъ ополчался великій.
Зубы его скрежетали отъ гнѣва; быстрыя очи
Страшно, какъ пламень, свѣтились; но сердце ему раздирала
Грусть нестерпимая. Такъ на Троянъ онъ пышущій гнѣвомъ,
Бога дарами облекся, Гефеста созданіемъ дивнымъ.
Прежде всего положилъ онъ на быстрыя ноги поножи,
Пышныя, кои серебряной плотно смыкались наглезной;
Послѣ на мощную грудь надѣвалъ испещренныя латы;
Бросилъ мечь на плечо съ рукояткой серебряногвоздной,
Съ лезвеемъ мѣдянымъ; взялъ наконецъ и огромный и крѣпкій
Щитъ: далеко отъ него, какъ отъ мѣсяца, свѣтъ разливался.
Словно какъ по морю свѣтъ мореходцамъ во макѣ сіяетъ,
Свѣтъ отъ огня, далеко на вершинѣ горящаго горной,
Въ кущѣ пустынной; а ихъ противъ воли и волны и буря
Мча по кипящему понту, несутъ далеко отъ любезныхъ:
Такъ отъ щита Ахиллесова, пышнаго, дивнаго взорамъ,
Свѣтъ разливался по воздуху. Шлемъ многобляшный поднявши,
Крѣпкій надѣлъ на главу; и сіялъ, какъ звѣзда, надъ главою
Шлемъ коневласый; и грива на немъ волновалась злашая,
Густо Гефестомъ разлитая окресть высокаго гребня.
Такъ Ахиллесъ ополчася, испытывать началъ доспѣхи,
Въ пору ли стану, легки и свободны ли членамъ красивымъ:
И какъ крылья они подымали владыку народа.
Взялъ наконецъ изъ ковчега копье онъ отцовское—ясень
Крѣпкій, огромный, тяжелый: его изъ героевъ Ахейскихъ
Двигать не могъ ни одинъ; но легко Ахиллесъ потрясалъ имъ,
Ясенемъ симъ Пеліонскимъ, который отцу его Хиронъ

Сѣкъ съ высоты Пеліона, на грозную гибель героямъ.
Коней межъ тѣмъ Автомѐдонъ и сильный Алкимъ снаряжали;
Въ пышныхъ поперсьяхъ къ ярму припрягли ихъ; удила въ морды
Втиснули имъ, и бразды натянувъ къ колесницѣ прекрасной,
Ихъ укрѣпили за кузовъ. Тогда захвативши рукою
Гибкій, блистательный бичъ, въ колесницу вскочилъ Автомѐдонъ.
Сзади, готовый къ сраженію, сталъ Ахиллесъ быстроногій,
Весь подъ доспѣхомъ сіяя, какъ Гиперіо̀нъ лучезарный.
Крикнулъ онъ голосомъ грознымъ на быстрыхъ отеческихъ коней:
„Ксаноъ мой и Балій, Подарги божественной славныя дѣти!
„Иначе вы постарайтеся вашего вынесть возницу
„Къ ратному сонму Данаевъ, когда мы насытимся боемъ;
„Вы, какъ Патрокла, его на побоищѣ мертвымъ не бросьте!

Рекъ онъ; какъ вдругъ подъ упряжью конь взговорилъ бурноногій,
Ксаноъ: понуривши морду, и пышною гривой своею,
Выпавшей вонъ изъ ярма, досягнувъ до земли, провѣщалъ онъ:
Вѣщимъ его сотворила лилейнораменная Гера:
„Вынесемъ, быстрый Пелидъ, тебя еще нынѣ живаго;
„Но приближается день твой послѣдній! Не мы, повелитель,
„Будемъ виною, но богъ всемогущій и рокъ самовластный.
„Нѣтъ, не медленность наша, не лѣность дала супостатамъ
„Съ персей Патрокла героя доспѣхъ знаменитый похитить:
„Богъ многомощный, рожденный прекрасною Летой, Патрокла
„Свергнулъ въ переднихъ рядахъ, и Гектора славой украсилъ.
„Мы же хотя бы летать, какъ дыханіе Зефира, стали,
„Вѣтра быстрѣйшаго всѣхъ: но и самъ ты, назначено рокомъ,
„Долженъ отъ мощнаго бога и смертнаго мужа погибнуть!

Съ сими словами Эриннiи голосъ коня перервали.

Мраченъ и гнѣвенъ къ коню говорилъ Ахиллесъ быстроногiй:
„Что ты, о конь мой, пророчишь мнѣ смерть? не твоя то забота!
„Слишкомъ я знаю и самъ, что судьбой суждено мнѣ погибнуть
„Здѣсь, далеко отъ отца и отъ матери. Но, не сойду я
„Съ боя, доколѣ Троянъ не насычу кровавою бранью.

Рекъ, и съ крикомъ впередъ устремилъ онъ коней звуконогихъ.

ПѢСНЬ XX.

*

СОДЕРЖАНІЕ.

Когда оба воинства выступили къ сраженію, Зевсъ, призвавъ боговъ на соборъ, позволяетъ имъ вспомоществовать въ брани, кому кто желаетъ, дабы Ахиллесъ не нанесъ совершеннаго пораженія Троянамъ, ст. 1 — 30. Сходятъ съ Олимпа: Гера, Аѳина, Посидонъ, Гермесъ, Гефестъ, чтобы поборать за Ахеянъ; а за Троянъ Арей, Аполлонъ, Ксанѳъ, Артемида, Лета и Киприда. Приближеніе боговъ къ брани сопровождается грозными явленіями, громомъ съ небесъ, колебаніемъ земли, котораго самъ Аидъ ужасается, 31 — 74. Ахиллесъ выходитъ на бой и ищетъ Гектора; но Аполлонъ возбуждаетъ противъ него Энея; 75—111. Гера хочетъ противиться ему; но отвращена отъ своего намѣренія Посидономъ, по совѣту котораго всѣ боги возсѣдаютъ вдали отъ боя, одни на валу Геракловомъ, а другіе на Калликолонѣ, 112—155. Эней и Ахиллесъ сходятся на бой; разговариваютъ, 156—258; сражаются, 259—290; но Энея, которому судьбою опредѣлено царствовать надъ Троянами, Посидонъ избавляетъ отъ смерти, далеко отбросивъ его по воздуху, 291—352. Ахиллесъ и Гекторъ, оба впереди воинствъ, возбуждаютъ ихъ къ бою; но послѣдній, по совѣту Аполлона, наконецъ удаляется въ толпу. Ахиллесъ нападаетъ на Троянъ, и кромѣ многихъ другихъ, убиваетъ Полидора, Пріамова сына, 353—418. Гекторъ, пылая отмстить за смерть брата, выходитъ на Ахиллеса: сражаются; но Аполлонъ и его, покрывъ облакомъ, спасаетъ, 419 — 454. Разъяренный Ахиллесъ нападаетъ на другихъ Троянъ и покрываетъ поле битвы тѣлами и оружіемъ пораженныхъ, 455—503.

ПѢСНЬ XX.

Такъ при судахъ дуговерхихъ блестящіе мѣдью Данаи
Строились окрестъ тебя, Пелеі̂онъ, ненасытимый бранью.
Ихъ ожидали Трояне, занявъ возвышеніе поля.

Зевсъ же отецъ повелѣлъ, да Ѳемиса безсмертныхъ къ совѣту
Всѣхъ призываетъ съ холмовъ Олимпійскихъ; она обошедъ ихъ,
Всѣмъ повелѣла, въ Кроніоновъ домъ собиратъся. Сошлися
Всѣ, и Потоки и Рѣки, кромѣ Океана сѣдаго;
Самыя Нимфы явились, живущія въ рощахъ прекрасныхъ,
И въ источникахъ свѣтлыхъ и въ злачноцвѣтущихъ долинахъ.
Въ домъ Олимпійскій собравшися тучегонителя Зевса,
Сѣли они въ переходахъ блестящихъ, которые Зевсу
Самъ Гефестъ хромоногій по замысламъ творческимъ создалъ.
Такъ собиралися къ Зевсу безсмертные; самъ Посидаонъ
Не былъ Ѳемисѣ преслушенъ; изъ моря предсталъ онъ съ другими;
Сѣлъ посреднѣ безсмертныхъ, и Зевса выспрашивалъ волю:
„Что, Сребромолненный, паки боговъ на соборъ призываешь?
„Хощешь ли что разсудить о Троянахъ, или Аргивянахъ?
„Брань между ними близка, и немедленно бой запылаетъ.

Слово къ нему обращая, вѣщалъ громовержецъ Кроніонъ:
„Такъ, Посидаонъ! проникъ ты мою сокровенную волю,
„Ради которой васъ собралъ: пекусь и о гибнущихъ смертныхъ.
„Но останусь я здѣсь, и возсѣвъ на вершинѣ Олимпа,
„Буду себя услаждать созерцаніемъ. Вы же, о боги,
„Нынѣ шествуйте всѣ къ ополченьямъ Троянъ и Ахеянъ;
„Тѣмъ и другимъ поборайте, которымъ желаете каждый.
„Если одинъ Ахиллесъ на Троянъ устремится; ни мига
„Въ полѣ не выдержать имъ Эакидова бурнаго сына;
„Трепетъ и прежде ихъ всѣхъ обымалъ, при одномъ его видѣ;
„Нынѣ жъ, когда онъ и гнѣвомъ за друга пылаетъ ужаснымъ,
„Самъ я страшусь, да судьбѣ вопреки, не разрушитъ онъ Трои.

Такъ онъ вѣщалъ; и возжегъ неизбѣжную брань межъ богами.
Къ брани, душей несогласные, боги съ небесъ понеслися.
Гера къ Ахейскимъ судамъ, и за нею Паллада Аѳина,
Царь Посидонъ многомощный, объемлющій землю, и Гермесъ
Щедрый податель полезнаго, мыслей исполненный свѣтлыхъ.
Съ ними къ судамъ и Гефестъ огромный, и пышущій силой,
Шелъ хромая; съ трудомъ волочилъ онъ увѣчныя ноги.
Къ ратямъ Троянъ устремился Арей, шеломомъ блестящій,
Фебъ, нестригущій власовъ, Артемида, гордая лукомъ,
Лета, стремительный Ксанѳъ, и съ улыбкой прелестной Киприда.

Все то время, пока божества не приближились къ смертнымъ,
Бодро стояли Ахеяне, гордые тѣмъ, что явился
Храбрый Пелидъ, уклонявшійся долго отъ брани печальной.
Въ рати жъ Троянской у каждаго сердце въ груди трепетало,

Страхомъ объемлясь, что видятъ опять Пелеíона героя,
Грозно доспѣхомъ блестящаго, словно Арей смертоносный.
Но едва Олимпійцы приближились къ ратямъ: Эрида
Встала свирѣпая, брань возжигая; вскричала Аѳина,
То предъ ископаннымъ рвомъ за великой стѣною Ахейской,
То по приморскому берегу шумному крикъ подымая.
Страшно, какъ черная буря, завылъ и Арей мѣднолатный,
Звучно Троянъ убѣждающій, то съ высоты Иліона,
То пробѣгая у водъ Симоиса, по Калликолонѣ.

Такъ Олимпійскіе боги однихъ на другихъ возбуждая,
Рати свели, и ужасное въ нихъ распалили свирѣпство.
Страшно громами отъ неба Отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ
Грянулъ надъ ними; а долу подъ ними потрясъ Посидаонъ
Вкругъ безпредѣльную землю съ вершинами горъ высочайшихъ.
Все затряслось, отъ кремнистыхъ подошвъ до верховъ многоводныхъ
Ида, и градъ Иліонъ, и суда мѣднобронныхъ Данаевъ.
Въ ужасъ пришелъ подъ землею Аидъ, преисподнихъ владыка;
Въ ужасѣ съ трона онъ прянулъ, и громко вскричалъ, да надъ нимъ бы
Лона земли не разверзъ Посидонъ, потрясающій землю,
И жилищъ бы его не открылъ и безсмертнымъ и смертнымъ,
Мрачныхъ, ужасныхъ, которыхъ трепещутъ и самые боги.
Такъ взволновалося все, какъ безсмертные къ брани сошлися!
Противъ царя Посидаона, мощнаго Энносигея
Сталъ Аполлонъ длиннокудрый, носящій крылатыя стрѣлы;
Противъ Арея, съ очами лазурными дѣва Паллада;
Противу Геры пошла златолукая ловли богиня,
Гордая меткостью стрѣлъ Артемида, сестра Аполона;

Противу Леты стоялъ благодѣтельный Гермесъ крылатый;
Противъ Гефеста потокъ быстроводный, глубокопучинный,
Ксаноомъ отъ вѣчныхъ боговъ нареченный, отъ смертныхъ Скамандромъ.

Такъ устремлялися боги противу боговъ. Ахиллесъ же,
Гектора только бы встрѣтить, пылалъ въ толпы погрузиться;
Сердце его безпредѣльно горѣло Пріамова сына
Кровью насытить Арея, убійствомъ несытаго воя.
Но Аполлонъ, возжигатель народа, героя Энея
Противъ Пелида подвигнулъ, наполнивши мужествомъ душу.
Голосъ и образъ принявъ Ликаона, Пріамова сына,
Къ сыну Анхиза предсталъ, и вѣщалъ Аполлонъ дальновержецъ:
„Гдѣ же угрозы твои, Анхизи̂дъ, предводитель Дарданцевъ?
„Или не ты въ Иліонѣ, съ царями за чашей пируя,
„Гордо грозился, что съ сыномъ Пелеевымъ станешь на битву?

Быстро, ему возражая, воскликнулъ Эней предводитель:
„Что ты меня Пріами̂дъ, противъ воли моей принуждаешь
„Съ сыномъ Пелеевымъ, гордымъ могучестью, боемъ сражаться?
„Нынѣ не въ первый бы разъ быстроногому сыну Пелея
„Противусталъ я: меня онъ и прежде копьемъ Пелі̂асомъ
„Съ Иды согналъ, какъ нечаянъ нагрянулъ на пажити наши;
„Онъ разорилъ и Педа̂съ и Лирнѐссъ. Но меня Олимпіецъ
„Спасъ, возбудивши во мнѣ и силы и быстрыя ноги;
„Вѣрно я палъ бы отъ рукъ Ахиллеса и мощной Паллады,
„Всюду предтекшей ему, подавшей совѣтъ и могучесть,
„Мѣднымъ копьемъ побивать крѣпкодушныхъ Троянъ и Лелеговъ.
„Нѣтъ, никогда человѣкъ съ Ахиллесомъ не можетъ сражаться:

„Съ нимъ божество неотступно, и гибель оно отражаетъ.
„Дротъ изъ руки Ахиллесовой прямо летитъ, и не слабнетъ
„Прежде, чѣмъ крови врага не напьется. Но если безсмертный
„Въ битвѣ присудитъ намъ равный конецъ; не легко и Энея
„Онъ одолѣетъ, хотя и гордится, что весь онъ изъ мѣди!

Сыну Анхизову вновь провѣщалъ Аполлонъ дальновержецъ:
„Храбрый! почтожъ и тебѣ не молиться богамъ вѣковѣчнымъ,
„Столько жъ могущимъ! И ты, говорятъ, громовержца Зевеса
„Дщерью Кипридой рожденъ; а Пелидъ сей богинею низшей:
„Та отъ Зевеса исходитъ, Ѳетида отъ старца морскаго.
„Стань на него съ некрушимою мѣдью; отнюдь не смущайся,
„Встрѣтясь съ Пелидомъ, ни шумною рѣчью, ни гордой угрозой!

Рекъ, и безстрашнаго духа исполнилъ владыку народовъ:
Онъ устремился впередъ, ополченный сверкающей мѣдью.
Но не укрылся герой отъ лилейнораменныя Геры,
Противъ Пелеева сына идущій сквозь толпища ратныхъ.
Быстро созвавши боговъ, златотронная Гера вѣщала:
„Царь Посидонъ, и Аѳина Паллада, размыслите боги,
„Разумомъ вашимъ размыслите, что изъ дѣяній сихъ будетъ?
„Видите ль, гордый Эней, ополченный сіяющей мѣдью,
„Противъ Пелида идетъ: наустилъ его Фебъ стрѣловержецъ.
„Должно немедленно, боги, отсюда обратно отвлечь намъ
„Сына Анхизова; или единый изъ насъ да предстанетъ
„Сыну Пелея, и силой исполнитъ, да въ крѣпости духа
„Онъ не скудѣетъ, и чувствуетъ самъ, что его бранноносца
„Любятъ сильнѣйшіе боги; а тѣ, что издавна донынѣ

*

„Трои сынамъ побораютъ въ сей брани жестокой—безсильны!
„Всѣ мы оставили небо, желая присутствовать сами
„Въ брани; да онъ отъ Троянъ ничего не претерпитъ сего дня;
„Послѣ претерпитъ онъ все, что ему непреклонная Участь
„Съ перваго дня, какъ раждался отъ матери, выпряла съ нитью.
„Если того изъ глагола боговъ Ахиллесъ не познаетъ;
„Онъ устрашится, когда на него кто нибудь отъ безсмертныхъ
„Станетъ въ сраженіи: боги ужасны, явившіесь взорамъ.

Герѣ не медля отвѣтствовалъ мощный земли Колебатель:
„Такъ безразсудно свирѣпствовать, Гера, тебя недостойно!
„Я не желаю безсмертныхъ сводить на неравную битву,
„Насъ, и другихъ здѣсь присутственныхъ; мы ихъ могуществомъ выше.
„Лучше, когда совокупно сошедъ мы съ пути боеваго,
„Сядемъ на холмѣ подзорномъ, а брань человѣкамъ оставимъ.
„Еслижъ Арей нападенье начнетъ, или Фебъ луконосецъ;
„Если препятствовать станутъ Пелееву сыну сражаться;
„Тамъ же не медля и мы сопротивникамъ битву воздвигнемъ,
„Битву ужасную: скоро, надѣюсь, они разойдяся,
„Вспять отойдутъ на Олимпъ, и сокроются въ сонмѣ безсмертныхъ,
„Нашихъ десницъ, противъ воли своей, укрощенные силой.

Такъ говоря, предъ Аѳиною шествовалъ Царь черновласый
Къ валу тому насыпному Геракла, подобнаго богу,
Въ полѣ, который герою Троянскіе мужи съ Аѳиной
Древле воздвигли, чтобъ онъ отъ огромнаго кита спасался,
Если ужасный за нимъ устремлялся отъ берега въ поле.
Тамъ Посидонъ черновласый и прочіе боги возсѣли,

Окрестъ раменъ распростершіе непроницаемый облакъ.
Боги другіе напротивъ, по Калликолѡнскимъ вершинамъ,
Окрестъ тебя, Аполлонъ, и громителя твердей Арея.
Такъ на обѣихъ странахъ небожители боги сидѣли,
Думая думы; печальную брань начинать Олимпійцы
Медлили тѣ и другіе; но Зевсъ отъ небесъ возбуждалъ ихъ.

Ратями поле наполнилось все, засіяло отъ мѣди
Воевъ, коней, колесницъ; задрожала земля подъ стопами
Толпъ, устремившихся къ бою; но два знаменитые мужа
Войскъ обоихъ на среду выходили, пылая сразиться,
Славный Эней Анхизидъ и Пелидъ Ахиллесъ благородный.
Первый Эней выступалъ угрожающій; страшно качался
Тяжкій шеломъ на главѣ Анхизидовой; щитъ легкометный
Онъ передъ грудью держалъ, и копьемъ потрясалъ длиннотѣннымъ.
Противъ него Ахиллесъ устремлялся, какъ левъ истребитель,
Коего мужи-селяне рѣшася убить непремѣнно,
Сходятся, весь ихъ народъ; и сначала онъ всѣхъ презирая,
Прямо идетъ; но едва его дротикомъ юноша смѣлый
Ранитъ: напучась онъ къ скоку, зіяетъ; вкругъ страшнаго зѣва
Пѣна клубится; въ груди его стонетъ могучее сердце;
Гнѣвно косматымъ хвостомъ по своимъ онъ бокамъ и по бедрамъ
Хлещетъ кругомъ, и себя самаго подстрекаетъ на битву;
Взоромъ сверкаетъ, и вдругъ, увлеченный свирѣпствомъ, несется,
Или стрѣльца растерзать, или въ толпищѣ первомъ погибнуть:
Такъ поощряла Пелида и сила и мужество сердца,
Противустать возвышенному духомъ Энею герою.
Чуть соступились они, устремляяся другъ противъ друга,

Первый къ нему взговорилъ Ахиллесъ безмертнымъ подобный:
„Что ты, Эней, на такое пространство отшедши отъ рати,
„Сталъ? не душа ли тебя сразиться со мной увлекаетъ
„Въ гордой надеждѣ, что ты надъ Троянами царствовать будешь,
„Чести Пріама наслѣдникъ? Но есливъ меня и сразилъ ты;
„Вѣрно Пріамъ не тебѣ свое достояніе ввѣритъ.
„Есть у него сыновья; и въ намѣреньяхъ твердъ онъ, незыбокъ.
„Или Троянцы тебѣ обѣщаютъ удѣлъ знаменитый,
„Лучшее поле для сада и пашенъ, чтобъ имъ обладалъ ты,
„Если меня одолѣешь? Тяжелъ, я надѣюся, подвигъ!
„Ты ужъ и прежде, я помню, бѣжалъ предъ моимъ Пеліасомъ.
„Или забылъ, какъ тебя одного изловивъ я у стада,
„Гналъ по Идейскимъ горамъ, и съ какой отъ меня быстротою
„Ты убѣгалъ? И назадъ оглянуться не смѣлъ ты бѣгущій!
„Съ горъ убѣжалъ ты, и въ стѣны Лирнѐсса укрылся; но въ прахъ я
„Градъ сей разсыпалъ, ударивъ съ Аѳиной и Зевсомъ Кронидомъ;
„Множество женъ полонилъ, и лишивъ ихъ жизни свободной,
„Въ рабство увлекъ; а тебя отъ погибели спасъ Громовержецъ.
„Нынѣ тебя не спасетъ онъ, надѣюсь, какъ ты полагаешь
„Въ сердцѣ твоемъ! Но прими мой совѣтъ, и отсюда скорѣе
„Скройся въ толпу; предо мною не стой ты, пока надъ тобою
„Горе еще не сбылося: событіе зритъ и безумный!

Но Эней знаменитый отвѣтствовалъ такъ Ахиллесу:
„Сынъ Пелеевъ! напрасно меня, какъ младенца, словами
„Ты застращать уповаешь: такъ же легко и свободно
„Колкія рѣчи и дерзости самъ говорить я умѣю. —
„Знаемъ взаимно мы родъ, и нашихъ родителей знаемъ,

„Сами сказанія давнія слыша изъ устъ человѣковъ;
„Но въ лице какъ моихъ ты, равно и твоихъ я не вѣдалъ.
„Ты, говорятъ, благороднаго мужа Пелея рожденье;
„Матерь Ѳетида тебѣ, лѣпокудрая Нимфа морская.
„Я же единственнымъ сыномъ высокаго духомъ Анхиза
„Славлюся быть; а матерь моя Афродита богиня.
„Тѣ иль другіе должны неизбѣжно сегодня оплакать
„Сына любезнаго: ибо не мню я, чтобъ дѣтскія рѣчи
„Насъ развели, и чтобъ съ браннаго поля мы такъ разошлися.
„Если жъ ты хочешь, скажу я тебѣ и объ родѣ, чтобъ зналъ ты
„Нашъ знаменитый родъ: человѣкамъ онъ многимъ извѣстенъ.
„Нашего предка Дардана Зевсъ породилъ громовержецъ;
„Онъ основатель Дарданіи; сей Иліонъ знаменитый
„Въ полѣ еще не стоялъ, яснорѣчныхъ народовъ обитель;
„Жили еще на погоріяхъ Иды, водами обильной.
„Славный Дарданъ, Эрихѳонія сына родилъ, скиптроносца,
„Мужа, который межъ смертныхъ властителей былъ богатѣйшій:
„Здѣсь у него по долинамъ три тысячи коней паслося,
„Тучныхъ, младыхъ кобылицъ, жеребятами рѣзвыми гордыхъ.
„Къ нимъ не разъ и Борей разгарался любовью на паствахъ;
„Многихъ изъ нихъ посѣщалъ, набѣгая конемъ черногривымъ;
„Всѣ понесли, и двѣнадцать коней отъ Борея родили.
„Бурные, если они по полямъ хлѣбороднымъ скакали,
„Выше земли, сверхъ колосьевъ носилися, стебля не смявши;
„Если жъ скакали они по хребтамъ безпредѣльнаго моря,
„Выше воды, сверхъ валовъ разсыпавшихся, быстро летѣли.
„Царь Эрихѳоній родилъ властелина могучаго Троса;
„Тросомъ дарованы свѣту три знаменитые сына:

„Илъ, Ассаракъ, и младый Ганимедъ, небожителямъ равный.
„Истинно былъ на землѣ онъ прекраснѣйшій сынъ человѣковъ!
„Онъ-то богами и взятъ въ небеса, виночерпцемъ Зевесу,
„Отрокъ прекрасный, дабы обиталъ средь сонма безсмертныхъ.
„Иломъ почтеннымъ рожденъ непорочный душей Лаомедонъ;
„Царь Лаомедонъ родилъ знаменитыхъ: Тиѳона, Пріама,
„Клитія, Лампа, и отрасль Арееву Гикетаона.
„Каписъ, вѣтвь Ассарака, родилъ властелина Анхиза;
„Я отъ Анхиза рожденъ, отъ Пріама божественный Гекторъ.
„Вотъ и порода и кровь, каковыми тебѣ я хвалюся!
„Доблесть же смертнымъ властительный Зевсъ и величитъ и малитъ,
„Какъ соизволитъ Провидецъ: зане онъ единый всесиленъ.
„Но довольно о семъ; разговаривать больше, какъ дѣти,
„Стоя уже на срединѣ гремящаго боя, не будемъ.
„Намъ обоимъ легко насказать оскорбленій взаимныхъ
„Столько, что тяжести ихъ не подыметъ корабль стоскамейный.
„Гибокъ языкъ человѣка; рѣчей для него изобильно
„Всякихъ; поле для словъ и сюда и туда безпредѣльно.
„Что человѣку измолвишь, то отъ него и услышишь.
„Но къ чему намъ послужатъ хулы и обидныя рѣчи,
„Коими, стоя другъ друга въ лице мы ругаемъ, какъ жены.
„Жены однѣ, распалившися злостію, сердце грызущей,
„Шумно ругаются между собою, на улицу вышедъ;
„Правду и ложь расточаютъ; гнѣвъ до чего не доводитъ!
„Ты отъ желаннаго боя словами меня не отклонишь,
„Прежде чѣмъ мѣдью со мной не сразишься. Начнемъ, и скорѣе
„Силы одинъ у другаго на острыхъ извѣдаемъ копьяхъ!

Рекъ онъ, и мѣдною пикою въ щитъ и чудесный и страшный
Мощно ударилъ; и весь онъ огромный взревѣлъ подъ ударомъ.
Быстро Пелидъ и далеко рукою дебелой отъ персей
Щитъ отклонилъ, устрашася; онъ думалъ, что дротъ длиннотѣнный
Можетъ пробиться легко, устремленный могучимъ Энеемъ:
Онъ, неразумный! о томъ ни душей, ни умомъ не размыслилъ,
Что не можетъ легко небожителей даръ благородный
Смертнымъ мужамъ уступать, ни могучестью ихъ сокрушаться.
Пущенный сильнымъ Энеемъ щита досточуднаго бурный
Дротъ не пробилъ, обезсиленный златомъ, божественнымъ даромъ.
Двѣ полосы просадилъ онъ; но три ихъ еще оставалось;
Пять въ немъ полосъ сочеталъ хромоногій Художникъ небесный:
Двѣ для поверхности мѣдяныхъ, двѣ оловянныхъ въ срединѣ,
И одну золотую: она-то копье удержала. —
Послѣ герой Ахиллесъ послалъ длиннотѣнную пику,
И ударилъ противника въ щитъ его выпуклобляшный,
Около обода, гдѣ и тончайшая мѣдь оббѣгала,
Гдѣ и тончайшая кожа лежала воловья: насквозь ихъ
Ясень прорвалъ Пеліонскій; весь щитъ затрещалъ подъ ударомъ.
Сгорбясь приникнулъ Эней, и стремительно щитъ надъ собою
Въ страхѣ поднялъ; и копье, засвистѣвъ у него надъ спиною,
Стало, вонзившися въ землю, насквозь прохвативше оба
Плотные круги щита. Ускользнувъ отъ убійственной мѣди,
Сталъ Анхизидъ, и въ очахъ его черная мгла разлилася;
Съ ужаса, какъ недалеко отъ смерти онъ былъ. Ахиллесъ же
Пламенный, крикнувши страшно, и выхвативъ мечъ изощренный,
Бросился; но сопротивникъ рукой подхватилъ уже камень,
Страшное дѣло, какого не подняли бъ два человѣка,

Нынѣ живущихъ; а онъ и одинъ имъ размахивалъ быстро.
Тутъ Ахиллеса напавшаго—камнемъ Эней поразилъ бы
Въ шлемъ, или въ щитъ; но они отъ него отразили бы гибель;
Сынъ же Пелеевъ мечемъ у Энея исторгнулъ бы душу:
Если бъ того не узрѣлъ Посидонъ, потрясающій землю.
Быстро къ безсмертнымъ богамъ устремилъ онъ крылатое слово:
„Боги! печаль у меня о возвышенномъ духомъ Энеѣ!
„Скоро герой, Ахиллесомъ сраженный, сойдетъ къ Аидесу,
„Ложныхъ совѣтовъ послушавъ царя Аполлона, который
„Самъ, безразсудный, его не избавитъ отъ гибели грозной.
„Но за что же теперь неповинный онъ бѣдствовать будетъ?
„Казнь понесетъ за вины чужія? Пріятныя жертвы
„Часто приноситъ богамъ онъ, на небѣ великомъ живущимъ.
„Боги, рѣшимся, и сами его изъ-подъ смерти исторгнемъ.
„Можетъ и Зевсъ раздражится, когда Ахиллесъ у Энея
„Жизнь пресѣчетъ: предназначено рокомъ—Энею спастися,
„Чтобы безчадный, пресѣкшійся родъ не погибнулъ Дардана,
„Смертнаго, Зевсу любезнаго болѣе всѣхъ человѣковъ,
„Кои отъ крови его породили смертныя жены:
„Родъ бо Пріама владыки давно ненавидитъ Кроніонъ.
„Будетъ отнынѣ Эней надъ Троянами царствовать мощно,
„Онъ, и сыны отъ сыновъ, имущіе поздно родиться.

Быстро ему отвѣчала богиня верховная Гера:
„Землю колеблющій, собственнымъ разумомъ самъ размышляй ты,
„Должно ль избавить тебѣ, иль оставить Троянца Энея
„Пасть подъ рукой Ахиллеса великаго, какъ онъ ни славенъ.
„Мы, Посидаонъ, богини, и я и Паллада Аѳина,

„Тысячу кратъ передъ всѣми безсмертными клятвой клялися,
„Трои сыновъ никогда не спасать отъ грозящей напасти;
„Даже когда Иліонъ пожирающимъ пламенемъ бурнымъ
„Весь запылаетъ, зажженный свѣточьми храбрыхъ Данаевъ.

Геры услышавши рѣчь, Посидаонъ земли колебатель,
Всталъ, устремился сквозь шумную битву и трескотъ оружій,
Къ мѣсту, гдѣ храбрый Эней и герой Ахиллесъ подвизались.
Быстро, какъ богъ, разліялъ онъ ужасную тьму предъ очами
Сына Пелеева; ясень Пелійскій, сіяющій мѣдью,
Вырвавши самъ изъ щита у высокаго духомъ Энея,
Тихо его положилъ близъ Пелидовыхъ ногъ; а Энея
Мощно рукою поднялъ отъ земли и по воздуху бросилъ:
Многія толпища воиновъ, многія толпища коней
Быстро Эней перепрянулъ, рукой божества устремленный.
Онъ долетѣлъ до предѣловъ кипящаго битвою поля,
Гдѣ ополченья Кавконовъ готовились двинуться въ сѣчу.
Тамъ Анхизиду предсталъ Посидаонъ колеблющій землю,
И къ нему возгласилъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Кто изъ безсмертныхъ, Эней, тебя ослѣпилъ и подвигнулъ
„Съ сыномъ Пелеевымъ бурнымъ сражаться и мѣряться боемъ?
„Онъ и сильнѣе тебя и любезнѣе жителямъ неба.
„Съ нимъ и впередъ повстрѣчавшися, вспять отступай передъ грознымъ;
„Или, судьбѣ вопреки, низойдешь ты въ обитель Аида.
„Послѣ, когда Ахиллесъ роковаго предѣла достигнетъ;
„Смѣло геройствуй, Эней, и въ рядахъ первоборныхъ сражайся:
„Ибо другой изъ Ахеянъ съ тебя не похититъ корыстей.

*

Такъ Посидонъ заповѣдавъ, на мѣстѣ оставилъ Энея.
Въ то же мгновеніе богъ отъ очей Ахиллеса разсѣялъ
Облакъ чудесный; и ясно прозрѣвъ онъ, кругомъ оглянулся,
Гнѣвно вздохнулъ, и вѣщалъ къ своему благородному сердцу:
„Боги! великое чудо моими очами я вижу:
„Дротъ предо мною лежитъ на землѣ; но не зрю человѣка,
„Противъ котораго бросилъ, котораго свергнуть пылалъ я!
„Вѣрно и сей Анхизідъ божествамъ Олимпійскимъ любезенъ!
„Онъ, полагалъ я, любовію ихъ напрасно гордится.
„Пусть онъ скитается! Мужества въ немъ, чтобъ со мною сразиться,
„Больше не будетъ; и нынѣ онъ радъ, убѣжавши отъ смерти.
„Но устремимся; Данаевъ воинственныхъ рать возбудивши,
„Противустанемъ врагамъ, и другихъ мы Троянъ испытаемъ.

Рекъ онъ, и прянулъ къ рядамъ, и мужей возбуждалъ восклицая:
„Днесь вы не стойте вдали отъ Троянъ, Аргивяне герои!
„Мужъ противъ мужа иди, и безъ отдыха пламенно бейся!
„Трудно мнѣ одному, и съ великою силой моею,
„Столько воюющихъ толпъ обойти, и со всѣми сражаться!
„Нѣтъ, ни Арей, не взирая что богъ, ни Аѳина Паллада
„Бездны сраженій такой не могли бъ обойти, подвизаясь!
„Сколько однакожъ смогу я, руками, ногами и силой
„Дѣйствовать буду, и въ рвеніи, льщусь, ни на мигъ не ослабну;
„Прямо вездѣ сквозь ряды я пройду; и никто изъ Дарданцевъ
„Веселъ не будетъ, который подступитъ къ копью Ахиллеса!

Такъ возбуждалъ ихъ герой; а Троянъ шлемоблещущій Гекторъ
Крикомъ бодрилъ, и грозился идти онъ противъ Ахиллеса:

„Храбрые Трои сыны! не страшитеся вы Пелеіона:
„Самъ я словами готовъ и противу безсмертныхъ сразиться;
„Но копьемъ тяжело: божества человѣковъ сильнѣе.
„Рѣчи не всѣ и Пелидъ приведетъ въ исполненіе гордый;
„Но однѣ совершитъ, а другія не кончивъ оставитъ.
„Я на Пелида иду, хоть огню его руки подобны,
„Руки подобны огню, а душа и могучесть желѣзу!

Рекъ онъ; и грозно Трояне въ противниковъ подняли копья;
Храбрость смѣсилась мужей, и воинственный крикъ ихъ раздался.
Тутъ явившися Гектору Фебъ возгласилъ сребролукій:
„Гекторъ! еще не дерзай впереди съ Ахиллесомъ сражаться.
„Стой межъ рядовъ, поражай изъ толпы, да тебя и далеко
„Онъ не умѣтитъ копьемъ, или близко мечемъ не ударитъ.

Рекъ онъ; и Гекторъ опять погрузился въ волны народа,
Съ трепетомъ сердца услышавши голосъ вѣщавшаго бога.
Тутъ Ахиллесъ на Троянъ, облеченный всей силою духа,
Съ крикомъ ударилъ: и перваго онъ Ифитіона свергнулъ,
Храбраго сына Отрінтова, сильныхъ дружинъ воеводу;
Нимфа Наяда его родила градоборцу Отрінту,
Около снѣжнаго Тмола, въ цвѣтущемъ селеніи Гиды.
Прямо летящаго въ встрѣчу, его Ахиллесъ быстроногій
Въ голову пикою грянулъ, и надвое черепъ разсѣлся.
Съ громомъ на землю онъ палъ, и вскричалъ Ахиллесъ величаясь:
„Легъ ты, Отрінтовъ сынъ, ужаснѣйшій между мужами!
„Умеръ ты здѣсь, на чужбинѣ! а родину бросилъ далеко,
„Возлѣ Гигейскаго озера; бросилъ отцовскія нивы,

„Около рыбнаго Гилла и быстропучиннаго Герма!

Такъ величался; а очи сраженнаго тьма осѣнила;
Тѣло же кони Ахеянъ колесами вкругъ истерзали,
Павшее въ первомъ ряду. Ахиллесъ Демолеона тамъ же
Въ брани противника сильнаго, славную вѣтвь Антенора,
Пикой въ високъ поразилъ, сквозь шеломъ его мѣдноланитный:
Крѣпкая мѣдь не сдержала удара; насквозь пролетѣла
Пика могучая, кость проломила и въ черепъ ворвавшись,
Съ кровью смѣсила весь мозгъ, и смирила его въ нападеньи.
Въ слѣдъ Гипподама, который на долъ соскочивъ съ колесницы,
Бросился въ бѣгъ передъ нимъ, поразилъ онъ копьемъ въ междуплечье;
Онъ, испуская свой духъ, застоналъ, какъ волъ темночелый
Стонетъ, кругомъ олтаря Геликійскаго мощнаго бога,
Юношей силой влекомый, и богъ Посидонъ веселится:
Такъ застоналъ онъ, и духъ его доблестный кости оставилъ.
Тотъ же съ копьемъ полетѣлъ на питомца боговъ Полидора,
Сына Пріамова. Старецъ ему запрещалъ ратоборство;
Онъ изъ сыновъ многочисленныхъ былъ у Пріама юнѣйшій,
Старцевъ любимѣйшій сынъ; быстротою всѣхъ побѣждалъ онъ,
И, съ неразумія дѣтскаго, ногъ быстротою тщеславясь,
Рыскалъ онъ между переднихъ, пока погубилъ свою душу.
Мѣдянымъ дротомъ младаго его Ахиллесъ быстроногій,
Мчавшагось мимо, въ хребетъ поразилъ, гдѣ застежки златыя
Запонъ смыкали, и гдѣ представлялася броня двойная:
Дротъ на противную сторону острый пробился сквозь чрево;
Вскрикнувъ онъ палъ на колѣна; глаза его тьма окружила
Черная; внутренность къ чреву руками прижалъ онъ поникшій.

Гекторъ едва лишь увидѣлъ, что братъ Полидоръ прободенный
Внутренность держитъ руками, къ кровавому долу приникшій;
Свѣтъ помрачился въ очахъ Пріамидовыхъ: болѣ не смогъ онъ
Въ дальныхъ рядахъ оставаться; пошелъ онъ противъ Ахиллеса,
Острымъ, какъ пламень свѣтящимъ, колебля копьемъ. Ахиллесъ же
Чуть лишь увидѣлъ, подпрянулъ, и съ радостью гордой воскликнулъ:
„Вотъ человѣкъ сей, который глубоко пронзилъ мое сердце!
„Вотъ сей убійца друга любезнаго! Радуюсь; больше
„Другъ мы отъ друга не будемъ по бранному поприщу бѣгать!

Рекъ; и свирѣпо взглянувъ, къ благородному Гектору вскрикнулъ:
„Ближе приди, да скорѣе дойдешь къ роковому предѣлу!

И ему не смущаясь отвѣтствовалъ Гекторъ великій:
„Сынъ Пелеевъ! меня, какъ младенца, напрасно словами
„Ты устрашить ласкаешься: также легко и свободно
„Колкія рѣчи и дерзости самъ говорить я умѣю.
„Вѣдаю, сколько могучъ ты, и сколько тебя я слабѣе.
„Но у боговъ всемогущихъ лежитъ еще то на колѣнахъ,
„Гордую душу тебѣ не я ли слабѣйшій исторгну
„Симъ копіемъ; на копьѣ и моемъ остра оконечность!

Рекъ, и ужасно сотрясши, копье онъ пустилъ; но Аѳина
Духомъ отшибла его отъ Пелеева славнаго сына,
Въ срѣтенье тихо дохнувъ; и назадъ къ Пріамиду герою
Дротъ прилетѣлъ, и безсильный у ногъ его палъ. Ахиллесъ же
Пламенный, съ крикомъ ужаснымъ, убить нетерпѣньемъ горящій,
Ринулся съ пикой; но Фебъ Аполлонъ Пріамида избавилъ

Быстро, какъ богъ: осѣнилъ онъ героя мракомъ глубокимъ.
Трижды могучій Пелидъ на него нападалъ ударяя
Пикой огромной, и трижды вонзалъ ее въ мракъ лишь глубокій.
Но въ четвертый онъ разъ еще налетѣвши, какъ Демонъ,
Крикнулъ голосомъ страшнымъ, крылатыя рѣчи вѣщая:
„Снова ты смерти, о песъ, избѣжалъ! надъ твоей головою
„Гибель висѣла, и снова избавленъ ты Фебомъ могучимъ!
„Феба обыкъ ты молить, выходя на свистящія копья!
„Скоро однако съ тобою раздѣлаюсь, встрѣтяся послѣ,
„Если и мнѣ межъ боговъ небожителей есть покровитель!
„Нынѣ пойду на другихъ, и повергну, которыхъ постигну!

Рекъ; и Дріопа убилъ онъ, ударивши пикою въ выю;
Тотъ зашатавшись, у ногъ его палъ; но его онъ оставилъ;
Дѐмуха жъ Филеторѝда, огромнаго, сильнаго мужа,
Дротомъ, въ колѣно вонзивъ, удержалъ устремленнаго; послѣ
Мѣдноогромнымъ мечемъ поразилъ, и исторгъ ему душу.
Въ слѣдъ на Біаса дѣтей, Лаогòна и Дáрдана, вмѣстѣ
Къ битвѣ скакавшихъ, напалъ онъ, и вмѣстѣ ихъ сбилъ съ колесницы,
Перваго пикой пронзивъ, а другаго мечемъ поразивши.
Тросъ же, Алáсторовъ сынъ, подбѣжалъ, и колѣна герою
Обнялъ, не дастъ ли пощады, и въ плѣнъ не возметъ ли живаго:
Можетъ быть, думалъ, меня не убьетъ, надъ ровесникомъ сжалясь:
Юноша бѣдный! не зналъ онъ, что жалости ждетъ безполезно;
Былъ передъ нимъ не привѣтный мужъ и не мягкосердечный;
Мужъ непреклонный и пламенный! Тросъ обхватилъ лишь колѣна,
Мысля молить, какъ весь ножъ Ахиллесъ погрузилъ ему въ печень;
Печень въ груди отвалилася; кровь, закипѣвши изъ раны,

Перси наполнила: очи его, испустившаго душу,
Мракъ осѣнилъ; а Пелидъ устремившися Мулія грянулъ
Въ ухо копьемъ, и стремительно вышло сквозь ухо другое
Мѣдное жало. За нимъ онъ Эхеклу, Агенора сыну,
Черепъ разнесъ по поламъ мечемъ съ рукояткой огромной:
Весь разогрѣлся подъ кровію мечь; и Эхеклу на мѣстѣ
Очи смежила кровавая Смерть и суровая Участь.
Послѣ сразилъ Девкаліона: гдѣ на изгибистомъ локтѣ
Жилы сплетаются, тамъ ему руку насквозь прохватила
Острая пика; и сталъ Девкаліонъ, съ рукою повисшей,
Видящій близкую смерть: Ахиллесъ пересѣкъ ему выю,
Голову съ шлемомъ стрясти повергъ; изъ костей позвоночныхъ
Выскочилъ мозгъ; обезглавленный трупъ по землѣ протянулся.
Онъ же не медля напалъ на Пиреева славнаго сына,
Ригма, который пришелъ изъ Ѳракійской земли плодоносной;
Дротомъ его поразилъ; остріе углубилось въ утробу;
Онъ съ колесницы слетѣлъ; а Пелидъ Арейѳою вознице,
Коней назадъ обращавшему, въ плечи сіяющій дротикъ
Вбилъ, и сразилъ съ колесницы; и въ страхѣ смѣшалися кони.

Словно какъ страшный пожаръ по глубокимъ свирѣпствуетъ дебрямъ,
Окрестъ сухой горы; и пылаетъ лѣсъ безпредѣльный;
Вѣтеръ, бушуя кругомъ, развѣваетъ погибельный пламень:
Такъ онъ, свирѣпствуя пикой, кругомъ устремлялся, какъ демонъ;
Гналъ, поражалъ; заструилося черною кровію поле.
Словно когда земледѣлецъ воловъ сопряжетъ крѣпкочелыхъ,
Бѣлый ячмень молотить на гумнѣ округленномъ и гладкомъ;
Быстро стираются классы мычащихъ воловъ подъ ногами:

Такъ подъ Пелидомъ божественнымъ твердокопытные кони
Трупы крушили, щиты и шеломы: забрызгались кровью
Снизу вся мѣдная ось и высокій полкругъ колесницы,
Въ кои какъ дождь и отъ конскихъ копытъ и отъ ободовъ бурныхъ
Брызги хлестали; пылалъ онъ добыть между смертными славы,
Храбрый Пелидъ, и въ крови обагрялъ необорныя руки.

ПѢСНЬ XXI.

*

СОДЕРЖАНІЕ.

Ахиллесъ гонитъ бѣгущихъ Троянъ, однихъ къ городу, другихъ къ Ксанѳу (Скамандру), въ которой они бросаются, ст. 1—16; многихъ изъ нихъ убиваетъ въ рѣкѣ; по 12 юношей, захвативъ живыхъ, отсылаетъ въ станъ, обрекши ихъ на жертву Патроклу, 17—32. Тамъ же убиваетъ Ликаона, Пріамова сына, умоляющаго о пощадѣ, 33—137; поражаетъ Астеропея, вождя Пеонянъ, и многихъ между ними, 138—211. Ксанѳъ, спертый въ теченіи трупами, жалуется, и убѣждаетъ Ахиллеса укротиться, но напрасно: онъ продолжаетъ убійства, и снова вскакиваетъ въ середину рѣки. Рѣка свирѣпо нападаетъ на него волнами, и наконецъ вышедшаго и бѣгущаго преслѣдуетъ его по полю, 212—271. Ахиллеса, устрашеннаго и уже съ трудомъ борющагося противъ яростныхъ водъ, одушевляетъ Посидонъ и Аѳина. Ксанѳъ, болѣе раздраженный, призвавъ на помощь и Симоиса, наводняетъ все поле и снова грозитъ потопить Ахиллеса, 272—327. Но Гера противупоставляетъ Ксанѳу Гефеста, который устремивъ огонь, зажигаетъ рѣку, изсушаетъ поле и не укрощаетъ пламени, пока не повелѣла Гера, убѣжденная мольбою Ксанѳа, 328—384. Между тѣмъ подымается распря и брань другихъ боговъ: Арея, Аѳины, Киприды; Аполлона, Посидона; Геры, Артемиды; Гермеса, Леты, 385—513. Послѣ сего всѣ боги возвращаются на Олимпъ; но Аполлонъ входитъ въ Трою, чтобы защитить ее: ибо Ахиллесъ, грозно свирѣпствуя, гонитъ Троянъ къ городу. Пріамъ, увидѣвъ его съ башни, приказываетъ растворить ворота для спасенія бѣгущихъ, 514—543. Аполлонъ, чтобы отвратить отъ нихъ свирѣпство Ахиллеса, устремляетъ противъ него Агенора, который и нападаетъ на него, 544—594. Но Аполлонъ, скоро удаливъ Агенора, и самъ принявъ образъ его, обманываетъ Ахиллеса, отъ него убѣгая, и такимъ образомъ отвлекаетъ отъ города, 595—611.

ПѢСНЬ XXI.

Но лишь Трояне достигнули брода рѣки свѣтлоструйной,
Ксанѳа сребристопучиннаго, вѣчнымъ рожденнаго Зевсомъ,
Тамъ ихъ разрѣзалъ Пелидъ; и однихъ онъ погналъ по долинѣ
Къ граду, и тѣмъ же путемъ, гдѣ Ахейцы въ разстройствѣ бѣжали
Прошлаго дня, какъ надъ ними свирѣпствовалъ Гекторъ могучій:
Тамъ и Трояне, разсѣясь бѣжали; но Гера глубокій
Мракъ распростерла, имъ путь заграждая. Другіе толпами
Бросясь къ рѣкѣ серебристопучинной, глубокотекущей,
Падали съ шумомъ ужаснымъ: высоко валы заплескали;
Страшно кругомъ берега загремѣли; упадшіе съ воплемъ
Плавали съ мѣста на мѣсто, крутяся по бурнымъ пучинамъ.
Словно какъ пруги отъ ярости огненной снявшися съ поля,
Тучей къ рѣкѣ устремляются: вдругъ загорѣвшійся бурный
Пышетъ огонь; и они устрашенные падаютъ въ воду:
Такъ отъ Пелида бѣгущіе, вмѣстѣ и кони и вои,
Токъ наполняли гремучій глубокопучиннаго Ксанѳа.

Онъ же, божественный, дротъ свой огромный оставилъ на брегѣ,
Къ вѣтвямъ мирики склонивши, и самъ устремился, какъ демонъ,
Съ страшнымъ мечемъ лишь въ рукахъ: замышлялъ онъ ужасное въ сердцѣ:

Началъ вокругъ имъ рубить: поднялися ужасные стоны
Вкругъ поражаемыхъ; кровію ихъ забагровѣли волны.
Словно дельфина огромнаго мелкія рыбы всполошась,
И бѣжа отъ него въ безопасныя глуби залива,
Кроются робкія: всѣхъ онъ глотаетъ, какую ни схватитъ:
Такъ отъ Пелида Трояне въ ужасномъ потокѣ Скамандра
Крылись подъ кручей бреговъ. Но герой, утомивши убійствомъ
Руки, живыхъ средь потока двѣнадцать юношей выбралъ,
Чтобъ за смерть отомстить благороднаго друга Патрокла;
Вывелъ изъ волнъ, обезумленныхъ страхомъ, какъ юныхъ еленей;
Руки имъ сзади связалъ разрѣзными, крутыми ремнями,
Кои въ сраженіяхъ сами носили при броняхъ кольчатыхъ;
Такъ повелѣлъ Мирмидонцамъ вести ихъ къ судамъ мореходнымъ.
Самъ же опять на враговъ устремился, убійства алкая.

Тамъ онъ Пріамова сына, чудяся, Ликаона младаго
Встрѣтилъ изъ волнъ уходящаго, коего нѣкогда самъ онъ
Въ плѣнъ, не взирая на вопль, изъ отцова увлекъ вертограда,
Ночью напавши: царевичъ смоковницы вѣтви младыя
Острою мѣдью тесалъ, чтобы въ круги согнуть колесницы;
Вдругъ на него налетѣла бѣда, Ахиллесъ быстроногій.
Онъ Ликаона въ судахъ своихъ быстрыхъ уславши на Лѣмносъ,
Продалъ: Эвней Язонидъ предложилъ за царевича выкупъ;
Другъ же его и оттуда, Гэтіонъ, Имбра владыка,
Многое давъ искупилъ, и въ священную выслалъ Аризбу.
Скоро бѣжавши оттуда, въ отеческій домъ возвратился.
Дома одиннадцать дней, веселился съ друзьями своими,
Послѣ возврата изъ Лемна; въ двѣнадцатый богъ его паки

Въ руки предалъ Ахиллеса, которому суждено было
Въ царство Аида низринуть—идти нехотящую душу.
Быстрый могучій Пелидъ лишь узрѣлъ Пріамида нагаго:
(Онъ безъ щита, безъ шелома и даже безъ дротика вышелъ;
По полю все разбросалъ, изъ рѣки убѣгающій; потомъ
Онъ изнурился; съ истомы подъ нимъ трепетали колѣна:)
Гнѣвно вздохнулъ, и вѣщалъ со своею душей благородной:
„Боги! великое чудо моими очами я вижу!
„Стало быть Трои сыны, на бояхъ умерщвленные мною,
„Паки воскреснутъ, и паки изъ мрака подземнаго выдутъ,
„Если и сей приходитъ; чернаго дня избѣжалъ онъ,
„Проданный въ Лемносъ; его не могла удержать и пучина
„Бурнаго моря, которое многихъ насильственно держитъ.
„Но нападемъ; и теперь острія моего Пеліаса
„Пусть онъ отвѣдаетъ: видѣть хочу и увѣриться сердцемъ,
„Такъ же ли онъ и оттуда воротится; или Троянца
„Матерь удержитъ земля, которая держитъ и сильныхъ.

Такъ размышлялъ, и стоялъ онъ; а тотъ подходилъ полумертвый,
Ноги Пелиду готовый обнять: несказанно желалъ онъ
Смерти ужасной избѣгнуть и близкаго чернаго рока.
Дротъ между тѣмъ длиннотѣнный занесъ Ахиллесъ быстроногій,
Грянуть готовый; а тотъ подбѣжалъ и обнялъ ему ноги,
Къ долу припавъ; и копье у него засвистѣвъ надъ спиною,
Въ землю воткнулось дрожа, человѣческой жадное крови.
Юноша лѣвой рукою обнялъ, умоляя, колѣна,
Правой копье захватилъ, и его изъ руки не пуская,
Такъ Ахиллеса молилъ, устремляя крылатыя рѣчи:

„Ноги объемлю тебѣ, пощади, Ахиллесъ, и помилуй!
„Я предъ тобою стою, какъ молитель, достойный пощады!
„Вспомни, я у тебя насладился дарами Деметры,
„Въ день, какъ меня полонилъ ты въ цвѣтущемъ отца вертоградѣ.
„Послѣ ты продалъ меня, разлучивъ и съ отцемъ и съ друзьями,
„Въ Лѣмносъ священный: тебѣ я доставилъ стотелчія цѣну;
„Нынѣ жъ тройной искупился бъ цѣною! Двѣнадцатый день лишь
„Съ оной мнѣ свѣтитъ поры, какъ пришелъ я въ священную Трою,
„Много страдавши; и въ руки твои опять меня ввергнулъ
„Пагубный рокъ! Ненавистенъ я вѣрно Кроніону Зевсу,
„Если вторично имъ преданъ тебѣ; кратковѣчнымъ родила
„Матерь меня Лаоѳоя, дочь престарѣлаго Алта,
„Алта, который надъ племенемъ царствуетъ храбрыхъ Лелеговъ,
„Градомъ высокимъ, Педасомъ у водъ Сатніона владѣя.
„Дочерь его Лаоѳоя, одна изъ супругъ Дарданида,
„Двухъ насъ Пріаму родила, и ты обоихъ умертвишь насъ!
„Брата уже ты сразилъ въ ополченіяхъ нашихъ переднихъ;
„Острымъ копьемъ закололъ Полидора, подобнаго богу.
„Тожъ и со мною несчастіе сбудется! Знаю, могучій!
„Рукъ мнѣ твоихъ не избѣгнуть, когда уже богъ къ нимъ приближилъ!
„Слово иное скажу я; то слово пріими ты на сердце:
„Не убивай меня; Гекторъ мнѣ братъ не единоутробный,
„Гекторъ, лишившій тебя благороднаго, нѣжнаго друга!

Такъ говорилъ убѣждающій сынъ знаменитый Пріамовъ,
Такъ Ахиллеса молилъ; но услышалъ не жалостный голосъ:
„Что мнѣ вѣщаешь о выкупахъ, что говоришь ты, безумный?
„Такъ, доколѣ Патроклъ наслаждался сіяніемъ солнца,

„Миловать Трои сыновъ иногда мнѣ бывало пріятно.
„Многихъ изъ васъ полонилъ, и за многихъ выкупъ я принялъ.
„Нынѣ, пощады вамъ нѣтъ никому, кого только демонъ
„Въ руки мои приведетъ подъ стѣнами Пріамовой Трои!
„Всѣмъ вамъ Троянамъ смерть, и особенно дѣтямъ Пріама!
„Такъ, мой любезный, умри! И о чемъ ты столько рыдаешь?
„Умеръ Патроклъ, несравненно тебя превосходнѣйшій смертный!
„Видишь, каковъ я и самъ, и красивъ и величественъ видомъ;
„Сынъ отца знаменитаго, матерь имѣю богиню!
„Но и мнѣ на землѣ отъ могучей судьбы не избѣгнуть;
„Смерть придетъ и ко мнѣ по утру, въ вечеру, или въ полдень,
„Быстро, лишь врагъ и мою на сраженіяхъ душу исторгнетъ,
„Или копьемъ поразивъ, иль крылатой стрѣлою изъ лука.

Такъ произнесъ; и у юноши дрогнули ноги и сердце.
Страшный онъ дротъ уронилъ, и трепещущій, руки раскинувъ,
Сѣлъ; Ахиллесъ же, стремительно мечъ обоюдный исторгши,
Въ выю вонзилъ у ключа, и до самой ему рукояти
Мечъ погрузился во внутренность; ницъ онъ по черному праху
Легъ распростершися; кровь захлестала и залила землю.
Мертваго за ногу взявши, въ рѣку Ахиллесъ его бросилъ,
И надъ нимъ издѣваясь, пернатыя рѣчи вѣщалъ онъ:
„Тамъ ты лежи, между рыбами! жадныя рыбы вкругъ язвы
„Кровь у тебя нерадиво оближутъ! Не матерь на ложѣ
„Тѣло твое, чтобъ оплакать, положитъ; но Ксанѳъ быстротечный
„Бурной волной унесетъ въ безпредѣльное лоно морское.
„Рыба играя межъ волнъ, на поверхность чернѣющей зыби
„Рыба всплыветъ, чтобъ насытиться бѣлымъ царевича тѣломъ.

„Такъ погибайте Трояне, пока не разрушимъ мы Трои,
„Вы убѣгая изъ битвы, а я убивая бѣгущихъ!
„Васъ не спасетъ ни могучій Потокъ, серебристопучинный
„Ксанѳъ! Посвящайте ему, какъ и прежде, воловъ неисчетныхъ;
„Въ волны бросайте живыхъ, какъ и прежде, коней звуконогихъ:
„Всѣ вы изгибните смертію лютой; заплатите вы мнѣ
„Друга Патрокла за смерть, и Ахейскихъ сыновъ за убійство,
„Коихъ у черныхъ судовъ безъ меня вы избили на сѣчахъ!

Такъ говорилъ онъ; и Ксанѳъ на него раздражался жестоко;
Сталъ волноваться онъ думами, какъ удержать отъ свирѣпства
Бурнаго сына Пелея, спасая Троянъ отъ убійства.
Но Пелегóнъ между тѣмъ, потрясая копьемъ длиннотѣннымъ,
Прянулъ ужасный, убить пылающій Астеропéя,
Вѣтвь Пелегóна, котораго Аксій широкотекущій
Съ юной родилъ Перибóею, Акессамéновой дщерью
Старшею; съ нею Потокъ сочетался глубокопучинный.
Быстро Пелидъ устремлялся; а тотъ изъ рѣки на Пелида
Вышелъ, двумя потрясающій копьями; храбрость Пеóнцу
Ксанѳъ ниспослалъ; раздражался безсмертный за юношей красныхъ,
Коихъ въ пучинахъ его Ахиллесъ убивалъ безъ пощады.
Чуть сосступились они, устремляяся другъ противъ друга,
Первый къ Астеропéю вскричалъ Ахиллесъ быстроногій:
„Кто ты, откуда ты смертный, дерзающій въ встрѣчу мнѣ выдти?
Дѣти однихъ несчастныхъ встрѣчаются съ силой моею!

И ему отвѣчалъ воинственный сынъ Пелегóновъ:
„Сынъ знаменитый Пелеевъ, почто вопрошаешь о родѣ?

„Я изъ Пеоніи мужъ, изъ страны плодоносной, далекой;
„Вождь я Пеонянъ огромнокопейныхъ. Двѣнадцатый день мнѣ
„Свѣтитъ съ оной поры, какъ пришелъ я въ Пріамову Трою.
„Родоначальникъ мой славный, Аксій широкотекущій,
„Аксій, водою прекраснѣйшей нѣдра земныя поящій:
„Онъ Пелегона родилъ; отъ него копьеносца, вѣщаютъ,
„Я порожденъ. Но сразися со мной, Ахиллесъ благородный!

Такъ онъ грозя говорилъ; и занесъ Ахиллесъ быстроногій
Крѣпкій свой ясень Пелійскій; но дротами вдругъ обоими
Сынъ Пелегоновъ пустилъ: копьеборецъ онъ былъ оборучный:
Въ щитъ Ахиллесовъ однимъ угодилъ; но сквозь щитъ не проникнулъ
Дротъ мѣдножальный, удержанный златомъ, божественнымъ даромъ.
Дротомъ другимъ, близъ локтя пронесшимся, ссаднилъ десную;
Черная кровь заструилась, и дротъ позади Ахиллеса
Въ землю вонзился, горящій насытиться тѣломъ героя.
Въ слѣдъ Пелегонъ Ахиллесъ, размахнувъ прямолетный свой ясень,
Въ Астеропея пустилъ, супостата низвергнуть пылая;
Но не попавъ Пелегонида, въ берегъ высокій ударилъ,
И вогналъ до средины огромное дерево въ берегъ.
Самъ между тѣмъ, исторгнувши мечъ изъ влагалища острый,
Яръ на противника прянулъ; а тотъ Ахиллесовскій ясень
Вырвать изъ берега тщетно рукой напрягался дебелой.
Трижды его колыхалъ, изъ стремнины исторгнуть пылая;
Трижды силы терялъ; но въ четвертый онъ разъ лишь рванулся,
Чая согнуть и сломить Эакидовъ убійственный ясень:
Тотъ налетѣлъ, и мечемъ у надменнаго душу исторгнулъ:
Чрево близъ пупа ему разрубилъ, и изъ чрева на землю

Вылилась внутренность вся; и ему, захрипѣвшему, очи
Смертная тьма осѣнила; Пелидъ же на грудь его бросясь,
Пышныя латы срывалъ, и вѣщалъ величаясь побѣдой:
„Въ прахѣ лежи! Тебѣ тяжело всемогущаго Зевса
„Спорить съ сынами, хотя и рожденъ ты Рѣкою великой!
„Ты отъ Рѣки широкой своимъ величаешься родомъ;
„Я отъ владыки безсмертныхъ, отъ Зевса рожденіемъ славлюсь.
„Жизнь даровалъ мнѣ герой, Мирмидонянъ владыка державный,
„Отрасль Эака, Пелей; Эакъ же рожденъ отъ Зевеса.
„Сколько Зевесъ многомощнѣе Рѣкъ убѣгающихъ въ море;
„Столько предъ чадами Рѣкъ многомощнѣе чада Зевеса!
„Здѣсь, предъ тобой и Рѣка могучая; пусть испытаетъ
„Помощь подать: не возможно сражаться съ Кроніономъ Зевсомъ.
„Съ нимъ Громовержцемъ ни царь Ахелой не дерзаетъ равняться;
„Ни могуществомъ страшный сѣдой Океанъ безпредѣльный;
„Тотъ, изъ котораго всякій источникъ, и всякое море,
„Рѣки, ключи и глубокіе кладязи всѣ истекаютъ;
„Но трепещетъ и онъ всемогущаго Зевса перуновъ,
„И ужаснаго грома, когда отъ Олимпа онъ грянетъ.

Рекъ, и изъ брега стремнистаго вырвалъ огромную пику.
Бросилъ врага, у котораго гордую душу исторгнулъ,
Въ прахѣ простертаго; тамъ его залили мутныя волны;
Вкругъ его тѣла и рыбы и угри толпой закипѣли,
Почечный тукъ обрывая и жадно его пожирая.
Сынъ же Пелеевъ пошелъ на Пеонянъ, воиновъ конныхъ,
Кои по берегу Ксанѳа пучиннаго бросились въ бѣгство,
Чуть лишь увидѣли мужа сильнѣйшаго въ битвѣ ужасной,

Мощно сраженнаго грозной рукой и мечемъ Ахиллеса.
Тамъ онъ убилъ Ѳерсилòха, Энiя вождя, и Мидòна,
Свергъ Астипи́ла и Ѳра́зiя, свергъ Офелѐста и Мнéсса;
Многихъ еще бы Пеòнянъ сразилъ Ахиллесъ быстроногiй,
Если бы голоса въ гнѣвѣ Скамандръ пучинный не поднялъ.
Въ образѣ смертнаго богъ возгласилъ изъ глубокой пучины:
„О Ахиллесъ! и могуществомъ силъ и грозою дѣянiй
„Выше ты смертнаго! Боги всегда по тебѣ побораютъ.
„Если Кронiонъ Троянъ на погибель всѣхъ тебѣ предалъ;
„Выгони ихъ изъ меня, и надъ ними ты въ полѣ свирѣпствуй.
„Трупами мертвыхъ полны у меня свѣтлоструйныя воды;
„Болѣе въ море священное волнъ проливать не могу я,
„Трупами спертый Троянскими: ты истребляешь, какъ гибель!
„О, воздержись! и меня изумляешь ты, пастырь народа!

Ксанѳу не медля отвѣтствовалъ царь Ахиллесъ быстроногiй:
„Будетъ, какъ ты заповѣдуешь, Ксанѳъ, Громовержцевъ питомецъ!
„Я перестану Троянъ истреблять; но не прежде, какъ гордыхъ
„Въ стѣны вобью, и не прежде, какъ Гектора мощь испытаю,
„Онъ ли меня укротитъ, иль надменнаго самъ укрощу я.

Такъ говоря, на Троянъ устремился ужасный, какъ демонъ.
Къ Фебу тогда возопила Рѣка изъ пучины глубокой:
„Богъ сребролукiй, Кронiона сынъ, не блюдешь ты завѣтовъ
„Зевса Кронида! Не онъ ли тебѣ повелѣлъ, Олимпiецъ,
„Трои сыновъ защищать неотступно, пока не прострется
„Сумракъ вечернiй, и тѣнью холмистыхъ полей не покроетъ.

Такъ говорила; Пелидъ же безстрашный въ средину пучины
Прянулъ съ крутизны. Рѣка поднялася, волнами бушуя,
Вся, всклокотавши, до дна взволновалась, и мертвыхъ погнала,
Коими волны ея Ахиллесъ убивая наполнилъ:
Мертвыхъ, какъ волъ ревущая, вонъ извергала на берегъ;
Но живыхъ укрывая въ пучинныхъ пещерахъ широкихъ,
Ихъ защитила своими катящимись пышно водами.
Страшное вкругъ Ахиллеса волненіе бурное встало;
Зыблетъ его, упадая валами на щитъ; на ногахъ онъ
Болѣ не могъ удержаться; руками за вязъ ухватился
Толстый, раскидисто росшій; и вязъ, опрокинувшись съ корнемъ,
Берегъ обрушилъ съ собой, заградилъ быстротечныя воды
Вѣтвей своихъ густотой, и какъ мостъ по рѣкѣ протянулся,
Весь на нее опрокинясь. Герой изскоча изъ пучины,
Бросился въ страхѣ долиной летѣть на ногахъ своихъ быстрыхъ.
Яростный богъ не отсталъ; но поднявшись, за нимъ онъ ударилъ
Валомъ черноголовымъ, горя обуздать Ахиллеса
Въ подвигахъ бранныхъ, и Трои сынов защитить отъ убійства.
Онъ же, герой, проскакалъ на пространство копѣйнаго лета,
Быстро, какъ мощный орелъ, черноперый ловецъ поднебесный,
Самый сильнѣйшій и самый быстрѣйшій изъ рода пернатыхъ:
Равный орлу онъ стремился; блестящая мѣдь всеоружій
Страшно вкругъ персей звучала; бѣжа отъ Рѣки, онъ бросался
Въ бокъ; а Рѣка по слѣдамъ его съ ревомъ ужаснымъ крутилась.
Словно, когда водоводъ отъ ключа изобильнаго влагой
Въ садъ, на кусты и растѣнія ровъ водотечный проводитъ,
Заступъ острый держа и копь отъ препонъ очищая;
Рвомъ устремляется влага; подъ нею всѣ мелкіе камни

Съ шумомъ катится; источникъ бѣжитъ и журчитъ, убыстренный
Мѣстомъ покатистымъ; онъ и вождя далеко упреждаетъ:
Такъ непрестанно преслѣдовалъ валъ черноглавый Пелида,
Сколько ногами ни быстраго: боги могучѣе смертныхъ.
Нѣсколько разъ покушался герой Ахиллесъ быстроногій
Противустать и увидѣть, не всѣ ли его уже боги
Гонятъ, не все ль на него ополчилось великое небо?
Нѣсколько разъ его валъ, изліяннаго Зевсомъ Скамандра,
Сверху обрушася, въ плечи хлесталъ; негодуя высоко
Прядалъ Пелидъ; но Рѣка удручала могучія ноги;
Бурная подъ ноги била, и прахъ изъ-подъ стопъ вырывала.
Крикнулъ Пелидъ наконецъ, на высокое небо взирая:
„Зевсъ! такъ никто изъ боговъ милосердый меня не предстанетъ
„Спасть изъ рѣки злополучнаго? Послѣ я все претерпѣлъ бы. . . . . .
„Но кого осуждаю я, кто изъ Небесныхъ виновенъ?
„Матерь единая, матерь меня обольщала мечтами,
„Матерь твердила, что здѣсь подъ стѣнами Троянъ броненосныхъ
„Мнѣ отъ однихъ Аполлоновыхъ стрѣлъ быстролетныхъ погибнуть.
„Что не убитъ я Гекторомъ! Сынъ Иліона славнѣйшій,
„Храбраго онъ бы сразилъ, и корыстью гордился бы храбрый!
„Нынѣ жъ безславною смертью судьбой принужденъ я погибнуть;
„Лечь въ пучинахъ рѣки, какъ младый свинопасъ, поглощенный
„Бурнымъ потокомъ осеннимъ, которой хотѣлъ перебресть онъ!

Такъ говорилъ; и незапно ему Посидонъ и Аѳина
Вмѣстѣ явились, приближились, образъ принявъ человѣковъ;
За руку взяли рукой, и словами его увѣряли.
Первый къ нему провѣщалъ Посидонъ потрясающій землю:

„Храбрый Пелидъ! ничего не страшися, ничѣмъ не смущайся.
„Мы, отъ безсмертныхъ боговъ, изволяющу Зевсу Крониду,
„Мы твои покровители, я и Паллада Аѳина.
„Рокомъ тебѣ не назначено быть побѣжденнымъ Рѣкою;
„Скоро она успокоится бурная, самъ ты увидишь.
„Мы же, когда ты послушаешь, мудрый совѣтъ предлагаемъ:
„Рукъ не удерживай ты отъ убійства и общаго боя
„Прежде, доколѣ Троянъ не вобьешь въ Иліонскія стѣны
„Всѣхъ, кто спасется; и послѣ ты Гектора душу исторгнувъ,
„Въ станъ возвратися; дадимъ мы тебѣ вожделѣнную славу.

Такъ возгласивши безсмертные, вновь удалились къ безсмертнымъ.
Онъ полетѣлъ, безпредѣльно глаголомъ боговъ ободренный,
Въ поле; а поле водою разлившеюсь все понималось.
Множество пышныхъ оружій, множество юношей красныхъ
Плавало мертвыхъ. Высоко скакалъ онъ, бѣжа отъ стремленья
Прямо гонящихся волнъ разъяренныхъ; не могъ его больше
Бурный потокъ удержать, облеченнаго въ крѣпость Аѳиной.
Но и Скамандръ не обуздывалъ гнѣва; противъ Ахиллеса
Пуще свирѣпствовалъ богъ; захолмивши валы на потокѣ,
Онъ воздымался высоко, и съ ревомъ вопилъ къ Симоису:
„Братъ мой, воздвигнися! Мужа сего совокупно съ тобою
„Мощь обуздаемъ; иль скоро обитель владыки Пріама
„Онъ разгромитъ; устоять передъ грознымъ Трояне не могутъ!
„Помощь скорѣе подай мнѣ; потокъ свой наполни водами
„Быстрыхъ источниковъ горныхъ, и всѣ ты воздвигни потоки!
„Страшныя волны поставь, закружи съ треволненіемъ шумнымъ
„Бревна и камни, чтобы обуздать намъ ужаснаго мужа!

„Онъ побѣждаетъ теперь, и господствуетъ въ брани, какъ боги!
„Но не помогутъ, надѣюсь, ему ни краса, ни могучесть,
„Ни оружія пышныя, кои въ болотѣ глубокомъ
„Лягутъ и черной покроются тиною; ляжетъ и самъ онъ;
„Я и его подъ пескомъ погребу, и громадою камней
„Страшной кругомъ замечу; не сберутъ и костей Ахиллеса
„Чада Ахеянъ: такой самаго его тиной покрою!
„Тамъ и могила его; и не нужно Ахеянамъ будетъ
„Холма надъ нимъ насыпать, воздавая надгробную почесть!

Рекъ; и напалъ на него, клокоча и высоко бушуя,
Съ ревомъ бросая и пѣной, и кровью, и трупами мертвыхъ.
Быстро багровыя волны, рѣки изліявшейся съ неба,
Стали стѣной, обхватили кругомъ Пелеіона героя.
Крикнула Гера богиня, страшась, чтобъ Пелеева сына
Въ хляби свои не умчала рѣка изліянная Зевсомъ;
Быстро къ Гефесту, любезному сыну она возгласила:
„Въ бой, Хромоногій! воздвигнись, о сынъ мой! съ тобою сразиться
„Мы почитаемъ достойнымъ глубокопучиннаго Ксанѳа.
„Противустань, и скорѣе открой пожирающій пламень!
„Я же иду, чтобы Зѣфира вѣтра и хладнаго Нота
„Быстро отъ брега морскаго жестокую бурю воздвигнуть;
„Буря сожжетъ и главы и доспѣхи Троянъ ненавистныхъ,
„Страшный пожаръ разносящая. Ты по брегамъ у Скамандра
„Жги дерева, и на воду огонь устреми; не смягчайся
„Ласковой рѣчью его, не смущайся угрозами бога;
„И не смиряй ты пламенной силы, пока не подамъ я
„Знаменья крикомъ; тогда укротишь ты огонь неугасный.

*

Такъ повелѣла; и сынъ устремилъ пожирающій пламень.
Въ полѣ сперва разгарался огонь, и тѣла пожигалъ онъ
Многихъ, толпами лежащихъ Троянъ, Ахиллесомъ убитыхъ.
Поле изсохло, и стали въ теченіи свѣтлыя воды.
Словно какъ въ осень Борей вертоградъ, усыренный дождями,
Скоро сушитъ, и его удобрителя радуетъ сердце:
Такъ изсушилося цѣлое поле, тѣла погорѣли.
Богъ на рѣку обратилъ разливающій зарево пламень.
Вспыхнули окрестъ зеленыя ивы, мирики и вязы;
Вспыхнули влажныя трости, и лотосъ, и киперъ душистый,
Кои росли изобильно у Ксанѳовыхъ водъ свѣтлоструйныхъ;
Рыбы въ рѣкѣ затомились, и тѣ по глубокимъ пучинамъ,
Тѣ по прозрачнымъ струямъ и сюда и туда заныряли,
Въ пламенномъ духѣ томясь многоумнаго Амфигіея.
Вспыхнулъ и самой Потокъ, и пылающій, такъ возопилъ онъ:
„Нѣтъ, о Гефестъ, ни единый безсмертный тебя не оспоритъ!
„Нѣтъ, никогда не вступлю я съ тобой, огнедышущимъ, въ битву!
„Кончи ты брань! а Троянъ хоть изъ града Пелидъ быстроногій
„Пусть изженетъ; отрекаюсь ихъ распрь, не хочу поборать имъ!

Такъ говорилъ, и горѣлъ; клокотали прекрасныя воды.
Словно клокочетъ котелъ, огнемъ подгнетенный великимъ,
Если онъ, вепря огромнаго тукъ растопляя блестящій,
Полный ключемъ закипитъ, раскаляемый пылкою сушью:
Такъ отъ огня раскалялися волны, вода клокотала.
Стала рѣка, протекать не могла, изнуренная знойной
Силою бога Гефеста. Скамандръ къ торжествующей Герѣ
Голосъ простеръ умоляющій, быстрыя рѣчи вѣщая:

„Гера! за что твой сынъ, на потокъ мой свирѣпо обрушась,
„Мучитъ меня одного? Предъ тобою не столько виновенъ
„Я, какъ другіе безсмертные, кои Троянъ защищаютъ.
„Я укрощуся, о Гера владычица, если велишь ты;
„Пусть и Гефестъ укротится! Клянуся я клятвой безсмертныхъ,
„Трои сыновъ никогда не спасать отъ суровой годины;
„Даже когда и Троя губительнымъ пламенемъ бурнымъ,
„Вся запылаетъ, зажженная свѣточьми храбрыхъ Данаевъ!

Рѣчи такія услышавъ лилейнораменная Гера,
Быстро богиня къ Гефесту, любезному сыну, вѣщала:
Полно, Гефестъ, укротися, мой сынъ знаменитый! Не должно
„Такъ безпощадно за смертныхъ карать безсмертнаго бога!

Такъ повелѣла; и богъ угасилъ пожирающій пламень.
Вспять покатилися къ потоку прекрасно струящіясь воды.
Такъ обуздана Ксанѳова мощь; успокоились оба,
Ксанѳъ и Гефестъ: укротила ихъ Гера, сама негодуя.

Но межъ другими безсмертными вспыхнула страшная злоба,
Бурная: чувствомъ раздора ихъ души въ груди взволновались.
Бросились съ шумной тревогой; глубоко земля застонала;
Вкругъ, какъ трубой, огласилось великое небо. Услышалъ
Зевсъ, на Олимпѣ сѣдящій; и съ радости въ немъ засмѣялось
Сердце, когда онъ увидѣлъ боговъ, устремившихся къ брани.
Сшедшися боги, не долго стояли въ бездѣйствіи: началъ
Щиторушитель Арей; налетѣлъ на Палладу Аѳину,
Мѣднымъ колебля копьемъ, изрыгая поносныя рѣчи:

„Паки ты, наглая муха, на брань небожителей сводишь?
„Дерзость твоя безпредѣльна! ты вѣчно свирѣпствуешь сердцемъ!
„Или не помнишь, какъ ты побудила Тидеева сына
„Ранить меня, и сама, передъ всѣми копье ухвативши,
„Прямо въ меня устремила и тѣло мое растерзала?
„Нынѣ за все, надо мной совершенное, мнѣ ты заплатишь!

Рекъ; и ударилъ копьемъ въ драгоцѣнный Эгидъ многокистный,
Страшный, предъ коимъ безсиленъ и пламенный громъ Молневержца;
Въ оный копьемъ длиннотѣннымъ ударилъ Арей изступленный.
Зевсова дочь отступила, и мощной рукой подхватила
Камень, въ полѣ лежащій, черный, зубристый, огромный,
Въ древніе годы мужами положенный поля межою;
Камнемъ Арея ударила въ выю и крѣпость сломила.
Семь десятинъ онъ покрылъ, распростершись; доспѣхъ его мѣдный
Грянулъ, и прахомъ одѣлись власы. Улыбнулась Аѳина,
И, величаясь надъ нимъ, устремила крылатыя рѣчи:
„Или доселѣ, безумный! не чувствовалъ, сколь предъ тобою
„Выше могуществомъ я, что со мною ты мѣряешь силы?
„Такъ отягчаютъ тебя проклятія матери Геры,
„Въ гнѣвѣ тебѣ готовящей кару, за то, что, измѣнникъ,
„Бросилъ Ахейскихъ мужей, и стоишь за Троянъ вѣроломныхъ!

Такъ говоря, отъ него отвратила ясныя очи.
За руку взявши его, повела Афродита богиня
Тяжко и часто стенящаго; въ силу онъ съ духомъ собрался.
Но Афродиту увидѣвъ лилейнораменная Гера,
Къ Зевсовой дщери Аѳинѣ крылатую рѣчь устремила:

„Непобѣдимая дщерь воздымателя облаковъ Зевса!
„Видишь, безстыдная паки губителя смертныхъ Арея
„Съ битвы пылающей дерзко уводитъ! Скорѣе преслѣдуй!

Такъ изрекла; и Аѳина бросилась съ радостью въ сердцѣ;
Быстро напавъ на Киприду, могучей рукой поразила
Въ грудь; и мгновенно у ней обомлѣло и сердце и ноги.
Оба они предъ Аѳиною пали на злачную землю;
И, торжествуя надъ падшими, вскрикнула громко Аѳина:
„Еслибъ и всѣ таковы, защитители Трои высокой,
„Были, на брань выходя противъ мѣдноружныхъ Данаевъ,
„Столько жъ отважны и сильны душей, какова Афродита
„Вышла, Арея союзница, въ крѣпости спорить со мною!
„О, давно бы отъ грозной войны успокоились всѣ мы,
„Градъ сей разруша, высокотвердынную Трою Пріама!

Такъ говорила; и тихо осклабилась Гера богиня.
И тогда къ Аполлону вѣщалъ Посидонъ земледержецъ:
Что, Аполлонъ, мы стоимъ въ отдаленіи? Намъ неприлично!
„Начали боги другіе. Постыдно, когда мы безъ боя
„Оба прійдемъ на Олимпъ, въ мѣднозданный домъ Олимпійца!
„Фебъ, начинай; ты лѣтами юнѣйшій; по мнѣ неприлично:
„Прежде тебя я родился и болѣ тебя я извѣдалъ.
„О безразсудный, безпамятно сердце твое! Позабылъ ты,
„Сколько трудовъ мы и бѣдъ претерпѣли вокругъ Иліона,
„Мы отъ безсмертныхъ одни? Повинуяся волѣ Кронида,
„Здѣсь Лаомѐдону гордому мы, за условную плату,
„Цѣлый работали годъ; и сурово онъ властвовалъ нами.

„Я обитателямъ Трои высокія стѣны воздвигнулъ,
„Крѣпкую, славную твердь, нерушимую града защиту.
„Ты, Аполлонъ, у него, какъ наемникъ, воловъ крутрогихъ
„Пасъ по долинамъ холмистой, дубравами вѣнчанной Иды.
„Но когда намъ условленной платы желанныя Горы
„Срокъ принесли; Лаомѣдонъ жестокій насильно присвоилъ
„Должную плату, и насъ изъ предѣловъ съ угрозами выслалъ.
„Лютый, тебѣ онъ грозилъ оковать и руки и ноги,
„И продать, какъ раба, на островъ чужой и далекой;
„Намъ обоимъ похвалялся отсѣчь въ поруганіе уши.
„Такъ удалились мы, на него негодуя душею.
„Царь вѣроломный, завѣтъ сотворилъ и его не исполнилъ!
„Фебъ, не за то ль благодѣешь народу сему, и не хочешь
„Намъ поспѣшать, да погибнутъ на вѣкъ вѣроломцы Трояне,
„Бѣдственно всѣ да погибнутъ, и робкія жены и дѣти!

Но ему отвѣчалъ Аполлонъ сребролукій владыка:
„Энносигей! не почелъ бы и самъ ты меня здравоумнымъ,
„Естьли бъ противу тебя ополчался я ради сихъ смертныхъ,
„Бѣдныхъ созданій, которые, листьямъ древеснымъ подобно,
„То появляются пышные, пищей земною питаясь,
„То погибаютъ, лишаясь дыханія. Нѣтъ, Посидаонъ,
„Распри съ тобой не начну я; пускай человѣки раздорятъ!

Такъ произнесъ Аполлонъ, и назадъ обратился, страшася
Руки поднять на царя, на могучаго брата отцева.
Тутъ Аполлона сестра, Артемида, звѣрей господыня,
Шумомъ ловитвъ веселящаясь, гнѣвно его укоряла;

„Ты убѣгаешь, Стрѣлецъ! и царю Посидону побѣду
„Всю оставляешь, даешь ненаказанно славой гордиться?
„Что жъ, малодушный, ты носишь сей лукъ, для тебя безполезный?
„Съ сей я поры чтобъ твоихъ не слыхала въ чертогахъ Кронида
„Гордыхъ похвалъ, какъ бывало ты хвалишься между богами,
„Съ Энносигеемъ, земли колебателемъ, выдти на битву.

Такъ говорила; сестрѣ не отвѣтствовалъ Фебъ сребролукій.
Но раздражилася Гера, супруга почтенная Зевса,
И словами жестокими такъ Артемиду язвила:
„Какъ, безстыдная псица, и мнѣ уже нынѣ ты смѣешь
„Противустать? но тебѣ я тяжелой противницей буду,
„Гордая лукомъ! Тебя лишь надъ смертными женами львицей
„Зевсъ поставилъ; надъ ними свирѣпствовать далъ тебѣ волю.
„Лучше и легче тебѣ поражать по горамъ и долинамъ
„Ланей и дикихъ звѣрей, чѣмъ съ сильнѣйшими въ крѣпости спорить.
„Если жъ ты хочешь извѣдать и брани, теперь же узнаешь,
„Сколько тебя я сильнѣе, когда на меня ты дерзаешь!

Такъ лишь сказала, и руки богини своею рукою
Лѣвой хватаетъ, а правою, лукъ за плечами сорвавши,
Лукомъ, съ усмѣшкою горькою, бьетъ вкругъ ушей Артемиду;
Быстро она отвращаясь, разсыпала звонкія стрѣлы,
И наконецъ убѣжала въ слезахъ. Такова голубица,
Ястреба робкая взвидя, въ разсѣлину камня влетаетъ,
Въ темную нору, когда ей не сужено быть уловленной:
Такъ Артемида въ слезахъ убѣжала, и лукъ свой забыла.
Летѣ богинѣ тогда возгласилъ возвѣстительный Гермесъ:

„Лета! сражаться съ тобой ни теперь я, ни впредь не намѣренъ:
„Трудно сражаться съ супругами тучегонителя Зевса.
„Можешь, когда ты желаешь, торжественно между безсмертныхъ
„Можешь хвалиться, что силой ты страшной меня побѣдила.

Такъ говорилъ онъ; а Лета сбирала и лукъ, и изъ тула
Врознь по песчанымъ зыбямъ разлетѣвшіясь легкія стрѣлы.
Всѣ ихъ собравши богиня, пошла за печальною дщерью.
Та же взошла на Олимпъ, въ мѣднозданный чертогъ Громовержца;
Сѣла, слезы лія, на колѣни родителя дѣва;
Риза на ней благовонная вся трепетала. Кроніонъ
Къ сердцу дочерь прижалъ, и вѣщалъ къ ней съ пріятной усмѣшкой:
„Дочь моя милая! кто изъ безсмертныхъ тебя дерзновенно
„Такъ оскорбилъ, какъ бы явное ты сотворила злодѣйство?

Зевсу прекрасно вѣнчанная ловли царица вѣщала:
„Гера, твоя супруга, родитель, меня оскорбила,
„Гера, отъ коей и распря и брань межъ богами пылаетъ.

Такъ небожители боги, сидя на Олимпѣ, вѣщали.
Тою порой Аполлонъ вступилъ въ священную Трою:
Сердцемъ заботился онъ, да твердынь благозданнаго града
Сила Данаевъ, судьбѣ вопреки, не разрушитъ въ день оный.
Прочіе всѣ на Олимпъ возвратилися вѣчные боги,
Гнѣвомъ пылая одни, а другіе славой сіяя.
Сѣли они вкругъ Отца громоноснаго. Сынъ же Пелеевъ
Въ грозномъ бою истреблялъ и Троянъ и коней звуконогихъ.
Словно какъ дымъ отъ пожара, столпомъ до высокаго неба

Всходитъ надъ градомъ пылающимъ, гнѣвомъ боговъ воздвизаемъ:
Всѣмъ онъ труды, и печали несчетныя многимъ наноситъ:
Такъ Ахиллесъ наносилъ и труды и печали Троянамъ.

Царь Иліона, Пріамъ престарѣлый на башнѣ священной
Стоя, узрѣлъ Ахиллеса ужаснаго: всѣ предъ героемъ
Трои сыны убѣгая толпилися; противуборства
Болѣе не было. Онъ зарыдалъ, и сошедши на землю,
Громко приказывалъ старецъ воротъ защитителямъ славнымъ:
Настежь ворота, въ рукахъ вы держите, пока ополченья
„Въ городъ всѣ не укроются, съ поля бѣгущія: близокъ
„Грозный Пелидъ ихъ гонящій! приходитъ намъ тяжкая гибель!
„Но, какъ скоро вбѣгутъ, и въ стѣнахъ успокоятся рати,
„Вновь затворите ворота и плотные створы заприте.
„Я трепещу, чтобы мужъ сей погибельный въ градъ не ворвался!

Рекъ онъ; и стражи, отдвинувъ запоръ, распахнули ворота.
Многимъ они растворенныя свѣтъ даровали; на встрѣчу
Вылетѣлъ Фебъ, чтобъ отъ Трои сыновъ отразить истребленье.
Рати жъ Троянскія къ городу прямо, къ твердынѣ высокой,
Жаждой палимыя, прахомъ покрытыя, съ браннаго поля
Мчалися; бурно ихъ гналъ онъ копьемъ; непрестанно въ немъ сердце
Страшнымъ пылало свирѣпствомъ, неистово славы алкалъ онъ.
Взялибъ въ сей день Аргивяне высоковоротную Трою,
Если бы Фебъ Аполлонъ не воздвигнулъ Агѐнора мужа,
Вѣтвь Антенора сановника, славнаго, сильнаго въ битвахъ;
Фебъ ему сердце наполнилъ отвагой, и самъ недалеко
Сталъ, чтобъ надъ мужемъ удерживать руки тяжелыя Смерти,
*

Къ дереву буку склонясь, и покрывшися облакомъ темнымъ.
Тотъ же, какъ скоро увидѣлъ рушителя стѣнъ Ахиллеса,
Сталъ; но не разъ у него колебалось тревожное сердце.
Тяжко вздохнувъ, говорилъ онъ съ своей благородной душею:
„Горе мнѣ! ежели я оробѣвъ, предъ ужаснымъ Пелидомъ
„Въ бѣгъ обращусь, какъ бѣгутъ и другіе, смятенные страхомъ.
„Быстрый догонитъ меня, и главу, какъ у робкаго, сниметъ!
„Если же сихъ, по долинѣ бѣгущихъ, преслѣдовать дамъ я
„Сыну Пелея, а самъ одинокій въ сторону града
„Брошусь бѣжать по Илійскому полю, пока не достигну
„Иды лѣсистыхъ вершинъ, и въ кустарникѣ частомъ не скроюсь?
„Тамъ я, какъ вечеръ наступитъ, въ потокѣ омоюсь отъ пота,
„И освѣжася, подъ сумракомъ вновь въ Иліонъ возвращуся.
„Но не напрасно ль ты сердце въ подобныхъ волнуешься думахъ?
„Если меня вдалекѣ онъ отъ города, въ полѣ увидитъ?
„Если ударясь въ погоню, меня быстроногій нагонитъ?
„О! не избыть мнѣ тогда отъ суроваго рока и смерти!
„Сей человѣкъ несравненно могучѣе всѣхъ человѣковъ!
„Если жъ ему самому передъ градомъ я противустану? . . .
„Тѣло его, какъ и всѣхъ, проницаемо острою мѣдью;
„Тажъ и одна въ немъ душа, и онъ смертныхъ зовется онъ смертнымъ;
„Но Кронидъ лишь ему и побѣду и славу даруетъ!

Такъ произнесъ, и уставясь на бой, ожидалъ Ахиллеса:
Храброе сердце стремило его воевать и сражаться.
Словно какъ смѣлый барсъ, изъ опушки глубокаго лѣса
Прямо выходитъ на мужа ловца, и невѣдущій страха,
Онъ не смущается, онъ не бѣжитъ при раздавшемся лаѣ;

Даже когда и стрѣлой, иль копьемъ его ловчій умѣтитъ;
Онъ, не взирая, что самъ копьемъ прободенъ, не бросаетъ
Пламенной битвы, пока не сразитъ, или самъ не простреmся:
Такъ Антеноровъ сынъ, воеватель безстрашный Агѐноръ
Съ поля сойти не рѣшался, пока не извѣдалъ Пелида.
Онъ, передъ грудью уставивши выпуклый щитъ круговидный,
Мѣтилъ копьемъ на него, и грозился, крича громозвучно:
„Вѣрно надежду ты въ сердцѣ питалъ, Ахиллесъ знаменитый,
„Нынѣшній день разоритъ обитель Троянъ благородныхъ?
„Нѣтъ, безразсудный, бѣдамъ еще многимъ свершиться за Трою!
„Много еще насъ во градѣ мужей и безстрашныхъ и сильныхъ,
„Кои готовы для нашихъ отцовъ, для супругъ и младенцевъ
„Градъ Иліонъ защищать, предъ которымъ найдешь ты погибель,
„Ты, и страшнѣйшій въ мужахъ и душею отважнѣйшій воинъ!

Рекъ, и сіяющій дротъ онъ рукою могучею рынулъ,
И не прокинулъ; умѣтилъ его въ подколѣнное берцо;
Окрестъ ноги оловянная, новая кованъ, поножа
Страшный звонъ издала; но суровая мѣдь отскочила
Вспять отъ ноги; не прошла, отраженная божескимъ даромъ.
Тутъ Ахиллесъ на подобнаго богу Агѐнора прянулъ
Пламенный; но Аполлонъ ему славой украситься не далъ:
Быстро похитилъ Троянца, и мракомъ покрывши глубокимъ,
Мирно ему отъ боя опаснаго далъ удалиться;
Самъ же Пелеева сына коварствомъ отвлекъ отъ народа:
Образъ принявши Агѐнора, богъ Аполлонъ сребролукій,
Сталъ предъ очами его, и за нимъ онъ ударился гнаться.—
Тою порой, какъ Пелидъ по равнинѣ, покрытой пшеницей,

Феба преслѣдовалъ, вспять близъ глубокопучиннаго Ксанѳа,
Чуть уходящаго: хитростью богъ обольщалъ человѣка,
Льстя безпрестанной надеждой, что онъ быстроногій нагонитъ:
Тою порою Трояне, бѣгущіе съ поля, толпами
Радостно къ граду примчались; бѣгущими градъ наполнялся.
Всѣ укрывались, никто не дерзалъ за стѣною, внѣ града,
Ждать остальныхъ и развѣдывать, кто изъ товарищей спасся,
Кто на сраженьи погибъ; но въ радости сердца, какъ волны,
Хлынули въ городъ, которыхъ спасли только быстрыя ноги.

ПѢСНЬ XXII.

СОДЕРЖАНІЕ.

Все Троянское воинство убѣгаетъ въ городъ; Гекторъ одинъ остается въ полѣ, у воротъ Скейскихъ. Между тѣмъ Ахиллесъ, узнавъ обманъ Аполлона, котораго подъ видомъ Агенора преслѣдовалъ, возвращается къ городу, ст. 1 — 24. Отецъ и мать убѣждаютъ Гектора войти въ стѣны, 25—89; тщетно: стыдомъ и другими чувствами удерживаемый, онъ остается, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ встрѣтить Ахиллеса, 90—130; но съ приближеніемъ героя, приходитъ въ страхъ и убѣгаетъ. Ахиллесъ, его преслѣдуя, три раза гонитъ около города, 131 — 165. Всѣ боги на нихъ смотрятъ; Зевсъ изъявляетъ сострадавіе объ Гекторѣ; Аѳина негодуетъ, и по волѣ отца низходитъ съ Олимпа, чтобы участвовать въ битвѣ героевъ, 166—187. Когда оба они уже въ четвертый разъ прибѣжали къ ключамъ Скамандра, Зевсъ полагаетъ на вѣсы ихъ жребіи: Гекторовъ преклоняется, 188—212; Аполлонъ оставляетъ его. Паллада является Ахиллесу, ободряетъ его, и сама, подъ видомъ Деифоба, брата Гекторова, явившись и ему, коварно убѣждаетъ сразиться съ Ахиллесомъ, 213—247. Такимъ образомъ герои сходятся къ единоборству; Гекторъ предлагаетъ условія; Ахиллесъ гордо отвергаетъ ихъ, 248 — 272. Оба съ равнымъ ожесточеніемъ сражаются. Гекторъ, потерявъ копье и видя, что жестоко обманутъ Аѳиною, отчаянно нападаетъ съ мечемъ; но Ахиллесъ пронзаетъ его копьемъ, 273—330. Гекторъ павъ, проситъ погребенія, но отринутый, предсказываетъ Ахиллесу близкую смерть, и испускаетъ духъ, 331 — 363. Ахиллесъ обнажаетъ его, предаетъ воинамъ на поруганіе, и наконецъ, привязавъ къ колесницѣ, увлекаетъ въ станъ, 364 — 404. Гектора оплакиваетъ весь городъ; такъ же Пріамъ, Гекуба, со стѣнъ его увидѣвшіе, и Андромаха, изъ дому прибѣжавшая, 405—515.

ПѢСНЬ XXII.

Съ ужасомъ въ городъ вбѣжавъ, какъ олени младые, Трояне
Потъ прохлаждали, пили и жажду свою утоляли,
Вдоль по стѣнѣ на забрала склоняяся; но Аргивяне
Подъ стѣну прямо неслися, щиты къ раменамъ преклонивши.
Гекторъ же въ оное время, какъ скованный гибельнымъ рокомъ,
Въ полѣ остался, одинъ передъ Троей и башнею Скейской.
Богъ Аполлонъ между тѣмъ провѣщалъ къ Пелеіону герою:
„Что ты меня, о Пелидъ, уповая на быстрыя ноги,
„Смертный, преслѣдуешь бога безсмертнаго? Или доселѣ
„Бога во мнѣ не узналъ, что безъ отдыха пышешь свирѣпствомъ?
„Ты пренебрегъ и опасность Троянъ, пораженныхъ тобою:
„Скрылись они уже въ стѣны; а ты здѣсь по полю рыщешь.
„Но отступи; не убьешь ты меня, не причастенъ я смерти.

Вспыхнувши гнѣвомъ, ему отвѣчалъ Ахиллесъ быстроногій:
„Такъ, обманулъ ты меня, о зловреднѣйшій между богами!
„Въ поле отвлекъ отъ стѣны! Безъ сомнѣнія многимъ еще бы
„Землю зубами глодать, до того какъ сокрылися въ Трою!
„Славы прекрасной меня ты лишилъ; а сыновъ Иліона
„Спасъ безъ труда, ни чьего не страшася отмщенія послѣ. . .

„Я отомстилъ бы тебѣ, когда бъ то возможно мнѣ было!

Такъ произнесъ онъ, и къ граду съ рѣшимостью гордой понесся
Бурный, какъ конь съ колесницей, всегда побѣдительный въ бѣгѣ,
Быстро несется къ метѣ, разстилаясь по чистому полю:
Такъ Ахиллесъ оборачивалъ быстро могучія ноги.

Первый старецъ Пріамъ со стѣны Ахиллеса увидѣлъ,
Полемъ летящаго, словно звѣзда, окруженнаго блескомъ;
Словно звѣзда, что подъ осень съ лучами огнистыми всходитъ,
И между звѣздъ неисчетныхъ сіяетъ въ сумракахъ ночи:
(Псомъ Оріона се нарицаютъ сыны человѣковъ:)
Всѣхъ свѣтозарнѣе блещетъ; но знаменьемъ грознымъ бываетъ;
Злыя она огневицы наноситъ смертнымъ несчастнымъ:
Такъ у героя бѣгущаго мѣдь вкругъ персей блистала.
Вскрикнулъ Пріамъ; сѣдую главу поражаетъ руками,
Къ небу длани подъемлетъ, и горестнымъ голосомъ вопитъ,
Слезно молящій любезнаго сына; но тотъ предъ вратами
Молча стоитъ, безпредѣльно пылая сразиться съ Пелидомъ,
Жалобно старецъ къ нему и слова простираетъ и руки:
„Гекторъ, возлюбленный сынъ мой! Не жди ты сего человѣка
„Въ полѣ одинъ, безъ друзей, да своей не найдешь ты кончины,
„Сыномъ Пелея сраженный: тебя онъ могучѣе въ битвахъ!
„Лютый! когда бы онъ былъ и безсмертнымъ столько жъ любезенъ,
„Сколько мнѣ: о, давно бъ уже трупъ его псы растерзали;
„Тяжкая горесть моя у меня отступила бъ отъ сердца!
„Сколько сыновъ у меня онъ младыхъ и могучихъ похитилъ,
„Или убивъ, иль продавъ племенамъ острововъ отдаленныхъ!

„Вотъ, и теперь Ликаона нѣтъ, и нѣтъ Полидора;
„Ихъ обоихъ я не вижу, въ толпахъ заключившихся въ стѣны,
„Юношей милыхъ, рожденныхъ царицею женъ Лаоѳоей.
„О! если живы они, но въ плѣну; изъ Ахейскаго стана
„Ихъ мы искупимъ и мѣдью и златомъ: обильно ихъ дома;
„Много сокровищъ за дочерью выдалъ мнѣ Альтъ знаменитый.
„Если жъ погибли они и уже въ Айдесовомъ домѣ;
„Горе и мнѣ и матери, кои на скорбь ихъ родили!
„Но народу Троянскому горести менѣе будетъ,
„Только бы ты не погибъ, Ахиллесомъ ужаснымъ сраженный.
„Будь же ты съ нами, сынъ милый! Войди въ Иліонъ, да спасешь ты
„Женъ и мужей Иліонскихъ, да славы не даруешь громкой
„Сыну Пелея, и жизни сладостной самъ не лишишься!
„О! пожалѣй и о мнѣ ты, пока я дышу еще, бѣдномъ,
„Старцѣ злосчастномъ, котораго Зевсъ предъ дверями могилы
„Казнью ужасной казнитъ, принуждая всѣ бѣдствія видѣть:
„Видѣть сыновъ убиваемыхъ, дщерей въ неволю влекомыхъ,
„Домы Пергама громимые, самыхъ младенцевъ невинныхъ
„Видѣть объ долъ разбиваемыхъ, въ сей разрушительной брани,
„И невѣстокъ влачимыхъ руками свирѣпыхъ Данаевъ! . . .
„Самъ я послѣдній паду, и меня на порогѣ домашнемъ
„Алчные псы растерзаютъ, когда смертоносною мѣдью
„Кто либо въ сердце умѣтитъ и душу изъ персей исторгнетъ,
„Псы, что вскормилъ при моихъ я трапезахъ, привратные стражи,
„Кровью упьются моей, и унылые сердцемъ, на прагѣ
„Лягутъ при тѣлѣ моемъ искаженномъ! О, юношѣ славно,
„Какъ ни лежитъ онъ упавшій въ бою, и растерзанный мѣдью:
„Все у него и у мертваго, что ни открыто, прекрасно!

„Если жъ сѣдую браду и сѣдую главу человѣка,
„Ежели стыдъ у старца убитаго псы оскверняютъ;
„Участи болѣе горестной нѣтъ человѣкамъ несчастнымъ!

Такъ вопіялъ, и свои сребристые волосы старецъ
Рвалъ на главѣ; но у Гектора сына души не подвигнулъ.
Матерь за нимъ, на другой сторонѣ, возопила рыдая;
Перси рукой обнаживъ, а другою на грудь указуя,
Сыну, ліющая слезы, крылатую рѣчь устремляла:
„Сынъ мой! почти хоть сіе; пожалѣй хоть матери бѣдной!
„Если я дѣтскій твой плачь утоляла отрадною грудью,
„Вспомни объ ономъ, любезнѣйшій сынъ, и ужаснаго мужа,
„Въ стѣны вошедъ, отражай; передъ нимъ ты не стой одинокій!
„Если, неистовый, онъ одолѣетъ; тебя, о мой Гекторъ,
„Милую отрасль мою, ни я на одрѣ не оплачу,
„Ни Андромаха супруга; далеко отъ насъ отъ обѣихъ,
„Въ станѣ тебя Мирмидонскомъ свирѣпые псы растерзаютъ!

Такъ рыдая они, говорили къ любезному сыну;
Такъ умоляли; но Гектора въ персяхъ души не подвигли.
Онъ ожидалъ Ахиллеса великаго, нетшагось прямо.
Словно какъ горный драконъ, у пещеры ждетъ человѣка,
Травъ ядовитыхъ нажравшись; и черной наполняся злобой,
Въ стороны страшно глядитъ, извиваяся вкругъ надъ пещерой:
Гекторъ таковъ, несмиримаго мужества полный, стоялъ тамъ,
Выпуклосвѣтлымъ щитомъ упершись въ основаніе башни;
Мрачно вздохнувъ наконецъ, говорилъ онъ въ душѣ возвышенной:
„Стыдъ мнѣ, когда я, какъ робкій, въ ворота и стѣны укроюсь!

„Первый Полидамасъ на меня укоризны положитъ:
„Полидамасъ мнѣ совѣтовалъ ввести ополченія въ городъ,
„Въ оную ночь роковую, какъ вновь Ахиллесъ ополчился.
„Я не послушалъ; но вѣрно полезнѣе было бъ послушать!
„Такъ, Троянскій народъ погубилъ я моимъ безразсудствомъ.
„О! стыжуся Троянъ и Троянокъ длинноодежныхъ!
„Гражданинъ, самой послѣдній, можетъ сказать въ Иліонѣ:
„Гекторъ народъ погубилъ, на свою понадѣявшись силу!
„Такъ Иліоняне скажутъ.—Стократъ благороднѣе будетъ
„Противустать и Пелеева сына убивъ возвратиться,
„Или въ сраженіи съ нимъ передъ Троею славно погибнуть!
„Но.... и почто же? Если оставлю щитъ свѣтлобляшный,
„Шлемъ тяжелый сложу, и копье прислонивши къ твердынѣ,
„Самъ я пойду и предстану Пелееву славному сыну?
„Если ему обѣщаю, Елену и вмѣстѣ богатства
„Всѣ совершенно, какія Парисъ въ корабляхъ глубодонныхъ
„Съ нею привезъ въ Иліонъ, роковое раздора начало!
„Выдать Атридамъ, и вмѣстѣ при томъ раздѣлить Аргивянамъ
„Всѣ остальныя богатства, какія лишь Троя вмѣщаетъ?
„Если съ Троянъ наконецъ я потребую клятвы старѣйшинъ:
„Намъ ничего не скрывать, но представить всѣ для раздѣла
„Наши богатства, какія лишь градъ заключаетъ любезный? . . . .
„Боги! какимъ предаюся я помысламъ? Нѣтъ, къ Ахиллесу
„Я не пойду, какъ молитель!—Не сжалится онъ надо мною,
„Онъ не уважитъ меня; нападетъ, и меня безъ оружій
„Нагло убьетъ онъ, какъ женщину, если доспѣхъ я оставлю.
„Нѣтъ, теперь не година съ зеленаго дуба, иль съ камня,
„Намъ съ нимъ бесѣдовать мирно, какъ юноша съ сельскою дѣвой:

„Юноша, съ сельскою дѣвою свидясь, бесѣдуетъ мирно;
„Намъ же къ сраженію лучше сойтись! и не медля увидимъ,
„Славу кому между насъ даровать Олимпіецъ разсудитъ!

Такъ размышляя стоялъ; а къ нему Ахиллесъ приближался,
Грозенъ, какъ богъ Эніалій, сверкающій шлемомъ по сѣчѣ;
Ясень отцовъ Пеліонскій на правомъ плечѣ колебалъ онъ
Страшный; вокругъ его мѣдь ослѣпительнымъ свѣтомъ сіяла,
Будто огонь пылающій, будто всходящее солнце.
Гекторъ увидѣлъ, и страхъ его обнялъ; больше не могъ онъ
Тамъ оставаться; отъ Скейскихъ воротъ побѣжалъ устрашенный.
Бросился гнаться Пелидъ, уповая на быстрыя ноги.
Словно соколъ на горахъ, изъ пернатыхъ быстрѣйшая птица,
Вдругъ съ быстротой несказанной за робкой несется голубкой;
Въ стороны вьется она, а соколъ по-задъ нею; и часто
Разомъ онъ крикнетъ и кинется, жадный добычу похитить:
Такъ онъ за Гекторомъ пламенный гнался; а трепетный Гекторъ
Вдоль подъ стѣной убѣгалъ, и быстро оборачивалъ ноги.
Мимо холма и смоковницы съ вѣтрами вѣчно шумящей
Оба вдали, отъ стѣны, колесничной дорогою мчались;
Оба къ ключамъ свѣтлоструйнымъ примчалися, гдѣ съ быстротою
Два вытекаютъ источника быстропучиннаго Ксанѳа.
Теплой водою струится одинъ, и кругомъ непрестанно
Паръ отъ него подымается, словно какъ дымъ отъ огнища;
Но источникъ другой и средь лѣта студеный катится,
Хладный какъ градъ, какъ снѣгъ, какъ въ кристаллъ превращенная влага.
Тамъ близъ ключей водоемы широкіе, оба изъ камней
Были красиво устроены; къ нимъ свои бѣлыя ризы

Жены Троянъ и прекрасныя дщери ихъ мыть выходили
Въ прежніе, мирные дни, до нашествія рати Ахейской.
Тамъ прорыстали они, и бѣгущій и быстро гонящій.
Сильный бѣжалъ впереди, но преслѣдовалъ много сильнѣйшій,
Бурно несясь: не о жертвѣ они, не о кожѣ воловой
Спорились бѣгомъ: обычная мзда по ногамъ бѣгоборцевъ;
Нѣтъ, объ жизни ристалися Гектора конника Трои.
И, какъ на играхъ, умершему въ почесть, побѣдные кони
Окресть меты бѣговой съ быстротою чудесною скачутъ;
Славная ждетъ ихъ награда, младая жена, иль треножникъ:
Такъ троекратно они предъ великою Троей кружились,
Быстро несящіесь.—Всѣ божества на героевъ смотрѣли;
Слово межъ оными началъ Отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ.
„Горе! любезнаго мужа, гонимаго около града,
„Видятъ очи мои, и болѣзнь проходитъ мнѣ сердце!
„Гекторъ, мужъ благодушный, тельчія, тучныя бедра
„Мнѣ возжигалъ въ благовоніе, часто на Идѣ холмистой,
„Часто на выси Пергамской; а днесь Ахиллесъ градоборецъ
„Гектора около града преслѣдуетъ, бурный ристатель.
„Боги, размыслите вы, и совѣтомъ сердецъ положите,
„Гектора мы сохранимъ ли отъ смерти, или напослѣдокъ
„Сыну Пелея дадимъ побѣдить знаменитаго мужа.

Зевсу не медля рекла свѣтлоокая дѣва Паллада:
„Молніеносный отецъ, чернооблачный! Что ты вѣщаешь?
„Смертнаго мужа, издревле судьбѣ обреченнаго общей,
„Хочешь ты, Зевсъ, разрѣшить совершенно отъ смерти печальной?
„Волю твори; но не всѣ на нее согласимся мы боги!

Ей не медля отвѣтствовалъ тучегонитель Кроніонъ:
„Бодрствуй, Тритонія, милая дочь! Не съ намѣреньемъ въ сердцѣ
„Я говорю, и съ тобою милостивъ быть я желаю.
„Волю твори, и желаніе сердца не медля исполни.

Рекъ, и возжегъ еще болѣ пылавшую сердцемъ Аѳину;
Бурно она понеслась, отъ Олимпа высокаго бросясь.

Гектора жъ, въ бѣгствѣ преслѣдуя, гналъ Ахиллесъ непрестанно.
Словно какъ песъ по горамъ молодаго гонитъ оленя,
Съ лога поднявъ, и несется за нимъ по кустамъ и оврагамъ;
Даже и скрывшагось, если онъ въ страхѣ подъ кустъ припадаетъ,
Чуткій слѣдитъ и бѣжитъ безпрестанно, пока не отыщетъ:
Такъ Пріамидъ отъ Пелида не могъ отъ быстраго скрыться.
Сколько онъ разъ ни пытался, у вратъ пробѣгая Дарданскихъ,
Броситься прямо къ стѣнѣ, подъ высоковершинныя башни,
Гдѣ бы Трояне его съ высоты защитили стрѣлами;
Столько разъ Ахиллесъ, упредивъ, отбивалъ Пріамида
Въ поле; а самъ непрестанно, держася твердыни, летѣлъ онъ.
Словно во снѣ человѣкъ изловить человѣка не можетъ;
Сей убѣжать, а другой уловить напрягается тщетно:
Такъ и герои, ни сей не догонитъ, ни тотъ не уходитъ.
Какъ бы и могъ Пріамидъ избѣжать отъ судьбы и отъ смерти,
Еслибъ ему, и въ послѣдній ужъ разъ, Аполлонъ не явился:
Онъ возбуждалъ Пріамиду и силы и быстрыя ноги.
Войскамъ межъ тѣмъ помавалъ головою Пелидъ быстроногій,
Имъ запрещая бросать противъ Гектора горькія стрѣлы,
Славы бъ не отнялъ пронзившій, а онъ бы вторымъ не явился.

Но лишь въ четвертый разъ до Скамандра ключей прибѣжали;
Зевсъ распростеръ, промыслитель, вѣсы золотыя; на нихъ онъ
Бросилъ два жребія Смерти, въ сонъ погружающей долгій:
Жребій одинъ Ахиллеса, другой Пріамова сына.
Взялъ по срединѣ и поднялъ: поникнулъ Гектора жребій,
Тяжкій къ Аиду низшелъ; Аполлонъ отъ него удалился.
Сыну жъ Пелея съ сіяющимъ взоромъ явилась Паллада;
Близко пришла, и къ нему провѣщала крылатыя рѣчи:
„Нынѣ, надѣюсь, любимецъ боговъ, Ахиллесъ благородный!
„Славу великую мы принесемъ на суда Мирмидонянъ:
„Гектора мы поразимъ, ненасытнаго боемъ героя.
„Болѣе, мню я, отъ нашей руки не избыть Пріамиду,
„Сколько ни будетъ о томъ Аполлонъ стрѣлометный трудиться,
„Распростирающійся предъ могучимъ Отцемъ громовержцемъ.
„Стань и вздохни, Пелеіонъ; Пріамида сведу я съ тобою,
„И сама преклоню, да противу тебя онъ сразится.

Такъ говорила; Пелидъ покорился, и радости полный,
Сталъ, опершись на сіяющій ясень свой мѣдноконечный.
Зевсова дочь устремилася, Гектора быстро настигла,
И уподобясь Дейфобу и видомъ и голосомъ звучнымъ,
Стала предъ нимъ, и крылатыя рѣчи коварно вѣщала:
„Братъ мой почтенный! жестоко тебя Ахиллесъ утѣсняетъ,
„Около града Пріамова бурнымъ преслѣдуя бѣгомъ.
„Но остановимся здѣсь, и могучаго встрѣтимъ безстрашно!

Ей отвѣтствовалъ сильный, шеломомъ сверкающій Гекторъ:
„О Дейфобъ! и всегда ты, съ младенчества, былъ мнѣ любезенъ

„Болѣе всѣхъ моихъ братьевъ, Пріама сыновъ и Гекубы;
„Нынѣ жъ и прежняго болѣе долженъ тебя почитать я:
„Ради меня ты отважился, видя единаго въ полѣ,
„Выдти изъ стѣнъ, тогда какъ другіе въ стѣнахъ остаются.

Вновь говорила ему свѣтлоокая дочь Громовержца
„Гекторъ, меня умоляли отецъ и почтенная матерь,
„Ноги мои обнимая; меня и друзья умоляли
„Съ ними остаться: такимъ они всѣ преисполнены страхомъ.
„Но по тебѣ сокрушалось тоскою глубокою сердце.
„Станемъ надежно теперь, и сразимся мы пламенно: копій
„Не къ чему болѣ щадить; и увидимъ теперь, Ахиллесъ ли
„Насъ обоихъ умертвитъ, и кровавыя наши корысти
„Къ чернымъ судамъ повлечетъ, иль копьемъ онъ твоимъ укротится!

Такъ вѣщая, коварно впередъ выступала Паллада.
Оба героя сошлись, устремленные другъ противъ друга;
Первый къ Пелиду воскликнулъ шеломомъ сверкающій Гекторъ:
„Сынъ Пелеевъ, тебя убѣгать не намѣренъ я болѣ!
„Трижды предъ градомъ Пріамовымъ я пробѣжалъ, не дерзая
„Встрѣтить тебя нападавшаго; нынѣ же сердце велитъ мнѣ
„Стать и сразиться съ тобою; убью, или буду убитъ я!
„Прежде жъ боговъ мы возмемъ во свидѣтельство; лучшіе будутъ
„Боги свидѣтели клятвъ и хранители нашихъ условій:
„Тѣла тебѣ я не буду безчестить, когда Громовержецъ
„Даруетъ мнѣ устоять, и оружіемъ духъ твой исторгнуть;
„Славные только доспѣхи съ тебя, Ахиллесъ, совлеку я;
„Тѣло жъ отдамъ Мирмидонцамъ; и ты договоръ сей исполни.

Грозно взглянулъ на него и вскричалъ Ахиллесъ быстроногій:
„Гекторъ, врагъ ненавистный, не мнѣ предлагай договоры!
„Нѣтъ и не будетъ межъ львовъ и людей никакого союза;
„Волки и агнцы не могутъ дружиться согласіемъ сердца;
„Вѣчно враждебны они и зломышленны другъ противъ друга:
„Такъ и межъ насъ не возможна любовь; никакихъ договоровъ
„Быть между нами не можетъ, поколѣ одинъ, распростертый,
„Кровью своей не насытитъ свирѣпаго бога Арея!
„Все ты искуство ратное вспомни! Сего дня ты долженъ
„Быть копьеборцемъ отличнымъ, и воиномъ неустрашимымъ!
„Бѣгства тебѣ уже нѣтъ; подъ моимъ копьемъ Тритогена
„Скоро тебя укротитъ; и заплатишь ты разомъ за горе
„Друговъ моихъ, которыхъ избилъ ты свирѣпствуя мѣдью!

Рекъ онъ, и мощно потрясши послалъ длиннотѣнную пику.
Въ пору завидѣвъ ее, избѣжалъ шлемоблещущій Гекторъ;
Быстро приникъ онъ къ землѣ; и надъ нимъ пролетѣвшая пика
Въ землю вонзилась; но вырвавъ ее Ахиллесу Паллада,
Вновь подала, невидима Гектору коннику Трои.
Гекторъ же громко воскликнулъ къ Пелееву славному сыну:
„Праздепъ ударъ! и ни мало, Пелидъ, безсмертнымъ подобный,
„Доли моей не узналъ ты отъ Зевса, хотя возвѣщалъ мнѣ;
„Но говорливъ и коваренъ рѣчами ты былъ предо мною
„Съ цѣлью, чтобъ я оробѣвъ, потерялъ и отважность и силу.
„Нѣтъ, не бѣжать я намѣренъ; копье не въ хребетъ мнѣ вонзишь ты;
„Прямо лицемъ на тебя устремленному, грудь прободи мнѣ,
„Ежели богъ то судилъ! Но копья и сего берегися

„Мѣднаго! Если бы острое въ тѣло ты все его принялъ!
„Легче была бы кровавая брань для сыновъ Иліона,
„Еслибъ тебя сокрушилъ я, тебя, ихъ лютѣйшую гибель!

Рекъ онъ, и мощно сотрясши копье длиннотѣнное ринулъ,
И не прокинулъ: въ средину щита поразилъ Ахиллеса;
Но далеко оружіе щитъ отразилъ. Огорчился
Гекторъ, узрѣвъ, что копье безполезно изъ рукъ излетѣло;
Сталъ, и очи потупилъ: копья не имѣлъ онъ другаго.
Голосомъ звучнымъ на помощь онъ брата зоветъ Деифоба,
Требуетъ новаго дротика остраго: нѣтъ Деифоба.
Гекторъ постигъ то своею душею, и такъ говорилъ онъ:
„Горе! къ смерти меня всемогущіе боги призвали!
„Я помышлялъ, что со мною мой братъ, Деифобъ нестрашимый;
„Онъ же въ стѣнахъ Иліонскихъ: меня обольстила Паллада.
„Возлѣ меня—лишь смерть! и уже не избыть мнѣ ужасной!
„Нѣтъ избавленія! Такъ безъ сомнѣнія боги судили,
„Зевсъ и отъ Зевса родившійся Фебъ; милосердые прежде
„Часто меня избавляли; судьба наконецъ постигаетъ!
„Но не безъ дѣла погибну, во прахъ я паду не безъ славы;
„Нѣчто великое сдѣлаю, что и потомки услышатъ!

Такъ произнесъ, и исторгъ изъ влагалища ножъ изощренный,
Съ лѣваго боку висящій, ножъ и огромный и тяжкій;
Съ мѣста, напрягшися, бросился, словно орелъ небопарный,
Если онъ вдругъ изъ-за облаковъ сизыхъ на степь упадаетъ,
Нѣжнаго агнца, иль зайца пугливаго жадный похитить:
Гекторъ таковъ устремился, махая ножемъ смертоноснымъ.

Прянулъ и быстрый Пелидъ, и наполнился духъ его гнѣва
Бурнаго; онъ передъ грудью уставилъ свой щитъ велелѣпный,
Дивно украшенный; шлемъ на главѣ его, четвероблятный,
Зыблется свѣтлый, волнуется пышная грива златая,
Густо Гефестомъ разлитая окрестъ высокаго гребня.
Но какъ звѣзда межъ звѣздами въ сумракѣ ночи сіяетъ,
Гесперъ, который на небѣ прекраснѣе всѣхъ и свѣтлѣе:
Такъ Пелеїона сверкало копье изощренное, коимъ
Въ правой руки потрясалъ онъ, на Гектора жизнь умышляя,
Мѣста на тѣлѣ прекрасномъ ища для вѣрныхъ ударовъ.
Тѣло же все у героя доспѣхъ покрывалъ мѣднокованый,
Пышный, которой похитилъ онъ, мощь одолѣвши Патрокла.
Тамъ лишь, гдѣ выю ключи съ раменами связуютъ, гортани
Часть обнажалася, мѣсто, гдѣ гибель душѣ неизбѣжна:
Тамъ, налетѣвши, копьемъ Ахиллесъ поразилъ Пріамида;
Прямо сквозь бѣлую выю прошло смертоносное жало;
Только гортани ему не разсѣкъ сокрушительный ясень
Во все, чтобъ могъ умирающій нѣсколько словъ онъ промолвить;
Грянулся въ прахъ онъ; и громко вскричалъ Ахиллесъ величаясь:
„Гекторъ, Патрокла убилъ ты, и думалъ живымъ оставаться!
„Ты и меня не страшился, когда я отъ битвъ удалялся,
„Врагъ безразсудный! но мститель его, несравненно сильнѣйшій
„Нежели ты, за судами Ахейскими я оставался,
„Я, и колѣна тебѣ сокрушившій! Тебя для позора
„Птицы и псы разорвутъ; а его погребутъ Аргивяне.

Дышущій томно, ему отвѣчалъ шлемоблещущій Гекторъ:
„Жизнью тебя и твоими родными у ногъ заклинаю,

„О! не давай ты меня на терзаніе псамъ Мирмидонскимъ;
„Мѣди, цѣннаго злата, сколько желаешь ты, требуй;
„Вышлютъ тебѣ искупленье отецъ и почтенная матерь;
„Тѣло лишь въ домъ возврати, чтобъ Трояне меня и Троянки,
„Честь воздавая послѣднюю, въ домѣ огню пріобщили.

Мрачно смотря на него, говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
„Тщетно ты, песъ, обнимаешь мнѣ ноги и молишь родными!
„Въ ярости, если бы могъ, растерзалъ бы тебя я на части;
„Тѣло сырое твое пожиралъ бы я;—то ты мнѣ сдѣлалъ!
„Нѣтъ, человѣческій сынъ отъ твоей головы не отгонитъ
„Псовъ пожирающихъ! Если и въ десять, и въ двадцать кратъ мнѣ
„Пышныхъ даровъ привезутъ, и столько еще обѣщаютъ;
„Если тебя самаго прикажетъ на золото взвѣсить
„Царь Иліона Пріамъ; и тогда—на одрѣ погребальномъ
„Матерь Гекуба тебя, своего не оплачетъ рожденья;
„Птицы твой трупъ и псы Мирмидонскіе весь растерзаютъ!

Духъ испуская, къ нему провѣщалъ шлемоблещущій Гекторъ:
„Зналъ я тебя; предчувствовалъ я, что моимъ ты моленьемъ
„Тронутъ не будешь: въ груди у тебя желѣзное сердце.
„Но, трепещи, да не буду тебѣ я божіимъ гнѣвомъ,
„Въ оный день, когда Александръ и Фебъ дальновержецъ,
„Какъ ни могучаго, въ Скейскихъ воротахъ тебя ниспровергнутъ!

Такъ говорящаго Гектора мрачная смерть осѣняетъ:
Тихо душа, изъ устъ излетѣвши, нисходитъ къ Аиду,
Плачась на долю свою, оставляя и младость и крѣпость.

Но къ нему и къ умершему сынъ быстроногій Пелеевъ
Крикнулъ еще: „Умирай! а мою неизбѣжную смерть я
„Встрѣчу, когда ни пошлетъ Громовержецъ и вѣчные боги!

Такъ произнесъ, и изъ мертваго вырвалъ убійственный ясень,
Въ сторону бросилъ его, и доспѣхъ совлекалъ съ Дарданида,
Кровью облитый. Сбѣжались другіе Ахейскіе мужи;
Всѣ, изумляясь, смотрѣли на ростъ и на образъ чудесный
Гектора, и приближаяся, каждый произалъ его пикой.
Такъ говорили иные, одинъ на другаго взглянувши:
„О! несравненно теперь къ осязанію мягче сей Гекторъ,
„Нежели былъ, какъ бросалъ на суда пожирающій пламень!

Такъ не одинъ говорилъ, и копьемъ прободалъ приближаясь.
Но его между тѣмъ обнаживъ Ахиллесъ быстроногій,
Сталъ средь Ахеянъ, и къ нимъ устремилъ онъ крылатыя рѣчи:
„Други, герои Ахейцы, безстрашные слуги Арея!
„Мужа сего побѣдить наконецъ даровали мнѣ боги,
„Зла сотворившаго болѣе, нежели всѣ Иліонцы.
„Нынѣ, съ оружіемъ мы покусимся на градъ крѣпкостѣнный;
„Гражданъ Троянскихъ извѣдаемъ помыслы: какъ полагаютъ,
„Бросить ли замокъ высокій, сраженному сыну Пріама;
„Или держаться дерзаютъ, когда и вождя ихъ не стало?
„Но какимъ помышленіямъ сердце мое предается!
„Мертвый лежитъ у судовъ, не оплаканный, не погребенный,
„Другъ мой Патроклъ! Не забуду его, не забуду, пока я
„Между живыми влачусь и стопами земли прикасаюсь!
„Если жъ умершіе смертные память теряютъ въ Аидѣ;

„Буду я помнить и тамъ моего благороднаго друга!
„Нынѣ побѣдный Пеанъ воспойте Ахейскіе мужи;
„Мы же пойдемъ, волоча и его, къ кораблямъ быстролетнымъ.
„Добыли свѣтлой мы славы! поверженъ божественный Гекторъ!
„Гекторъ, котораго Трои сыны величали какъ бога!

Рекъ, и на Гектора онъ недостойное дѣло замыслилъ:
Самъ на обѣихъ ногахъ прокололъ ему жилы сухія,
Сзади отъ пятъ и до глезнъ, и продѣвши ремни, къ колесницѣ
Тѣло его привязалъ, а главу волочиться оставилъ;
Сталъ въ колесницу, и пышный доспѣхъ возвращенный поднявши,
Коней бичемъ поразилъ; полетѣли послушные кони.
Прахъ отъ влекомаго вьется столпомъ; по землѣ растрепавшись,
Черные кудри крутятся; глава Пріамида по праху
Бьется, прекрасная прежде; а нынѣ врагамъ Олимпіецъ
Далъ опозорить ее на родимой землѣ Иліонской!
Вся голова почернѣла подъ перстію.—Мать увидала,
Рветъ сѣдые власы, дорогое съ себя покрывало
Мечетъ далеко, и горестный вопль подымаетъ о сынѣ.
Горько рыдалъ и отецъ престарѣлый; кругомъ же граждане
Подняли плачъ; раздавалися вопли по цѣлому граду.
Было подобно, какъ будто отъ края до края, высокій
Весь Иліонъ отъ своихъ основаній въ огнѣ разсыпался!
Мужи держали съ трудомъ изступленнаго горестью старца,
Рвавшагось въ поле вратами Дарданскими выдти изъ града.
Онъ умолялъ ихъ тоскующій, онъ разстилался по праху,
Онъ говорилъ, называя по имени каждаго мужа:
„Други, пустите меня одного, не заботясь пустите

„Выйди изъ града! Одинъ я пойду къ кораблямъ Мирмидонскимъ;
„Буду молить я губителя, мрачнаго сердцемъ злодѣя:
„Можетъ быть, лѣта почтитъ онъ; надъ старостью, можетъ быть, дряхлой
„Сжалится: онъ человѣкъ, отца онъ такогожъ имѣетъ,
„Старца Пелея, который его породилъ и взлелѣялъ
„Къ горю Троянъ, и стократъ къ жесточайшему горю Пріама!
„Сколько сыновъ у меня онъ похитилъ во цвѣтѣ ихъ жизни!
„Но обо всѣхъ сокрушаюсь я менѣе, чѣмъ объ единомъ!
„Горесть о немъ неутѣшная скоро сведетъ меня къ гробу,
„Горесть о Гекторѣ! О, хоть на сихъ бы рукахъ онъ скончался!
„Мы бы хоть душу насытили плачемъ надъ нимъ и рыданьемъ,
„Я, безотрадный отецъ, и его злополучная матерь!

Такъ говорилъ онъ рыдая; и съ старцемъ стенали Трояне.
„Но межъ Троянокъ Гекуба плачевнѣйшій вопль подымаетъ:
„Сынъ мой, мнѣ злополучной почто еще жить для страданій,
„Все потерявшей съ тобою! Моею и дни ты и ночи
„Славою былъ въ Иліонѣ, всеобщей надеждою въ царствѣ
„Женъ и мужей Иліонскихъ! Тебя, какъ хранителя бога,
„Всюду встрѣчали они; величайшею былъ ты ихъ славой
„Въ жизни своей; и тебя, намъ безцѣннаго, смерть обымаетъ!

Плакала мать. Но еще ничего не слыхала супруга
Въ домѣ объ Гекторѣ; вѣстникъ еще не являлся къ ней вѣрный
Вѣсть объявить, что супругъ за вратами въ полѣ остался.
Ткала одежду она въ отдаленнѣйшемъ теремѣ дома,
Яркую ткань, и цвѣтные по ней разсыпала узоры.
Прежде жъ дала повелѣнье прислужницамъ пышноволосымъ,

Огнь развести подъ великимъ треногомъ, да будетъ готова
Гектору теплая ванна, какъ съ боя онъ въ домъ возвратится:
Бѣдная! думъ не имѣла, что Гекторъ далеко отъ дома
Палъ подъ рукой Ахиллеса, смиренъ свѣтлоокой Аѳиной.
Вдругъ Андромаха услышала крики и вопли на башнѣ,
Вздрогнула вся, и челнокъ изъ руки на помостъ уронила;
Встала, и къ двумъ говорила прислужницамъ пышноволосымъ:
„Встаньте, идите за мной; посмотрю я, что совершилось?
„Слышу почтенной свекрови я крикъ: подымается сердце;
„Бьется, какъ вырваться хочетъ; колѣна мои цѣпенѣютъ!
„Близкая вѣрно бѣда Дарданида сынамъ угрожаетъ? . . . .
„О! удалися отъ слуха подобная вѣсть! Но отъ страха
„Я трепещу. . . . Не безстрашнаго ль Гектора богу подобный
„Въ полѣ, отрѣзавъ отъ стѣнъ, Ахиллесъ одинокаго гонитъ?
„Боги! уже не смиряетъ ли храбрость его роковую,
„Коей онъ дышетъ! Въ толпѣ никогда не останется Гекторъ;
„Первый впередъ полетитъ, никому не уступитъ въ геройствѣ!

Такъ произнесши, изъ терема бросилась, будто Менада,
Съ сильно трепещущимъ сердцемъ, и обѣ прислужницы слѣдомъ;
Быстро на башню взошла, и сквозь сонмъ пролетѣвши народный,
Стала, со стѣнъ оглянулась кругомъ, и его увидала
Тѣло, влачимое въ прахѣ; безжалостно бурные кони
Полемъ его волокли, къ кораблямъ быстролетнымъ Ахеянъ.
Темная ночь Андромахины ясныя очи покрыла;
Навзничъ упала она и, казалося, духъ испустила.
Спала съ нее и далеко разсыпалась пышная повязь,
Ленты, прозрачная сѣть, и прекрасно плетеныя тесмы;

Спалъ и покровъ, блистательный даръ золотой Афродиты,
Данный въ день оный царевнѣ, какъ Гекторъ ее мѣднолатный
Изъ дому взялъ Гетіона, отдавши несмѣтное вѣно.
Вкругъ Андромахи невѣстки ея и золовки толпяся,
Блѣдную долго держали, казалось, убитую скорбью.
Въ чувство пришедши она, и дыханіе въ персяхъ собравши,
Горько на взрыдъ зарыдала, и плакъ среди женъ говорила:
„Гекторъ, о горе мнѣ бѣдной! Мы съ одинакою долей
„Оба родилися: ты въ Иліонѣ, въ Пріамовомъ домѣ;
„Я злополучная въ Ѳивахъ, при скатахъ лѣсистаго Плака,
„Въ домѣ царя Гетіона; меня возрастилъ онъ отъ дѣтства
„Смертный несчастный несчастную. О, для чего я родилась!
„Ты, о супругъ мой, въ Аидовы домы, въ подземныя бездны
„Сходишь на вѣкъ, и меня къ неутѣшной тоскѣ покидаешь
„Въ домѣ вдовою; а сынъ, злополучными нами рожденный,
„Бѣдный и сирый младенецъ! Увы, ни ему ты не будешь
„Въ жизни отрадою, Гекторъ: ты палъ! ни тебѣ онъ не будетъ!
„Ежели онъ и спасется въ погибельной брани Ахейской,
„Трудъ безпрерывный его, безконечное горе въ грядущемъ
„Ждутъ безпокровнаго: чуждый захватитъ сиротскія нивы.
„Съ днемъ сиротства сирота и товарищей дѣтства теряетъ;
„Бродитъ одинъ, съ головою пониклой, съ заплаканнымъ взоромъ.
„Въ нуждѣ приходитъ ли онъ къ отцовымъ друзьямъ, и просящій,
„То одного, то другаго смиренно касается ризы;
„Сжалясь, иной сиротливому чару едва наклоняетъ,
„Только уста омочаетъ, и неба въ устахъ не омочитъ.
„Чаще жъ его отъ трапезы счастливецъ семейственный гонитъ,
„И толкая рукой и обидной преслѣдуя рѣчью:

„Прочь ты исчезни! не твой здѣсь отецъ пируетъ съ друзьями!
„Плачущій къ матери, къ бѣдной вдовицѣ дитя возвратится,
„Астіанаксъ мой, который всегда у отца на колѣнахъ
„Мозгомъ лишь агнцевъ питался и тукомъ овецъ среброрунныхъ;
„Если же сонъ обнималъ, утомленнаго играми дѣтства,
„Сладостно спалъ онъ на ложѣ, при лонѣ кормилицы нѣжномъ,
„Въ мягкой постелѣ своей, удовольствіемъ сердца блистая.
„Что же теперь испытаетъ, лишенный родителя, бѣдный
„Астіанаксъ нашъ! котораго такъ называютъ Трояне:
„Ибо одинъ защищалъ ты врата и Троянскія стѣны,
„Гекторъ; а нынѣ, у вражьихъ судовъ, далеко отъ родимыхъ
„Черви тебя пожираютъ, раздраннаго псами, нагаго!
„Нагъ ты лежишь! а тебѣ одѣянія сколько въ чертогахъ,
„Ризъ и прекрасныхъ и тонкихъ, сотканныхъ руками Троянокъ!
„Всѣ ихъ теперь я, несчастная, въ огненный пламень повергну!
„Сдѣлалъ ты ихъ безполезными; въ нихъ и лежать ты не будешь!
„Въ сонмѣ Троянъ и Троянокъ сожгу ихъ, тебѣ я во славу!

Такъ говорила рыдая; и съ нею стенали Троянки.

ПѢСНЬ XXIII.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ахиллесъ, возвратяся въ станъ, начинаетъ съ Мирмидонцами обрядъ погребенія Патрокла: самъ, впереди вооруженныхъ дружинъ ихъ, на колесницахъ, трижды объѣзжаетъ вокругъ мертваго тѣла; а Гектора простираетъ предъ одромъ его, ст. 1—25. Приготовляетъ дружинамъ своимъ пиръ похоронный; самъ же уходитъ къ Агамемнону; имъ упрашиваемый, отказывается отъ омовенія, вечеряетъ у него, и назначивъ на другой день погребеніе, удаляется, 26—58. Ночью является Ахиллесу душа Патрокла, требуетъ погребенія и проситъ, чтобы кости его были положены вмѣстѣ съ Ахиллесовыми, 59—107. Съ зарею, по повелѣнію Агамемнона, Ахейцы ѣдутъ рубить лѣсъ для костра, привозятъ его; Мирмидонцы торжественно приносятъ тѣло Патрокла, покрытое волосами друзей, ему ихъ посвящающихъ. Ахиллесъ обрѣзываетъ свои волосы, Сперхію рѣкѣ посвященные, и, какъ залогъ любви, влагаетъ ихъ въ руки Патроклу, 108—153. Вечеромъ сооружаютъ костеръ; Ахиллесъ закалаетъ близъ него многія жертвы, и 12 юношей Троянскихъ; но Гектора тѣло сохраняетъ Афродита и Аполлонъ, 154 — 191. Между тѣмъ костеръ не загарается; Ахиллесъ призываетъ мольбою вѣтры, Зефира и Борея, которые, бывъ извѣщены о томъ Ирисою, прилетаютъ и воспламеняютъ его. У горящаго костра Ахиллесъ терзается горестію, 192—225. Съ наступленіемъ дня собираютъ кости Патрокла, полагаютъ въ урну и насыпаютъ могилу, 226 — 256. Наконецъ въ честь мертваго Ахиллесъ предлагаетъ подвиги разнаго рода и награды; ихъ заслуживаютъ вожди: ристаніемъ на колесницахъ, Діомедъ, Антилохъ, Менелай, Меріонъ, Эвмелъ, Несторъ, 257—650; кулачнымъ боемъ, Эпеосъ и Эвріалъ, 651—699; борьбой, Аяксъ Теламонидъ и Одиссей, 700—739; бѣгомъ, Одиссей, Аяксъ Оилидъ и Антилохъ, 740—797; битвой оружіемъ, Діомедъ и Аяксъ Теламонидъ, 798—825; метаніемъ круга, Полипетъ, 826—849; стрѣльбой, Меріонъ и Тевкръ, 850—883; метаніемъ копья, Агамемнонъ и Меріонъ, 884—897.

ПѢСНЬ XXIII.

Такъ сокрушались Трояне по граду. Въ то время Ахейцы,
Къ чернымъ своимъ кораблямъ возвратяся, на брегъ Геллеспонта,
Быстро разсѣялись всѣ по широкому ратному стану.
Но Мирмидонцамъ своимъ разсѣваться Пелидъ не позволилъ;
Ставъ по срединѣ дружинъ ихъ воинственныхъ, онъ говорилъ имъ:
„Быстрые конники, вѣрные други мои, Мирмидонцы!
„Мы отъ ярма отрѣшать не станемъ коней звуконогихъ;
„Всѣ на коняхъ, въ колесницахъ, приближимся мы и оплачемъ
„Друга Патрокла: почтимъ подобающей мертваго честью.
„Но когда мы сердца удовольствуемъ горестнымъ плачемъ,
„Здѣсь, отрѣшивши коней, вечерять неразлучные будемъ.

Рекъ, и рыданіе началъ; и всѣ зарыдали дружины.
Трижды вкругъ тѣла они долгогривыхъ коней обогнали,
Съ воплемъ плачевнымъ: Ѳетида ихъ чувства на плачь возбуждала.
Вкругъ орошался песокъ, орошались слезами доспѣхи
Каждаго воина; такъ былъ оплакиванъ вождь ихъ могучій.
Царь Ахиллесъ между ними рыданіе горькое началъ,
Грозныя руки на грудь положивъ бездыханнаго друга:
„Радуйся, храбрый Патроклъ! и въ Аидовомъ радуйся домѣ!

*

„Все для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
„Гекторъ сюда привлеченъ, и повергнется псамъ на терзанье;
„Окрестъ костра твоего обезглавлю двѣнадцать славнѣйшихъ,
„Юныхъ Троянскихъ сыновъ, за смерть твою отомщая!

Рекъ, и на Гектора онъ недостойное дѣло замыслилъ:
Ницъ, предъ Патрокла одромъ распростеръ Дарданіона въ прахѣ.
Тою порой Мирмидонцы съ раменъ свѣтозарныя брони
Сняли; отъ ярмъ отрѣшили гремящихъ копытами коней,
И, неисчетные, близъ корабля Ахиллеса героя
Сѣли; а онъ учреждалъ имъ блистательный пиръ похоронный.
Множество сильныхъ тельцовъ подъ ударомъ желѣза ревѣло,
Вкругъ поражаемыхъ; множество козъ и агнцовъ блеющихъ;
Множество, тукомъ цвѣтущихъ, закланныхъ свиней бѣлоклыкихъ
Окрестъ разложено было на яркомъ огнѣ обжигаться:
Кровь, какъ изъ чановъ, лилася вокругъ Менетидова тѣла.
Но Царя Эакида, Пелеева быстраго сына,
Къ сыну Атрея Царю повели владыки Ахеяпъ,
Съ многимъ трудомъ убѣдивъ, огорченнаго гнѣвомъ за друга.
Сопму пришедшему къ сѣни Атреева мощнаго сына,
Царь повелѣлъ немедленно вѣстникамъ звонкоголосымъ
Мѣдный треножникъ поставить къ огню; не преклонится ль къ просьбѣ
Сынъ Пелеевъ омыться отъ браннаго праха и крови.
Онъ отрекался рѣшительно, клятвою онъ заклинался:
„Нѣтъ, Зевесомъ клянусь, божествомъ высочайшимъ, сильнѣйшимъ!
„Нѣтъ, моей головы не коснется сосудъ омовеній,
„Прежде, чѣмъ друга огню не предамъ, не насыплю могилы,
„И власовъ не обрѣжу! Другая подобная горесть

„Сердца уже не пройдетъ мнѣ, пока средь живыхъ я скитаюсь!
„Но поспѣшимъ, и приступимъ не медля къ ужасному пиру.
„Ты, владыка мужей, повели, Агамемнонъ, заутра
„Лѣса къ костру навозить и на берегѣ все уготовить,
„Что мертвецу подобаетъ, сходящему въ мрачныя сѣни.
„Пусть Менетида скорѣе священное пламя Гефеста
„Скроетъ отъ взоровъ моихъ, и воинство къ дѣлу приступитъ.

Такъ говорилъ; и внимательно слушавъ, ему покорились.
Скоро подъ сѣнью Атридовой вечерю имъ предложили;
Всѣ наслаждались, довольствуя сердце обиліемъ равнымъ;
И когда питіемъ и пищею гладъ утолили,
Всѣ разошлись успокоиться, каждый подъ сѣнь уклонился.

Только Пелидъ на брегу неумолкношумящаго моря
Тяжко стенящій лежалъ, окруженный толпой Мирмидонянъ,
Ницъ на полянѣ, гдѣ волны лишь мутныя билися въ берегъ.
Тамъ надъ Пелидомъ сонъ, сердечныхъ тревогъ укротитель,
Сладкій разлился: герой истомилъ благородные члены,
Гектора быстро гоня предъ высокой стѣной Иліона.
Тамъ Ахиллесу явилась душа несчастливца Патрокла,
Призракъ, величіемъ съ нимъ и очами прекрасными сходный;
Тажъ и одежда, и голосъ тотъ самой, сердцу знакомый.
Стала душа надъ главой, и такія слова говорила:
„Спишь, Ахиллесъ! не уже ли меня ты забвенію предалъ?
„Не былъ ко мнѣ равнодушенъ къ живому ты, къ мертвому ль будешь?
„О! погреби ты меня, да войду я въ обитель Аида!
„Души, тѣни умершихъ меня отъ воротъ его гонятъ,

„И къ тѣнямъ пріобщиться къ себѣ за рѣку не пускаютъ;
„Тщетно скитаюся я предъ широковоротнымъ Аидомъ.
„Дай мнѣ, печальному, руку: во вѣки уже предъ живущихъ
„Я не приду изъ Аида, тобою огню пріобщенный!
„Больше съ тобой, какъ бывало, вдали отъ друзей Мирмидонскихъ
„Сидя, не будемъ совѣты совѣтовать: рокъ ненавистный,
„Мнѣ предназначенный съ жизнью, меня поглотилъ невозвратно.
„Рокъ—и тебѣ самому, Ахиллесъ, безсмертнымъ подобный,
„Здѣсь, подъ высокой стѣною Троянъ благородныхъ погибнуть!
„Слово еще я реку; завѣту внимай и исполни.
„Кости мои, Ахиллесъ, отъ твоихъ да не лягутъ далеко;
„Вмѣстѣ да будутъ, какъ вмѣстѣ отъ юности мы возрастали
„Въ вашихъ чертогахъ. Младаго меня изъ Опуса Менетій
„Въ домъ вашъ привелъ, по причинѣ печальнаго смертоубійства,
„Въ день злополучный, когда малосмысленный я ненарочно
„Амфидимасова сына убилъ, раздражася за козонъ.
„Въ домъ свой принявъ благосклонно меня твой отецъ благородный,
„Нѣжно съ тобой воспиталъ, и твоимъ товарищемъ назвалъ:
„Пусть же и кости наши гробница одна сокрываетъ,
„Урна златая, Ѳетиды матери даръ драгоцѣнный!

Быстро, къ нему простираясь, воскликнулъ Пелидъ благородный:
„Ты ли, другъ мой любезнѣйшій, мертвый меня посѣщаешь?
„Тыль полагаешь завѣты мнѣ крѣпкіе? Я совершу ихъ,
„Радостно все совершу, и исполню, какъ ты завѣщаешь.
„Но приближься ко мнѣ, хоть на мигъ обоймемся съ любовью,
„И взаимно съ тобой насладимся рыданіемъ горькимъ!

Рекъ, и жадныя руки любимца обнять распростеръ онъ;
Тщетно: душа Менетида, какъ облако дыма, сквозь землю
Съ воемъ сошла. И вскочилъ Ахиллесъ, пораженный видѣньемъ,
И руками всплеснулъ, и печальный такъ говорилъ онъ:
„Боги! такъ подлинно есть и въ Аидовомъ домѣ подземномъ
„Духъ человѣка и образъ, но онъ совершенно безплотный!
„Цѣлую ночь, я видѣлъ, душа несчастливца Патрокла
„Все надо мною стояла, стенающій, плачущій призракъ;
„Все мнѣ завѣты твердила, ему совершенно подобясь!

Такъ говорилъ, и во всѣхъ возбудилъ онъ желаніе плакать.
Въ плачѣ нашла ихъ Заря, розоперстая вѣстница утра,
Около тѣла печальнаго. — Царь Агамемнонъ съ зарею
Месковъ яремныхъ и ратниковъ многихъ къ свезенію лѣса
Выслалъ изъ стана Ахейскаго; съ ними возсталъ и почтенный
Мужъ Меріонъ, Девкалида героя служитель разумный.
Взявъ топоры древорубные въ руки и верви крутыя,
Воины къ рощамъ пускаются; мулы идутъ передъ ними;
Часто съ крутизнъ на крутизны, и вкось ихъ и вдоль переходятъ.
Къ холмамъ пришедши лѣсистымъ обильной потоками Иды,
Вдругъ изощренною мѣдью высоковѣтвистые дубы
Дружно рубить начинаютъ; кругомъ они съ трескомъ ужаснымъ
Падаютъ; быстро древа разсѣкая на бревна, Данаи
Къ муламъ вяжутъ; и мулы, землю копытами роя,
Рвутся на поле ровное выдти сквозь частый кустарникъ.
Всѣ древосѣки несли совокупно тяжелыя бревна:
Такъ Меріонъ повелѣлъ, Девкалидовъ служитель разумный;
Кучей сложили на берегѣ, гдѣ Ахиллесъ указалъ имъ,

Гдѣ и Патроклу великій курганъ и себѣ онъ назначилъ.

Страшную лѣса громаду сложивъ на брегу Геллеспонта,
Тамъ Аргивяне остались и сѣли кругомъ. Ахиллесъ же
Далъ повелѣнье своимъ Мирмидонянамъ браннолюбивымъ
Мѣдью скорѣй препоясаться всѣмъ, и коней въ колесницы
Впречь; поднялися они, и оружіемъ быстро покрылись;
Всѣ на свои колесницы взошли, и боецъ и возница;
Начали шествіе, спереди конные, пѣшіе сзади,
Тучей; друзья по срединѣ несли Менетіда Патрокла,
Все, посвященными мертвому, тѣло покрывъ волосами.
Голову сзади поддерживалъ самъ Ахиллесъ благородный,
Горестный: друга онъ вѣрнаго въ домъ провожалъ Аидеса.

Къ мѣсту пришедши, которое самъ Ахиллесъ имъ назначилъ,
Одръ положили, и быстро костеръ наметали изъ лѣса.
Думу иную тогда Пелеіонъ быстроногій замыслилъ:
Ставъ при кострѣ, у себя онъ обрѣзалъ русые кудри,
Волосы, кои Сперхію съ младости нѣжной ростилъ онъ;
Очи на темное море возвелъ и, вздохнувши, воскликнулъ:
„Сперхій! напрасно отецъ мой, моляся тебѣ, обрекался,
„Тамъ, когда я возвращуся въ любезную землю родную,
„Кудри обрѣзать мои и тебѣ принести съ Гекатомбой,
„И тебѣ жъ посвятить пятьдесятъ овновъ плодородныхъ,
„Возлѣ истоковъ, гдѣ роща твоя и алтарь благовонный.
„Такъ обрекался Пелей, но его ты мольбы не исполнилъ.
„Я никогда не увижу драгаго отечества! Пусть же
„Храбрый Патроклъ унесетъ Ахиллесовы кудри въ могилу!

Рекъ, и обрѣзавши волосы, въ руки любезному другу
Самъ положилъ, и у всѣхъ онъ исторгнулъ обильныя слезы.
Плачущихъ ихъ надъ Патрокломъ оставило бъ вѣрно и солнце,
Если бы скоро Пелидъ не простеръ къ Агамѐмнону слова:
„Царь Агамѐмнонъ, твоимъ повелѣньямъ скорѣй покорятся
„Мужи Ахейскіе: плачемъ и послѣ насытиться можно.
„Всѣхъ отошли отъ костра, и вели, да по стану готовятъ
„Вечерю; мы жъ озаботимся дѣломъ, котораго больше
„Требуетъ мертвый. Ахеянъ вожди да останутся съ нами.

Выслушавъ рѣчи его, повелитель мужей Агамѐмнонъ
Весь не медля народъ отпустилъ къ кораблямъ мореходнымъ.
Съ ними остались одни погребатели: лѣсъ наваливши,
Быстро сложили костеръ, въ ширину и длину стоступенный;
Сверху костра положили мертваго, скорбные сердцемъ;
Множество тучныхъ овецъ и великихъ воловъ кривороґихъ
Подлѣ костра заколовъ, обрядили; и тукомъ, отъ всѣхъ ихъ
Собраннымъ, тѣло Патрокла покрылъ Ахиллесъ благодушный
Съ ногъ до главы; а кругомъ разбросалъ обнаженныя туши;
Тамъ же разставилъ и чаши меда и урны елея,
Всѣ ихъ къ одру прислонивъ; четырехъ онъ коней гордовыйныхъ
Съ страшною силою бросилъ на срубъ, глубоко стеная.
Девять псовъ у царя, при столѣ его вскормленныхъ, было;
Двухъ и изъ нихъ закололъ, и на срубъ обезглавленныхъ бросилъ;
Плѣнныхъ двѣнадцать юношей, Трои сыновъ знаменитыхъ,
Мѣдью убилъ: на ужасное дѣло умыслилъ онъ седцемъ.
Послѣ, костеръ предоставивши огненной силѣ желѣзной,
Громко Пелидъ возопилъ, именуя любезнаго друга:

„Радуйся, храбрый Патроклъ, и въ Аидовомъ радуйся домѣ!
„Все для тебя совершаю я, что совершить обрекался:
„Плѣнныхъ двѣнадцать юношей, Трои сыновъ знаменитыхъ,
„Всѣхъ съ тобою огонь истребитъ; но Пріамова сына,
„Гектора, нѣтъ! не огню на пожраніе, псамъ я повергну!

Такъ угрожалъ онъ; но къ мертвому Гектору псы не касались:
Псовъ отъ него удаляла и денно и нощно Киприда;
Зевсова дочь умастила его амврозическимъ масломъ
Розъ благовонныхъ, да будетъ безъ язвъ Ахиллесомъ влачимый.
Облако темное богъ Аполлонъ преклонилъ надъ героемъ
Съ неба до самой земли, и пространство, покрытое тѣломъ,
Тѣнію все осѣнилъ, да отъ силы палящаго солнца
Прежде на немъ не изсохнутъ тѣлесныя жилы и члены.

Но костеръ между тѣмъ не горѣлъ подъ мертвымъ Патрокломъ.
Сердцемъ иное тогда Пелеіонъ быстроногій замыслилъ:
Ставъ отъ костра въ отдаленіи, началъ молиться онъ Вѣтрамъ,
Вѣтру Борею и Зефиру, жертвы для нихъ обѣщая.
Часто кубкомъ златымъ возливалъ онъ вино, и молилъ ихъ
Къ полю скорѣй принестися и, пламенемъ срубъ воспаливши,
Тѣло скорѣе сожечь. — Златокрылая дѣва Ириса,
Слыша молитвы его, устремилася вѣстницей къ Вѣтрамъ,
Кои въ то время, собравшись у Зефира шумнаго въ домѣ,
Весело всѣ пировали. Ириса, принесшися быстро,
Стала на каменномъ прагѣ; и Вѣтры, увидѣвъ богиню,
Всѣ торопливо вскочили, и каждый къ себѣ ее кликалъ.
Съ ними сидѣть отказалась богиня, и такъ говорила:

„Некогда, Вѣтры; еще полечу я къ волнамъ Океана,
„Въ край Эѳiоповъ далекiй; они гекатомбы приносятъ
„Жителямъ неба, и я приношенiй участницей буду.
„Мощный Борей, и Зефиръ звучащiй! васъ призываетъ
„Быстрый ногами Пелидъ, обѣщая прекрасныя жертвы,
„Если возжечь поспѣшите костеръ Менетида Патрокла,
„Гдѣ онъ лежитъ, и объ немъ сокрушаются всѣ Аргивяне.

Такъ говоря, отъ порога взвилася. Воздвиглися Вѣтры,
Съ шумомъ ужаснымъ несяся и тучи клубя предъ собою.
Къ понту примчались неистово дуя; и пѣнныя волны
Встали подъ звонкимъ дыханiемъ; Трои холмистой достигли,
Всѣ на костеръ налегли, и огонь загремѣлъ пожиратель.
Вѣтры всю ночь разрывали высоко крутящееся пламя,
Шумно дыша на костеръ; и всю ночь Ахиллесъ быстроногiй,
Черпая кубкомъ двудоннымъ вино изъ сосуда златаго,
Окрестъ костра возливалъ и лице орошалъ имъ земное,
Душу еще вызывая бѣднаго друга Патрокла.
Словно отецъ сокрушается, кости сжигающiй сына,
Въ гробъ женихомъ низходящаго, къ скорби родителей бѣдныхъ:
Такъ сокрушался Пелидъ, сожигающiй кости Патрокла,
Окрестъ костра пресмыкаясь, и сердцемъ глубоко стеная.

Въ часъ, какъ утро землѣ возвѣстить Свѣтоносецъ выходитъ,
И надъ моремъ Заря разстилается ризой златистой,
Срубъ подъ Патрокломъ истлѣлъ, и багряное пламя потухло.
Вѣтры назадъ устремились, къ вертепамъ своимъ полетѣли
Моремъ Ѳракiйскимъ; и море шумѣло, высоко бушуя.

*

Грустный Пелидъ наконецъ, отъ костра уклонясь недалеко,
Легъ изнуренный; и сладостный сонъ посѣтилъ Пелеіона.
Тою порой собиралися многіе къ сыну Атрея;
Топотъ и шумъ приходящихъ прервали сонъ его краткій;
Сѣлъ Ахиллесъ приподнявшись, и такъ говорилъ воеводамъ;
„Царь Агамемнонъ, и вы, предводители воинствъ Ахейскихъ!
„Время костеръ угасить; виномъ оросите багрянымъ
„Все пространство, гдѣ пламень пылалъ, и на пеплѣ костерномъ
„Сына Менетія мы соберемъ драгоцѣнныя кости,
„Тщательно ихъ отдѣливъ отъ другихъ: разпознать же удобно:
„Другъ нашъ лежалъ на срединѣ костра; но далеко другіе
„Съ краю горѣли набросаны вмѣстѣ, и люди и кони.
„Кости въ фіалъ золотой, окруживъ ихъ тукомъ двоякимъ,
„Вы положите, доколѣ я самъ не сойду къ Аидесу.
„Гроба надъ другомъ моимъ не хочу я великаго видѣть;
„Такъ, лишь пристойный курганъ; но широкій надъ нимъ и высокій
„Вы сотворите, Ахеяне, вы, которые въ Троѣ
„Послѣ меня при судахъ мореходныхъ останетесь живы.

Такъ говорилъ; и они покорились герою Пелиду.
Срубъ угасили, багрянымъ виномъ оросивши пространство
Все, гдѣ пламень ходилъ; и обрушился пепелъ глубокій;
Слезы ліющіе, друга любезнаго бѣлыя кости
Въ урну златую собрали, и тукомъ двойнымъ окружили;
Урну подъ кущу внеся, пеленою тонкой покрыли;
Кругомъ означили мѣсто могилы, и бросивъ основы
Около сруба, поспѣшно насыпали рыхлую землю.
Свѣжій насыпавъ курганъ, разошлися они. Ахиллесъ же

Тамъ народъ удержалъ, и въ обширномъ кругу посадивши,
Вынесъ награды подвижникамъ: свѣтлыя блюда, треноги;
Месковъ представилъ и быстрыхъ коней и воловъ крѣпкочелыхъ,
И красно опоясанныхъ женъ и сѣдое желѣзо.
Первыя быстрымъ возницамъ богатыя бѣга награды
Онъ предложилъ: въ рукодѣльяхъ искусная, дѣва младая,
Мѣдный, ушатый съ боковъ, двадцати-двухъ мѣрный треножникъ
Первому даръ; кобылица второму шестигодовая,
Неукрощенная, гордая, въ нѣдрахъ носящая меска;
Третьему мздою—не бывшій въ огнѣ умывальникъ прекрасный,
Новый еще, сребровидный, четыре вмѣщающій мѣры;
Мздою четвертому золота два предложилъ онъ таланта;
Пятому новый, не бывшій въ огнѣ, фіалъ двоедонный.
Сталъ наконецъ Ахиллесъ, и такъ говорилъ межъ Ахеянъ:
„Царь Агамѣмнонъ, и пышнопоножные мужи Ахейцы!
„Быстрыхъ возницъ ожидаютъ сіи среди круга награды.
„Если бы въ память другаго, Ахеяне, вы подвизались;
„Я, безъ сомнѣнія, первыя въ подвигахъ взялъ бы награды.
„Знаете, сколь превосходны мои благородные кони,
„Дѣти породы безсмертной: отцу моему ихъ Пелею
„Самъ Посидонъ даровалъ; а отецъ мой мнѣ подарилъ ихъ.
„Но не вступаю я въ споръ, ни мои звуконогіе кони.
„О! потеряли они знаменитаго ихъ властелина,
„Друга, который бывало самъ ихъ волнистыя гривы
„Свѣтлой водой омывалъ и умащивалъ влажнымъ елеемъ.
„Нынѣ они по возницѣ тоскуютъ; стоятъ разостлавши
„Гривы по праху, стоятъ неподвижно унылые сердцемъ.
„Къ играмъ другіе устройтеся, каждый изъ воевъ Ахейскихъ,

„Кто лишь на быстрыхъ коней и свою колесницу надеженъ.

Такъ Ахиллесъ говорилъ имъ; и быстрые встали возницы:
Первый поднялся Эвмѣлъ, повелитель мужей знаменитый,
Сынъ скиптроносца Адмета, искуствомъ возничества славный.
Послѣ него укротитель коней Діомедъ нестрашимый;
Тросскихъ коней онъ подвелъ подъ ярмо, у Энея которыхъ
Въ брани отбилъ; а Энея тогда Аполлонъ лишь избавилъ.
Третій возсталъ копьеносный Атридъ, Менелай свѣтлокудрый,
Зевсова отрасль; коней подъ яремъ онъ подвелъ быстролетныхъ:
Эѳу царя Агамѐмнона съ собственнымъ вѣрнымъ Подаргомъ,
Эѳу, которую въ даръ Эхепо̀лъ Анхизи̇дъ Атреіону
Далъ, чтобъ ему не идти на войну подъ вѣтристую Трою,
Но наслаждаться спокойствіемъ дома: богатствомъ отъ Зевса
Былъ одаренъ онъ великимъ, и жилъ въ Сикіо̀нѣ обширномъ:
Эѳу сію запрягалъ онъ, дрожащую, рвущуюсь къ бѣгу.
Въ слѣдъ и младой Антилохъ снарядилъ коней пышногривыхъ,
Сынъ знаменитый Нелида, высокаго духомъ владыки,
Нестора старца; Пилосскіе кони его колесницу
Быстрые мчали. Отецъ приступилъ и совѣты благіе
Началъ совѣтовать, опытный старецъ разумному сыну:
„Сынъ Антилохъ! тебя отъ юности боги любили
„Зевсъ и благой Посидонъ, и въ ристательной хитрости всякой
„Сами наставили; много тебя наставлять мнѣ не нужно.
„Мастеръ ты коней ворочать вкругъ мѣтъ; но Пилосскіе наши
„Кони въ бѣгу тяжелы; опасаюсь, бѣды бъ неслучилось.
„Всѣхъ соискателей кони рѣзвѣе; но сами возницы
„Меньше искусны, чѣмъ ты, въ изобрѣтеньи быстромъ пособій.

„Такъ, не робѣй; приготовься, любезный: душею искуство
„Все обойми, да изъ рукъ не упустишь наградъ знаменитыхъ.
„Плотникъ тебя превосходитъ искуствомъ своимъ, а не силой;
„Кормщикъ такимъ же искуствомъ по бурному, черному понту
„Легкій правитъ корабль, игралище буйнаго вѣтра:
„Такъ и возница искуствомъ однимъ побѣждаетъ возницу.
„Слишкомъ иной положась на свою колесницу и коней,
„Гонитъ, безумецъ, сюда и туда безпрерывно кружася;
„Кони по поприщу носятся; онъ и сдержать ихъ безсиленъ.
„Но возница разумный, коней управляя и худшихъ,
„Смотритъ на цѣль безпрестанно, вблизи лишь ворочаетъ, знаетъ,
„Какъ отъ начала ристанія конскими править браздами:
„Держитъ ихъ крѣпко, и зорко впередъ уходящаго смотритъ. —
„Цѣль я тебѣ укажу; просмотрѣть берегися, примѣтна.
„Древо сухое стоитъ, отъ земли, какъ сажень маховая,
„Старая сосна, иль дубъ, подъ дождями не скоро гніющій;
„Съ права и съ лѣва при цѣли той врыты два бѣлые камня,
„Въ самой тѣснинѣ дороги; кругомъ же ристалище гладко.
„То, иль надгробный памятникъ древле умершаго мужа,
„Или подобная жъ цѣль у старинныхъ была человѣковъ;
„Знакъ сей и нынѣ метою избралъ Ахиллесъ быстроногій.
„Къ оной ты близко примчась, на бѣгу заворачивай коней;
„Самъ же, твердо держась въ колесницѣ красивоплетеной,
„Влѣво легко наклонись, а коня, что подъ правой рукою,
„Крикомъ гони и бичемъ, и бразды попусти совершенно;
„Лѣвый же конь твой пускай подлѣ самой меты обогнется
„Такъ, чтобъ, казалось, поверхность ея колесо очертило,
„Ступицей жаркою. Но берегись, не ударься о камень:

„Можешь коней изувѣчить, или раздробить колесницу,
„Въ радость ристателямъ всѣмъ, а тебѣ одному въ посрамленье!
„Будь, мой сынъ, разсудителенъ; будь остороженъ, любезный!
„Если уже близъ мѣты возмешь ты передъ и погонишь;
„Вѣрь, ни одинъ изъ возницъ ни догонитъ тебя, ни обскачетъ;
„Даже хоть слѣдомъ бы онъ на ужасномъ летѣлъ Ареонѣ,
„Бурномъ Адраста конѣ, порожденіи крови безсмертной,
„Иль на коняхъ Лаомедона, славныхъ Троады питомцахъ!

Такъ произнесши Нелидъ, знаменитый конникъ Геренскій,
Сѣлъ на мѣстѣ, важнѣйшее все изъяснивъ Антилоху.

Пятый герой Меріонъ снарядилъ коней пышногривыхъ.
Всѣ въ колесницы взошли, и бросили жребіи; въ шлемъ ихъ
Принялъ Пелидъ и сотрясъ; и вылетѣлъ вдругъ Антилоху,
Нестора сыну; вторый выпадаетъ Эвмелу владыкѣ;
Третій Атрееву сыну, царю Аргивянъ, Менелаю.
Выпалъ за нимъ Меріону вождю; по послѣднему жребій
Сыну Тидееву храброму гнать колесницу достался.
Стали порядкомъ; мѣту имъ далекую на полѣ чистомъ
Царь Ахиллесъ указалъ; но впередъ повелѣлъ, да при оной
Старецъ божественный Фениксъ, отеческій оруженосецъ,
Сядетъ и бѣгъ наблюдаетъ, и послѣ имъ истину скажетъ.

Разомъ возницы на коней бичи занесли для ударовъ;
Разомъ браздами хлеснули, и голосомъ крикнули грознымъ
Полные рвенья; и разомъ помчалися по полю кони
Вдоль отъ судовъ съ быстротою ужасною: пыль изъ-подъ стопъ ихъ

Стала, взвиваясь на воздухъ, какъ туча, какъ сумрачный вихорь.
Длинныя гривы коней развѣваются вѣяньемъ вѣтра;
Ихъ колесницы летящія, то до земли прикоснутся,
То высоко, отраженныя, взбросятся; гордо возницы
Въ пышныхъ стоятъ колесницахъ; трепещетъ у каждаго сердце,
Жадное славы; каждый коней ободрительнымъ крикомъ
Гонитъ; и кони летятъ, по ристалищу пыль подымая.

Но когда уже кони въ послѣдній конецъ обратились,
Къ морю сѣдому; тогда-то ристателя каждаго доблесть
Вдругъ обнаружилась; конская прыть ускорилась; и быстро
Легкія вымчались вдаль кобылицы Эвмела героя.
Въ слѣдъ кобылицъ выносились впередъ жеребцы Діомеда,
Троскіе кони, и чуть лишь отставшіе, мчалися близко,
Такъ, что казалось, хотятъ на Эвмела вскочить колесницу;
Жаркимъ дыханьемъ широкій хребетъ нагрѣвали герою
И, на плечахъ Адметида лежа головами, летѣли.
Онъ, Діомедъ, обскакалъ бы, иль равною бъ сдѣлалъ побѣду,
Еслибъ Тидееву сыну не Фебъ враждовалъ раздраженный;
Фебъ изъ руки побѣждавшаго бичь блистательный вышибъ.
Слезы изъ глазъ Діомедовыхъ, брызнули слезы отъ гнѣва:
Видѣлъ онъ: болѣ еще уходили впередъ кобылицы;
Кони жъ его отставали, ударовъ бича не боясь.
Но, отъ Аѳины очей Аполлонъ не укрылся, вредящій
Сыну Тидея: настигнула быстро царя Діомеда,
Бичь подала и новую рьяность конямъ вдохнула;
Къ сыну жъ Адмета она устремившися, полная гнѣва,
Конскій богиня разбила яремъ; и его кобылицы

Бросились дико съ дороги, и выпало дышло на землю;
Самъ, съ колесницы сорвавшись, чрезъ ободъ онъ грянулся оземь;
До крови локти осаднилъ, изранилъ и губы и ноздри,
Сильно разбилъ надъ бровями чело; у него отъ удара
Брызнули слезы изъ глазъ, и поднявшійся голосъ прервался.
Мимо его Діомедъ проскакалъ на коняхъ звуконогихъ,
И, далеко впереди, заблисталъ передъ всѣми: Аѳина
Крѣпость вдохнула конямъ и ему торжество даровала.
Послѣ Тидида скакалъ Атреіонъ, Менелай свѣтлокудрый.
Но Антилохъ настигалъ и кричалъ на отеческихъ коней:
„О, выноситесь впередъ, разстилайтеся кони быстрѣе!
„Я не насилую васъ быстротой состязаться съ конями
„Сына Тидеева храбраго, коимъ Паллада богиня
„Легкость сама даровала и славой возницу покрыла.
„Нѣтъ, лишь коней Менелая догонимъ, друзья, не отстанемъ!
„Быстро впередъ! чтобы васъ всенародно стыдомъ не покрыла
„Эѳа: она кобылица; а вы, дорогіе, отстали!
„Вамъ говорю я, и слово мое совершится сегодня:
„Болѣе нѣги себѣ отъ владыки народовъ Пелида
„Дома не ждите; убьетъ васъ сегодня же острою мѣдью,
„Если по лѣности вашей награду послѣднюю снищемъ.
„О, настигайте скорѣе, какъ можно скорѣе скачите!
„Я жъ постараюся самъ, и искусно выгадывать буду,
„Какъ обскакать намъ на узкой дорогѣ; въ обманъ я не вдамся.

Такъ говорилъ Антилохъ; и страшася угрозъ властелина,
Кони рѣзвѣе скакали, но время не долгое: скоро
Тѣсной дороги ухабъ Антилохъ браннолюбецъ примѣтилъ:

Рытвина тамъ пролегала: вода, накопляясь зимою,
Тамъ чрезъ дорогу прорвалась, и мѣсто кругомъ углубила.
Правилъ туда Менелай, колесницъ опасаяся сшибки.
Но Антилохъ своротивши, направилъ коней звуконогихъ
Мимо дороги, и близко держась, догонялъ Менелая.
Царь Менелай устрашился, и къ Нестора сыну воскликнулъ:
„Правишь безъ разума, Несторовъ сынъ! Удержи колесницу!
„Видишь, дорога тѣсна; впереди обгоняй по широкой;
„Здѣсь лишь и мнѣ и себѣ повредишь: колесницы сшибутся!

Такъ говорилъ онъ; но Несторовъ сынъ обскакать горячился;
Коней стрекаломъ кололъ, Менелая какъ будто не слыша.
Сколько пространства, съ плеча повергаемый, дискъ пробѣгаетъ,
Брошенный мужемъ младымъ, испытующимъ юную силу:
Столько впередъ ускакалъ Антилохъ; кобылицы отстали
Сына Атреева; ихъ запускать и самъ пересталъ онъ
Въ страхѣ, что узкой дорогой бѣгущіе кони столкнутся,
Ихъ колесницы, сшибясь, опрокинутся, и среди поля
Сами слетятъ на прахъ, за побѣдой риставшіе оба.
Гнѣвный межъ тѣмъ Несторида ругалъ Менелай свѣтлокудрый:
„Нѣтъ, Антилохъ, человѣка вреднѣе тебя зломышленьемъ!
„Мчись! недостойно тебя называютъ разумнымъ Ахейцы!
„Средствомъ однакожъ такимъ не получишь ты мзды безъ присяги!

Такъ произнесъ онъ, и громкимъ голосомъ крикнулъ на коней:
„Что у меня отстаете, и что унываете кони?
„Прежде Пилосскихъ коней истомятся колѣна и силы,
„Нежели ваши: давно ихъ обоихъ покинула младость!

*

Такъ восклицалъ; и они, устрашася угрозъ властелина,
Прытче пустились бѣжать, и скоро переднихъ догнали.

Тою порою Ахейцы, на площади сидя, смотрѣли
Коней, которые по полю пыль подымая летѣли.
Первый Идоменей распозналъ приближавшихся коней:
Ибо сидѣлъ не въ кругу, но высоко, на холмѣ подзорномъ:
Крикъ на коней колесничника онъ и далекій услышавъ,
Мужа узналъ, и примѣтилъ коня въ обгоняющей парѣ,
Сильно отличнаго: весь багряногнѣдый, на челѣ лишь
Признакъ имѣлъ онъ родимый, и свѣтлый и круглый, какъ мѣсяцъ.
Идоменей приподнялся, и такъ говорилъ къ Аргивянамъ:
„Други любезные, ратей Ахейскихъ вожди и владыки!
„Я ли одинъ примѣчаю коней, или видите всѣ вы?
„Чьи-то другіе, мнѣ кажется, скачутъ передними кони?
„Кто-то другой и возница? Но тѣ, кобылицы Эвмела,
„Чѣмъ-то задержаны въ полѣ; а прежде онѣ отличались:
„Первыя, видѣлъ я самъ, кобылицы мѣту обогнули;
„Нынѣ же видѣть нигдѣ не могу ихъ, куда ни бросаю
„Вкругъ по Троянскому полю моихъ испытательныхъ взоровъ.
„Вѣрно изъ рукъ Адметида бразды убѣжали; не могъ онъ
„Бѣга сдержать у мѣты, и коней повернулъ неудачно:
„Тамъ онъ, быть можетъ, упалъ, колесница его сокрушилась,
„И умчались съ дороги его обуялые кони.
„Но, подымитесь, друзья, и всмотритесь вы сами: быть можетъ,
„Вижу не ясно, но кажется мнѣ, что ристатель передній
„Мужъ Этолійскій, воинственный царь ополченій Аргосскихъ,
„Сынъ конеборца Тидея, герой Діомедъ благородный.

Грубо ему отвѣчалъ быстроногій Аяксъ Оилѐевъ:
„Что напередъ, Девкаліонъ, болтаешь ты? Тѣ жъ кобылицы
„Всѣхъ впереди, звуконогія, по полю чистому скачутъ!
„Ты между нами Ахейцами вовсе не младшій годами;
„Очи твоей головы не острѣе другихъ проницаютъ!
„Но и всегда ты лишь праздно болтаешь! Тебѣ не прилично
„Здѣсь пустословить; и лучше тебя здѣсь присутствуютъ мужи!
„Тѣ жъ впереди кобылицы, которыя были и прежде,
„Сына Адметова; самъ онъ и ѣдетъ и правитъ браздами.

Вспыхнувши гнѣвомъ, Аяксу отвѣтствовалъ Крита властитель:
„Спорщикъ первѣйшій, Аяксъ злорѣчивый! но въ прочемъ послѣдній
„Между Ахейскихъ мужей: человѣкъ необузданно грубый!
„Спорь, и положимъ въ закладъ умывальницу, или треножникъ;
„Спора свидѣтелемъ мы изберемъ Агамѐмнона оба:
„Кони чьи впереди, ты узнаешь, закладъ заплативъ мнѣ!

Такъ говорилъ онъ; и быстро поднялся Аяксъ Оилѐевъ,
Пышущій гнѣвомъ, готовый отвѣтствовать рѣчью суровой;
И зашла бы далеко межъ ними обидная распря,
Если бы самъ Ахиллесъ не возсталъ, говоря воеводамъ:
„Идоменей, Оилидъ, говорить перестаньте въ народѣ
„Злыя, обидныя рѣчи, васъ недостойное дѣло!
„Сами осудите вы и другихъ, начинающихъ тоже.
„Сядьте, друзья, и на мѣстѣ спокойно смотрите на коней;
„Скоро и сами они, распаленные жаждой побѣды,
„Къ намъ принесутся; тогда вы безъ спора узнаете каждый,
„Чьи впереди и чьи позади между коней Ахейскихъ.

Онъ говорилъ; какъ летящій къ концу Діомедъ показался.
Хлещетъ съ плеча онъ бичемъ по конямъ; а дымящіесь кони
Скачутъ высоко и съ скоростью дивной летятъ по дорогѣ;
Брызги песка отъ копытъ безпрерывные прыщутъ въ возницу;
Пышная, оловомъ, златомъ нарядная вкругъ колесница
Быстро за бурными конями катится; слѣдъ за собою
Шины колесныя, тяжкія мѣдью, по тонкому праху
Чуть оставляютъ; съ такою горячностью кони летѣли!
Сталъ среди круга ристатель торжественный; съ пламенныхъ коней
Потъ и отъ вый и отъ персей потоками лился на землю.
Быстро на долъ Діомедъ съ колесницы сіяющей прянулъ,
Бичь къ ярму прислонилъ; и не медлилъ сподвижникъ героя,
Сильный Сѳенелъ: прибѣжалъ и съ веселіемъ взялъ онъ награду;
Но служителямъ храбрымъ жену и треножникъ ушатый
Къ кущѣ представить велѣлъ онъ, а самъ распрягалъ колесницу.

После Тидида младый Антилохъ пригналъ колесницу,
Хитростью только, не скоростью, взявши передъ у Атрида;
Но Атридъ отъ него не отсталъ на коняхъ быстроногихъ;
Близко летѣлъ, какъ отъ обода конь, въ колесницу впряженный,
И во весь свой опоръ по полямъ властелина несущій;
Хвостъ у него мѣднoблещущей шины касается краемъ;
Такъ онъ близко бѣжитъ, и такимъ разстояніемъ малымъ
Онъ отдѣленъ отъ колесъ, по широкому полю бѣгущій:
Столько же мало отсталъ отъ Нелеева славнаго внука
Царь Менелай: на верженіе диска сперва оставался;
Послѣ онъ скоро догналъ: возрастала въ бѣгу безпрестанно
Крѣпость и жаръ кобылицы Атридовой, пламенной Эѳы,

Такъ, что когда бы еще обоихъ продолжилось ристанье;
Вѣрно бъ Атридъ обскакалъ и побѣды не сдѣлалъ бы спорной.
Но Меріонъ, предводителя Критянъ могучій сподвижникъ,
Гналъ, на полетъ копія отъ царя Менелая отставши:
Медленны были его долгогривые Критскіе кони;
Мало искусенъ и самъ управлять колесницей въ ристаньяхъ.
Сынъ же Адмета явился послѣднимъ, гоня предъ собою
Быстрыхъ коней и прекрасную сзади влача колесницу.—
Въ жалость пришелъ, Адметида увидѣвъ Пелидъ благородный;
Всталъ и къ Ахейскимъ царямъ устремилъ онъ крылатыя рѣчи:
„Первый ристатель послѣднимъ гонитъ коней звуконогихъ!
„Но Аргивяне, дадимъ, какъ достойно, вторую награду
„Сыну Адмета; а первая слѣдуетъ сыну Тидея.

Такъ говорилъ, и одобрили всѣ Ахиллесово слово;
Отдалъ бы онъ кобылицу, съ согласія сонма, Эвмелу;
Если бъ почтеннаго Нестора сынъ, Антилохъ оскорбленный,
Быстро не всталъ; справедливо герой возразилъ Ахиллесу:
„Царь Ахиллесъ, огорчуся я жестоко, если исполнишь
„Слово твое! Награду отнять у меня побужденъ ты
„Тѣмъ, что постигла бѣда колесницу и коней Эвмела?
„И, что возница онъ славный? Почто же боговъ всемогущихъ
„Онъ не молилъ: никогда не пришелъ бы возницей послѣднимъ.
„Если Эвмела жалѣешь, и столько тебѣ онъ любезенъ;
„Есть у тебя въ корабляхъ изобильно и злата и мѣди;
„Есть и рабыни и овцы и твердокопытные кони;
„Выбравъ изъ нихъ, отличи ты его хоть и большей наградой
„Послѣ, и даже теперь, чтобъ тебя похвалили Данаи;

„Сей же изъ рукъ я не выдамъ; а кто изъ Ахеянъ желаетъ,
„Пусть подойдетъ, и со мной за нее рукопашно сразится!

Такъ говорилъ; улыбнулся божественный внукъ Эакидовъ,
Радуясь другомъ младымъ: Антилоха любилъ онъ, какъ друга.
Юношѣ онъ отвѣчая, крылатую рѣчь устремляетъ:
„Требуешь ты, Антилохъ, чтобъ изъ собственной сѣни другую
„Далъ я награду Эвмелу: охотно и то я исполню.
„Дамъ ему латы, которыя добылъ я съ Астеропея,
„Мѣдныя; ихъ оконечность литая струя окружаетъ
„Олова свѣтлаго; будетъ сей даръ Эвмела достоинъ.

Такъ произнесши Пелидъ, повелѣлъ Автомѣдону другу
Вынесть изъ кущи; и тотъ устремившися вынесъ и отдалъ
Въ руки Адметова сына; и онъ ихъ радуясь принялъ.

Тутъ Менелай свѣтлокудрый поднялся, душей огорченный,
Жестоко гнѣвный на сына Нелидова. Вѣстникъ Атридовъ
Скиптръ властелину представилъ, безмолвствовать знакъ Аргивянамъ
Подалъ; и сталъ говорить воинственникъ богу подобный:
„Что, Антилохъ, ты сдѣлалъ, всегда разсудительнымъ слывшій?
„Славу мою помрачилъ, и коней у меня ты разстроилъ,
„Хитростью взявши передъ на коняхъ несравненно слабѣйшихъ!
„Но, разсудите, Ахеянъ владыки и мужи совѣта,
„Насъ обоихъ наравнѣ разсудите вы, но безъ потворства.
„Пусть обо мнѣ ни одинъ мѣднобронный Ахеецъ не скажетъ:
„Царь Менелай, Антилоха одной пересиля неправдой,
„Юноши мздою, конемъ завладѣлъ: Менелаевы кони

„Были слабѣе, лишь самъ онъ могучѣе властью и силой. —
„Слушайте, други; я самъ разсужу; и меня, я надѣюсь,
„Въ сонмѣ не будетъ никто укорять: справедливъ приговоръ мой.
„Несторовъ сынъ благородный, приблизься сюда, и какъ должно,
„Стань предъ своими конями; возьми, какъ слѣдуетъ, въ руки
„Бичь тотъ гибкій, съ которымъ сегодня ристалъ, и бичемъ ты
„Коней касаясь, клянись Посидаономъ землю держащимъ,
„Что неумышленной хитростью ты мнѣ запнулъ колесницу.

Умный, младый Антилохъ отвѣчалъ Менелаю Атриду:
„Свѣтлый Атридъ, укротися; юноша я предъ тобою.
„Ты, о царь Менелай, и лѣтами и доблестью выше;
„Вѣдаешь, какъ легко въ заблужденія младость впадаетъ:
„Умъ молодый опрометчивъ, коротокъ разсудокъ незрѣлый.
„Сердце смягчи, Менелай: а награду мою, кобылицу
„Самъ я тебѣ отдаю; и когда бъ изъ моихъ достояній
„Болѣ чего ты потребовалъ, съ радостью я, и теперь же
„Выдалъ бы, нежели мнѣ у тебя, питомецъ Кронида,
„Выдти изъ сердца на вѣки, и быть предъ богами виновнымъ!

Рекъ, и подведши коня, младый Несторидъ благородный
Въ руки отдалъ Менелаю герою; и въ персяхъ Атрида
Сердце растаяло съ радости, словно роса по колосьямъ
Зрѣющей нивы, когда цѣпенѣютъ отъ зноя долины:
Такъ у тебя, Менелай, растаяло съ радости сердце.
Къ юношѣ онъ возгласилъ, устремляя крылатыя рѣчи:
„Нынѣ я самъ, не взирая на гнѣвъ мой, тебѣ уступаю,
„Несторовъ сынъ! Никогда безразсуденъ, ниже легкомысленъ

„Ты не бывалъ: побѣдила разсудокъ единая младость.
„Послѣ сего, Антилохъ, опасайся обманывать старшихъ.
„Нѣтъ, не легко бы меня укротилъ другой изъ Данаевъ;
„Но довольно терпѣлъ, и довольно подъ Троею сдѣлалъ
„Самъ ты и храбрый отецъ твой и братъ, за меня подвизаясь.
„Къ прозьбѣ твоей снисхожу, и награду мою, кобылицу
„Я уступаю тебѣ: пускай и другіе съ тобою
„Помнятъ, что я никогда ни надменъ, ни немилостивъ не былъ.

Такъ произнесъ, и коня Менелай Антилохову другу
Отдалъ Ноемону; самъ же избралъ рукомойникъ блестящій.
Злато, четвертую мзду, получилъ Меріонъ по заслугѣ,
Коней четвертымъ пригнавшій. Но пятая мзда оставалась,
Пышный фіалъ двосдонный; его Ахиллесъ быстроногій
Сонмомъ Данаевъ пронесши, Нестору подалъ вѣщая:
„Даръ сей тебѣ, божественный старецъ! и ты сохрани сей
„Памятникъ грустный Патрокловыхъ похоронъ: между живыхъ ты
„Больше его не увидишь! Тебѣ же награду побѣды
„Такъ я даю: ни въ борьбу ты, Нелидъ, ни въ кулачную битву
„Вѣрно не вступишь; ни въ мѣткой стрѣльбѣ ты, ни въ легкости бѣга
„Спорить не будешь; тебя удручаетъ тяжелая старость.

Рекъ, и фіалъ ему подалъ; и старецъ пріялъ веселяся;
Быстрыя, рѣчи крылатыя онъ устремилъ къ Ахиллесу:
„Истину, сынъ, говоришь, и все ты разумно вѣщаешь.
„Члены мои ослабѣли; ни ноги, любезный, ни руки
„Такъ на моихъ раменахъ, какъ бывало, не движутся быстро.
„Если бы молодъ я былъ! и если бы силой блисталъ я

„Оныхъ годовъ, какъ Эпейцы въ Вупрасѣ царю Амаринку
,Тризны творили, а дѣти царя предложили награды!
„Тамъ не сравнился со мной ни одинъ человѣкъ изъ Эпеянъ,
„Даже изъ храбрыхъ Пилосцевъ и духомъ высокихъ Этолянъ.
„Тамъ я кулачною битвой бойца одолѣлъ Клитомеда;
„Трудной борьбою борца низпровергъ Плевронійца Анкея;
„Ногъ быстротой превзошелъ знаменитаго бѣгомъ Ификла;
„Дротикомъ двухъ побѣдилъ, Полидора и мужа Филея.
„Только одними конями меня премогли Акториды;
„Но числомъ одолѣли, завидуя въ сей мнѣ побѣдѣ;
„Ибо славнѣйшая всѣхъ за нее оставалась награда:
„Стали вдвоемъ на меня; и какъ первый лишь правилъ конями,
„Только лишь правилъ, другой ихъ гоня, бичевалъ безъ пощады.
„Прежде таковъ я бывалъ! Но теперь молодымъ оставляю
„Трудные подвиги славы; пора, пора уступить мнѣ
„Старости скорбной: въ чреду я свою блисталъ межъ героевъ!
„Но продолжай, и друга усопшаго играми чествуй.
„Даръ благодарно пріемлю, и радуюсь сердцемъ, что столько
„Помнишь меня ты, старца смиреннаго, что не забылъ ты
„Честью приличной почтить и его предъ народомъ Ахейскимъ.
„Боги тебѣ за сіе воздадутъ воздаяньемъ желаннымъ!

Такъ произнесъ; и Пелидъ сквозь великіе сонмы Ахеянъ
Вновь возвратился, привѣтствіе выслушавъ Нестора старца.
Тутъ предложилъ онъ награды кулачнаго страшнаго боя:
Выславъ предъ кругъ, привязалъ шестилѣтняго, сильнаго меска:
Игомъ еще не смиренный, жестокъ для смиренія былъ онъ.
Мескъ побѣдителю мзда; побѣжденному кубокъ двудонный.

Сталъ наконецъ среди сонма, и такъ говорилъ Аргивянамъ:
„Чада Атрея и вы, мѣднолатные мужи Ахейцы.
„Нынѣ подвижниковъ двухъ призываемъ, которые сильны,
„Руки поднять на кулачную битву. Кому Стрѣловержецъ
„Дастъ устоять, и кого побѣдителемъ всѣ мы признаемъ,
„Тотъ къ своему кораблю поведетъ терпѣливаго меска;
„Кубокъ же сей двоедонный боецъ побѣжденный получитъ.

Рекъ онъ; и быстро возсталъ человѣкъ и огромный и мощный,
Славный кулачный боецъ, Панопеева отрасль, Эпеосъ.
Меска рукой жиловатой за гриву схватилъ, и кричалъ онъ:
„Выступи тотъ, кто намѣренъ кубокъ унесть двоедонный.
„Меска жъ, надѣюся я, не отвяжетъ никто изъ Ахеянъ,
„Въ битвѣ кулачной побѣдный: горжуся, боецъ я здѣсь первый!
„Будетъ того, что межъ вами я воинъ не лучшій;—что дѣлать:
„Смертному въ каждомъ дѣяніи быть не возможно отличнымъ.
„Что до битвы, объявляю при всѣхъ, и исполнено будетъ:
„Плоть до костей прошибу я, и кости врагу изломаю.
„Пусть за моимъ сопротивникомъ всѣ попечители выйдутъ,
„Чтобъ изъ битвы унесть укрощеннаго силой моею.

Такъ говорилъ онъ; и всѣ онѣмѣвши, молчанье хранили.
Богу подобный одинъ Эвріалъ на него подымался,
Внукъ скиптроносца Талая, сынъ Мекистея героя,
Нѣкогда въ Ѳивы ходившаго, къ играмъ надгробнымъ Эдипу,
Павшему въ оное время, и всѣхъ побѣдившаго Кадмянъ.
Къ битвѣ его снаряжалъ Діомедъ, копьеборецъ могучій,
Дружеской рѣчью бодря, и сердечно желая побѣды:

Бросилъ онъ запонъ ему, и красиво кроенные послѣ
Подалъ ремни изъ степнаго вола убитаго силой.
Такъ опоясавшись оба, выходятъ бойцы на средину.
Разомъ одинъ на другаго могучія руки заносятъ,
Сшиблись; смѣшалися быстро подвижниковъ тяжкія руки.
Стукъ кулаковъ раздается по челюстямъ; потъ по ихъ тѣлу
Льется ручьями; какъ вдругъ приподнялся могучій Эпеосъ,
Рѣзко врага оглянувшагось грянулъ въ лице; и не могъ онъ
Больше стоять; подломившися рухнулись крѣпкіе члены.
Словно съ порывомъ Бореевымъ прядаетъ рыба изъ моря
На берегъ мшистый, и вдругъ покрывается мутной волною:
Такъ пораженный упалъ Эвріалъ. Добродушный Эпеосъ
За руку поднялъ его; а усердные други представши,
Съ поприща въ станъ повели, по землѣ волочащаго ноги,
Кровь извергавшаго ртомъ, и бросавшаго голову на бокъ.
Въ омракъ онъ впалъ; и его межъ своими друзья посадивши,
Сами пошли, и на поприщѣ подняли кубокъ двудонный.

Сынъ же Пелеевъ немедленно новыя третьи награды
Выставилъ сонму, награды борьбы, изнурительной силамъ:
Мздой побѣдителю вынесъ огонный треножникъ, огромный,
Мѣдный; въ двѣнадцать воловъ оцѣнили его Аргивяне;
Мздой побѣжденному онъ рукодѣльницу юную вывелъ,
Плѣнную дѣву; въ четыре вола и ее оцѣнили.
Сталъ наконецъ передъ сонмомъ, и такъ говорилъ Аргивянамъ:

„Встаньте, которымъ угодно и сей еще подвигъ изведать!
Онъ произнесъ; и немедленно всталъ Теламонидъ великій;

Всталъ и герой Одиссей, вымышлятель хитростей умный.
Чресла свои опоясавъ, борцы на средину выходятъ;
Крѣпко руками они подъ бока подхватили другъ друга,
Словно стропила, которыя въ кровлѣ высокаго дома
Умный строитель смыкаетъ, въ отпору насильственныхъ вѣтровъ.
Сильно хребты захрустѣли, могучестью стиснутыхъ рукъ ихъ
Крупно влекомые; крупный потъ заструился по тѣлу;
Частыя полосы вкругъ по бокамъ и хребтамъ ихъ широкимъ
Вышли кровью багровыя; съ ревностью равною въ сердцѣ
Оба алкали они и побѣды и славной награды.
Долго ни царь Одиссей не смогалъ опрокинуть Аякса,
Ни Аяксъ не смогалъ одолѣть Одиссеевой силы.
И когда ужь соскучивъ, Ахеянѣ сыны зароптали,
Вскрикнулъ къ царю Одиссею великій Аяксъ Теламонидъ:
„Сынъ благородный Лаертовъ, герой Одиссей многоумный,
„Ты подымай, или я подыму; а рѣшитъ Олимпіецъ!

Такъ произнесъ, и поднялъ; Одиссей не забылъ ухищренья:
Вдругъ въ подколѣнокъ ударилъ пятой, и подшибъ ему ноги,
Навзничь его опрокинулъ; но самъ онъ Аяксу на перси
Палъ. Удивился народъ, изумилися всѣ Аргивяне.
Послѣ пыталъ и Аякса поднять Одиссей терпѣливый;
Вновь обхватилъ, и лишь нѣсколько сдвинулъ съ земли, но не поднялъ:
Ноги его подогнулись, и на землю рухнулись оба;
Пали одинъ близъ другаго, и прахомъ покрылися темнымъ.
Встали, и въ третій бы разъ устремились подвижники спорить,
Если бы самъ Ахиллесъ не воздвигнулся; онъ удержалъ ихъ:
„Кончите вашу борьбу, и трудомъ не томитесь жестокимъ.

„Ваша побѣда равна; и награды вы равныя взявши,
„Съ поля сойдите: пускай и другіе въ подвиги вступятъ.

Рекъ; и почтительно выслушавъ, оба они покорились;
Съ поля сошли, и отъ праха очистясь, надѣли хитоны.

Сынъ же Пелеевъ другія за бѣгъ предлагаетъ награды:
Первая сребряный, пышный сосудъ, шестимѣрная чаша,
Чудной своей красотой помрачавшая въ цѣлой вселенной
Славныя чаши, Сидонянъ искусныхъ изящное дѣло.
Мужи ее Финикійцы, по мглистому плавая понту,
Въ Лемносъ продать привезли, но какъ даръ предложили Ѳоасу;
Царь же Эвней Язонидъ, выкупая Пріамова сына,
Падшаго въ плѣнъ Ликаона, отдалъ Менетиду Патроклу.
Царь Ахиллесъ и ту чашу выставилъ, чествуя друга,
Мздою тому, кто быстрѣйшимъ окажется въ бѣгѣ ногами;
Мздою второму тельца откормленнаго, тяжкаго тукомъ;
Но послѣднему золота онъ полталанта назначилъ.
Сталъ наконецъ среди сонма, и такъ говорилъ Аргивянамъ:

„Встаньте, которымъ угодно и сей еще подвигъ извѣдать!
Рекъ; и немедленно всталъ Оилѣевъ Аяксъ быстроногій;
Всталъ Одиссей многоумный и Несторовъ сынъ знаменитый,
Всталъ Антилохъ: побѣждалъ онъ юношей всѣхъ быстротою.
Стали порядкомъ; Пелидъ указалъ имъ далекую мѣту.
Бѣгъ ихъ сперва отъ черты начинался; и первый всѣхъ дальше
Быстрый умчался Аяксъ; но за нимъ Одиссей знаменитый
Близко бѣжалъ, какъ у женьщины ткущей съ пряжею ходитъ

Цѣвка у персей, которую ловко руками бросаетъ,
Нить за утокъ пропуская, и близко предъ персями держитъ:
Такъ Одиссей за Аяксомъ близко бѣжалъ; безпрестанно
Слѣдомъ въ слѣды ударялъ онъ, прежде чѣмъ прахъ съ нихъ ссыпался,
И дыханье свое изливалъ на главу Оилида,
Быстро и ровно бѣжа; восклицали кругомъ Аргивяне,
Жажду его побѣдить въ распаленномъ еще умножая.
Но когда приближались къ концу уже бѣга, взмолился
Въ сердцѣ герой Одиссей свѣтлоокой Палладѣ богинѣ:
„Дочь Эгіоха, услышь! убыстри, милосердая, ноги!
Такъ онъ молясь произнесъ, и услышала дочь Эгіоха;
Члены ему сотворила легкими, ноги и руки;
И уже добѣгали, чтобъ только имъ прянуть къ наградѣ;
Вдругъ на бѣгу поскользнулся Аяксъ: повредила Аѳина:
Въ влажный ступилъ онъ пометъ, изъ воловъ убіенныхъ разлитый,
Конхъ Патроклу въ честь закалалъ Пелеіонъ благородный;
Тельчимъ пометомъ наполнились ноздри и ротъ у Аякса.
Чашу, награду свою, подхватилъ Одиссей терпѣливый,
Первый примчась; а вола захватилъ Оилидъ знаменитый;
Сталъ, и рукою держася за роги вола полеваго,
Онъ выплевывалъ калъ, и такъ говорилъ Аргивянамъ:
„Дочь Громовержца, друзья, повредила мнѣ ноги, Аѳина!
„Вѣчно, какъ матерь, она Одиссею на помощь приходитъ!

Такъ произнесъ онъ; и смѣхъ по собранью веселый раздался.
Несторовъ сынъ получилъ послѣднюю бѣга награду;
Взялъ, и къ Ахейскимъ мужамъ улыбаяся, такъ говорилъ онъ:
„Знающимъ всѣмъ говорю вамъ, друзья, что всегда, какъ и нынѣ

„Боги безсмертные чествуютъ смертныхъ старѣйшихъ лѣтами.
„Сынъ Оилѣевъ меня годами не многими старше;
„Сей же изъ прежняго рода, отъ прежняго племени отрасль;
„Но зелена, говорятъ, Одиссеева старость; и трудно
„Въ бѣгѣ съ нимъ спорить Ахейскимъ героямъ, кромѣ Ахиллеса.

Такъ говорилъ, прославляя Пелеева быстраго сына.
Но Ахиллесъ немедленно самъ отвѣчалъ Антилоху:
„Другъ Антилохъ! твоя похвала не безплодною будетъ;
„Злата къ наградѣ твоей полталанта еще прибавляю.

Такъ произнесъ, и вручилъ; и юноша радуясь принялъ.
Тутъ Ахиллесъ быстроногій копье длиннотѣнное взявши,
Вынесъ на поприще, вынесъ и щитъ и шеломъ свѣтозарный,
Весь Сарпедоновъ доспѣхъ, съ пораженнаго взятый Патрокломъ.
Сталъ наконецъ передъ сонмомъ, и такъ говорилъ Аргивянамъ:
„Нынѣ подвижниковъ двухъ вызываемъ, отлично могучихъ,
„Въ бранный облекшись доспѣхъ, ополчившись пронзительной мѣдью,
„Выдти одинъ на одинъ и измѣрить ихъ мощь предъ народомъ.
„Кто у другаго скорѣе пронзитъ благородное тѣло,
„И сквозь доспѣхи коснется и членовъ и крови багряной:
„Тотъ побѣдитель, тому подарю я сей ножъ серброгвоздный,
„Славный, Ѳракійскій, который похитилъ я съ Астеропея.
„Что до оружій, подвижники оба ихъ вмѣстѣ получатъ;
„Вмѣстѣ подъ сѣнью моей и блистательный пиръ имъ устрою.

Такъ говорилъ; и поднялся великій Аяксъ Теламонидъ;
Быстро по немъ и Тидидъ возсталъ, Діомедъ неустрашимый.

Скоро въ концахъ отдаленныхъ народной толпы ополчася,
Оба они на средину выходятъ, пылая сразиться;
Грозно другъ на друга смотрятъ; страхъ обымаетъ Ахеянъ.
Быстро сошедшись они, устремленные другъ противъ друга,
Трижды бросались, и въ рукопашъ трижды оружіемъ сшиблись.
Сынъ Теламоновъ копье сопротивнику въ щитъ круговидный
Вбилъ, но тѣла не тронулъ: оно защищалося броней.
Сынъ же Тидеевъ поверхъ семикожнаго круга щитнаго
Выи Аякса грозилъ безпрестанно сверкающимъ жаломъ.
Всѣ, трепеща за Аякса, вскричали Ахейскіе мужи;
Бой прекратить и ровныя взять имъ велѣли награды.
Но Ахиллесъ Діомеда ножемъ наградилъ сребргвоздными,
Вмѣстѣ съ ножнами его и съ ремнемъ красиво кроенымъ.

Тутъ Ахиллесъ предложилъ имъ кругъ самородный желѣза;
Прежде метала его Гетіона крѣпкая сила;
Но когда Гетіона убилъ Ахиллесъ градоборецъ,
Кругъ на своихъ корабляхъ онъ съ другими корыстями вывезъ.
Сталъ наконецъ онъ предъ сонмомъ, и такъ говорилъ Аргивянамъ:
„Встаньте, которымъ угодно и сей еще подвигъ изведать!
„Сколько бы кто ни имѣлъ и далекихъ полей и широкихъ:
„На пять круглыхъ годовъ и тому на потребы достанетъ
„Глыбы такой; у него никогда, оскудѣлый въ желѣзѣ,
„Въ градъ не пойдетъ ни оратай, ни пастырь, но дома добудетъ.

Такъ говорилъ онъ; и всталъ Полипетъ, бранодышущій воинъ;
Встала и грозная мощь Леонтея, подобнаго богу;
Всталъ и Аяксъ Теламонидъ, и сильный Эпеосъ огромный.

Стали порядкомъ; и первый тотъ кругъ подымаетъ Эпеосъ;
Долго махалъ онъ и бросилъ; и хохотъ раздался по сонму.
Послѣ повергъ Леонтей, благородная отрасль Арея;
Третій сынъ Теламоновъ, схвативши желѣзную тягость,
Бросилъ могучей рукой, и за знаки онъ всѣхъ перекинулъ.
Но когда тотъ кругъ подхватилъ Полипетъ браноносный:
Такъ далеко, какъ пастухъ свой закривленный посохъ бросаетъ,
Онъ же вертится кругомъ, и летитъ черезъ тельчее стадо:
Такъ далеко перекинулъ за кругъ онъ; вскричали Данаи.
Быстро толпой набѣжавши друзья Полипета героя,
Радостно къ чернымъ судамъ понесли награду владыки.

Сынъ же Пелеевъ для лучниковъ темное вынесъ желѣзо:
Десять сѣкиръ двуострыхъ и десять простыхъ имъ наградой.
Выставилъ, цѣлью стрѣльбы—корабля черноносаго мачту
Въ дальнемъ концѣ, на пескѣ; а на самой вершинѣ голубку
За ногу тонкимъ снуромъ привязалъ; и по птицѣ велѣлъ онъ
Мѣтить стрѣлкамъ: „Который умѣтитъ по робкой голубкѣ,
„Всѣ топоры двуострые въ сѣнь понесетъ побѣдитель;
„Кто жъ улучитъ по снуру одному, не умѣтивши птицы,
„Тотъ, какъ стрѣлокъ побѣжденный, сѣкиры простыя получитъ.

Такъ говорилъ; и возстало могущество Тевкра владыки;
Всталъ и герой Меріонъ, повелителя Критянъ сподвижникъ.
Бросили жребіи въ мѣдный шеломъ, сотрясли ихъ, и Тевкру
Вылетѣлъ первому жребій стрѣлять: и не медля стрѣлу онъ
Съ страшною силой послалъ, но не сдѣлалъ обѣта владыкѣ
Фебу, въ жертву принесть первородныхъ овновъ гекатомбу.

Въ птицу герой не попалъ: воспрепятствовалъ Фебъ раздраженный;
Въ снуръ близъ ноги онъ умѣтилъ, которымъ привязана птица:
Привязь у самой ноги пересѣкла стрѣла; встрепенулась,
Къ небу взвилась голубица свободная; привязь по вѣтру
На землю вся опустилася; громко вскричали Данаи.
Быстро тогда Меріонъ у печальнаго Тевкра изъ длани
Выхватилъ лукъ, а стрѣлу наготовѣ держалъ, чтобъ направить;
Въ сердцѣ обѣтъ сотворилъ метателю стрѣлъ Аполлону,
Первенцевъ агнцовъ ему въ благодарность принесть гекатомбу;
И, высо́ко подъ облакомъ робкую птицу завидѣвъ,
Быстро кружащуюсь, въ бокъ подъ крыло угодилъ онъ стрѣлою:
Въ верхъ сквозь крыло пролетѣла стрѣла, и обратно на землю
Павъ, предъ ногой Меріона вонзилася въ долъ; а голубка,
Съ выси лазурной на мачту спустясь черноносаго судна,
Выю къ груди преклонила, густыя развѣсила крылья,
Быстро изъ персей духъ испустила, и съ мачты далеко
Пала на прахъ; удивился народъ, и кругомъ изумлялся.
Всѣ топоры двуострые взялъ Меріонъ побѣдитель;
Тевкръ побѣжденный простые понесъ къ кораблямъ мореходнымъ.

Сынъ же Пелеевъ огромный дротъ и сосудъ рукомойный,
Чистый, въ огнѣ не бывалый, цѣною въ вола, разцвѣченный,
Вынесъ предъ сонмъ; и возстали могучіе два копьеборца.
Первый пространнодержавный возсталъ Атреі́онъ Агамѐмнонъ
Послѣ герой Меріонъ, предводителя Критянъ сподвижникъ;
Но между храбрыми ставъ, говорилъ Ахиллесъ благородный:
„Царь Агамѐмнонъ, мы вѣдаемъ, сколько ты всѣхъ превосходишь;
„Сколько и мощью твоей и метаніемъ копій отличенъ.

„Но прими ты награду, и съ нею, Атридъ, возвратися
„Къ быстрымъ судамъ; а копье отдадимъ Меріону герою,
„Если твоей то пріятно душѣ; но такъ бы я думалъ.

Рекъ; и ему не противился сынъ скиптроносный Атрея.
Дротъ Ахиллесъ Меріону вручилъ; а герой Агамемнонъ
Въ руки Талѳибія вѣстника пышную отдалъ награду.

ПѢСНЬ XXIV.

СОДЕРЖАНІЕ.

По окончаніи игръ, Ахеяне вечеряютъ и предаются сну. Ахиллесъ, о Патроклѣ сѣтуя, проводитъ ночь безъ сна, и утромъ, привязавъ Гектора къ колесницѣ, волочитъ вокругъ могилы друга; но Аполлонъ сохраняетъ тѣло его невредимымъ, ст. 1 — 21. О такомъ поруганіи, многіе дни продолжающемся, одни изъ боговъ соболѣзнуютъ и убѣждаютъ Гермеса похитить тѣло, другіе тайно радуются и противятся похищенію, 22—30. Наконецъ Аполлонъ жестоко упрекаетъ боговъ за ихъ неблагодарность къ Гектору и потворство Ахиллесу; Гера гнѣвно возражаетъ ему, 31—63. Но Зевсъ подаетъ иной совѣтъ и совершаетъ его: призвавъ на Олимпъ чрезъ Ирису богиню Ѳетиду, повелѣваетъ убѣдить Ахиллеса, чтобы онъ оставилъ свирѣпство и возвратилъ тѣло выкупающимъ, 64 — 142. Ириса, по повелѣнію Зевса, является также Пріаму, и убѣждаетъ, чтобы онъ шелъ съ дарами къ Ахиллесу для искупленія сына, 143—188. Пріамъ рѣшился, не взирая на страхъ Гекубы, его отклоняющей; собираетъ драгоцѣнные дары, приказываетъ дѣтямъ приготовить возъ для клади, а самъ запрягаетъ для себя колесницу, 189—282. Наконецъ, сотворивъ возліяніе Зевсу, и видя въ низпосланномъ отъ него орлѣ счастливое знаменіе, съ однимъ вѣстникомъ Идеемъ отправляется въ путь, 283 — 330. Встрѣчаетъ Гермеса, Зевсомъ ему въ спутники посланнаго, который, назвавшись служителемъ Ахиллеса, и усыпивъ стражей, приводитъ Пріама къ кущѣ героя, 331—467. Ахиллесъ, моленіемъ царя тронутый, принимаетъ выкупъ, возвращаетъ тѣло омытое и покрытое ризою, соглашается дать 12 дней, просимыхъ Пріамомъ для погребенія, предлагаетъ ему вечерю, ночлегъ и дружелюбно отпускаетъ ко сну, 468—676. Гермесъ рано пробуждаетъ Пріама, провозитъ черезъ станъ, оставляетъ его; и Пріамъ съ наступленіемъ дня привозитъ къ городу тѣло Гектора. На встрѣчу его вышедъ всѣ Трояне, подымаютъ плачь, 677 — 717. Привезши тѣло въ домъ, полагаютъ на ложѣ; начинатели плача пѣніемъ оплакиваютъ его; кромѣ ихъ плачетъ Андромаха, Гекуба, Елена, 718 — 776. Наконецъ сожигаютъ тѣло на кострѣ, погребаютъ, и пиршествомъ у Пріама празднуютъ погребеніе, 777—804.

ПѢСНЬ XXIV.

Кончились игры; народъ по своимъ кораблямъ быстролетнымъ
Весь разсѣялся; каждый подъ сѣнь поспѣшалъ укрѣпиться
Пищей вечерней и сладостнымъ сномъ. Но Пелидъ неутѣшный
Плакалъ, о другѣ еще вспоминая; къ нему не касался
Все усмиряющій сонъ; по одру безпокойно метаясь,
Онъ вспоминалъ Менетидово мужество, духъ возвышенный;
Сколько они подвизались, какіе труды подымали,
Боевъ съ мужами ища, и свирѣпость морей искушая:
Все вспоминая въ душѣ, проливалъ онъ горячія слезы.
То на хребетъ онъ ложился, то на бокъ, то ницъ обращался,
Къ ложу лицемъ припадалъ; напослѣдокъ бросивши ложе,
Берегомъ моря бродилъ онъ тоскующій. Тамъ и денницу
Встрѣтилъ Пелидъ, озарившую пурпуромъ берегъ и море.
Быстро тогда онъ запрягъ въ колесницу коней быстроногихъ;
Гектора, чтобы влачить, привязалъ позади колесницы;
Трижды его обволокъ вкругъ могилы любезнаго друга,
И наконецъ успокоился въ кущѣ; а Гектора бросилъ
Ницъ распростерши во прахѣ. Но Фебъ отъ него покровитель,
Фебъ и отъ мертваго вредъ отклонялъ; о героѣ и мертвомъ
Богъ милосердовалъ: тѣло его золотымъ онъ эгидомъ

Все покрывалъ, да не будетъ истерзанъ, Пелидомъ влачимый.

Такъ онъ надъ Гекторомъ славнымъ ругался въ неистовствѣ гнѣва.
Жалость объяла боговъ Олимпійскихъ, съ неба взиравшихъ;
Тѣло похитить зоркаго Гермеса всѣ убѣждали;
Всѣмъ то казалось угоднымъ; но только не Герѣ богинѣ,
Ни Посидону царю, ни блистательноокой Аѳинѣ:
Имъ, какъ и прежде, была ненавистною Троя святая,
Старецъ Пріамъ и народъ, за вину Пріамида Париса:
Онъ богинь оскорбилъ, приходившихъ въ домъ его сельскій;
Честь онъ воздалъ одарившей его сладострастіемъ вреднымъ.

Вѣстница утра, въ двѣнадцатый разъ восходила Денница;
И средь сонма боговъ провѣщалъ Аполлонъ сребролукій:
„Боги жестокіе, неблагодарные! Гекторъ не вамъ ли
„Бедра тельцовъ и овновъ сожигалъ въ благовонныя жертвы?
„Вы жъ нерадите и мертвое тѣло героя избавить;
„Видѣть его не даете супругѣ, матери, сыну,
„Старцу отцу и гражданамъ, которые славнаго мужа
„Предали бъ скоро огню и послѣднею честью почтили!
„Вы Ахиллесу губителю быть благосклонны рѣшились,
„Мужу, который изъ помысловъ правду изгналъ, а отъ сердца
„Всякую жалость отвергъ, и какъ левъ, о свирѣпствахъ лишь мыслитъ.
„Левъ, и душей дерзновенной и дикою силой стремимый,
„Только и рыщетъ, чтобъ стадо найти и добычу похитить:
„Такъ сей Пелидъ погубилъ всю жалость, и стыдъ потерялъ онъ,
„Стыдъ, для сыновъ человѣческихъ столько полезный и вредный.
„Смертный иной и болѣе милаго сердцу теряетъ,

„Брата единоутробнаго, или цвѣтущаго сына;
„Плачетъ о тратѣ своей, и печаль наконецъ утоляетъ:
„Духъ терпѣливый судьбы даровали сынамъ человѣковъ.
„Онъ же, богу подобнаго Гектора жизни лишивши,
„Мертваго вяжетъ къ конямъ, и у гроба любезнаго друга
„Въ прахѣ волочитъ! Не славное онъ и не доброе выбралъ!
„Развѣ что нашу онъ месть на себя, и могучій, воздвигнетъ:
„Землю, землю нѣмую неистовый мужъ оскорбляетъ!

Гнѣвомъ пылая, ему отвѣчала державная Гера:
„Слово твое совершилось бы, лукомъ серебрянымъ гордый!
„Если бъ равно Ахиллеса и Гектора сами вы чтили!
„Гекторъ сынъ человѣка, сосцами жены онъ воспитанъ;
„Но Ахиллесъ—богородная отрасль: богиню Ѳетиду
„Я возлелѣяла, я возрастила и милой супругой,
„Мужу вручила Пелею, любезному всѣмъ намъ безсмертнымъ.
„Всѣ вы, безсмертные, были на бракѣ; и ты ликовалъ тамъ
„Съ лирой въ рукахъ, нечестивыхъ наперсникъ, всегда вѣроломный!

Ей обратился отвѣтствовать тучегонитель Кроніонъ:
„Гера супруга! Не гнѣвайся вовсе на жителей неба.
„Честь браноносцамъ не равная будетъ; однако и Гекторъ
„Между сыновъ Иліона любезнѣйшій былъ Олимпійцамъ,
„Такъ же и мнѣ! Никогда не небрегъ онъ о жертвахъ пріятныхъ
„Жертвенникъ мой никогда не скудѣлъ въ приношеньяхъ обильныхъ
„Туковъ, винъ, благовоній: сія бо намъ честь подобаетъ.
„Но похищенье оставимъ; возможности нѣтъ отъ Пелида
„Гектора славнаго тайно похитить: къ Пелееву сыну

„Матерь Ѳетида приходитъ, и ночью и днемъ непрестанно.
„Лучше Ѳетиду ко мнѣ призови кто нибудь изъ безсмертныхъ;
„Мудрое слово богинѣ реку, да Пелидъ быстроногій
„Выкупъ возметъ отъ Пріама, и Гектора тѣло отпуститъ.

Рекъ; и какъ вихрь устремилась Ириса крылатая съ вѣстью;
Между священнаго Сама и грозноутеснаго Имбра
Бросилась въ черный понтъ; и подъ ней застонала пучина;
Быстро, подобно свинцу, въ глубину погрузилась богиня,
Ежели онъ, прикрѣпленный подъ рогомъ вола полеваго,
Мчится коварный, рыбамъ прожорливымъ гибель несущій.
Тамъ, въ пещерѣ глубокой находитъ Ѳетиду и съ нею
Многихъ богинь океана. Она посредѣ ихъ сидѣла,
Плача объ участи храбраго сына, которому должно
Въ Трои холмистой погибнуть, далеко отъ милой отчизны.
Ставъ предъ Ѳетидой, вѣщала посланница Зевса: Ѳетида!
„Зевсъ призываетъ тебя, непреложныхъ совѣтовъ строитель.

Ей отвѣчая, рекла среброногая дочерь Нерея:
„Что заповѣдуетъ мнѣ Повелитель безсмертныхъ? Стыжуся
„Свѣтлымъ являться богамъ, угнетенная мрачной печалью!
„Но повинуюсь; и тщетенъ не будетъ глаголъ имъ реченный.

Такъ говоря, облеклася Ѳетида одеждой печали,
Чернымъ покровомъ, чернѣйшимъ изъ всѣхъ у нее одѣяній.
Такъ устремилась; предъ нею подобная вѣтрамъ Ириса
Быстро пошла; разступалися окрестъ ихъ волны морскія.
На берегъ вышедъ богини, къ высокому бросились небу.

Тамъ обрѣли громовержца Кронида; предъ нимъ возсидѣли
Всѣ, на совѣтъ собравшись, блаженные, вѣчные боги.
Сѣла Ѳетида близъ Зевса отца: уступила Аѳина;
Гера же чашу златую, прекрасную, подала въ руки,
И утѣшала словами. Ѳетида испивъ, возвратила.
Слово межъ оными началъ Отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ:
„Ты на Олимпъ, Ѳетида, пришла и печальная сердцемъ;
„Скорбь неутѣшную въ персяхъ носишь ты; знаю, богиня;
„Но возвѣщу, для чего на Олимпъ я тебя призываю.
„Девять дней, какъ межъ нами безсмертными распря возстала:
„Гекторъ герой и Пелидъ градоборецъ боговъ раздѣляютъ.
„Тѣло похитить склоняютъ безсмертные Гермеса бога;
„Я же напротивъ ту славу * хочу даровать Ахиллесу,
„Нѣжность къ тебѣ и почтеніе въ сердцѣ на вѣкъ сохраняя.
„Шествуй къ Ахейскому стану, и сыну, богиня, повѣдай:
„Всѣ божества на него негодуютъ; но я отъ безсмертныхъ
„Болѣе всѣхъ огорчаюсь, что онъ въ изступленіи гнѣва
„Гектора возлѣ судовъ, не пріемлющій выкупа, держитъ.
„Если страшится меня, да не медля отпуститъ онъ тѣло.
„Я жъ посылаю Ирису къ Пріаму царю съ повелѣньемъ,
„Въ станъ Мирмидонскій идти къ искупленію милаго сына;
„Несть и дары Ахиллесу, пріятные сердцу героя.

Такъ произнесъ; и ему покорилась Ѳетида богиня;
Быстро помчалась, съ вершины Олимпа высокаго бросясь.
Скоро достигла Пелидова стана; и въ кущѣ находитъ
Сына, печально стенящаго: многіе въ кущѣ героя

* Чтобы онъ самъ возвратилъ тѣло Гектора.

Окресть его суетились друзья, и готовили завтракъ;
Ими закланный, лежалъ на помостѣ овенъ густорунный.

Подлѣ печальнаго сына возсѣла почтенная матерь;
Тихо ласкала рукой, вопрошала и такъ говорила:
„Милое чадо, почто ты доселѣ, стеня и тоскуя,
„Сердце себѣ сокрушаешь? не думаешь ты ни о пищѣ,
„Ни обо снѣ? Но пріятно съ женой насладиться любовью.
„Жить не долго тебѣ; предъ тобою, любезнѣйшій сынъ мой,
„Близко стоитъ неизбѣжная Смерть и суровая Участь.
„Выслушай слово; его я тебѣ возвѣщаю отъ Зевса:
„Боги, онъ рекъ, на тебя прогнѣвляются: онъ же Владыка
„Болѣе всѣхъ негодуетъ, что ты въ изступленіи гнѣва
„Гектора возлѣ судовъ, не пріемлющій выкупа, держишь.
„Выдай его, Ахиллесъ, и за тѣло прими искупленье.

Ей отвѣчая, вѣщалъ быстроногій Пелидъ знаменитый:
„Пусть предстаетъ предлагающій выкупъ, и тѣло получитъ,
„Если рѣшительно такъ заповѣдуетъ мнѣ Олимпійскій.

Тою порою, какъ матерь и сынъ у судовъ Мирмидонскихъ
Многія между собою вѣщали крылатыя рѣчи,
Зевсъ посылалъ Ирису къ Пріамовой Трои священной:
„Шествуй, Ириса крылатая, холмы оставивъ Олимпа;
„Вѣсть въ Иліонѣ святомъ возвѣсти Дардаииду Пріаму:
„Пусть къ искупленію сына идетъ къ кораблямъ онъ Ахейскимъ;
„Пусть и дары онъ несетъ, чтобъ смягчить Ахиллесово сердце.
„Но да единый, никѣмъ не сопутствуемъ, шествуетъ старецъ;

„Токмо глашатай старѣйшій да будетъ при немъ, чтобы правитъ
„Месками въ быстромъ возу, и вспять изъ Ахейскаго стана
„Мертваго ввезть въ Иліонъ, убіеннаго сильнымъ Пелидомъ.
„Помыслъ о смерти и страхъ да не взыдетъ на сердце Пріаму:
„Старцу такого пошлемъ мы сопутника, Гермеса бога;
„Онъ поведетъ и проводитъ, пока не представитъ къ Пелиду;
„И когда приведетъ онъ Пріама предъ очи героя,
„Рукъ на него не подыметъ Пелидъ, ни другихъ не допуститъ:
„Онъ ни безуменъ, ни наглъ, ни обыкшій къ грѣхамъ нечестивецъ;
„Онъ завсегда милосердо молящаго милуетъ мужа.

Рекъ; и съ небесъ устремилась подобная вихрямъ Ириса;
Къ дому Пріама сошла; и нашла тамъ и вопль и рыданье.
Окрестъ отца всѣ сыны на дворѣ предъ хоромами сидя,
Токами слезъ обливали одежды; въ срединѣ ихъ старецъ,
Ризою весь обвернувшись, лежалъ на землѣ распростертый;
Выю и голову персть покрывала державнаго старца,
Коею самъ онъ себя, пресмыкаяся въ прахѣ, осыпалъ.
Дщери его и невѣстки въ домахъ своихъ сидя рыдали,
Тѣхъ поминая, и многихъ и сильныхъ защитниковъ царства,
Кои уже подъ руками Ахейскими предали души.

Быстрая вѣстница Зевса, приближася тихо къ Пріаму,
Голосомъ тихимъ, но трепетъ объялъ Дарданидовы члены,
Такъ говорила: „Дерзай Дарданидъ, и меня не страшися!
„Я не зловѣщей тебѣ нисхожу отъ холмовъ Олимпійскихъ;
„Нѣтъ, по душей доброхотная вѣстница Зевса тебѣ я:
„Онъ о тебѣ, и далекій, душею болитъ и печется.

„Выкупить Гектора тѣло тебѣ онъ велитъ Олимпіецъ.
„Шествуй, неси и дары, чтобъ смягчить Ахиллесово сердце;
„Но да никто изъ Троянъ не сопутствуетъ, шествуй одинъ ты;
„Токмо глашатай старѣйшій да будетъ съ тобой, чтобы править
„Мсками въ быстромъ возу, и вспять изъ Ахейскаго стана
„Мертваго ввезть въ Иліонъ, убіеннаго сильнымъ Пелидомъ.
„Мысль же о смерти, ни страхъ тебѣ да не взыдетъ на сердце:
„Спутникъ такой за тобою послѣдуетъ, Гермесъ безсмертный;
„Гермесъ пойдетъ и проводитъ, пока не приближитъ къ Пелиду;
„И когда онъ тебя представитъ предъ очи героя,
„Рукъ на тебя не подыметъ Пелидъ, ни другихъ не допуститъ:
„Онъ ни безуменъ, ни наглъ, ни обыкшій къ грѣхамъ нечестивецъ;
„Онъ завсегда милосердо молящаго милуетъ мужа.

Такъ говоря, отлетѣла подобная вихрямъ Ириса.
Старецъ Пріамъ повелѣлъ, чтобъ не медля сыны снарядили
Муловый возъ быстрокатный, и коробъ къ нему привязали.
Самъ же поспѣшно взошелъ въ почивальню, теремъ душистый,
Кедровый, съ кровлей высокой, гдѣ много хранилось сокровищъ;
Призвалъ туда и Гекубу супругу, и такъ говорилъ ей:
„Бѣдная! мнѣ Олимпійская вѣстница Зевса явилась;
„Выкупить сына велѣла идти къ кораблямъ Мирмидонскимъ;
„Несть и дары Ахиллесу, которые бъ сердце смягчили.
„Молви, супруга любезная, что ты о семъ помышляешь?
„Сильно меня самаго побуждаетъ и сердце и дума,
„Нынѣ жъ идти къ кораблямъ и великому стану Ахеянъ.

Такъ говорилъ; зарыдала жена и ему отвѣчала:

„Горе! погибъ ли твой разумъ, которымъ въ минувшее время
„Славился ты и у чуждыхъ народовъ и въ собственномъ царствѣ?
„Хочешь одинъ ты, старецъ, идти къ кораблямъ Мирмидонскимъ?
„Мужу предстать передъ очи, который и многихъ и сильныхъ
„Нашихъ сыновъ умертвилъ? У тебя не желѣзное ль сердце?
„Въ руки едва залучитъ, предъ очами тебя лишь увидитъ
„Сей кровопійца, невѣрный сей мужъ, милосердъ онъ не будетъ;
„Онъ не уважитъ тебя!—Въ отдаленіи лучше поплачемъ,
„Въ храминѣ сидя: такую знать долю суровая Парка
„Выпряла нашему сыну, какъ я несчастливца родила,
„Долю, чтобъ псовъ онъ насытилъ, вдали отъ родныхъ, предъ очами
„Лютаго мужа, котораго сердце, когда бы могла я,
„Впившися въ грудь, пожирать, отомстила бъ за то, что онъ сдѣлалъ
„Съ сыномъ моимъ! Не какъ ратникъ безчестный мой Гекторъ убитъ имъ;
„Онъ за отечество, онъ за мужей и за женъ Иліонскихъ
„Бился герой, ни о страхѣ въ бою, ни о бѣгствѣ не мысля!

Снова Гекубѣ отвѣтствовалъ старецъ Пріамъ боговидный:
„Волѣ моей не противься, Гекуба, и въ собственномъ домѣ
„Птицей зловѣщей не будь; отвратитъ меня не успѣешь.
„Еслибъ такое мнѣ дѣло внушалъ кто нибудь земнородный,
„Жрецъ, иль пророкъ Иліонскій, или ѳиміамогадатель;
„Ложью почли бы мы то, и съ презрѣніемъ вѣрнобъ отвергли,
„Слышалъ богиню я самъ, предъ собою безсмертную видѣлъ;
„Въ станъ я иду, и не тщетно мнѣ будетъ вѣщаніе бога.
„Если жъ назначилъ мнѣ рокъ умереть предъ судами Ахеянъ:
„Радъ! и пускай онъ меня душегубецъ зарѣжетъ, какъ скоро,
„Милаго сына обнявши, рыданіемъ сердце насыщу!

*

Такъ произнесъ, и поднявши красныя крыши ковчеговъ,
Вынулъ изъ нихъ Дарданіонъ двѣнадцать покрововъ прекрасныхъ,
Хленъ двѣнадцать простыхъ, и столько жъ ковровъ драгоцѣнныхъ,
Верхнихъ плащей превосходныхъ, и тонкихъ хитоновъ исподнихъ;
Злата, вѣсами отвѣсивши, выложилъ десять талантовъ;
Вынулъ четыре кувшина, и два свѣтозарныхъ треногъ;
Вынулъ и кубокъ прекрасный, ему, какъ посланнику, древній
Даръ Ѳракіянъ, драгоцѣнность великая! даже и оной
Старецъ щадить не хотѣлъ; столь сильно пылалъ онъ душею
Выкупить милаго сына. Но всѣхъ онъ Троянъ приходившихъ
Гнѣвный гонялъ отъ крыльца, и грозя и поносно ругая:
„Прочь, проклятое племя презрѣнное! Развѣ и дома
„Мало печали для васъ, что меня огорчать вы идете?
„Или вамъ радость, что старца Кронидъ поражаетъ бѣдою,
„Гибелью сына храбрѣйшаго? Скоро вы цѣну сей траты
„Сами узнаете; легче стократъ, какъ не стало героя,
„Будете сами избиты Ахеями! Я же, о боги,
„Прежде, нежели градъ разоренный и въ прахъ обращенный
„Трою святую увижу, да скроюсь въ обитель Аида!

Такъ говоря, прогонялъ ихъ жезломъ; отъ грозящаго старца
Всѣ удалилися. Онъ же вскричалъ, сыновей порицая,
Клита, Гелена, Париса, питомца боговъ Агаѳона,
Паммона, Гиппоѳоя, Деифоба вождя, Антифона,
Храбраго сына Полита, и славнаго мужествомъ Діа:
Грозно на сихъ сыновей и кричалъ и приказывалъ старецъ:
„Живо, негодные дѣти, позорники! Лучше бы всѣмъ вамъ
„Вмѣсто единаго Гектора пасть предъ судами Ахеянъ!

„О, злополучный я смертный! имѣлъ я въ Трои обширной
„Храбрыхъ сыновъ, и отъ нихъ ни единаго мнѣ не осталось!
„Нѣтъ боговиднаго Местора, нѣтъ конеборца Троила,
„Нѣтъ и тебя, мой Гекторъ, тебя, между смертными бога!
„Такъ, не смертнаго мужа казался онъ сыномъ, но бога!
„Храбрыхъ Арей истребилъ; а позорники эти остались,
„Эти лжецы, плясуны, знаменитые лишь въ хороводахъ,
„Эти презрѣнные хищники козъ и агнцовъ народныхъ!
„Долго ли будете вы снаряжать колесницу, и въ коробъ
„Скоро ли вложете все, чтобы могъ я немедленно ѣхать?

Такъ говорилъ; и сыны, устрашася угрозы отцовой,
Бросились быстро, и вывезли муловый возъ легкокатный,
Новый, красивый; и коробъ глубокій на немъ привязали;
Сняли съ гвоздя блестящій яремъ, приспособленный къ муламъ,
Буковый, съ бляхою сверху и съ кольцами, слаженный хитро;
Привязь яремную вмѣстѣ съ ярмомъ девятилоктевую
Вынесли, ловко ярмо положили на гладкое дышло
Въ самомъ концѣ, и на крюкъ поперечный кольцо наложили;
Трижды бляху ярма обмотали кругомъ; напослѣдокъ
Прочее все обвязали, концы же узла подогнули.
Послѣ, нося изъ покоевъ, на муловый возъ легкокатный,
Весь уложили за голову Гектора выкупъ безцѣнный.
Муловъ въ него запрягли возовозныхъ, дебелокопытныхъ,
Нѣкогда въ даръ подведенныхъ владыкѣ Пріаму отъ Мизовъ.
Но къ колесницѣ Пріамовой вывели коней, которыхъ
Самъ онъ съ отмѣнной заботой лелѣялъ у тесаныхъ яслей;
Ихъ въ колесницу впрягали предъ домомъ высоковершиннымъ

Вѣстникъ и царь, обращая въ умѣ ихъ мудрыя думы.
Тою порою приходитъ Гекуба, печальная сердцемъ;
Въ правой рукѣ царица вина, веселящаго сердце,
Кубокъ несла золотой, чтобъ супругъ не возливъ не уѣхалъ;
Стала она предъ конями, и такъ говорила Пріаму:
„Зевсу возлей, мой супругъ! и молись, чтобы далъ всемогущій
„Въ домъ отъ враговъ возвратиться, когда уже смѣлое сердце
„Старца тебя, противъ воли моей, къ кораблямъ устремляетъ.
„Такъ, помолися Пріамъ чернотучному Кронову сыну,
„Богу, который отъ Иды на всю призираетъ Троаду.
„Птицы проси, быстрокрылаго вѣстника, мощью своею
„Первой изъ птицъ, и любезнѣйшей всѣхъ самому Громовержцу;
„Съ правой страны чтобъ слетѣла, и самъ бы ее ты увидя,
„Съ вѣрой въ нее отошелъ къ кораблямъ быстроконныхъ Данаевъ.
„Если жъ тебѣ не пошлетъ своего посла Громовержецъ;
„Буду тебя, мой супругъ, убѣждать и совѣтомъ и прозьбой,
„Въ станъ не ходить къ Мирдонянамъ, какъ ты ни твердо рѣшился.

Ей не медля отвѣтствовалъ старецъ Пріамъ боговидный:
„Я твоего не отрину совѣта разумнаго: благо
„Длани къ Владыкѣ боговъ воздѣвать, да помилуетъ насъ онъ.

Рекъ, и прислужницѣ ключницѣ далъ повелѣніе старецъ
На руки чистой воды возліять; и прислужница быстро
Съ блюдомъ въ рукахъ и съ кувшиномъ воды предъ владыку предстала.
Старецъ, руки омывши, кубокъ принялъ отъ супруги,
Сталъ по срединѣ двора, и молился, вино возливая,
На небо взоръ возводя; и возвысивши голосъ, воскликнулъ:

„Зевсъ, нашъ отецъ, обладающій съ Иды, славнѣйшій, сильнѣйшій!
„Дай мнѣ придти къ Ахиллесу угоднымъ и жалостнымъ сердцу;
„Птицу пошли, быстролетнаго вѣстника, мощью своею
„Первую въ птицахъ, любимую болѣе всѣхъ и тобою;
„Съ правой страны низпошли; да сходящую самъ я увидя,
„Съ вѣрой въ нее отойду къ кораблямъ конеборныхъ Данаевъ!

Такъ умолялъ; и услышалъ его промыслитель Кроніонъ;
Быстро орла низпослалъ, между вѣщихъ вѣрнѣйшую птицу,
Темнаго, коего смертные черпымъ ловцемъ называютъ.
Словно огромная дверь почивальни высоковерщинной,
Въ домѣ богатаго мужа, замкомъ утвержденная крѣпкимъ:
Крылья орла таковы распростерлись, когда онъ явился,
Вправѣ надъ Троею быстро парящій. Они лишь узрѣли,
Въ радость пришли, разцвѣло упованіемъ каждаго сердце.

Съ живостью старецъ взошелъ въ колесницу свою, и не медля
Коней погналъ отъ преддверья и гулкихъ навѣсовъ крылечныхъ.
Мески пошли впереди подъ повозкой четыреколесной;
Ими Идей управлялъ, благосмысленный вѣстникъ; а сзади
Борзые кони, которыхъ бичемъ Дарданидъ престарѣлый
Гналъ черезъ городъ; его провожали всѣ близкіе сердцу,
Плача по немъ неутѣшно, какъ будто на смерть отходящемъ.
Скоро, изъ замка спустяся, они очутилися въ полѣ;
Всѣ провожавшіе ихъ возвратились, печальные, въ Трою,
Дѣти и сродники. Сами жъ они не сокрылись отъ Зевса;
Въ полѣ увидѣлъ онъ ихъ, и исполнился милости къ старцу;
И къ любезному сыну, къ Гермесу такъ возгласилъ онъ:

„Сынъ мой, Гермесъ! Тебѣ отъ боговъ наипаче пріятно
„Съ сыномъ земли сообщаться; ты внемлешь, кому пожелаешь.
„Шествуй, и Трои царя къ кораблямъ быстролетнымъ Ахеянъ
„Такъ проводи, да никто не узритъ и никто не узнаетъ
„Старца въ Ахейскихъ дружинахъ, доколѣ къ Пелиду не придетъ.

Такъ произнесъ; и ему повинуется Гермесъ посланникъ:
Подъ ноги вяжетъ прекрасную обувь, плесницы златыя,
Вѣчныя; бога они и надъ влажною носятъ водою,
И надъ землей безпредѣльною, быстро, съ дыханіемъ вѣтра;
Жезлъ беретъ онъ, которымъ у смертныхъ, по волѣ всесильной,
Сномъ смыкаетъ онъ очи, или отверзаетъ у спящихъ:
Жезлъ сей пріявъ, устремляется Аргоубійца могучій.
Скоро онъ къ граду Троянъ и къ зыбямъ Геллеспонта принесся;
Полемъ пошелъ, благородному юношѣ видомъ подобный,
Первой брадой опушенному, коего младость прелестна.

Путники вскорѣ, проѣхавъ великую Ила могилу,
Коней и месковъ своихъ удержали, чтобы напоить ихъ
Въ свѣтлой рѣкѣ; тогда уже сумракъ спускался на землю.
Тутъ оглянувшися, Гермеса вѣстникъ Идей прозорливый
Близко увидѣлъ, и такъ возгласилъ къ Дарданиду владыкѣ:
„Взглянь, Дарданидъ! осторожнаго разума требуетъ дѣло:
„Мужа я вижу; и мнится мнѣ, насъ онъ убить умышляетъ!
„Должно бѣжать; на коняхъ мы ускачемъ; или, подошедши,
„Ноги ему мы обнимемъ, и будемъ молить о пощадѣ!

Рекъ онъ; и старцево сердце смутилося; онъ ужаснулся;

Дыбомъ власы у него поднялися на сгорбленномъ тѣлѣ;
Онъ цѣпенѣя стоялъ. Эріуній приближился къ старцу,
Ласково за руку взялъ, и вѣщалъ вопрошая Пріама:
„Близко ль, далеко ль, отецъ, направляешь ты коней и месковъ,
„Въ часъ усладительной ночи, какъ смертные всѣ почиваютъ?
„Иль не страшишься убійствами дышущихъ, гордыхъ Данаевъ,
„Кои такъ близко стоятъ, непріязненны вамъ и свирѣпы?
„Если тебя кто увидитъ подъ быстрыми мраками ночи,
„Столько сокровищъ везущаго, что твое мужество будетъ?
„Самъ ты не молодъ, и старецъ такой же тебя провожаетъ.
„Какъ защитишься отъ перваго, кто лишь обидѣть захочетъ?
„Я жъ не тебя оскорблю, но готовъ отъ тебя и другаго
„Самъ отразить; моему ты родителю, старецъ, подобенъ!

Гермесу бодро отвѣтствовалъ старецъ Пріамъ боговидный:
„Все справедливо, любезнѣйшій сынъ мой, что ты говоришь мнѣ.
„Но еще и меня хранитъ покровительной дланью
„Богъ, который даетъ мнѣ такого сопутника встрѣтить,
„Счастья примѣту, тебя, красотою и образомъ дивный,
„Рѣдкимъ умомъ одаренный; блаженныхъ родителей сынъ ты!

Вновь Дарданиду вѣщалъ благодѣтельный Гермесъ посланникъ:
„Истинно все и разумно ты, старецъ почтенный, вѣщаешь.
„Но скажи мнѣ еще, и сущую правду повѣдай:
„Ты высылаешь куда либо столько богатствъ драгоцѣнныхъ
„Къ чуждымъ народамъ, дабы хоть они у тебя уцѣлѣли?
„Вѣрно, объятые страхомъ, уже покидаете всѣ вы
„Трою святую? Таковъ знаменитый защитникъ погибнулъ,

„Сынъ твой! Въ сраженіяхъ былъ онъ не ниже героевъ Ахейскихъ!

Гермесу быстро воскликнулъ старецъ Пріамъ боговидный:
„Кто ты таковъ, отъ кого происходишь ты, юноша добрый,
„Такъ мнѣ прекрасно напомнившій смерть злополучнаго сына?

Старцу отвѣтствовалъ вновь благодѣтельный Гермесъ посланникъ:
„Ты испытуешь меня, вопрошая о Гекторѣ дивномъ.
„Часто, часто я самъ на бояхъ, прославляющихъ мужа,
„Гектора видѣлъ, и даже въ тотъ день, какъ къ судамъ отразивши,
„Онъ побѣждалъ Аргивянъ, истребляя крушительной мѣдью.
„Стоя вдали, удивлялись мы Гектору; съ вами сражаться
„Намъ Ахиллесъ запрещалъ, на царя Агамемнона гнѣвный.
„Я Ахиллесовъ служитель, въ одномъ кораблѣ съ нимъ приплывшій;
„Родомъ и я Мирмидонецъ; родитель мой храбрый Поликторъ;
„Мужъ онъ богатый, и старецъ, какъ ты, совершенно маститый.
„Шесть у Поликтора въ домѣ сыновъ, а седьмой предъ тобою;
„Жребій межъ братьевъ упалъ на меня, чтобъ идти съ Ахиллесомъ.
„Нынѣ осматривать поле пришелъ отъ судовъ я: заутра
„Боемъ на городъ пойдутъ быстроокіе мужи Ахейцы.
„Всѣ негодуютъ они на долгую праздность; не могутъ
„Браннаго пыла мужей обуздать воеводы Ахеянъ.

Гермесу паки отвѣтствовалъ старецъ Пріамъ боговидный:
„Ежели подлинно ты Ахиллеса Пелида служитель;
„Другъ, не сокрой отъ меня, умоляю, повѣдай мнѣ правду:
„Сынъ мой еще ль при судахъ, иль уже Ахиллесъ быстроногій
„Тѣло его разсѣченное псамъ разметалъ Мирмидонскимъ?

Старцу отвѣтствовалъ вновь благодѣтельный Гермесъ посланникъ:
„Старецъ, ни псы не терзали, ни птицы его не касались;
„Онъ и по нынѣ лежитъ у судовъ Ахиллеса, подъ кущей,
„Все, какъ и былъ, невредимый: двѣнадцатый день какъ лежитъ онъ
„Мертвый; но тѣло не тлѣетъ, къ нему не касаются черви,
„Быстрыя черви, которыя падшихъ въ бою пожираютъ.
„Правда, его ежедневно, съ восходомъ Денницы священной,
„Онъ безпощадно волочитъ вкругъ гроба любезнаго друга:
„Но мертвецъ невредимъ; изумишься ты самъ, какъ увидишь:
„Свѣжъ онъ лежитъ, какъ росою умытый; нѣтъ слѣда отъ крови,
„Члена не видно нечистаго; язвы кругомъ затворились,
„Сколько ихъ ни было: много суровая мѣдь нанесла ихъ.
„Такъ милосердуютъ боги о сынѣ твоемъ знаменитомъ,
„Даже и мертвомъ: любезенъ онъ сердцу боговъ Олимпійскихъ.

Рекъ онъ; и старецъ, наполнясь радости, быстро воскликнулъ:
„Благо, мой сынъ, приносить небожителямъ должныя дани.
„Гекторъ, о если бы жилъ онъ! всегда въ благоденственномъ домѣ
„Помнилъ безсмертныхъ боговъ, на великомъ Олимпѣ живущихъ;
„Боги за то и по смертной кончинѣ его помянули.
„Но преклонися, прими отъ меня ты прекрасный сей кубокъ,
„И, охраняя меня, проводи, подъ покровомъ безсмертныхъ,
„Въ станъ Мирмидонскій, пока не приду къ Ахиллесовой кущѣ.

Вновь Дарданиду отвѣтствовалъ Гермесъ, посланникъ Зевеса:
„Младость мою соблазняешь ты, старецъ; но я не склонюся
„Дара, какой предлагаешь мнѣ, тайно принять отъ Пелида.
„Я уважаю Пелида, и сердцемъ страшусь отъ героя

*

„Даръ похищать, чтобы послѣ меня бѣда не постигла.
„Но съ тобою сопутствовать радъ я землею и моремъ;
„Радъ я тебя проводить и до славнаго Аргоса града;
„И, при подобномъ сопутникѣ, смертный къ тебѣ не подступитъ.

Рекъ, и на царскихъ коней въ колесницу вскочилъ Эріуній;
Быстро и бичъ и бразды захватилъ въ могучія руки;
Конямъ и мескамъ вдохнулъ необычную рьяность и силу.
И когда принеслися ко рву и стѣнѣ корабельной,
Гдѣ не задолго надъ вечерей стражи Ахеянъ трудились;
Всѣхъ ихъ въ сонъ погрузилъ благодѣтельный Аргоубійца;
Башни запоръ отодвинулъ, врата растворилъ, и Пріама
Ввезъ внутрь стѣны, и за нимъ съ дорогими дарами повозку.
Но лишь предстали они къ Ахиллесовой кущѣ великой:
Кущу царю своему Мирмидонцы построили въ станѣ,
Крѣпко изъ бревенъ еловыхъ, и сверху искусно покрыли
Мшистымъ, густымъ камышомъ, по влажному лугу набравши;
Около кущи устроили дворъ властелину широкій,
Весь оградя частоколомъ; ворота его запирались
Толстымъ засовомъ еловымъ: трое Ахеянъ вдвигали,
Трое съ трудомъ отымали огромный замокъ сей воротный,
Сильныхъ мужей; но Пелидъ и одинъ отымалъ его быстро.
Тѣ благодѣтельный Гермесъ отверзъ передъ старцемъ ворота,
Ввезъ дары знаменитые славному сыну Пелея,
Спрянулъ на долъ съ колесницы, и такъ провѣщалъ къ Дарданиду:
„Богъ предъ тобою, о старецъ, безсмертный, съ Олимпа низшедшій,
„Гермесъ: отецъ мой меня тебѣ низпослалъ путеводцемъ.
„Я совершилъ, и къ Олимпу обратно иду; всенародно

„Я не явлюсь Ахиллеса очамъ: не достойно бы было
„Богу безсмертному видимо чествовать смертнаго мужа.
„Ты же иди, и вошедъ обыми Ахиллесу колѣна;
„Именемъ старца родителя, матери многочтенной,
„Именемъ сына моли, чтобы тронуть высокую душу.

Такъ возгласивши, къ Олимпу великому быстро вознесся
Гермесъ. Пріамъ, съ колесницы стремительно прянувъ на землю,
Тамъ оставляетъ Идея, дабы онъ стоялъ, охраняя
Коней и месковъ; а самъ устремляется прямо въ обитель,
Гдѣ Ахиллесъ находился божественный. Тамъ Пелейона
Старецъ увидѣлъ; друзья въ отдаленьи сидѣли; но двое,
Отрасль Арея Алкимъ и смиритель коней Автомедонъ,
Близко стоя, служили; не давно онъ вечерю кончилъ,
Пищи вкусивъ и питья, и предъ нимъ еще столъ оставался.
Старецъ, никѣмъ не примѣченный, входитъ въ покой, и Пелиду
Въ ноги упавъ, обымаетъ колѣна и руки цѣлуетъ,
Страшныя руки, дѣтей у него погубившія многихъ!
Такъ если мужъ, преступленіемъ тяжкимъ покрытый въ отчизнѣ,
Мужа убившій, бѣжитъ, и къ другому народу приходитъ,
Къ сильному въ домъ; съ изумленіемъ всѣ на пришельца взираютъ:
Такъ изумился Пелидъ, боговиднаго старца увидѣвъ;
Такъ изумилися всѣ, и одинъ на другаго смотрѣли.
Старецъ же рѣчи такія вѣщалъ, умоляя героя:
„Вспомни отца своего, Ахиллесъ, безсмертнымъ подобный,
„Старца, такого жъ какъ я, на порогѣ старости скорбной!
„Можетъ быть, въ самой сей мигъ, и его окруживши сосѣды,
„Ратью тѣснятъ, и некому старца отъ горя избавить.

„Но по крайней онъ мѣрѣ, что живъ ты и зная и слыша,
„Сердце тобой веселитъ, и вседневно льстится надеждой,
„Милаго сына узрѣть, возвратившагось въ домъ изъ-подъ Трои.
„Я же, несчастнѣйшій смертный, сыновъ возрастилъ браноносныхъ
„Въ Троѣ святой, и изъ нихъ ни единаго мнѣ не осталось!
„Я пятьдесятъ ихъ имѣлъ при нашествіи рати Ахейской:
„Ихъ девятнадцать братьевъ отъ матери было единой;
„Прочихъ родили другія любезныя жены въ чертогахъ;
„Многимъ Арей истребитель сломилъ имъ несчастнымъ колѣна.
„Сынъ оставался одинъ, защищалъ онъ и градъ нашъ и гражданъ;
„Ты умертвилъ и его, за отчизну сражавшагось храбро,
„Гектора! Я для него прихожу къ кораблямъ Мирмидонскимъ;
„Выкупить тѣло его, приношу драгоцѣнный я выкупъ.
„Храбрый, почти ты боговъ! надъ моимъ злополучіемъ сжалься,
„Вспомнивъ Пелея родителя! я еще болѣе жалокъ!
„Я испытую, чего на землѣ не испытывалъ смертный:
„Мужа, убійцы дѣтей моихъ, руки къ устамъ прижимаю!

Такъ говоря, возбудилъ объ отцѣ въ немъ плачевныя думы;
За руку старца онъ взявъ, отъ себя отклонилъ его тихо.
Оба они вспоминая: Пріамъ знаменитаго сына,
Горестно плакалъ, у ногъ Ахиллесовыхъ въ прахѣ простертый;
Царь Ахиллесъ, то отца вспоминая, то друга Патрокла;
Плакалъ, и горестный стонъ ихъ кругомъ раздавался по дому.
Но когда насладился Пелидъ благородный слезами,
И желаніе плакать отъ сердца его отступило;
Быстро возсталъ онъ, и за руку старца простертаго поднялъ,
Тронутъ глубоко и бѣлой главой и брадой его бѣлой;

Началъ къ нему говоришь, устремляя крылашыя рѣчи:
„Ахъ, злополучный! много шы горестей сердцемъ извѣдалъ!
„Какъ шы рѣшился, одинъ, при судахъ Мирмидонскихъ явиться
„Мужу предъ очи, который сыновъ у тебя знаменитыхъ
„Многихъ повергнулъ? Въ груди твоей, старецъ, желѣзное сердце!
„Но успокойся, возсядь Дарданіонъ; и какъ мы ни грустны,
„Скроемъ въ сердца, и заставимъ безмолвствовать горести наши.
„Сердцу крушительный плачь ни къ чему человѣку не служитъ:
„Боги судили всесильные намъ человѣкамъ несчастнымъ
„Жить на землѣ въ огорченіяхъ: боги одни безпечальны.
„Двѣ глубокія урны стоятъ передъ прагомъ Зевеса
„Полны даровъ; счастливыхъ одна и несчастныхъ другая.
„Смертный, которому ихъ посылаетъ смѣсивъ Громовержецъ,
„Въ жизни своей перемѣнно и горесть находитъ и радость;
„Тотъ же, кому онъ несчастныхъ пошлетъ, поношенію преданъ;
„Нужда грызущая сердце вездѣ по землѣ его гонитъ;
„Бродитъ несчастный, отринутъ безсмертными, смертными презрѣнъ.
„Такъ и Пелея — дарами осыпали свѣтлыми боги
„Съ юности нѣжной; украшенный выше сыновъ земнородныхъ
„Счастьемъ, богатствомъ, владыка могучій мужей Мирмидонскихъ,
„Смертный, супругой богиню пріялъ отъ руки онъ безсмертныхъ.
„Богъ и ему ниспослалъ злополучіе: онъ не имѣетъ
„Въ домѣ своемъ поколѣнія, сына, наслѣдника царства.
„Сынъ у Пелея одинъ, кратковѣчный; но я и донынѣ
„Старца его не покою; а здѣсь, отъ отчизны далеко,
„Здѣсь я въ Троадѣ сижу, и тебя и твоихъ огорчаю.
„Самъ ты, о старецъ, мы слышали, здѣсь благоденствовалъ прежде.
„Сколько народовъ вмѣщали обитель Макарова, Лезбосъ,

„Фригія, край плодоносный, а здѣсь Геллеспонтъ безконечный:
„Ты, среди всѣхъ, говорятъ, и богатствомъ блисталъ и сынами.
„Но, какъ бѣду на тебя ниспослали небесные боги,
„Около Трои твоей неумолкная брань и убійство.
„Будь терпѣливъ, и печалью себя не круши безпрерывной.
„Ты ничего не успѣешь о сынѣ печаляся; плачемъ
„Мертваго ты не подымешь, но горе свое лишь умножишь!

Сыну Пелея отвѣтствовалъ старецъ Пріамъ боговидный:
„Нѣтъ, не сяду я, Зевсовъ любимецъ, доколѣ мой Гекторъ
„Въ кущѣ лежитъ, погребенью не преданный! Дай же скорѣе,
„Дай симъ очамъ его видѣть! а самъ ты прими искупленье;
„Мы принесли драгоцѣнное. О! насладись имъ, и счастливъ
„Въ край возвратися родимый, когда ты еще позволяешь
„Старцу мнѣ бѣдному жить, и солнца сіяніе видѣть!

Грозно взглянувъ на него, говорилъ Ахиллесъ быстроногій:
„Старецъ, не гнѣвай меня! Разумѣю и самъ я, что должно
„Сына тебѣ возвратить; отъ Зевса мнѣ вѣсть приносила
„Матерь моя среброногая, Нимфа морская Ѳетида.
„Чувствую, что и тебя: отъ меня ты, Пріамъ, не сокроешь:
„Сильная бога рука провела къ кораблямъ Мирмидонскимъ.
„Нѣтъ, не осмѣлился бъ смертный, и младостью пылкой цвѣтущій,
„Въ станъ нашъ вступить: ни отъ стражей недремлющихъ онъ бы не скрылся,
„Ни засововъ легко бъ на воротахъ моихъ не отдвинулъ.
„Смолкни жъ, и болѣе мнѣ не волнуй ты болящаго сердца;
„Или страшись, да тебя, не взирая, что ты и молитель,

„Въ кущѣ моей я не брошу, и Зевсовъ завѣтъ не нарушу.

Такъ говорилъ; устрашился Пріамъ, и покорный умолкнулъ.
Сынъ же Пелеевъ, какъ левъ, изъ обители бросился въ двери;
Но не одинъ, за царемъ устремилися два изъ клевретовъ,
Сильный Алкимъ и герой Автомѐдонъ, которыхъ межъ друговъ
Болѣе всѣхъ Пелеіонъ почиталъ, по Патроклѣ умершемъ.
Быстро они отъ ярма отрѣшили и коней и месковъ;
Въ кущу ввели и глашатая старцева; тамъ посадивши
Мужа на стулѣ, поспѣшно съ красиваго царскаго воза
Собрали весь многоцѣнный за голову Гектора выкупъ;
Двѣ лишь оставили ризы и тонкій хитонъ хитротканный,
Съ мыслью, чтобъ тѣло покрытое въ домъ отпустить отъ Пелида.
Онъ же, вызвавъ рабынь, повелѣлъ и омыть и мастями
Тѣло намазать, но тайно, чтобъ сына Пріамъ не увидѣлъ;
Онъ опасался, чтобъ гнѣвомъ не вспыхнулъ отецъ огорченный,
Сына узрѣвъ; и чтобъ самъ онъ тогда не подвигнулся духомъ
Старца убить, и нарушить священные Зевса завѣты.
Тѣло рабыни омыли, умаслили мастью душистой,
Въ новый одѣли хитонъ, и покрыли прекрасною ризой;
Самъ Ахиллесъ и поднялъ и на одръ положилъ Пріамида;
Но друзья совокупно на блещущій возъ положили.
Онъ же тогда возопилъ, именуя любезнаго друга:
„Храбрый Патроклъ! не ропщи на меня ты, ежели слышишь
„Въ мрачномъ Аидѣ, что я знаменитаго Гектора тѣло
„Выдалъ отцу: не презрѣнными онъ заплатилъ мнѣ дарами.
„Въ жертву тебѣ и отъ нихъ принесу я достойную долю.

Такъ произнесъ, и подъ сѣнь возвратился Пелидъ благородный;
Сѣлъ на изящно украшенныхъ креслахъ, оставленныхъ прежде,
Противъ Пріама стоявшихъ, и слово къ нему обратилъ онъ:
„Сынъ твой тебѣ возвращенъ, какъ желалъ ты, божественный старецъ;
„Убранъ лежитъ на одрѣ. Съ восходомъ зари возвращаясь,
„Самъ ты увидишь его; но теперь мы о пищѣ воспомнимъ.
„Пищи забыть не могла и несчастная матерь Ніоба,
„Матерь, которая разомъ двѣнадцать дѣтей потеряла,
„Милыхъ шесть дочерей и шесть сыновей разцвѣтавшихъ.
„Юношей Фебъ поразилъ изъ блестящаго лука стрѣлами,
„Мстящій Ніобѣ, а дѣвъ Артемида, гордая лукомъ.
„Мать ихъ дерзала равняться съ румянолапитою Летой:
„Лета двоихъ, говорила, а я многочисленныхъ матерь!
„Двое сіи у гордившейся матери всѣхъ погубили.
„Девять дней валялися трупы; и не было мужа
„Гробу предать ихъ: въ камень людей превратилъ Громовержецъ.
„Мертвыхъ въ десятый день погребли милосердые боги.
„Плачемъ по нихъ истомяся, и мать вспомянула о пищѣ.
„Нынѣ та мать на скалахъ, на пустынныхъ горахъ Сипилійскихъ
„Гдѣ, повѣствуютъ, богини покоиться любятъ въ пещерахъ,
„Нимфы, которыя часто у водъ Ахелоевыхъ пляшутъ,
„Тамъ, отъ боговъ превращенная въ камень, страдаетъ Ніоба.
„Такъ, божественный старецъ, и мы помыслимъ о пищѣ.
„Время тебѣ остается оплакать любезнаго сына,
„Въ Трою привезши; тамъ для тебя многослезенъ онъ будетъ.

Рекъ, и стремительно вставъ, Ахиллесъ бѣлорунную овцу

Самъ закалаетъ; друзья, обнаживъ и опрятавъ, какъ должно,
Въ мелкія части искусно дробятъ, прободаютъ рожнами,
Ловко пекутъ на огнѣ, и готовыя части снимаютъ.
Хлѣбъ между тѣмъ принесши, поставилъ на столъ Автомедонъ
Въ пышныхъ корзинахъ; но брашно дѣлилъ Ахиллесъ благородный.
Оба къ предложеннымъ яствамъ питательнымъ руки простерли.
И когда питіемъ и пищей насытили сердце;
Долго Пріамъ Дарданидъ удивлялся царю Ахиллесу,
Виду его и величеству; бога, казалось, онъ видитъ.
Царь Ахиллесъ удивлялся равно Дарданиду Пріаму,
Смотря на образъ почтенный, и слушая старцевы рѣчи.
Оба они наслаждались, одинъ на другаго взирая;
Но, наконецъ возгласилъ къ Ахиллесу божественный старецъ:
„Дай мнѣ теперь опочить, Зевесовъ любимецъ! позволь мнѣ
„Сномъ живошворнымъ хоть нѣсколько въ домѣ твоемъ насладиться.
„Ибо еще ни на мигъ у меня не смыкалися очи
„Съ дня, какъ несчастный мой сынъ подъ твоими руками погибнулъ;
„Съ онаго дня лишь стеналъ и несчетныя скорби терпѣлъ я,
„Часто въ оградахъ дворовыхъ по сметищамъ смраднымъ валяясь.
„Нынѣ лишь яствы вкусилъ, и вина пурпуроваго нынѣ
„Принялъ въ гортань; но до этой поры ничего не вкушалъ я.

Такъ говорилъ; Ахиллесъ приказалъ и друзьямъ и рабынямъ
Стлать на крыльцѣ двѣ постели; и снизу хорошія полсти
Бросить пурпурныя, сверху ковры разостлать дорогіе,
И, шерстяные плащи положить, чтобы старцамъ одѣться.
Вышли рабыни изъ дому съ пылающимъ свѣточемъ въ дланяхъ;

Скоро онѣ поспѣшившія два уготовили ложа;
И Пріаму, шутя, говорилъ Ахиллесъ благородный:
„Спи у меня на дворѣ, пришелецъ любезный; да въ домъ мой
„Вдругъ не придетъ кто нибудь изъ Данаевъ, которые часто
„Вмѣстѣ совѣтъ совѣщать въ мою собираются кущу.
„Если тебя здѣсь кто либо мрачною ночью увидитъ,
„Вѣрно царя извѣститъ, предводителя воинствъ Атрида;
„И тогда замедленіе въ выкупѣ мертваго встрѣтишь.
„Слово еще, Дарданидъ; объяснися, скажи откровенно:
„Сколько желаешь ты дней погребать знаменитаго сына?
„Столько я дней удержуся отъ битвъ, удержу и дружины.

Сыну Пелея отвѣтствовалъ старецъ Пріамъ боговидный:
„Ежели мнѣ ты позволишь почтить погребеніемъ сына,
„Симъ для меня, Ахиллесъ, величайшую милость окажешь.
„Мы, какъ ты знаешь, въ стѣнахъ заключенные; лѣсъ издалека
„Должно съ горы добывать; а Трояне повергнуты въ ужасъ.
„Девять бы дней мнѣ желалось оплакивать Гектора въ домѣ;
„Гробу въ десятый предать, и пиръ похоронный устроить;
„Въ первойнадесять мертвому въ память насыпать могилу;
„Но въ двѣнадцатый день ополчимся, когда неизбѣжно.

Старцу отвѣтствовалъ вновь быстроногій Пелидъ благородный:
„Будетъ и то свершено, какъ желаешь ты, старецъ почтенный.
„Брань прекращаю на столько я времени, сколько ты просишь.

Такъ произнесъ Ахиллесъ, и Пріамову правую руку

Ласково сжалъ, что бы сердце его совершенно спокоить.
Такъ отпустилъ; и они на переднемъ крыльцѣ опочили,
Вѣстникъ и царь, обращая въ умѣ своемъ мудрыя думы.
Но Ахиллесъ почивалъ въ глубинѣ крѣпкостворчатой кущи,
И при немъ Бризеида, румяноланитая дѣва.

Всѣ, и безсмертные боги и коннодоспѣшные мужи,
Спали цѣлую ночь, усмиренные сномъ благодатнымъ;
Гермеса токмо заботнаго сонъ не осиливалъ сладкій,
Думы въ умѣ обращавшаго, какъ Дарданида Пріама
Вывесть изъ стана, привратнымъ незримаго стражамъ священнымъ.
Ставъ надъ главою Пріамовой, такъ возгласилъ Эріуній:
„Ты не радишь объ опасности, старецъ, и такъ беззаботно
„Спишь у враждебныхъ мужей, пощаженный Пелеевымъ сыномъ!
„Многіе далъ ты дары, что бы выкупить мертваго сына;
„Но за живаго тебя троекратной цѣною заплатятъ
„Дѣти твои, у тебя остающіясь, если узнаетъ
„Царь Атреїонъ о тебѣ, и Ахейцы другіе узнаютъ.

Такъ провѣщалъ; ужаснулся Пріамъ, и глашатая поднялъ.
Гермесъ мгновенно запрягъ имъ и коней и месковъ яремныхъ;
Самъ черезъ станъ ихъ быстро прогналъ, и никто не увидѣлъ.
Но лишь достигнули путники брода рѣки свѣтловодной,
Ксанѳа пучиннаго, богомъ рожденнаго, Зевсомъ безсмертнымъ;
Тамъ благодѣтельный Гермесъ обратно вознесся къ Олимпу.

Въ ризѣ златистой Заря простиралась надъ всею землею;

Древній Пріамъ и стенящій и плачущій, гналъ къ Иліону
Коней; а мески везли мертвеца. И никто въ Иліонѣ
Ихъ не узналъ отъ мужей и отъ женъ благородныхъ Троянскихъ,
Прежде Кассандры прекрасной, златой Афродитѣ подобной.
Рано на за́мокъ возшедъ, издали въ колесницѣ узнала
Образъ отца своего, и глашатая громкаго Трои;
Тѣло узрѣла на мескахъ, на смертномъ простертое ложѣ;
Подняла горестный плачъ, и вопила по цѣлому граду:
„Шествуйте, жены и мужи! Смотрите на Гектора нынѣ,
„Вы, что живаго, изъ битвъ приходившаго, прежде встрѣчали
„Съ радостью: радостью свѣтлой и граду онъ былъ и народу!

Такъ вопіяла; и вдругъ ни жены не осталось, ни мужа
Въ Трои великой; грусть несказанная всѣхъ поразила!
Всѣ предъ вратами столпилися въ встрѣчу везомаго тѣла.
Всѣхъ впереди молодая супруга и нѣжная матерь
Плакали, рвали власы, и на трупъ изступленно бросаясь,
Съ воплемъ главу обнимали; столпившіесь плакали стоя.
Вѣрно и цѣлый бы день до заката блестящаго солнца,
Плача надъ Гекторомъ храбрымъ, рыдали толпы за вратами;
Если бы старецъ Пріамъ не воззвалъ съ колесницы къ народу:
„Дайте дорогу, друзья, чтобы мески проѣхали; послѣ
„Плачемъ вы всѣ насыщайтесь, какъ мертваго въ домъ привезу я!

Такъ говорилъ; разступилась толпа и открыла дорогу.
Къ славному дому привезши, на пышно устроенномъ ложѣ
Тѣло они положили; пѣвцовъ, начинателей плача,

Подлѣ него помѣстили, которые голосомъ мрачнымъ
Пѣсни плачевныя пѣли; а жены имъ вторили стономъ.
Первая подняла плачъ Андромаха, младая супруга,
Гектора мужеубійцы руками главу обнимая:
„Рано ты гибнешь, супругъ мой цвѣтущій! рано вдовою
„Въ домѣ меня покидаешь! А сынъ, безсловесный младенецъ,
„Сынъ, которому жизнь злополучные мы даровали!
„Онъ не достигнетъ юности! Прежде во прахъ съ основаній
„Троя разсыплется: палъ ты, хранитель ея неусыпный,
„Ты, боронитель и града, защитникъ и женъ и младенцевъ!
„Скоро въ неволю они на судахъ повлекутся глубокихъ;
„Съ ними и я неизбѣжно; и ты, мое бѣдное чадо,
„Вмѣстѣ со мною; и тамъ, изнуряясь въ работахъ позорныхъ,
„Будешь служить властелину суровому; или Данаецъ
„За руку схватитъ тебя, и съ башни ударитъ о землю,
„Мстящій за трату плачевную брата, отца, или сына,
„Гекторомъ въ битвахъ сраженнаго: много могучихъ Данаевъ,
„Много подъ Гектора дланью глодало кровавую землю.
„Грозенъ великій отецъ твой бывалъ на погибельныхъ сѣчахъ;
„Плачутъ о немъ до послѣдняго всѣ обитатели Трои.
„Плачъ, несказанную горесть нанесъ ты родителямъ бѣднымъ,
„Гекторъ! но мнѣ ты оставилъ стократъ жесточайшія скорби!
„Съ смертнаго ложа, увы! не простеръ ты руки мнѣ любезной;
„Слова не молвилъ завѣтнаго, слова, которое бъ вѣчно
„Я поминала и ночи и дни, обливаясь слезами!

Такъ говорила рыдая; и съ нею стенали Троянки.

Тутъ между ними Гекуба рыдательный плачъ подымаетъ:
„Гекторъ, изъ всѣхъ мнѣ дѣтей наиболѣе сердцу любезный!
„Былъ у меня и живой ты богамъ всемогущимъ любезенъ;
„Боги съ небесъ о тебѣ и по смертной кончинѣ пекутся!
„Прочихъ сыновъ у меня Ахиллесъ, быстроногій ристатель,
„Коихъ живыхъ полонилъ, за моря пустынныя продалъ,
„Въ Имбросъ, въ далекій Самосъ, и въ туманный, безпристанный Лемносъ;
„Но тебя одолѣвъ, и оружіемъ душу исторгнувъ,
„Какъ онъ ни долго влачилъ вкругъ могилы Патрокла любимца,
„Коего ты одолѣлъ; но его мертвеца онъ не поднялъ!
„Тыжъ у меня, какъ росою омытый, покоишься въ домѣ,
„Свѣжій, подобно какъ смертный, котораго Фебъ сребролукій
„Легкой стрѣлою своей, налетѣвшій незапно, сражаетъ.

Такъ вопіяла Гекуба, и плачъ возбудила всеобщій.
Третья Елена Аргивская горестный плачъ подымаетъ:
„Гекторъ! деверь почтеннѣйшій, сродникъ любезнѣйшій сердцу!
„Ибо уже мнѣ супругъ Александръ знаменитый, привезшій
„Въ Трою меня недостойную! Что не погибла я прежде!
„Нынѣ двадцатый годъ круговратныхъ временъ протекаетъ
„Съ оной поры, какъ пришла въ Иліонъ я, отечество бросивъ;
„Но отъ тебя не слыхала я злаго, обиднаго слова.
„Даже, когда и другой кто меня укорялъ изъ домашнихъ,
„Деверь ли гордый, своячина, или золовка младая,
„Или свекровь: а свекоръ всегда, какъ отецъ, мнѣ привѣтенъ;
„Ты вразумлялъ ихъ совѣтомъ, и каждаго дѣлалъ добрѣе
„Кроткой твоею душей и твоимъ убѣжденіемъ кроткимъ.

„Вотъ почему о тебѣ и себѣ я несчастнѣйшей плачу!
„Нѣтъ для меня, ни единаго нѣтъ въ Иліонѣ обширномъ
„Друга, или утѣшителя; всѣмъ я равно ненавистна!

Такъ вопіяла она; и стеналъ весь народъ неисчетный.
Старецъ Пріамъ наконецъ обращаетъ слово къ народу:
„Нынѣ, Трояне, свозите вы лѣсъ въ Иліонъ; не страшитесь
„Войска Ахейскаго тайныхъ засадъ: Ахиллесъ знаменитый
„Самъ обѣщалъ, отпуская меня отъ судовъ Мирмидонскихъ,
„Насъ не тревожить, доколѣ двѣнадцатый день не свершится.

Такъ говорилъ; и они лошаковъ и воловъ подъяремныхъ
Скоро въ возы запрягли, и предъ градомъ не медля собрались.
Девять дней они въ Трою множество лѣса возили;
Въ день же десятый, лишь свѣтъ разливая, Денница возникла,
Вынесли храбраго Гектора съ горестнымъ плачемъ Трояне;
Сверху костра мертвеца положили, и бросили пламень.

Рано, едва розоперстая Вѣстница утра явилась,
Къ срубу великаго Гектора началъ народъ собираться.
И, лишь собралися всѣ: неисчетное множество было:
Срубъ угасили, багрянымъ виномъ оросивши пространство,
Все, гдѣ огонь разливался пылающій: послѣ на пеплѣ
Бѣлыя кости героя собрали и братья и други,
Горько рыдая, обильныя слезы струя по ланитамъ.
Прахъ драгоцѣнный собравши, въ ковчегъ золотой положили,
Тонкимъ обвивши покровомъ, блистающимъ пурпуромъ свѣжимъ.

Такъ опустили въ могилу глубокую, и, заложивши,
Сверху огромными частыми камнями плотно устлали;
Послѣ курганъ насыпали; а около стражи сидѣли,
Смотря, дабы не ударила рать мѣдволатныхъ Данаевъ.
Скоро насыпавъ могилу, они разошлись; напослѣдокъ
Всѣ собралися вновь, и блистательный пиръ пировали
Въ домѣ великомъ Прiама, любезнаго Зевсу владыки.

Такъ знаменитаго Гектора Трои сыны погребали.

ЧАСТЬ II.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:	Читай:

ПѢСНЬ XIII.

Стихъ 87:	перешедшихъ.	перешедшихъ:
— 247:	вооружиться	воружиться
— 523:	Оьн	Онъ
— 889:	зерны	зерна
— 686:	Локрòвъ	Лòкровъ
— 751:	противустану	противотану
— 759:	Хотя	Ходя
— 820:	въ правѣ	вправѣ

ПѢСНЬ XIV.

Стихъ 109:	межъ нимъ	межъ нихъ
— 169:	блестящія	блестящіе

ПѢСНЬ XV.

Стихъ 120:	Впречъ	Впрячь
— 340:	Клоnія̂	Клоnія
— 451:	возатую	возатаю

ПѢСНЬ XVI.

Стихъ: 561:	убійственною мѣдью	убійственной мѣдью

ПѢСНЬ XVII.

Стихъ 267:	кипящіе думохъ	кипящіе духомъ
— 287:	стѣны градкія	стѣны градскія
— 387:	пылавшей,	пылавшей
— 717:	наклонится	наклонишеся

ПѢСНЬ XVIII.

Стихъ 267:	сына;	сына

ПѢСНЬ XIX, Содержаніе:

Строка 12 и проч:	Вризенды	Вризенды

ПѢСНЬ XX.

Стихъ 395:	Демоледна	Демолѐона

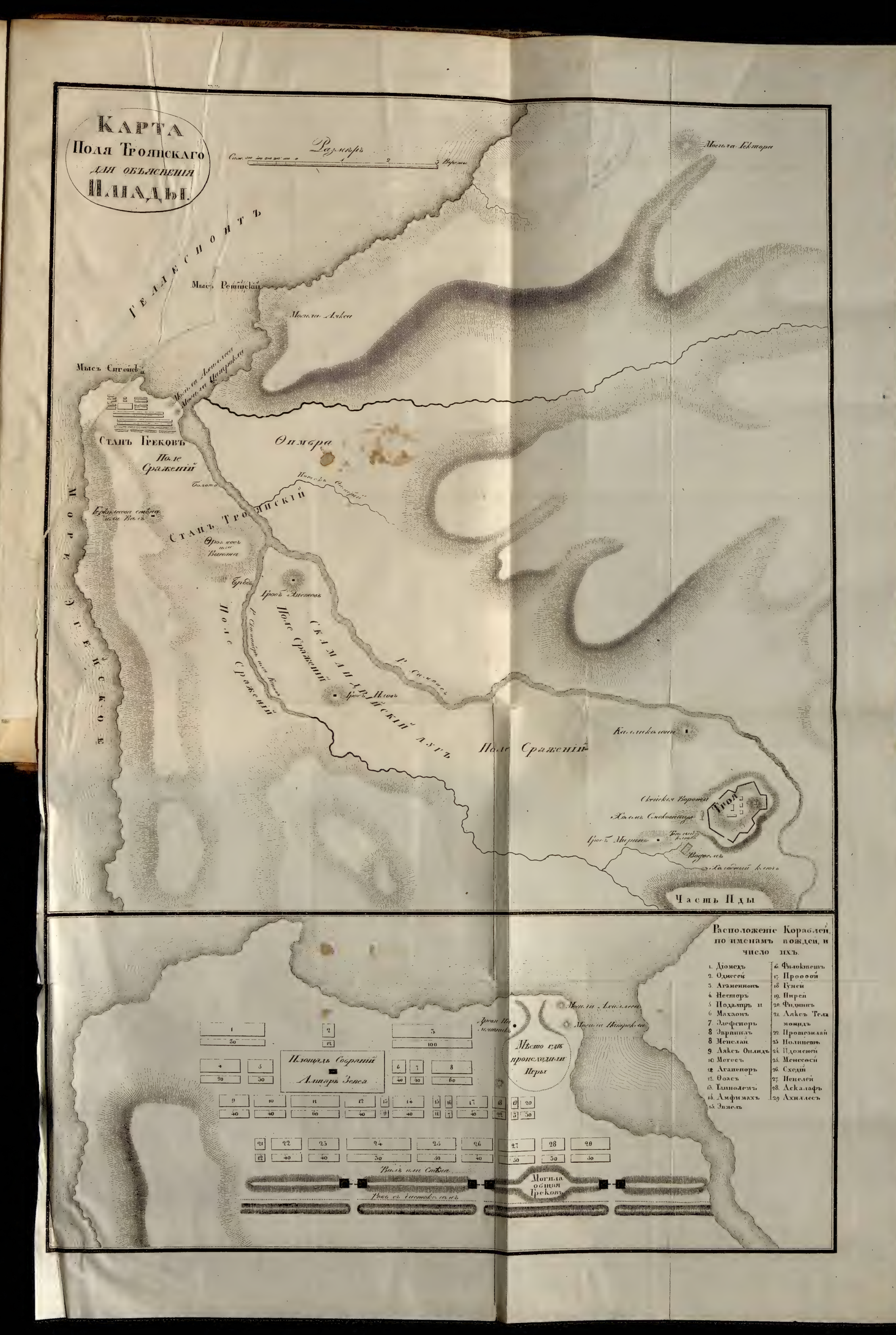
ПѢСНЬ XXI.

Стихъ 528:	противуборства	противоборства

ПѢСНЬ XXII.

Стихъ 128:	бетесѣдуъ	бесѣдуетъ
— 146:	Оба вдали, отъ стѣны,	Оба, вдали отъ стѣны,
— 320:	руки	рукѣ
— 324:	связуюшь	связуютъ

Напечатано:		Читай:
	ПѢСНЬ XXIII.	
Стихъ 131: Бречь		Впрячь
	ПѢСНЬ XXIV.	
Стихъ 68: пріятныхъ		пріятныхъ;
— 264: вложеще		вложите


Карта
Поля Троянскаго
для объясненія
Иліады.
Размѣръ
3 Версты
Геллеспонтъ
Могила Гектора
Мысъ Ретейскій
Могила Аякса
Мысъ Сигейскій
Станъ Грековъ
Поле Сраженій
Оимбра
Станъ Троянскій
Гробъ Эсіетовъ
Поле Сраженій
Скамандрскій лугъ
Гробъ Ила
Море Эгейское
Поле Сраженій
Поле Сраженій
Калликолона
Скейскія Ворота
Троя
Водоемъ
Часть Иды
Расположеніе Кораблей, по именамъ вождей, и число ихъ.
1. Діомедъ
2. Одиссей
3. Агамемнонъ
4. Несторъ
5. Подаліръ и
6. Махаонъ
7. Элефеноръ
8. Эврипилъ
8. Менелай
9. Аяксъ Оиліидъ
10. Мегесъ
12. Агапеноръ
12. Ѳоасъ
13. Тлиполемъ
14. Амфимахъ
15. Эвмелъ
16. Филоктетъ
17. Проѳоой
18. Гуней
19. Пирей
20. Фидиппъ
21. Аяксъ Теламонидъ
22. Протезилай
23. Полипетъ
24. Идоменей
25. Менесѳей
26. Схедій
27. Пенелей
28. Аскалафъ
29. Ахиллесъ
Могила Ахиллеса
Могила Патрокла
Площадь Собраній
Алтарь Зевса
Мѣсто гдѣ происходили Игры
Валъ или Стѣна
Могила общая Грековъ